

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

ЮРИСТ ПРАВОВЕД

№ 3 (98)
2021

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
К.А. Плясов, к.ю.н., доц.

Заместитель главного
редактора:
С.В. Пахомов, к.ю.н., доц.

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданын, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильашенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
Ю.А. Ляхов, д-р юрид. наук, проф.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель:
федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2021

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ АНАЛИТИКА

Рыбалка Е.А. Правовое регулирование заключения
и расторжения брака с участием иностранных граждан 7

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Савоськин А.В., Сошникова И.В., Руколеев В.А. Органы
судейского сообщества и их значение в системе разделения
властей 12

Хусаинов З.Ф., Фомичева О.А. К вопросу о применении
интернет-технологий и робототехники в законотворческом
процессе 18

Козлова А.А. Роль международных организаций в сфере
защиты прав человека, связанных с применением
биомедицинских исследований 23

Багаутдинов Ф.Н., Миллерова Е.А., Гриценко Т.В. Новое
кассационное производство в исправлении судебных
ошибок 27

Миронова А.В., Шанько В.В. Современное состояние
проблемы определения признаков малозначительности
деяния в уголовном судопроизводстве 33

Рябченко П.С. Об ограничениях конституционного
права на национально-культурное развитие 40

Пестов Р.А., Кузнецова К.А., Болобан М.Л. Проблемы
правового регулирования использования новых видов
транспорта на электрической тяге 46

Мыльников М.А. К вопросу о применении кадровой технологии
«перевод сотрудника» в органах внутренних дел
Российской Федерации: правовой и организационный аспект 53

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Илиджев А.А. Юридическая природа преступлений
подстрекателя и их отражение в Особенной части УК РФ 59

Сичкаренко А.Ю. Боеприпасы как предмет незаконного
оборота 65

Бредихин А.Л. Уголовно-правовые средства
в системе осуществления идеологической функции
государства 69

Идиятуллов А.Д. Преступная причастность
к самоубийству несовершеннолетних: криминологические
и уголовно-правовые аспекты 73

Вакуленко Н.А. Характерные криминологические
особенности личности лидера преступной группы 80

Выпускающий редактор:
М.А. Харченко

Над выпуском работали:
М.А. Харченко,
Е.Е. Пелехатая,
Н.А. Чуб,
В.С. Степанова

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rg.ru
Индекс – 80032

Подписано в печать
27.09.2021
Выход в свет
30.09.2021

Формат 60х84/8
Объем п. л. 27,5.

Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.

Бумага офсетная.
Усл.-печ.л. – 24,64.
Тираж 300 экз.
Заказ № 106.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО
ФГКОУ ВО
РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83

Цена подписки на издание
за минимальный подписной
период – 352.86 руб.

Адрес редакции издателя:
344015, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Еременко, 83,
тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта:
ruiperiodika@mvd.ru

Официальная информация
о журнале:
<https://рюи.мвд.рф>

16+

Алексеев А.О. Анализ состояния фальшивомонетничества в постсоветский период и на современном этапе развития государства	86
Отбоева Р.Р. Криминологический анализ лиц, осужденных за жестокое обращение с животными	91
Топилина А.В. Роль диаспоризации и анклавизации в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации	95
Суверов С.Е. Предпосылки формирования содержания статьи 76 УК РФ	101
Сокол Ю.В. О содержании понятия несовершеннолетнего интенсивного преступника	108
Решитов А.М. Уголовно-правовая норма об ответственности за кадастровый подлог (ст. 170 ² УК РФ) требует доработки	115

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Аношко О.А. Правовые и процессуальные проблемы ответственности за разглашение данных предварительного расследования	119
Бутенко Т.А. Временное отстранение от должности в уголовном процессе и возможные альтернативы его применения	125
Фисаков М.Ю. К вопросу о сроке предварительного следствия в уголовном судопроизводстве	131
Халиков А.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические средства защиты экономических отношений и предпринимательства в Российской Федерации	136
Полякова А.В. Принцип состязательности сторон и особенности его реализации при осуществлении защиты прав потерпевшего в досудебном производстве	142
Количенко А.А. Предпосылки для признания самостоятельности электронных доказательств в практике уголовного судопроизводства	147
Телевицкая Ю.А. К вопросу о необходимости ограничения срока исполнения судебного разрешения, выданного в порядке статьи 165 УПК РФ	153
Якубина Ю.П., Диденко Н.С. Прокурорско-надзорная деятельность и процессуальная независимость следователя: вопросы теории и практики	158
Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н., Ульянова И.Р. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений: вопросы теории и практики	162

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Прокофьева Е.В., Порываева П.С. Обоснование выводов экспертного эксперимента на примере трасологического исследования	166
Комаров И.М., Парубов А.И. Особенности отдельных следственных действий и взаимодействия следователя и органа дознания по выявлению матери обнаруженного трупа новорожденного ребенка (часть 2)	174

Пахомов С.В., Пахомова Е.В. Роль специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса	181
Саркисян Г.Г. Совершенствование организации оперативно-служебной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России в сфере лесопромышленного комплекса (часть 3)	185
Дудниченко А.Н., Усенко О.В. Способы совершения дорожно-транспортных преступлений в структуре криминалистической характеристики преступлений: теоретический аспект	189
Давыдова С.А. К вопросу о выявлении признаков провокации при пресечении фактов взяточничества	194
Никитина Л.С. Влияние цифровизации на способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов	198
Хламов Н.Э. О некоторых проблемах расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств	204
Стешич Е.С., Осяк В.В., Бондарева Г.В. Противодействие использованию электронных расчетных операций в целях легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем	209
Лемайкина С.В. Актуальные вопросы установления личности, использующей криптовалюту в преступных целях	213

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кулиев И.Б., Ячменев С.П., Зайцев В.В. Генезис административной ответственности за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий	219
Давыдов М.В., Лубский Р.А. Социальные, практические, телеологические и методологические особенности исследования специфики административно-правового регулирования государственной деятельности в сфере здравоохранения	224
Голованова Т.В., Кравченко Е.В. Предупреждение как вид административного наказания	229

CONTENTS

CIVIL LEGAL ANALYTICS

Rybalka E.A. Legal regulation of conclusion and dissolution of marriage with the participation of foreign citizens	7
---	---

ISSUES OF IMPROVING INDUSTRY LEGISLATION

Savoskin A.V., Soshnikova I.V., Rukoleev V.A. Bodies of the judiciary and their significance in the system of the separation of powers	12
Khusainov Z.F., Fomicheva O.A. On the issue of the use of Internet technologies and robotics in the law making	18
Kozlova A.A. Role of international organizations in the sphere of human rights protection related to the application of biomedical research	23
Bagautdinov F.N., Millerova E.A., Gritsenko T.V. New cassation proceedings in correcting judicial errors	27
Mironova A.V., Shanko V.V. The current state of the problem of determining the indicia of insignificance of an act in criminal proceedings	33
Ryabchenko P.S. Constitutional and legal restrictions on the right to national and cultural development	40
Pestov R.A., Kuznetsova K.A., Boloban M.L. Problems of legal regulation of the use of new types of transport on electric traction	46
Mylnikov M.A. On the issue of the application of human resource technology «employee transfer» in the internal affairs bodies of the Russian Federation: legal and organizational aspect	53

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Ilidzhev A.A. The legal nature of the crimes of the instigator and their reflection in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation	59
Sichkarenko A.Yu. Ammunition as a subject of illicit trafficking	65
Bredikhin A.L. Criminal and legal means in the system of implementing the ideological function of the state	69
Idiyatullova A.D. Criminal involvement in juvenile suicide: criminological and criminal aspects	73
Vakulenko N.A. Characteristic criminological personality features of the leader of a criminal group	80
Alexeev A.O. Analysis of the state of counterfeiting in the post-soviet period and at the present stage of state development	86
Otboeva R.R. Criminological analysis of the identity of the person convicted of cruelty to animals	91
Topilina A.V. The role of diasporization and enclavization in ensuring the national security of the Russian Federation	95
Suverov S.E. Background for formation of the contents of article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation	101
Sokol Yu.V. About the contents of the concept of a minor intensive offender	108
Reshitov A.M. Criminal and legal regulation on responsibility for cadastral forgery (art. 170 ² of the Criminal Code of the Russian Federation) requires improvement	115

CRIMINAL PROCEDURE LAW AND CRIMINAL PROCESS

Anopko O.A. Legal and procedural problems of responsibility for disclosure of preliminary investigation data	119
Butenko T.A. Temporary suspension from office in criminal proceedings and possible alternatives to its application	125
Fisakov M.Yu. About the issue of the term of preliminary investigation in criminal proceedings	131

Khalikov A.N. Criminal procedure and forensic means of protection of economic relations and entrepreneurship in the Russian Federation	136
Polyakova A.V. The principle of adversarial nature of the parties and the specifics of its realization in the implementation of the victim's rights protection during pre-trial proceedings	142
Kolichenko A.A. Background for recognizing the independence of electronic evidence in the criminal proceedings practice	147
Televitskaya Yu.A. On the issue of the need to limit the term of execution of a judicial permission given in accordance with Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation	153
Yakubina Yu.P., Didenko N.S. Prosecutor's supervision activities and procedural independence of the investigator: issues of theory and practice	158
Lozovskij D.N., Lozovskaya N.N., Ulyanova I.R. Use of unmanned aerial vehicles in the process of investigating crimes: issues of theory and practice	162

CRIMINALISTICS AND OPERATIVE-SEARCH ACTIVITY; FORENSIC SCIENCE

Prokofieva E.V., Poryvaeva P.S. Justification of the conclusions of an expert experiment on the example of a trasological research	166
Komarov I.M., Parubov A.I. Features of investigative actions and interaction of the investigator and inquiry body for identifying the mother of the discovered corpse of a newborn child (part 2)	174
Pakhomov S.V., Pakhomova E.V. The role of special knowledge in the detection and investigation of crimes committed in the field of agro-industrial complex	181
Sarkisyan G.G. Improving the organization of intelligence activities of economic security and anti-corruption divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the timber industry (part 3)	185
Dudnichenko A.N., Usenko O.V. Methods of committing road traffic crimes in the structure of the criminalistic characteristics of crimes: theoretical aspect	189
Davydova S.A. On the issue of identifying indicia of provocation when suppressing the facts of bribery	194
Nikitina L.S. The impact of digitalization on the methods of committing crimes in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances and their analogs	198
Khlamov N.E. On some problems of investigation of crimes committed with the use of computer environment	204
Steshich E.S., Osyak V.V., Bondareva G.V. Countering the use of electronic settlement operations for the purpose of legalization (laundering) funds and other property acquired by criminal means	209
Lemaikina S.V. Current issues of identifying people who use crypto currency for criminal purposes	213

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS; ADMINISTRATIVE ACTIVITY

Kuliyev I.B., Yachmenev S.P., Zaitsev V.V. The genesis of administrative responsibility for violation the procedure for organizing or holding mass events	219
Davydov M.V., Lubsky R.A. Social, practical, teleological and methodological features of the study of the specifics of administrative and legal regulation of state activities in the field of healthcare	224
Golovanova T.V., Kravchenko E.V. Warning as a type of administrative punishment	229

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.

2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Материалы представляются в редакцию:

на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.

4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.

6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).

7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.

8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).

9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.

10. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.

11. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очереди.

12. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.

13. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.

14. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

15. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

16. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

© 2021 г. Рыбалка Елена Александровна,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института МВД России
доктор философских наук, профессор.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

В статье приводятся результаты анализа правового регулирования заключения и расторжения брака, осложненного иностранным элементом. Автор подразделяет систему коллизионного семейного права на две основные группы: российское законодательство (базовая и факультативная подгруппа) и международные договоры, а также выявляет особенности и недостатки правоприменения положений раздела VII Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: иностранный гражданин, коллизионное право, регистрация и расторжение брака, международный договор.

Rybalka Elena Alexandrovna – Professor, the Department of Civil Law Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of International Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor.

LEGAL REGULATION OF CONCLUSION AND DISSOLUTION OF MARRIAGE WITH THE PARTICIPATION OF FOREIGN CITIZENS

The article presents the results of the analysis of the legal regulation of the conclusion and dissolution of a marriage complicated by a foreign element. The author divides the system of conflict family law into two main groups: Russian legislation (basic and optional subgroup) and international treaties, and also identifies the features and shortcomings of law enforcement of the provisions of Section VII of the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: foreign citizen, conflict of laws, conclusion and dissolution of marriage, international treaty.

В современной России брак, заключенный между гражданином Российской Федерации и иностранным гражданином (лицом без гражданства), постепенно становится обыденной реальностью и не вызывает удивления в обществе. Подобная тенденция напрямую связана с развитием миграционной политики и демократизацией общества.

Статистические данные свидетельствуют о положительной динамике заключаемых браков с иностранными гражданами. Так, по информации управления ЗАГС (кабинета министров республики Татарстан), в 2011 г. количество таких браков составило 628, в 2017 г. – 1 338 [1].

В свою очередь, в городе Москве, согласно данным, размещенным на официальном сайте информационного агентства ТАСС, в 2020 г. зарегистрировано 66,5 тыс. браков, из них 8,5 тыс. заключены с иностранными гражданами, что составляет 13 % от общего числа зарегистрированных браков.

Примечательно, что количество браков, заключенных с мужчиной-иностранцем, превалирует над количеством браков с участием «иностранного элемента женского пола» [2].

Исследуя природу брачных правоотношений, участником которых выступает иностранный гражданин, следует выделить в отдельные группы факторы, являющиеся триггером в принятии такого решения, как заключение (официальное оформление) отношений с иностранным гражданином.

1. Группа духовно-нравственных причин: брак строится на основе принципа «построения семейных отношений на чувствах взаимной любви», в котором гражданство иного государства является второстепенной, а не основной причиной «создания новой ячейки общества».

2. Группа – социальная необходимость: заключение брака с иностранным гражданином как вынужденная мера (в частности, ввиду демографических особенностей).

3. Экономическая группа: лицо вступает в брак с иностранным гражданином, преследуя первоочередно получение определенной выгоды.

3.1. Фиктивная группа.

Отмечаем, что ключевым вопросом семейно-брачных отношений, осложненных участием иностранного элемента, является определение нормативно-правовой базы, устанавливающей права и обязанности сторон, порядок заключения / прекращения брака.

Камнем преткновения в решении данного вопроса является противоречие норм права различных государств, регулирующих одни и те же правоотношения, а также наложение отечественной и иностранной правовых систем. Единственным верным решением является применение коллизионного метода. В отличие от материальных норм коллизионное право предусматривает выбор правовой системы, нормы которой подлежат применению [3, с. 142–144].

Ввиду вышеизложенного выделяем следующие виды источников коллизионного семейного права:

1. Отечественное законодательство:

1.1. Базовая группа: Конституция Российской Федерации и Семейный кодекс Российской Федерации (далее – Кодекс).

1.2. Факультативная группа: Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и др.

2. Международные договоры.

Остановившись более детально на «национальной» системе источников права, регулирующих брачно-семейные отношения, осложненные иностранным элементом, отмечаем ключевую позицию Кодекса, а именно раздела VII.

Интересным представляется тот факт, что, несмотря на наличие некоторых недостатков (например, юридико-лингвистическая неопределенность применяемых терминов, внутренние противоречия), существенных изменений указанный нормативный правовой акт за весь период действия не претерпевал. К таковым, в частности, относится дисбаланс положений ст. 161 и 31 Кодекса. Так, в первом случае устанавливается единство места жительства супругов, от которого зависит

выбор правовой системы. Во втором случае предусмотрено право выбора каждого из супругов их места жительства [4].

Кроме того, правовое регулирование брака с участием иностранцев являлось предметом исследования среди ученых-правоведов. Например, Е.А. Криволапова отмечает, что содержание раздела VII Кодекса включает в себя больший спектр правоотношений, чем предусмотрено его наименование. В диссертации автор предлагает ввести дефиницию «брак с участием иностранного элемента», рассмотреть вопрос присоединения России к ряду международных соглашений и внесения изменений в ст. 158 Кодекса путем добавления отсылочных норм (ст. 12 и 13 Кодекса). Обращаем внимание, что исследование, проведенное 14 лет назад, до настоящего времени не нашло своего практического выражения [5].

Также комплексный анализ брачно-семейных отношений проводили С.Н. Тагабаева (2007 г.), С.А. Никогосян (2014 г.), Е.Ю. Хромова (2014 г.), Л.Г. Туктамышова (2014 г.), В.Г. Концевой (2015 г.) – авторы приходят к выводу о несовершенстве норм, предусмотренных разделом VII Кодекса.

Критически оценивают положения Кодекса Е.П. Войтович и Н.Ю. Чернусь, подчеркивая необходимость и значимость проекта Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации [6, с. 7–11].

По результатам анализа положений ст. 156, 157, 158 Кодекса, можно выделить 3 вида заключаемых браков с участием иностранных граждан:

1. Брак, заключенный на территории Российской Федерации.

Форму, порядок и условия заключения данного вида брака определяют коллизионные привязки, отсылочные нормы. Так, необходимо обратиться к гл. III Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», а также к ст. 14 Кодекса. При этом условия заключения брака на территории Российской Федерации определяются для каждого лица, вступающего в брак, не только нормами отечественного законодательства, но и законодательства того государства, гражданином которого он является в момент заключения брака.

В частности, правовая основа Великобритании не позволяет ее гражданам вступать в брак с родственниками вплоть до четвертой

степени родства. В свою очередь, расторгнутый брак, ранее заключенный за границей, согласно российскому законодательству, является препятствием для заключения брака на территории Российской Федерации и, как следствие, основанием для отказа органами ЗАГС в его регистрации.

2. Брак, заключенный за пределами Российской Федерации.

Такой брак имеет равную юридическую силу, как и заключенный на ее территории брак. Для признания такого брака законным необходимо обязательное соблюдение не только требований, предусмотренных законодательством той страны, на территории которой он регистрируется, но и ст. 14 Кодекса.

Отмечаем, что «иностранный» брак, т. е. брак двух иностранцев, зарегистрированный на территории иного государства, признается на территории России при условии соблюдения зарубежного законодательства. В частности, признается законным полигамный брак, заключенный между гражданами Египта.

3. Консульский/дипломатический брак.

К условиям признания указанного вида брака относятся принцип взаимности и наличие у лиц, вступающих в брак, гражданства иностранного государства, назначившего посла или консула в Российской Федерации, в момент заключения брака.

Б.М. Гонгало и П.В. Крашенинников отмечают, что выделяют и третье условие заключения консульского/дипломатического брака – запрет на смешанный «консульский брак». Вместе с тем авторы подчеркивают, что такой запрет не закреплен международными конвенциями [7].

Следует подчеркнуть значимость в данном вопросе консульских учреждений, их правовое положение определено международными договорами (в частности, Венская конвенция о консульских сношениях) и нормами отечественного законодательства (например, Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации»).

Рассмотрим положения ст. 159 Кодекса с точки зрения процессуального права. Так, действует законодательство того государства, уполномоченный орган которого рассматривает указанный спор, в связи с чем возможны случаи применения:

1) норм международного договора, если брак признается недействительным за рубежом;

2) положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, если речь идет о проведении данной процедуры на территории Российской Федерации.

Примечательно, что названная статья Кодекса не содержит оговорки о признании на территории России решений о недействительности брака, принятых за ее пределами, с учетом того, что между Российской Федерацией и указанным иностранным государством не заключен международный договор, предусматривающий подобное признание [8].

В свою очередь, при исследовании вопроса правового регулирования расторжения брака, осложненного иностранным элементом, особого внимания заслуживает ст. 161 Кодекса.

Из анализа судебной практики следует, что зачастую суды различных инстанций при разрешении вопроса о разделе имущества супругов, находящегося за границей, применяют нормы гражданского права [9], [10], в силу чего требование подлежит рассмотрению по месту нахождения указанного имущества, т. е. за пределами Российской Федерации. Данный вывод является несостоятельным, спор по существу может быть разрешен только в плоскости семейного законодательства.

При этом вопреки коллизионной сущности ч. 1 ст. 161 Кодекса, фактическим обстоятельствам дела еще одной тенденцией является применение положений отечественного, а не зарубежного законодательства при разрешении подобных споров [11], [12].

Обратимся к ч. 2 ст. 161 Кодекса, предусматривающей возможность выбора правовой системы для сторон брачного договора. Недостатком указанного положения, по мнению С.Н. Тагаевой, является ограниченный временной промежуток для совершения соответствующего выбора, только моментом «заключения брачного договора или соглашения об уплате алиментов». Автор предлагает расширить указанные временные рамки по аналогии со ст. 1210 ГК РФ [13, с. 20–23]. Полагаем, что подобная позиция является обоснованной, а ограничение реализации автономии воли может быть связано только с моментом вынесения судом решения по существу дела.

Также отмечаем, что по ч. 2 ст. 161 Кодекса судебная практика практически не представлена в общедоступных источниках в Интернете, в связи с чем не представляется воз-

можно определить частоту применения супругами указанной нормы. Так, представляет интерес решение Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 04.07.2017 по делу № 2-1148/2017, согласно которому суд квалифицировал договор как незаключенный ввиду внутренних противоречий его существенных условий. При этом в мотивировочной части не содержатся сведения об условиях договора, а перечисленные в судебном решении статьи Кодекса и ГК РФ не позволяют согласиться с вынесенным решением [14].

Вторая группа источников коллизионного семейного права – международные договоры. Так, большинство международных договоров в области семейного права до сих пор не ратифицированы Российской Федерацией, ввиду чего преодолеть коллизионный барьер в настоящее время не представляется возможным.

При этом с 80–90 гг. прошлого столетия на международном уровне предпринимались попытки унифицировать брачно-семейные отношения, где одной из сторон является иностранный гражданин. В частности, велась разработка около 50 конвенций, посвященных указанным брачно-семейным отношениям, однако большинство из них не набрали необходимого количества стран, их ратифицировавших. В настоящее время остается открытым вопрос о создании акта, унифицирующего нормы коллизионного права.

Резюмируя вышеизложенное, отмечаем следующее.

1. К факторам, провоцирующим заключение брака с иностранным гражданином (лицом без гражданства), относятся:

- 1) духовно-нравственные причины;
- 2) социальная необходимость;
- 3) экономическая обусловленность.

2. Нормы коллизионного права – «фунда-

мент» правового регулирования заключения и расторжения брака, осложненного иностранным элементом.

3. Система источников коллизионного семейного права:

3.1. Отечественное законодательство:

1) базовая группа: Конституция Российской Федерации и Кодекс;

2) факультативная группа: Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и др.

3.2. Международные договоры.

4. Несмотря на активную дискуссию в научном сообществе, предметом которой выступают брачно-семейные отношения (Е.А. Криволапова, Е.Ю. Хромова, Л.Г. Туктамышова, В.Г. Концевой, С.Н. Тагабаева и др.), поправки в Кодекс до настоящего времени не внесены, а судебная практика не испытывает особой потребности в подобном изменении, в ряде случаев игнорируя даже имеющиеся коллизионные нормы.

5. Браки с участием иностранных граждан можно подразделить на 3 вида:

1) брак, заключенный на территории Российской Федерации;

2) брак, заключенный за пределами Российской Федерации;

3) консульский/дипломатический брак.

6. Отсутствие акта, унифицирующего нормы коллизионного права, влечет невозможность в настоящее время создания универсального механизма регулирования брачно-семейных отношений, одной стороной которых выступает иностранный гражданин (лицо без гражданства).

Литература

1. URL: https://zags.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1727006.pdf.
2. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10989827>.
3. Портнова Е.В., Щеглова Д.Д. Проблемные аспекты заключения браков между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 1 (25).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская

Bibliography

1. URL: https://zags.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1727006.pdf.
2. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10989827>.
3. Portnova E.V., Shcheglova D.D. Problematic aspects of the conclusion of marriages between citizens of the Russian Federation and foreign citizens // Science. Society. State. 2019. Vol. 7. № 1 (25).
4. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 № 223-FL // Rossiyskaya Gazeta. 1996. № 17. Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 27.

газета. 1996. № 17. Российская газета. 2020. № 27.

5. Криволапова Е.А. Правовое регулирование брака с участием иностранного элемента // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 2007.

6. Войтович Е.П., Чернусь Н.Ю. Коллизионное регулирование имущественных отношений супругов в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 2.

7. Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю. Семейное право. М., 2019.

8. Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ. М., 2020.

9. Определение Московского городского суда от 04.02.2015 № 4г/5-547/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2015 по делу № 33-8548/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Решение Тосненского городского суда Ленинградской области от 06.10. 2017 № 2-729/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Решение Басманного районного суда г. Москвы № 2-1688/20132-1688/2013-М-1115/2013М-1115/2013 от 09.12.2013 по делу № 2-1688/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Тагаева С.Н. Особенности коллизионных принципов договорного регулирования отношений супругов, обладающих различным гражданством // Международное публичное и частное право. 2019. № 4.

14. Решение Куйбышевского районного суда г. Иркутска № 2-1148/20172-1148/2017-М-95/2017М-95/2017 от 04.07.2017 по делу № 2-1148/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Krivolapova E.A. Legal regulation of marriage with the participation of a foreign element // Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences. 2007.

6. Voytovich EP, Chernus N. Yu. Conflict regulation of property relations between spouses in the Russian Federation // Family and housing law. 2018. № 2.

7. Gongalo B.M., Krashenninikov P.V., Mikheeva L. Yu. Family law. M., 2019.

8. Bepalov Yu.F. Family relations and family disputes in the practice of the courts of the Russian Federation. M., 2020.

9. Determination of the Moscow City Court dated 04.02.2015 № 4g/5-547/2015 // LRS «ConsultantPlus».

10. Appellate ruling of the Moscow City Court dated 18.03.2015 in case № 33-8548/2015 // LRS «ConsultantPlus».

11. The decision of the Tosno City Court of the Leningrad Region dated 06.10. 2017 № 2-729/2017 // LRS «ConsultantPlus».

12. Decision of the Basmanny District Court of Moscow № 2-1688/20132-1688/2013-M-1115/2013M-1115/2013 dated 09.12.2013 in case № 2-1688/2013 // LRS «ConsultantPlus».

13. Tagaeva S.N. Features of conflict principles of contractual regulation of relations between spouses with different citizenship // International public and private law. 2019. № 4.

14. The decision of the Kuibyshevsky District Court of Irkutsk № 2-1148/20172-1148/2017-M-95/2017M-95/2017 dated 04.07.2017 in case № 2-1148/2017 // LRS «ConsultantPlus».

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 347.9
ББК 67.410

© 2021 г. Савоськин Александр Владимирович,

заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета доктор юридических наук, доцент.

E-mail: savoskinav@yandex.ru

Сошникова Ирина Владимировна,

доцент кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета кандидат социологических наук, доцент.

E-mail: i.v.soshnikova@yandex.ru

Руколеев Виталий Александрович,

магистрант Уральского государственного юридического университета.

E-mail: v.a.rukoleev@bk.ru

ОРГАНЫ СУДЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

В статье говорится об исследованиях сложившегося механизма взаимодействия органов судебного сообщества с законодательной и исполнительной ветвями власти. Особое внимание уделяется принципиальным вопросам поддержания конституционной независимости судей федеральных судов (персональная независимость) и институциональной независимости и самостоятельности судебной власти. По результатам исследования выявлено наличие правовых условий для легального вмешательства других ветвей государственной власти в финансовую и кадровую политику судебной власти.

Ключевые слова: ветвь власти, органы судебного сообщества, судья, судебная система, независимость судебной власти, судебское сообщество, орган государственной власти, особое мнение судьи.

Savoskin Alexander Vladimirovich – Head of the Department of Constitutional and International Law, the Ural State University of Economics, Doctor of Law, Associate Professor.

Soshnikova Irina Vladimirovna – Associate Professor, the Department of Public Law, the Ural State University of Economics, PhD in Sociology, Associate Professor.

Rukoleev Vitaly Alexandrovich – Master's student, the Ural State Law University.

BODIES OF THE JUDICIARY AND THEIR SIGNIFICANCE IN THE SYSTEM OF THE SEPARATION OF POWERS

The article deals with studies of the existing mechanism of interaction between the bodies of the judiciary with the legislative and executive branches of government. Particular attention is paid to the fundamental issues of maintaining the constitutional independence of judges of federal courts (personal independence) and the institutional independence and independence of the judiciary. According to the results of the study, it was revealed that there are legal conditions for the legal interference of other branches of state power in the financial and personnel policy of the judiciary.

Keywords: branch of government, bodies of the judiciary, judge, judicial system, independence of the judiciary, community of judges, government body, dissenting opinion of a judge.

Отечественный институт судебного сообщества в юридической науке достаточно широко изучен. Однако состояние его правового регулирования остается неудовлетворительным. Причиной тому служит правотворческая деятельность, которая не опирается на доктринальные положения об авто-

номии судебной власти и места органов судебного сообщества в системе разделения властей.

Усложняется ситуация поспешной апробацией инициатив в отрыве от качественных исследований прогноза задуманному в социально-экономическом, политическом, право-

вом плане на долгосрочный период. Недавние изменения в законодательстве подтверждают сказанное.

В 2020 г. была проведена очередная масштабная конституционная реформа, затронувшая фундаментальные основы судебной системы. Ее результаты заставляют задуматься о роли судебного сообщества в поддержании независимости и самостоятельности не только судебной ветви, но и судей федеральных судов в отдельности. Вдобавок вызывает озабоченность отсутствие у судов высшей инстанции и судебной власти в целом эффективных правовых инструментов отстаивания институциональной позиции.

Реалии непроизвольно подталкивают к мысли, что для сохранения хотя бы видимости своей значимости в глазах общества нужно держать нейтралитет. Осознавая приоритетность следования этой цели, судебское сообщество, например, осталось в стороне от оценки упразднения Высшего арбитражного Суда РФ [1], законодательного запрета судьям Конституционного Суда РФ обнародовать в публичном пространстве особое мнение по существу дела [2] и фактического упразднения региональной конституционной юстиции к 1 января 2023 г. [3].

Сегодня судебское сообщество по действующему законодательству представляет собой базисную основу функционирования судебной системы РФ. Такое положение объясняется тремя аспектами. Во-первых, судебское сообщество выстраивается на обязательной консолидации судей федеральных судов и судов субъектов РФ, в том числе прекративших свои полномочия в связи с почетным уходом или почетным удалением в отставку. Во-вторых, рассматриваемая профессиональная общность на основании принадлежащих ей полномочий осуществляет деятельность по поддержанию авторитета судебной власти, по представительству и защите условно-единых интересов судей общей и арбитражной юрисдикции. В-третьих, судебское сообщество поддерживает баланс взаимодействия между ветвями власти с целью исключения влияния на судебную систему, поддержания ее самостоятельности и независимости.

В то же время правовая природа судебного сообщества в прямом понимании дефиниции абстрактна. Будучи объединением носителей судебной власти, оно находит сущностное выражение в учрежденных органах.

Именно их совокупность образует внутрисистемные процессы самоорганизации и самоуправления.

С принятием Федерального закона «Об органах судебного сообщества в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об органах судебного сообщества в РФ») [4] возникла неопределенность касательно наличия у органов судебного сообщества признаков органов государственной власти. В соображениях ученых-юристов преобладает установка о спектре поименованных в законе полномочий, соотносимых с полномочиями организаций, действующих от имени публичного образования. Неоднозначны разве что полученные выводы от научных изысканий. К примеру, М.С. Захаренко полагает, что органы судебного сообщества являются квазигосударственными, поскольку не названы в числе органов государственной власти, во взаимосвязи с отсутствием статуса юридического лица [5, с. 56]. Близка в суждениях А.А. Чубакова, которая в диссертационном исследовании выдвинула противоречивое предположение, согласно которому организационно-правовой форме деятельности органов судебного сообщества присущ дуализм. Эти органы якобы сочетают в себе публично-правовые и частноправовые начала. Последнее аргументируется автором из-за схожей юридической конструкции с саморегулируемыми организациями [6, с. 104].

На наш взгляд, проблема некой неопределенности вторична. Явные недостатки в правовом поле компенсируются доктринально разработанными признаками государственных органов. По сложившемуся обыкновению к числу основных относят: учреждение в определенном законодательном порядке, практическое признание частью публично-управленческого механизма и наделенность государственно-властными полномочиями. Все они подпадают под юридическое оформление структур обсуждаемого профессионального объединения, что отличает их от иных социальных образований.

Статьей 3 ФЗ «Об органах судебного сообщества в РФ» устанавливается исчерпывающий перечень органов судебного сообщества, располагающихся на федеральном и региональном уровнях под едиными началами администрирования. Для придания всесторонности исследуемой проблематики проклассифицируем данные органы, интегриро-

ванные в судебную систему, по следующим двум критериям: порядку формирования и объему компетенций.

В зависимости от порядка формирования органы судебного сообщества подразделяются на первичные и производные (вторичные). Первичным органом выступает общее собрание судей суда. Членство в общем собрании судей суда определяется самим фактом замещения должности судьи. В остальных, производных органах членство судей определяется по итогам проведения выборов, преимущественно не прямых. Исходя из нормы представительства делегаты, избранные во Всероссийский съезд судей и конференции судей субъектов РФ, большинством голосов определяют судей в иные федеральные и региональные коллегиальные органы. Каждый судья, исполняя полномочия или находясь в отставке, получив поддержку, вправе внести свой вклад в работу судебного сообщества. Сменяемость и равный доступ гарантируется одноименным нормативно-правовым актом.

По объему компетенций различают органы судебного сообщества общей и специальной направленности. Избегая детальных описаний, обобщим профиль с привязкой к конкретной властной структуре. Так, Всероссийский съезд судей, конференция судей субъекта РФ, Совет судей РФ и Совет судей субъекта РФ решают широкий круг вопросов (за исключением вопросов, относящихся к полномочиям квалификационных коллегий судей и экзаменационных комиссий). Представляется возможным произвести систематизацию их полномочий, выделив несколько тематических блоков: административные, финансово-экономические, организационно-методические, информационно-коммуникативные (от формальной методической помощи органам до созыва разноразрядных собраний судей).

Не стоит забывать об общих собраниях судей. Как коллегиальные органы по месту дислокации соответствующего суда, на них возлагается решение вопросов, связанных с совершенствованием организации внутренней работы, выражения законных интересов судей, а также выборы делегатов в вышестоящие представительные органы. Очевидная многофункциональность позволяет авторам отнести локальные органы судебного сообщества к общекомпетенционным.

Анализируя эту группу органов судебного сообщества, следует обратить внимание на

наиболее дискуссионный в юридической литературе блок компетенции – финансово-экономический. Проблема заключается в неясности практической роли судебного сообщества при взаимодействии с законодательной и исполнительной ветвями по вопросам бюджетирования судебной системы. Почву для размышлений дает уже обыденное пробельное состояние правового регулирования.

Конституционная задача – обернуть независимостью здоровое насыщение судебной власти бюджетными ассигнованиями планомерно не выполняются. До сих пор в отдельную строку бюджета положены не подразумеваемые в ч. 2 ст. 33 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [7] усредненные показатели определения расчетного объема расходных обязательств (нормативы), а штатная численность судей, аппарата судов, персонала по охране и обслуживанию зданий, транспортного хозяйства [8, с. 101]. Отсюда абсурдным выглядит дозволение, сформулированное в п. 2 ст. 10 ФЗ «Об органах судебного сообщества в РФ», о допущении к участию представителей Совета судей РФ в обсуждении проекта закона о федеральном бюджете на грядущий финансовый год в Федеральном Собрании РФ.

Любые изменения в штатном расписании судов, принятые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и согласованные с Советом судей РФ, подлежат одобрению уполномоченным на то органом исполнительной власти на стадии подготовки законопроекта. Следовательно, какое-либо обсуждение, после его внесения Правительством РФ в нижнюю палату парламента, видится бессмысленным. Условно говоря, орган судебного сообщества ограничивается предварительным согласованием, но гарантировано может быть услышан при назревшей необходимости уменьшения размера финансирования, поскольку уменьшение размера бюджетных средств, выделенных на финансирование судов в текущем финансовом году или подлежащих выделению на очередной финансовый год, до 5 % может осуществляться только с согласия Совета судей РФ, а свыше 5 % – только с согласия Всероссийского съезда судей РФ [9].

Не приходится утверждать и о независимости судебной власти в кадрово-управленческой работе. Ответственные за подбор и состояние судебного корпуса органы специ-

альной компетенции – Высшая квалификационная коллегия судей РФ, квалификационные коллегии судей субъектов РФ, Высшая экзаменационная комиссия и экзаменационные комиссии субъектов РФ по приему квалификационного экзамена на должность судьи – скованы в реализации ряда полномочий, признаваемых исключительными и индивидуализирующими для каждой ветви государственной власти. На сегодняшний день данная проблема по праву признается первостепенной, в условиях относительно недавних законодательных преобразований.

Считаем, что минувшая конституционная реформа поставила судебную власть в относительно подчиненное положение. Нашедшая свое отражение в Конституции РФ [10] воля законодателя предопределила значительную долю внешнего усмотрения в кадровом обеспечении судейского аппарата в федеральных судах, начиная с апелляционной инстанции общей и арбитражной юрисдикции. Судейское сообщество, не без того отдаленное от процесса назначения претендентов на государственные должности в суды всех уровней, осталось практически безучастным в наступлении обратного юридического события.

Нововведения закрепили за верхней палатой российского парламента право прекращать полномочия судей Верховного Суда РФ, кассационных и апелляционных судов на заседании большинством голосов от общего числа сенаторов. Получается, что в рассматриваемом аспекте правоотношений, автономия самой судебной ветви сведена к совещательным началам. Учреждаемые в центре и регионах органы судейского сообщества, именуемые как экзаменационные комиссии и квалификационные коллегии судей, занимаются лишь проверкой соответствия личностных и профессиональных качеств кандидатов для назначения на вакантную должность с последующим вынесением рекомендательного мотивированного решения либо без такового [11, с. 287].

Настораживает набирающая обороты тенденция политической ангажированности органов судейского сообщества, прямо или косвенно влияющая на занимаемую ими позицию, в связи с той же конституционной реформой. Иррациональная реакция, в том числе нейтральное отношение, на значимые для защиты институциональной независимости

судебной власти и независимости отдельных судей события, подчеркивает уязвимость системы.

Например, в середине октября 2020 г. Президент РФ внес в Государственную Думу Федерального собрания РФ законопроект о внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ О Конституционном Суде РФ) [12]. Инициатива направлена на приведение порядка формирования и полномочий Конституционного Суда РФ в соответствии со ст. 125 Конституции РФ в новой редакции. Принятый в работу для рассмотрения в первом чтении законопроект подвергся концептуальным поправкам, в части ранее достигнутого субъектом законодательной инициативы содержания ст. 76 «Особое мнение судьи» ФКЗ О Конституционном Суде РФ [13]. Один из авторов поправки – А.А. Клишас счел, что доведение особого мнения судьи, несогласного с мнением большинства судей, голосовавших за принятие решения, до всеобщего сведения «подрывает авторитет судебной власти» [14].

Соображение сенатора не выдерживает критики. Особое мнение не является самостоятельным судебным актом и не влечет каких-либо процессуальных последствий. Оно предлагается к изданию судьей-составителем в качестве дополнения позиции Конституционного Суда РФ альтернативными аргументированными доводами, отклоненными подавляющим большинством корпуса судей при разрешении дела. Фактически, текстуально оформленное «несогласие» носит если не научно-практическую ценность для совершенствования правового регулирования конкретных общественных отношений в будущем [15, с. 107], то хотя бы информационно-правовую.

Опубликование в открытых источниках информации особого мнения судьи вкладывает в процесс конституционного судопроизводства латентную состязательность корпуса судей, приоткрывает тайну хода дискуссии на закрытом совещании, что делает его гласным для гражданского общества, не подрывая основ института тайны совещательной комнаты. Лишение судей Конституционного Суда РФ права доносить свои убеждения по существу дела до широких масс населения после вынесения решения воспринимается, как своеобразный намек не противопоставлять себя

подавляющему большинству своих коллег в публичном формате.

Завершая наше исследование органов судейского сообщества, отметим, что еще в 2015 г. Консультативный совет европейских судей издал акт о месте судебной власти и ее отношениях с другими ветвями власти в современных демократиях [16]. Документ рекомендует государствам-членам Совета Европы наделять судебную власть через ее полномочные органы, коими выступают органы судейского сообщества, правом дачи заключения о возможных последствиях предлагаемого законодательной или исполнительной властью проекта закона в сфере отправления правосудия. Также уточняется, судебная власть, реализуя конституционные задачи, должна «бесстрашно отстаивать» свою позицию в поле разнонаправленных интересов на принципах взаимоважения.

Приходится констатировать, что отечественное судейское сообщество на современном этапе оказалось малоспособным отвечать, казалось бы, предсказуемым вызовам. Одностороннее воздействие законодательных и исполнительных органов на судебную власть препятствует поддержанию конституционной независимости судей федеральных судов (персональная независимость) и институциональной независимости и самостоятельности судебной власти.

Конечно, рассуждения об абсолютной независимости и самостоятельности необстоятельны. Абсолютная (неограниченная) обо-

собленность ветви государственной власти не может способствовать эффективной работе всего публично-управленческого механизма в государстве [17, с. 77]. По мнению авторов, только организация работы в духе корпоративной коллаборации, основанной на балансировании полномочий, имеет предпосылку к достижению положительного результата в решении, как общих вопросов, так и искусственно отнесенных законодателем к компетенции законодательной ветви власти его компетенции.

Нередко необоснованное расширение компетенции одной ветви власти по отношению к другой затрагивает ее конституционно-правовой статус, что порождает ряд негативных факторов в правовом регулировании. Создаются правовые условия для легального вмешательства в общеорганизационную, финансово-хозяйственную и даже кадровую политику, при формальном сохранении независимости и автономности. Складывающееся в РФ взаимодействие ветвей государственной власти не исключает чрезмерного влияния одной из ветвей, что является следствием нарушения баланса системы сдержек и противовесов, обеспечивающей реализацию принципа разделения властей. На примере современного состояния судебной власти, с повышенной зависимостью от других ветвей государственной власти, констатируем, что вышеназванный принцип постепенно утрачивает практическое применение, сохраняясь лишь в качестве юридической догмы.

Литература

1. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ // Российская газета, № 27, 07.02.2014.

2. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ // Российская газета, № 253, 11.11.2020.

3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ // Российская газета, № 253, 11.11.2020.

Bibliography

1. On the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 05.02.2014 № 2-FKZ // Rossiyskaya Gazeta, № 27, 07.02.2014.

2. On amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation»: Federal Constitutional Law dated 09.11.2020 № 5-FKZ // Rossiyskaya Gazeta, № 253, 11.11.2020.

3. On amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation»: Federal Constitutional Law dated 09.11.2020 № 5-FKZ // Rossiyskaya Gazeta, № 253, 11.11.2020.

4. On the bodies of the judicial community in the

4. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета, № 48, 19.03.2002.
5. Захаренко М.С. Публично-правовой статус органов судейского сообщества // Современное право. 2019. № 5.
6. Чубакова А.А. Производство по административным делам, рассматриваемым Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
7. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ, 06.01.1997, № 1, ст. 1.
8. Захаров С.С. Самостоятельность и независимость правосудия как базовые конституционные принципы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
9. О финансировании судов Российской Федерации: Федеральный закон от 10.02.1999 № 30-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Российская газета, № 31, 18.02.1999.
10. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
11. Савоськин А.В., Руколеев В.А. Независимость судебной власти в свете конституционной реформы // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. № 3 (09).
12. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024643-7#bh_histras.
13. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) // Российская газета, № 138–139, 23.07.1994.
14. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2020/5f8d7ff89a79479606f35511>.
15. Новопавловская Е.Е., Переверзев Е.А. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы правовой регламентации и практика применения // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1.
16. URL: <https://www.coe.int/en/web/ccje/ccje-opinions-and-magna-carta>.
17. Чиркин В.Е. Законодательная власть: монография. М., 2019.
- Russian Federation: Federal Law of March 14, 2002 № 30-FL (as amended on December 8, 2020) // Rossiyskaya Gazeta, № 48, March 19, 2002.
5. Zakharenko M.S. The public-legal status of the bodies of the judicial community // Modern Law. 2019. № 5.
6. Chubakova A.A. Proceedings on administrative cases considered by the Disciplinary Board of the Supreme Court of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. M., 2020.
7. On the judicial system of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of December 31, 1996 № 1-FKZ (as amended on 12/08/2020) // Collected Legislation of the Russian Federation, 01.06.1997, № 1, Art. 1.
8. Zakharov S.S. Independence and independence of justice as basic constitutional principles: dis. ... PhD in Law. M., 2019.
9. On the financing of the courts of the Russian Federation: Federal Law of 10.02.1999 № 30-FL (as amended on 12.03.2014) // Rossiyskaya Gazeta, № 31, 18.02.1999.
10. The Constitution of the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».
11. Savoskin A.V., Rukoleev V.A. The independence of the judiciary in the light of constitutional reform // Siberian Anthropological Journal. 2020. Vol. 4. № 3 (09).
12. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024643-7#bh_histras.
13. On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 21.07.1994 № 1-FKZ (as amended on 09.11.2020) // Rossiyskaya Gazeta, № 138-139, 23.07.1994.
14. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2020/5f8d7ff89a79479606f35511>.
15. Novopavlovskaya E.E., Pereverzev E.A. Dissenting opinion of a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation: problems of legal regulation and practice of application // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2017. № 1.
16. URL: <https://www.coe.int/en/web/ccje/ccje-opinions-and-magna-carta>.
17. Chirkin V.E. Legislative power: monograph. M., 2019.

© 2021 г. Хусаинов Зуфар Фаатович,

профессор кафедры конституционного и административного права Казанского федерального университета доктор юридических наук, доцент.

Фомичева Ольга Анатольевна,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Орского филиала Московского финансово-юридического университета кандидат юридических наук, доцент.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ И РОБОТОТЕХНИКИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются правила применения современных технологий в законотворческом процессе, которые позволяют расширить возможности участия субъектов в его реализации, делают качественнее и эффективнее. Приводятся доводы о недостатках применения интернет-технологий, показана необходимость увеличения числа применяемых технологий для улучшения законотворческого процесса.

Ключевые слова: Интернет, законотворческий процесс, технологии, эффективность, формы участия, демократия, голосование, референдум.

Khusainov Zufar Faatovich – Professor, the Department of Constitutional and Administrative Law, the Kazan Federal University, Doctor of Law, Associate Professor.

Fomicheva Olga Anatolyevna – Head of the Department of Criminal Law Disciplines, the Orsk Branch of the Moscow University of Finance and Law, PhD in Law, Associate Professor.

TO THE ISSUE OF THE USE OF INTERNET TECHNOLOGIES AND ROBOTICS IN THE LAW MAKING

The article considers the rules of using modern technologies, which allow to expand the opportunities of participation of subjects in its implementation, make it better and more efficient, in the legislative process. Arguments are made about the shortcomings of the use of Internet technologies, and the need to increase the number of technologies used in ensuring the quality of the legislative process is shown. Proposals for legal regulation of the rules of participation of citizens in the process of adoption in laws have been formulated.

Keywords: Internet, lawmaking process, technology, efficiency, forms of participation, democracy, vote, referendum.

Обращение к исследованию вопросов применения интернет-технологий и робототехники в законотворческом процессе становится актуальным, особенно в связи с пандемией 2020 г. Поскольку законотворческий процесс понимается как творческая (мыслительная, научная) работа с законопроектом с набором трудностей в выборе объекта и методов законодательного регулирования [5], то это творчество может быть реализовано только человеком. Вместе с тем появляются исследования, в которых применение в законотворческом процессе интернет-технологий и робототехники (в понимании «автоматизированные технические системы») называется перспективным заменой человека для создания «безупречных законов» [16, с. 355]. Такие доводы настораживают, поскольку робототехника приводит к замене труда человека и сокращению числа требуемых практикующих юристов. Обращение к исследованию данного вопроса

послужил тезис, что «Интернет – это реальность настоящего времени и фактор, который необходимо учитывать в законотворческом процессе» [8, с. 51]. Неоднозначность подходов к вопросам применения робототехники в создании законов требует многогранного исследования с учетом сложности понимания концепции законотворческого процесса.

Законотворческий процесс не охватывает работу только парламента и высших органов власти, в него вовлекается широкий круг участников. Гарантии на участие различных субъектов в законотворческом процессе исходят из конституционных принципов: демократии (народ как участник), разделения власти (самостоятельное участие каждой ветви), федерализма (самостоятельный законотворческий процесс в каждом субъекте РФ с возможностью определять собственного круга участников). Право на участие субъекта в законотворческом процессе обусловлено

некоторыми вопросами применения норм права, которые не всегда охватывают правила применения интернет-технологий и робототехники.

Интернет позволяет расширить круг участников законотворческого процесса через робототехнику – автоматизированную систему учета законопроектов, размещенную на официальном сайте Государственной Думы (систему обеспечения законодательной деятельности). Благодаря такой системе каждый желающий может ознакомиться с движением законопроекта в Государственной Думе ФС РФ. Вместе с тем требуется обеспечить обратную связь в законотворческом процессе. Так, у специалиста сферы рассматриваемого законопроекта могут появиться веские доводы для вовлечения в обсуждение положений законопроекта. Поэтому видится перспективным разработка канала коммуникации посредством Интернета для получения отзывов на законопроект, в том числе через автоматизированную систему учета законопроектов.

В некоторых субъектах РФ автоматизированные системы законопроектной деятельности позволяют подключиться к обсуждению законопроектов через интернет-коммуникации. Так, в процессе рассмотрения законопроекта «О содержании и защите домашних животных в Оренбургской области» от гражданина поступили возражения о нецелесообразности обязательной регистрации домашнего животного (собаки), которая весит менее одного килограмма, наряду с тем, что для других животных, например, кошек, такая регистрация не является обязательной. Такие предложения жителя были учтены. Специфические сферы законопроектов требуют широкого обсуждения, что обуславливает распространение имеющегося опыта обсуждения законопроектов. Интернет-технологии способствуют расширению круга участников обсуждения законопроектов и, как следствие, реализации прав на участие в законотворческом процессе различных субъектов.

В связи с усилением тенденции к участию граждан в обсуждении законопроектов с помощью интернет-технологий появились идеи ученых о прямом принятии законов как демократического института участия граждан в решении вопросов государственной и общественной жизни [14]. Бесценный опыт принятия поправки к Конституции РФ в 2020 г. позволил развить идеи ученых прав граждан

участвовать в законотворческом процессе на последней стадии в статусе «законодателя» (вместо парламента). Вместе с тем процедура всенародного голосования по поправкам к Конституции РФ в 2020 г. опережает законодательное регулирование данного правоотношения. Предполагается, что всенародное голосование, предложенное Президентом РФ, должно быть адаптировано по отношению к нормам Федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» и нормам Федерального закона от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации».

В процедуре голосования, которая рассматривается как последняя стадия законотворческого процесса в принятии закона народом, была применена робототехника (КОИБ) и интернет-технологии (электронное голосование проводилось в нескольких субъектах РФ). Помимо несоответствия (отсутствия) правил последней стадии законотворческого процесса, учеными были выявлены проблемы несоответствия процедуры принципу демократии (отсутствует четкое изложение порядка определения мнения народа) [6; 19].

Переход от референдума на интернет-голосование в законотворческом процессе поддерживается учеными [13], а отказ от проведения референдума обосновывается финансовыми и политическими причинами [4]. Ученые справедливо указывают на ряд проблем в осуществлении процедуры голосования с помощью информационных технологий (сложность обеспечения тайны голосования; сохранение неизменности информации о волеизъявлении; отсутствие процедур наблюдения и контроля за процедурой волеизъявления граждан) [7, с. 100]. В этой связи в числе решений предлагается методика шифрования и идентификации [4]. Наряду с проявленными техническими проблемами сохранения принципа демократии, характеризующимися ясностью и четкостью использования интернет-технологий при учете мнения народа, необходимо также соблюдать и другие технологии, характеризующие законотворческий процесс.

Вовлечение народа в законотворческий процесс в статусе «законодателя», когда в процедуре принятия закона исключен парламент, должно сочетаться с принципом профессионализма, справедливо обозначенного в числе

наиболее важных для качества принимаемых законов [11]. Профессионализм означает наличие у субъекта-участника определенной квалификации высшего образования или профессиональной подготовки, обладание специальными знаниями, навыками, стажем работы [15]. Такого широкого спектра навыков у народа нет. Народ обладает определенным жизненным познанием быта, опытом определения приоритета ценностей на определенной территории, отражающих культурную самобытность. Поэтому следует учитывать специфику правоотношений законопроекта, по которому народу будет предоставлено право решать в голосовании о принятии и отклонении (в том числе на территории субъекта РФ).

Целесообразно вовлекать народ на стадии обсуждения законопроектов или реализации идей законопроектов, и такие идеи реализуются посредством интернет-технологии. Так, по Указу Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (далее по тексту – РОИ), предоставлена возможность гражданам не только опубликовывать свою инициативу, но и проголосовать за другие предлагаемые идеи. К размышлению остаются некоторые не исследованные вопросы гражданского участия по вопросам дееспособности, правоспособности, гражданства, уровня правовой культуры. Все эти вопросы призваны разрешить специалисты, обслуживающие автоматизированную систему РОИ.

Интернет-технологии расширяют возможности электронного документооборота, который в большей степени осуществляется Правительством РФ. Так, Правительство РФ, используя автоматизированные системы, обеспечивает вовлечение в законотворческий процесс экспертов (или специалистов профильного законопроекта) и проводит оценку регулирующего воздействия. Такая оценка законопроекта позволяет выявить социально-экономические последствия нового или проектируемого государственного регулирования.

С применением интернет-технологий реализуются только некоторые возможности для участия в законотворческом процессе. Наряду с применением интернет-технологий нельзя исключать непосредственное (личное) участие. Так, референдум в отличие от информационно-коммуникационной законотворческой

процедуры обеспечен гарантиями на участие каждого гражданина РФ, гарантирован учет мнения гражданина при волеизъявлении.

Наличие явных преимуществ применения в законотворческом процессе интернет-технологий не означает замену личного свободного участия граждан в полном объеме. Свобода понимается не только как элемент выражения воли, но и отсутствие зависимости от знаний интерактивных технологий. Многие граждане лишены такой возможности в силу отсутствия персонального компьютера (по роду профессии или в силу возраста, др. особенностей). Народ как источник власти не может быть представлен малочисленной группой. Следует учитывать «явку» и волеизъявление широкого круга.

Учитывая справедливое утверждение Л.В. Катковой, что интернет-технологии обеспечивают сокращение дистанции между населением и органами власти [10], следует учитывать вопросы доступности данного способа участия граждан в законотворческом процессе, особенно в вопросе принятия им закона. Интернет-коммуникации не всем доступны. Наличие компьютера и Интернета пока еще не для всех стало обыденной реальностью (особенно в сельской местности). Развитие интернет-технологий не совсем понятно для многих граждан старшего поколения, не обладающего навыками в его использовании в качестве способа реализации права на участие в законотворческом процессе.

Интернет-технологии существенно способствуют развитию новых демократических форм участия в законотворческом процессе граждан с различным конституционно-правовым статусом, что приводит к легитимации законов. Законотворческий процесс сопровождается большим объемом требований законотворческой техники, под которой Ю.А. Тихомиров, например, понимает «механизм или правила разработки законопроекта» [9, с. 11]. Многогранность данного понятия обсуждается разными специалистами. Психологи утверждают, что личные качества авторов законопроекта являются важным условием, влияющим на содержание юридической техники [12, с. 19]. Политологи основой законотворческой техники считают властные отношения, обеспечивающие реализацию политики государства, исследуется техника как фактор влияния на законотворческий процесс [20]. В состав техники включают средства языка и

средства структуры и правовые технологии [3, с. 268] и много других компонентов (в том числе различные экспертизы как обязательная технология законотворческого процесса [18]). Экономисты требуют учитывать факторы ресурсов и стимулов к возникновению законодательной инициативы. Задача автора-составителя – объединить результаты всех исследований для эффективности реализации стадии законотворческой инициативы.

Учет всех технологий «тормозит» законотворческий процесс, поскольку направлен на устранение ошибок. Многогранность и список технологий законотворческого процесса постоянно дополняется. Ученые предлагают структурировать заимствованную во Франции и Канаде новую нейролингвистическую юридическую технологию, которая затрагивает вопросы совершенствования языка закона, его мотивационного воздействия на человека, а также предлагается заимствовать зарубежный опыт о многофункциональности технологии применения правил законотворческого процесса, под которым предлагается понимать неограниченность субъектов, уполномоченных принимать правила законотворческой техники [2].

Совокупность составных компонентов понятия «современная технология» не позволяет однозначно сформулировать ответ в приоритетности их применения. В силу сложно-

сти большинство технологий законотворческого процесса, особенно на стадии проектирования законопроекта, предлагается восполнить робототехникой. Так, на VIII Московском юридическом форуме 10 апреля 2021 г. с докладом выступил А.И. Серавин, который предложил использовать комплекс подготовки законопроектов. Вместе с тем, робототехнику нужно применять точно, например, для оценки и анализа правильности изложения нормы (лингвистика, грамотность, юридическое сопоставление с действующими нормами права).

В заключение отметим свое согласие с выводом ученых, что процесс информатизации демократии является «серьезным испытанием для современного общества» [17, с. 16], способным «ускорить процесс перехода от слабой к истинной демократии» [1, с. 340]. Применение технологий по составлению законопроекта, его правовой оценке должны стать необходимыми в обеспечении качества законотворческого процесса, но не полной заменой интеллектуальной деятельности человека и вопросов его волеизъявления. Технологии и робототехника призваны обеспечивать принятие легитимных законов с учетом найденного баланса между обществом и государством, применение которых только обеспечивает реализацию качественного законотворческого процесса в разумных пределах.

Литература

1. Keskinen A. Future democracy in the information society // *Futures*. Quilfield. 2000. Vol. 33. № 3/4.
2. Vorivoshin A.V. Operation of regulations in view of scope of persons: approaches to classification. *Law and modern state*. 2014. 3 (3).
3. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2.
4. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 1.
5. Безруков А.В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России: монография. М., 2015.
6. Виноградова Е.А. Референдум или общероссийское голосование: к вопросу о форме одобрения поправок 2020 г. в Конститу-

Bibliography

1. Keskinen A. Future democracy in the information society // *Futures*. Quilfield. 2000. Vol. 33. № 3/4.
2. Vorivoshin A.V. Operation of regulations in view of scope of persons: approaches to classification. *Law and modern state*. 2014. 3 (3).
3. Alekseev S.S. General theory of Law. M., 1982. Vol. 2.
4. Amelin R.V., Channov S. E. Direct electronic democracy in the Russian Federation: opportunities and prospects // *Constitutional and Municipal Law*. 2017. № 1.
5. Bezrukov A.V. Constitutional and legal aspects of the implementation of legislative power to ensure law and order in Russia: monograph. M., 2015.
6. Vinogradova E. A. Referendum or all-Russian vote: on the issue of the form of approval of the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation// *The Eurasian Bar*. 2020. № 4 (47).

цию Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2020. № 4 (47).

7. Григорьев А.В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

8. Гринь О.С. Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6.

9. Законодательная техника: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000.

10. Каткова Л.В. Взаимодействие населения и органов местного самоуправления (на примере о. Муром) // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2014. № 3.

11. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991.

12. Кибак И.А. Инновационная психотехнологическая модель законотворчества // Общество и право. 2011. № 5.

13. Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11.

14. Масловская Т.С. Перспективы и тенденции развития конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы: сборник материалов международной конференции /отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2017.

15. Салихова Д.Ч. К вопросу о понятии профессиональной деятельности как основном признаке оценочной деятельности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3.

16. Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. № 13.

17. Федосеева Н.Н. Демократия в информационном обществе // Журнал российского права. 2007. № 6.

18. Фомичева О.А. Экспертиза как форма законотворческой деятельности специалистов в реализации законодательного процесса // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 5.

19. Чеботарев Г.Н. Конституционное право граждан на внесение изменений в Конституцию Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 12.

20. Шульман Е.М. Законотворчество как политический процесс. М., 2014.

7. Grigoriev A.V. Constitutional and legal regulation of the use of modern information and communication technologies in the implementation of direct democracy institutions in Russiaanalysis: dis. ... PhD in Law. M., 2020.

8. Grin O.S. Transformations of requirements to the form of contracts taking into account the development of digital technologies // Actual problems of Russian law. 2019. № 6.

9. Legislative technique: study guide / by Yu. A. Tikhomirov. M., 2000.

10. Katkova L.V. Interaction of the population and local self-government bodies (on the example of O. Murom) // Municipal Service: legal issues. 2014. № 3.

11. Kerimov D.A. Culture and technology of law-making. M., 1991.

12. Kibak I. A. Innovative psychotechnological model of lawmaking // Society and Law. 2011. № 5.

13. Kuryachaya M.M. Electronic voting as a stage in the development of direct democracy // Constitutional and Municipal law. 2017. № 11.

14. Maslovskaya T.S. Prospects and trends in the development of constitutional law // Constitutional law: results of development, problems and prospects / by S.A. Avakyan. M., 2017.

15. Salikhova D.Ch. On the question of the concept of professional activity as the main feature of evaluation activity // Actual problems economics and law. 2015. № 3.

16. Sokolova A.A. Artificial intelligence in jurisprudence: implementation risks // Legal technique. 2019. № 13.

17. Fedoseeva N.N. Demokratiya v informatsionnom obshchestve // Democracy in the information society. 2007. № 6.

18. Fomicheva O.A. Expertise as a form of legislative activity of specialists in the implementation of the legislative process // Russian law: education, practice, science. 2019. № 5.

19. Chebotarev G.N. The constitutional right of citizens to amend the Constitution of the Russian Federation // State and law. 2020. № 12.

20. Shulman E.M. Lawmaking as a political process. M., 2014.

© 2021 г. Козлова Анастасия Алексеевна,

старший преподаватель кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя кандидат юридических наук.
E-mail: nastena.kozlova.14@mail.ru

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена правовому анализу деятельности международных организаций по вопросам защиты прав человека в сфере биомедицинских исследований. Автор отмечает, что рассмотренные в работе положения и принципы международных и рекомендательных актов в области биоэтики являются эффективным инструментом защиты прав человека в сфере биомедицины как на универсальном, так и региональном уровнях. В основу статьи положен обзор результатов деятельности Всемирной Организации Здравоохранения, ЮНЕСКО, Комитета по биоэтике Совета Европы, определены ключевые стратегии работы в данной области.

Ключевые слова: биомедицина, донорство органов, трансплантация, биоэтика, права человека, Конвенция Овьедо, международные организации, биотехнологии.

Kozlova Anastasia Alekseevna – Senior Lecturer, the Department of Human Rights and International Law, the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', PhD in Law.

ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE SPHERE OF HUMAN RIGHTS PROTECTION RELATED TO THE APPLICATION OF BIOMEDICAL RESEARCH

The article is devoted to the legal analysis of the activities of international organizations on the protection of human rights in the field of biomedical research. The author notes that the provisions and principles of international and recommendatory acts in the field of bioethics considered in the work are an effective tool for protecting human rights in the field of biomedicine both at the universal and regional levels. The article is based on an overview of the results of the activities of the World Health Organization, UNESCO, the Committee on Bioethics of the Council of Europe, identified key strategies for work in this area.

Keywords: biomedicine, organ donation, transplantation, bioethics, human rights, Oviedo Convention, international organizations, biotechnologies.

Возникновение биомедицины повлекло формирование биоэтики. Она решает частные этические проблемы биомедицины. Биоэтика – это, прежде всего, междисциплинарное, плюралистическое исследование наук и технологий в биомедицинской области, которое должно учитывать их постоянно меняющуюся природу [9].

Биотехнологии привели к впечатляющим достижениям в области здравоохранения. В настоящее время системы здравоохранения всего мира борются с новыми вирусами и заболеваниями, изучают биологические материалы человеческого происхождения, вопросы, связанные с вмешательством в эмбрион или плод, геном человека, вопросы с применением генетических тестов в медицинских целях с целью выработки эффективного лечения, а также занимаются созданием универсальных вакцин, разрабатывают руководства по принятию решений о лечении в конце

жизни и продлении срока жизни организма. Однако эти события поднимают этические проблемы, затрагивающие личность, обеспечение и защиту ее прав, а также уважение человеческого достоинства в области биомедицинских исследований, генетики, биобанков, развития новых технологий и др.

В последние годы существования биотехнологии поднимаются новые вопросы о последствиях этих изменений для прав человека и человеческого достоинства, что непосредственно входит в работу международных организаций. Так, в настоящее время во время пандемии COVID-19, когда жизнь и здоровье многих людей находятся под серьезной угрозой, обеспечение права на охрану здоровья имеет решающее значение, государства и международные организации должны принять все необходимые меры для обеспечения его эффективной защиты. В конце марта 2021 г. Генеральный секретарь Совета Европы Мария

Пейчинович Бурич подчеркнула, что ограничения в связи с пандемией COVID-19 должны соотноситься с правами человека [11].

В настоящее время существует большое количество международно-правовых актов, регулирующих вопросы в сфере биоэтики.

К международно-правовым актам, которые закрепляют права и свободы человека, в том числе и право на охрану здоровья, актов, посвященным регулированию общих и специальных правоотношений в сфере биоэтики, одобренным международными организациями для создания соответствующих стандартов, прежде всего, относятся акты ООН, Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), Совета Европы, Организации Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО) и др.

ВОЗ была создана в 1946 г. как структурный элемент системы ООН для реализации мероприятий, направленных на достижение высшего уровня здоровья в глобальном масштабе. Первичными рекомендательными актами, направленными на регламентацию наиболее актуальных вопросов современной биоэтики, стали официальные документы Всемирной медицинской ассоциации (далее – ВМА), сформированной в 1947 г. как общественная организация врачей из 64 стран. Эта структура разработала и внедрила многочисленные рекомендательные документы в области биологии и биомедицины, которые теперь объединяют в понятие «биоэтика» [12]. В частности, ВМА ввела Международный кодекс медицинской этики 1949 г. [5], Хельсинкскую декларацию: рекомендации для врачей, проводящих биомедицинские исследования на человеке 1964 г. [6], Двенадцать принципов предоставления медицинской помощи в любой системе здравоохранения 1983 г. [7] и др.

ВОЗ рассматривает данную проблему с точки зрения медицины, а ЮНЕСКО уделяет внимание этической стороне исследований. ВОЗ выработала достаточное количество инструкций, рекомендаций, программ по вопросам биомедицинских исследований. Кроме того, следует отметить действующий на ее базе Руководящий комитет по вопросам этики исследований, который проверяет принимаемые ВОЗ документы на предмет соответствия их требованиям этических норм и Международную платформу для регистрации клинических испытаний, которая позволяет осуществить прозрачность исследований,

а также дает возможность человеку ознакомиться о ходе любых клинических испытаний. В данной области принимается целый ряд документов, позволяющих исследователям в равной степени пользоваться достижениями в сфере биомедицинских экспериментов. Также ВОЗ приняла Стратегию по народной медицине на 2014–2023 гг., т. к. считает возможным применение с учетом научных данных ее эффективности.

В рамках ЮНЕСКО по вопросам правового регулирования биомедицинских исследований с 1993 г. функционирует Программа по биоэтике, которая подробно рассматривает этический аспект проведения биомедицинских исследований. Кроме того, благодаря ей были приняты Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г. [2] и Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г. [3]. Также в рамках ЮНЕСКО действуют Международный комитет по биоэтике (МКБ) и Межправительственный комитет по биоэтике (МПБК), деятельность которых заключается в недопущении использования генетических данных человека в целях, на которые не было получено согласие лиц, их дававших.

Следующей международной структурой, регулирующей права человека в области биомедицинских исследований на универсальном уровне, является учрежденный ВОЗ и ЮНЕСКО в 1949 г. Совет для международных научных организаций (СМНМО). Данный Совет имеет узкую специализацию: он занимается биомедицинскими исследованиями и может влиять на решения, принимаемые в этой сфере. Кроме того, Совет выработал такие программы, как Программа в области биоэтики и Международный диалог по политике в сфере здравоохранения, этики и человеческих ценностей. Стандарты и принципы, принимаемые ВОЗ, ЮНЕСКО, хоть и носят рекомендательный характер, но в то же время служат ориентирующим руководством для органов и специалистов здравоохранения различных стран.

На региональном уровне в сфере регулирования биомедицинских исследований играет важную роль Совет Европы, главной целью которого является поддержание и дальнейшее осуществление прав человека и основных свобод [1]. В Совете Европы была принята Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины:

Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 г. [4] (далее – Конвенция Овьедо), а также был сформирован Комитет по биоэтике (DH-BIO), регулирующий соблюдение положений Конвенции Овьедо и наделенный правом обращаться в Европейский суд по правам человека по вопросам, входящим в его компетенцию. Также существует большое количество рекомендательных актов, принятых Комитетом по биоэтике (DH-BIO), которые служат ориентиром на международном уровне. Данный комитет осуществляет деятельность по выявлению пробелов в правовом регулировании и соблюдении этических норм при проведении исследований, а также устанавливает программы для гармонизации государственной политики в данной области. Так, в ноябре 2020 г. на 17-м заседании Комитета по биоэтике поднимались важные вопросы защиты прав человека в области биомедицины, а также обсуждались предложения по внесению дополнений в Стратегический план действий. Стратегический план действий Совета Европы по правам человека и технологиям в биомедицине (2020–2025 гг.) [14], разработанный Комитетом по биоэтике (DH-BIO), направлен на защиту человеческого достоинства, прав и свобод человека в области применения биомедицинских исследований. Разделенный на четыре основных компонента с соответствующими стратегическими целями и действиями он фокусируется, в частности, на управлении, справедливости и целостности в области здравоохранения.

В феврале 2021 г. Генеральный секретарь Совета Европы представил Новый проект многостороннего и многомерного сотрудничества Совета Европы «Защита прав человека в здравоохранении во время кризисов общественного здравоохранения» [10].

В марте 2021 г. руководитель группы биоэтики Лоуренс Льюфф проинформировал о последних изменениях в соответствующей работе Совета Европы и подчеркнул роль Комитета по биоэтике (DH-BIO) как ведущей Межправительственной платформы для обмена информацией, опытом и анализом по вопросам защиты прав человека в сфере биомедицины.

В рамках Плана действий Совета Европы по Беларуси группа биоэтики Совета Европы в сотрудничестве с белорусскими властями, по их просьбе и при поддержке Информационного центра Совета Европы в Минске организовала ряд мероприятий для органов исполнительной, законодательной и судебной власти, медицинских и юридических работников, а также других лиц, заинтересованных в защите прав человека в области биомедицины. В рамках предлагаемого проекта предполагается организация ряда семинаров (тренингов) по стандартам Совета Европы в области прав человека в сфере биомедицинских исследованиях для представителей власти, а также медицинских работников [13].

Механизмами защиты прав человека в области биомедицинских исследований являются различного рода международные организационные структуры (комитеты, рабочие группы, специальные докладчики), благодаря функционированию которых становится возможным осуществлять контроль за заключаемыми между странами договорами, а также выявлять и выносить решение по проблемам, связанным с применением международных документов [8, с. 142–144].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что рассмотренные международно-правовые и рекомендательные акты являются эффективным инструментом обеспечения в сфере защиты прав человека, связанных с применением биомедицинских исследований, однако существует недостаточное правовое регулирование в данной сфере.

Таким образом, проведенный нами анализ деятельности международных организаций в сфере защиты прав человека, связанный с применением биомедицинских исследований, показывает, что в этой сфере существуют правовые и этические проблемы. В связи с тем, что международно-правовая регламентация защиты прав человека в сфере биомедицинских исследований связана с глубоким вмешательством генетики, биотехнологий в естественную сущность человека, то необходимо разработать общие руководства с целью обеспечения их применимости в данной сфере.

Литература

1. Устав Совета Европы от 05.05.1949 // Блатова Н.Т., Мелков Г.М. Международное право. Сборник документов. М., 2009.

Bibliography

1. Charter of the Council of Europe from 05.05.1949 // Blatova N.T., Melkov G.M. International law. Collection of documents. M., 2009.

2. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml.
 3. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml.
 4. URL: <https://rm.coe.int/168007d004>.
 5. URL: <https://monographies.ru/en/book/section?id=654>.
 6. URL: <https://x7cpr.com/wp-content/uploads/2018/10/Declaration-of-Helsinki.pdf>.
 7. URL: <https://законодавство.com/asotsiatsiya-medichna-vseshvitnya/dvenadtsat-printsipov-organizatsii—19992.html>.
 8. Свешникова Л.Н., Храмова О.Е. Международные механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А.
 9. URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/at-a-glance>.
 10. URL: <https://www.coe.int/en/web/un-agenda-2030/goal-3>.
 11. Права человека важны как никогда во времена кризиса // URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/covid-19>.
 12. URL: <https://www.wma.net/>.
 13. URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/home>.
 14. URL: <https://rm.coe.int/strategic-action-plan-final-e/16809c3af1>.
2. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml.
 3. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml.
 4. URL: <https://rm.coe.int/168007d004>.
 5. URL: <https://monographies.ru/en/book/section?id=654>.
 6. URL: <https://x7cpr.com/wp-content/uploads/2018/10/Declaration-of-Helsinki.pdf>.
 7. URL: <https://законодавство.com/asotsiatsiya-medichna-vseshvitnya/dvenadtsat-printsipov-organizatsii—19992.html>.
 8. Sveshnikova L.N., Khramova O.E. International mechanisms for the protection of human and civil rights and freedoms // Questions of Russian and international law. 2018. V. 8. № 3A.
 9. URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/at-a-glance>.
 10. URL: <https://www.coe.int/en/web/un-agenda-2030/goal-3>.
 11. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/covid-19>.
 12. URL: <https://www.wma.net/>.
 13. URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/home>.
 14. URL: <https://rm.coe.int/strategic-action-plan-final-e/16809c3af1>.

© 2021 г. Багаутдинов Флер Нуретдинович,

заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, доцент.

Миллерова Елена Александровна,

доцент кафедры «Административное право и уголовно-правовые дисциплины» Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук, доцент.

Гриценко Татьяна Викторовна,

доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

НОВОЕ КАССАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ИСПРАВЛЕНИИ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

В статье анализируются определения Верховного Суда Российской Федерации об отмене или изменении решений новых кассационных судов по уголовным делам.

Ключевые слова: отмена, изменение судебного решения по уголовному делу, кассационный суд общей юрисдикции, Верховный Суд Российской Федерации, основания отмены или изменения судебного решения по уголовному делу в кассационном порядке, кассационная жалоба, кассационное представление.

Bagautdinov Fler Nuretdinovich – Head of the Department of the Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws in Operational-Investigative Activities and the Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings, the Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

Millerova Elena Alexandrovna – Associate Professor, the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, the Rostov State Transport University, PhD in Law, Associate Professor.

Gritsenko Tatiana Viktorovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

NEW CASSATION PROCEEDINGS IN CORRECTING JUDICIAL ERRORS

The article analyzes the definitions of the Supreme Court of the Russian Federation on the cancellation or change of decisions of the new cassation courts in criminal cases.

Keywords: cancellation, change of a court decision in a criminal case, a general jurisdiction court of cassation, the Supreme Court of the Russian Federation, grounds for cancellation or change of a court decision in a criminal case in cassation, cassation appeal, cassation presentation.

Результаты работы кассационных судов общей юрисдикции подтверждают высокую эффективность нового кассационного производства в исправлении судебных ошибок, обеспечении единообразной судебной практики. Кассационные суды вносят в кассационную практику собственные правовые подходы и позиции, влияя тем самым и на судебную практику нижестоящих судов. При этом введение нового порядка кассационного производства по уголовным делам не привело к снижению уровня гарантий для осужденных, потерпевших. Статистические данные наглядно показывают значительное увеличение числа отмененных и измененных судебных решений по уголовным делам,

в том числе и в сторону улучшения положения осужденного.

Следует отметить, что в то же время имеются отдельные случаи отмен, изменений решений новых кассационных судов по уголовным делам – это дело обычное, так должно быть, и не стоит придавать этим редким фактам какое-то особое значение и делать далеко идущие выводы. Тем не менее, они также подлежат анализу и обсуждению.

Например, приговором Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 17 апреля 2019 г. Р. был осужден по ч. 6 ст. 264 УК РФ к 8 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении. Апелляционным постановлением

Алтайского краевого суда от 7 июля 2019 г. в приговор внесены отдельные изменения по частным вопросам, наказание определено с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Кассационным определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. состоявшиеся судебные решения изменены, наказание снижено до 8 лет 4 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

По кассационным жалобам адвоката и осужденного, а также кассационному представлению заместителя Генерального прокурора РФ дело было пересмотрено. При этом Верховный Суд РФ установил ошибку нижестоящих судов в части назначения наказания. Преступление Р. было совершено 15 октября 2018 г. и в этот период ч. 6 ст. 264 УК РФ (в редакции ФЗ от 31 декабря 2014 № 528-ФЗ) предусматривала наказание от 4 до 9 лет лишения свободы. В 2019 г. в ст. 264 УК РФ были внесены изменения в сторону ужесточения уголовной ответственности, и в ч. 6 было предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 8 до 15 лет.

Как указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, суд кассационной инстанции, принимая решение о снижении Р. основного наказания, не учел требование ч. 1 ст. 62 УК РФ о том, что при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» или «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств, срок и размер наказания не должен превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

В результате Верховный Суд РФ изменил состоявшиеся судебные решения районного, краевого суда, Восьмого кассационного суда в части наказания, постановив: назначенное по ч. 6 ст. 264 УК РФ наказание снизить до 5 лет 10 месяцев лишения свободы в исправительной колонии общего режима [1].

Одним из редких недостатков работы новых кассационных судов является их порой формальный подход к разрешению конкретных дел. Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на данное обстоятельство и несколько раз «поправил» решения кассационных судов, подчеркнув, что не всегда формальное нарушение положений закона должно повлечь отмену или измене-

ние судебного решения, что при этом более важно определить: были ли реально нарушены права участников уголовного судопроизводства, заявляли ли они по этому поводу ходатайства в ходе судебного заседания, указывали ли на указанные нарушения в кассационных жалобах? Иной подход приведет к преобладанию формализма над здравым смыслом, будет искажать суть и смысл правосудия в целом, и конкретного судебного решения в частности.

Например, по приговору мирового судьи Тимашевского района Краснодарского края от 25 сентября 2019 г. К. был осужден по ч. 1 ст. 112 УК РФ к лишению свободы. К. согласился с обвинением и ходатайствовал о рассмотрении его дела в особом порядке без проведения судебного разбирательства. В связи с возражением государственного обвинителя дело было рассмотрено в обычном порядке. В апелляционном порядке приговор не обжаловался и вступил в законную силу.

Кассационным определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 декабря 2019 г. приговор мирового судьи отменен, уголовное дело передано на новое рассмотрение мировому судье другого судебного участка. Свое решение суд кассационной инстанции мотивировал допущенными судом первой инстанции нарушениями процедуры судопроизводства при прекращении особого порядка судебного разбирательства и продолжении рассмотрения дела в общем порядке: невыполнением требований гл. 36 УПК РФ, регламентирующей процедуру подготовительной части судебного заседания, а также требований ч. 2 ст. 273 УПК РФ о начале судебного следствия, что признано судом кассационной инстанции существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлекшим нарушение права подсудимого К. на защиту и процессуальную недействительность принятого судом решения.

С решением кассационного суда не согласился заместитель Генерального прокурора РФ, который в кассационном представлении указал, что судом первой инстанции в полной мере выполнены требования гл. 36 УПК РФ: личность подсудимого установлена, участникам процесса разъяснены процессуальные права, объявлен состав суда. Государственный обвинитель изложил предъявленное К. обвинение, которое, как пояснил подсудимый, ему понятно. В связи с возражением прокурора

против ходатайства подсудимого судом прекращен особый порядок и назначено открытое судебное заседание в общем порядке на 24 сентября 2019 г., о чем были уведомлены участники процесса.

Перед началом судебного разбирательства каких-либо ходатайств стороны не заявляли, возражений против установленного порядка исследования доказательств не имели, позиция К., признавшего свою вину в содеянном, оставалась неизменной на протяжении всего судебного разбирательства. В кассационной жалобе адвокатов на суровость назначенного наказания доводов о нарушении права К. на защиту не содержалось. Участвовавший в заседании суда кассационной инстанции адвокат такие доводы также не приводил. Выводы о виновности К. в совершении преступления, о квалификации содеянного никем из участников процесса под сомнение не ставились. Поэтому констатированное кассационной инстанцией несоблюдение процедуры судопроизводства при переходе к рассмотрению дела в общем порядке нельзя признать существенным нарушением закона, повлиявшим на исход дела, решение об отмене приговора не направлено на восстановление процессуальных прав и законных интересов К., поскольку судом первой инстанции они не были нарушены.

Верховный Суд РФ согласился с доводами заместителя Генерального прокурора РФ и указал, что согласно ч. 6 ст. 316 УПК РФ, в случае возражений сторон против рассмотрения дела в особом порядке суд выносит постановление о его прекращении и назначении рассмотрения дела в общем порядке. Указанное требование закона не исключает и не аннулирует результаты судебного производства по делу, установленные до перехода в общий порядок судебного разбирательства.

Соблюдение срока извещения сторон о месте, дате и времени судебного заседания, предусмотренное ч. 4 ст. 231 УПК РФ, при изменении формы судопроизводства судом первой инстанции было обеспечено. При этом вопрос о соблюдении процессуальных прав участников процесса, в том числе права подсудимого на подготовку к защите в случае изменения формы судопроизводства, надлежит разрешать с учетом конкретных обстоятельств дела и уточненного волеизъявления сторон.

Так, из материалов дела следует, что рассмотрение данного уголовного дела в отноше-

нии К. было назначено на 17 сентября 2019 г., о чем участники процесса уведомлены надлежаще и в установленные сроки.

Согласно протоколу судебного заседания от 17 сентября 2019 г., была установлена личность подсудимого, объявлен состав суда, права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, подсудимому разъяснены, о чем имеется подписка. Государственным обвинителем изложено предъявленное К. обвинение, которое, как пояснил подсудимый, ему понятно. В связи с возражением государственного обвинителя против заявленного подсудимым ходатайства о рассмотрении дела без проведения судебного разбирательства, судом вынесено постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении судебного заседания в общем порядке на 24 сентября 2019 г., которое оглашено в присутствии сторон.

Из протокола судебного заседания от 24 сентября 2019 г. следует, что после прекращения рассмотрения дела в особом порядке и перед началом судебного следствия председательствующим выяснялся вопрос о наличии у сторон ходатайств. Ходатайств об отложении судебного заседания, в том числе ввиду необходимости подготовки К. к защите не поступало. Позиция К., признававшего свою вину в содеянном, оставалась неизменной на протяжении всего судебного разбирательства.

В кассационных жалобах адвокатами в интересах К. ставился вопрос лишь об изменении приговора в части наказания, назначенного К. В возражении на кассационную жалобу потерпевший заявлял об оставлении приговора без изменения. При рассмотрении дела в кассационном порядке адвокат К. также не сообщал о нарушении процессуальных прав подзащитного при принятии судом первой инстанции решения о прекращении особого порядка. Выводы о виновности К. в совершении преступления, квалификации содеянного под сомнение не ставились.

Между тем круг оснований для отмены вступившего в законную силу судебного решения определен ст. 401.15 УПК РФ и ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела, в частности, на вывод о виновности, на юридическую оценку содеянного, на назначенное судом наказание.

Таких нарушений по делу в отношении К. не установлено. Выводы о его виновности в

совершении преступления, о квалификации содеянного подтверждены исследованными доказательствами и никем из участников процесса под сомнение не ставились, как не ставилась ими под сомнение и возможность реализации подсудимым К. своего права на защиту. С учетом объявления состава суда, разъяснения процессуальных прав всем участникам процесса, выполнения требований, предусмотренных ст. 273 УПК РФ, имевших место в судебном процессе 17 сентября 2019 г., нет таких обстоятельств и объективно. Каких-либо данных, ставящих под сомнение возможность реализации К. своего права на защиту в судебном процессе, не имеется, факт информированности о предъявленном обвинении и возможность осуществления защиты от обвинения стороной защиты не оспаривались.

Верховный Суд РФ указал, что вывод кассационной инстанции о несоблюдении процедуры судопроизводства при переходе к рассмотрению дела в общем порядке нельзя признать существенным нарушением закона, повлиявшим на исход дела, и кассационное определение Четвертого кассационного суда от 18 декабря 2019 г. подлежит отмене, уголовное дело – направлению на новое кассационное рассмотрение [2].

Другой аналогичный пример. Р. по приговору Адлерского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 4 декабря 2018 г. была осуждена по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ к 2 годам лишения свободы. Апелляционным определением Краснодарского краевого суда от 27 февраля 2019 г. приговор в отношении Р. оставлен без изменения.

Кассационным определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2019 г. приговор Адлерского районного суда и апелляционное определение Краснодарского краевого суда в отношении Р. отменены, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию. Одновременно Четвертым кассационным судом вынесено частное определение в адрес судьи Адлерского районного суда Ш. и судей Краснодарского краевого суда М., Г. и Х., в котором обращено внимание на допущенные ими нарушения уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела в отношении Р.

Отменяя постановленные в отношении Р. приговор и апелляционное определение, суд

кассационной инстанции сослался на несоблюдение судом первой инстанции процедуры судопроизводства после прекращения особого порядка судебного разбирательства и продолжения рассмотрения дела в общем порядке, выразившееся в невыполнении судом требований гл. 36 УПК РФ, регламентирующей процедуру подготовительной части судебного заседания, а также требований ч. ч. 1, 2 ст. 273 УПК РФ, что признано существенным нарушением закона, повлекшим нарушение права подсудимой Р. на защиту.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил об отмене вышеуказанного кассационного определения и направлении уголовного дела на новое кассационное рассмотрение, приводя те же доводы и основания, что и в предыдущем случае.

Верховный Суд РФ согласился с доводами прокурора и пришел к выводу о том, что предусмотренное ч. 6 ст. 316 УПК РФ прекращение рассмотрения дела в особом порядке и переход суда в общий порядок судебного разбирательства не означает возвращение суда на стадию назначения дела, после которой судебное разбирательство возобновляется. Вступившее в законную силу постановление о назначении дела в особом порядке, вынесенное судом в соответствии с гл. 33 УПК РФ, не подлежит отмене в связи с прекращением особого порядка. В этой связи результаты судебного производства по делу, установленные до перехода в общий порядок судебного разбирательства, не утрачивают своего значения, суд вправе продолжить начатое судебное разбирательство.

По настоящему делу судом первой инстанции не был нарушен порядок перехода судебного разбирательства с особого на общий. Так, постановлением судьи Адлерского районного суда г. Сочи от 6 ноября 2018 г. в связи с заявленным обвиняемой Р. при ознакомлении с материалами дела ходатайством о применении особого порядка судебного разбирательства было назначено закрытое судебное заседание в особом порядке на 19 ноября 2018 года, о чем участники процесса уведомлены надлежащим образом и в установленные ч. 4 ст. 231 УПК РФ сроки.

Согласно протоколу судебного заседания от 19 ноября 2018 г., судом был объявлен участникам процесса состав суда с разъяснением права отводов, установлена личность подсу-

димой Р., ей разъяснены права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ и ст. 51 Конституции РФ, о чем взята подписка, государственным обвинителем изложено предъявленное Р. обвинение, которое, как пояснила подсудимая, ей понятно. Далее, в связи с возражением государственного обвинителя против заявленного подсудимой ходатайства судом вынесено постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении судебного заседания в общем порядке на 3 декабря 2018 г., которое оглашено в присутствии сторон.

Из протокола судебного заседания от 3 декабря 2018 г. следует, что после прекращения рассмотрения дела в особом порядке и перед началом судебного следствия государственным обвинителем вновь было изложено предъявленное Р. обвинение, с которым она согласилась, полностью признав свою вину. Ходатайств об отложении судебного заседания ни от подсудимой, ни от ее защитника, в том числе по мотиву подготовки Р. к защите от предъявленного обвинения, не поступило.

Изложенное свидетельствует о том, что с учетом объявления состава суда, разъяснения процессуальных прав всем участникам процесса, выполнения требований, предусмотренных ст. 273 УПК РФ, имевших место в судебном заседании 19 ноября 2018 г., судом полностью проведена подготовительная часть судебного заседания и начато судебное следствие, которое продолжено 3 декабря 2018 г.

Исследовав все представленные сторонами доказательства, суд предоставил сторонам право в прениях, а подсудимой и в последнем слове высказать свое мнение по всем рассматриваемым вопросам.

Какие-либо данные, ставящие под сомнение возможность реализации Р. своего права на защиту, из дела не усматриваются. Не указывал на такие нарушения закона и защитник осужденной.

При таких обстоятельствах вывод суда кассационной инстанции о несоблюдении судом процедуры судопроизводства при переходе к рассмотрению дела в общем порядке, что повлекло нарушение права Р. на защиту и повлияло на исход уголовного дела, нельзя признать обоснованным.

Как указал Верховный Суд РФ, по указанным мотивам кассационное определение Четвертого кассационного суда от 23 декабря 2019 г.

подлежит отмене, уголовное дело – направлению на новое кассационное рассмотрение. В этой связи отменено и частное определение Четвертого кассационного суда [3].

По другому делу кассационный суд необоснованно усмотрел нарушение нижестоящим судом пределов судебного разбирательства, выхода за рамки предъявленного лицу обвинения. Приговором мирового судьи судебного участка Чарышского района Алтайского края от 25 апреля 2019 г. Ф. осужден по п. п. «а», «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ за незаконную охоту с причинением крупного ущерба и с применением механического транспортного средства к штрафу в размере 100 000 рублей.

Апелляционным постановлением Чарышского районного суда Алтайского края от 10 июня 2019 г. приговор изменен: исключено указание на конфискацию принадлежащего Ф. ружья ИЖ12. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Определением Восьмого кассационного суда от 23 декабря 2019 г. апелляционное постановление Чарышского районного суда отменено, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд. Основанием для отмены апелляционного определения явилось то обстоятельство, что суд первой инстанции, мотивируя свои выводы об использовании Ф. транспортного средства, сослался на то, что транспортировка туш забитых животных осуществлялась на снегоходе, тогда как указанное обстоятельство не вменялось осужденному.

Таким образом, суд кассационной инстанции сделал вывод о нарушении судом первой инстанции положений ст. 252 УПК РФ, указав на то, что районный суд на это обстоятельство внимание не обратил, не проверил надлежащим образом доводы стороны защиты об оспаривании применения снегохода, допустив существенное нарушение уголовно-процессуального закона, и направил дело на новое апелляционное рассмотрение.

В кассационной жалобе представитель потерпевшего (Министерства природных ресурсов и экологии Алтайского края) К. просил отменить кассационное определение и оставить приговор и апелляционное постановление без изменения, считая осуждение Ф. обоснованным и законным, ссылаясь на то, что выводы суда кассационной инстанции противоречат фактическим обстоятельствам дела, поскольку приговором установ-

лены лишь факты, отраженные в обвинительном акте, включая использование Ф. при незаконной охоте транспортного средства, и следовательно, за пределы обвинения суд не вышел. При этом суд кассационной инстанции не указал в определении, какие именно обстоятельства излишне вменены Ф., и по каким причинам он сам не может исключить их из приговора.

Верховный Суд РФ не согласился с выводами Восьмого кассационного суда и указал, что по смыслу п. п. 3 и 4 ч. 1 ст. 220 УПК РФ обвинение включает в себя обстоятельства совершения преступления (место, время, способы, мотивы, цели, последствия), имеющие значение для данного уголовного дела, а также конкретные нормы уголовного закона, предусматривающего ответственность за данное преступление.

Как видно из приговора, описание обстоятельств преступления, в совершении которого Ф. признан виновным, не выходит за пределы предъявленного ему и описанного в обвинительном акте обвинения, в связи с чем оснований для вывода о нарушении судом первой инстанции положений ст. 252 УПК РФ не имеется.

Суд первой инстанции не признавал Ф. виновным в транспортировке добытых в результате незаконной охоты туш. Тот факт, что суд в приговоре привел доказательства – показания свидетелей об использовании Ф. снегохода, в том числе для транспортировки забитых животных, не может свидетельствовать о нарушении требований ст. 252 УПК РФ,

поскольку судом не сделан вывод об осуждении Ф. за эти действия.

Выводы кассационного определения о том, что суд апелляционной инстанции не проверил надлежащим образом доводы стороны защиты об оспаривании применения снегохода, не могут быть признаны конкретными, отвечающими вышеуказанным требованиям уголовно-процессуального закона, которые определяют содержание определения суда кассационной инстанции. В результате определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2019 г. было отменено, соответственно решения нижестоящих судов оставлены без изменения [4].

На наш взгляд, в данном случае, если даже и согласиться с тем, что суд первой инстанции допустил некое нарушение, конкретизировав действия осужденного, дополнив их указанием на транспортировку туш забитых животных на снегоходе, здесь не усматривается существенного нарушения закона, влекущего отмену приговора. Убив животных, Ф. уже завладел ими и завершил преступление. Отвез он туши на снегоходе, на машине, потащил на санках – эти обстоятельства правового значения уже не имеют.

В заключение отметим, что случаи отмен, изменений судебных решений новых кассационных судов по уголовным делам носят единичный характер. В целом кассационные суды общей юрисдикции обеспечивают высокое качество рассмотрения уголовных дел в кассационной инстанции.

Литература

1. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09062020-n-51-udp20-3-k8/>.
2. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02062020-n-18-ud20-34-k4/>.
3. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10062020-n-18-udp20-36-k4/>.
4. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21052020-n-51-ud20-2-k8/>.

Bibliography

1. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09062020-n-51-udp20-3-k8/>.
2. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02062020-n-18-ud20-34-k4/>.
3. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10062020-n-18-udp20-36-k4/>.
4. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21052020-n-51-ud20-2-k8/>.

© 2021 г. Миронова Анна Валентиновна,

начальник кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: mir.av@mail.ru

Шанько Виктор Викторович,

начальник кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России кандидат педагогических наук.
E-mail: v.shanko@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье представлен результат исследования критериев, по которым суд, орган предварительного расследования смогут определить признаки малозначительности деяния, при отсутствии каких-либо пояснений в ч. 2 ст. 14 УК РФ. Приведенные примеры судебной практики смогут сориентировать правоприменителей по видам оснований для принятия решения о малозначительности деяния, предусмотренного уголовным законом.

Ключевые слова: малозначительность, критерии, общественная опасность, объективные признаки, субъективные признаки.

Mironova Anna Valentinovna – Head of the Department of Criminal Procedure, the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', PhD in Law, Associate Professor.

Shanko Victor Viktorovich – Head of the Department of Tactical and Special Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Pedagogics.

THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM OF DETERMINING THE INDICIA OF INSIGNIFICANCE OF AN ACT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article presents the result of a study of the criteria by which the court, the preliminary investigation body will be able to determine the indicia of insignificance of the act, in the absence of any explanations in Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. The given examples of judicial practice will be able to orient law enforcement officers on the types of grounds for making a decision on the insignificance of an act provided for by the criminal law.

Keywords: insignificance, criteria, public danger, objective signs, subjective signs.

Получение органом внутренних дел сообщения о преступлении является началом первой стадии уголовного судопроизводства, т. е. началом уголовно-процессуальной деятельности, которая может развиваться по разному сценарию в зависимости от определенных обстоятельств. Выявление признаков конкретного преступления может стать основанием для возбуждения уголовного дела либо отказа в его возбуждении при установлении признаков малозначительности деяния, если будет установлено отсутствие общественной опасности. Авторами проводилось анкетирование 110 сотрудников правоохранительных органов, из них 35 оперуполномоченных полиции, 7 участковых, 38 следователей и 30 дознавателей (ОМВД

России по Войковскому району г. Москвы, ОМВД России по Тимирязевскому району г. Москвы, ОМВД России по Хорошево-Мневники г. Москвы, ОМВД России Ленинского, Кировского, Волжского Заводского районов г. Саратова и Саратовского района Саратовской области). Данные опроса показывают, что сотрудники органов предварительного расследования в большинстве случаев не считают необходимым доказывать наличие общественной опасности (87 %), иногда затрудняются в ответе на данный вопрос (5 %) и лишь 8 % опрошенных считают необходимым установить степень общественной опасности деяния. В данной связи требуется внести ясность в решение проблемы о необходимости установления наличия

общественной опасности деяния и определения ее степени, указывающей на наличие или отсутствие преступления.

Решение органа дознания или предварительного следствия о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела должно основываться на выявленных в ходе следственной проверки признаках преступления, в том числе и его общественной опасности. Именно признак общественной опасности преступления позволяет установить наличие или отсутствие малозначительности деяния. В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ, если даже действие или бездействие формально содержит признаки деяния, предусмотренного в УК РФ (по способу, форме умысла, последствиям и т. п.), но не представляет общественной опасности в силу малозначительности, оно не является преступлением. В правоприменительной практике существует проблема установления признаков малозначительности и критериев оценки признаков деяния для определения его как малозначительного деяния. Необходимы ли такие критерии? Абсолютное большинство сотрудников, заполнивших анкеты (76 %), ответили, что они необходимы, 8 % – нет такой необходимости, и 16 % затруднились ответить на данный вопрос.

И действительно, необходимы ли четкие критерии для обозначения признаков малозначительности при всем многообразии деяний, объективная сторона которых описана в уголовном законе? Не получится ли, что их определение приведет к принятию шаблонных следственных и судебных решений, и не все возможные обстоятельства, которые могли бы повлиять на это решение, будут учтены? Сложившаяся практика, примеры которой будут приведены в настоящей статье, помогут нам разобраться в поставленных вопросах.

В правоприменительной следственной и судебной практике, в значительном количестве изученных уголовных дел и судебных решений, вывод о малозначительности деяния основывался на обстоятельствах, характеризующих личность, совершившего оцениваемое действие или бездействие [1, с. 69].

Довольно часто в апелляционных заявлениях подсудимых (осужденных) и их защитников, в решениях судов в качестве доводов, указывающих на малозначительность деяния, приводятся такие данные о личности, как

положительная характеристика, отсутствие судимости, состояние здоровья, добросовестное и правомерное в прошлом исполнение обязанностей, преклонный возраст и др. Такие обстоятельства характеризуют личность, влияют на индивидуализацию наказания, но не имеют отношения к совершенному деянию, не указывают на его малозначительность.

Малозначительность деяния, ввиду отсутствия конкретных правил ее установления, является оценочным понятием. В каждом конкретном случае следователь, дознаватель, орган дознания *принимает решение о малозначительности события (деяния), исходя из его индивидуальных особенностей.*

Норма уголовного закона, закрепленная в ч. 2 ст. 14 УК РФ, ориентирует правоприменительные органы на то, что для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить не только противоправность, но и уголовно-значимую общественную опасность деяния.

Каждое правонарушение причиняет определенный вред, но преступление выделяется среди всех видов правонарушений повышенной степенью общественной опасности, с присущими ей объективными и субъективными признаками. Объективные признаки обусловлены важностью и значимостью объекта преступного посягательства для общества и государства, степенью реализации преступного умысла, конкретным способом совершения преступления, тяжестью наступивших последствий, а иногда временем и местом совершения преступления, например в период стихийного бедствия.

В ч. 2 ст. 14 УК РФ отсутствует какая-либо дифференциация деяний, указывающая на то, какое деяние следует признавать малозначительным. При выяснении вопроса, какие деяния могут быть малозначительными, сотрудники правоохранительных органов ответили следующим образом: а) только деяния небольшой тяжести – 52 %; б) деяния средней тяжести – 23 %; в) тяжкие деяния – 0 %; г) деяния любой категории тяжести – 7 %; д) затрудняюсь ответить – 18 %.

Судебную практику в решении этого вопроса нельзя признать однозначной. В одном из судебных актов, в обоснование решения об отсутствии в деянии признаков малозначительности, суд указывает на то, что «с доводами кассационной жалобы адвоката о том,

что совершенное Н. преступление (ч. 1 ст. 222 УК РФ) является малозначительным, нельзя согласиться, поскольку указанное преступление в соответствии со ст. 15 УК РФ относится к категории преступлений средней тяжести» [5].

В других судебных решениях, при наличии формальных признаков преступления средней тяжести и иногда тяжких преступлений, принимается решение о малозначительности. Например, лицо совершило кражу бутылки пива, незаконно проникнув в жилище, что формально указывает на признаки деяния, квалифицируемого по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, но мизерный ущерб позволяет признать такое деяние малозначительным [6].

Именно незначительный размер причиненного ущерба (вреда) является основным фактором, снижающим общественную опасность деяния и, делая его малозначительным, применительно, например, к таким преступлениям, как «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» (ст. 256 УК РФ), «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов» (ст. 257 УК РФ) и подобных им.

Ярким примером признания малозначительности деяния, связанного с небольшим размером вреда биологическим ресурсам, мы обнаруживаем в постановлении Президиума Сахалинского областного суда от 7 октября 2016 г. по делу № 44У-61/2016. Суд постановил, что «... характер общественной опасности зависит от объекта посягательства, формы вины, категории преступления, а степень общественной опасности определяется обстоятельствами содеянного». Некий Ч. Д. А. был осужден по ч. 1 ст. 258.1 УК РФ за незаконный вылов рыбы, которая принадлежит к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации. Но Президиум Сахалинского областного суда посчитал, что при принятии решения в полном объеме не были учтены следующие обстоятельства: Ч. Д. А. выловил всего одну особь сахалинского тайменя с помощью спиннинга, который не может признаваться предметом истребления рыбы. Действия Ч. Д. А. были единичными и не повлекли причинение существенного ущерба рыбным запасам [7]. Приведенный пример показывает, как суд посчитал, что вылов одной штуки сахалинского тайменя, хотя и занесенного в Красную книгу Российской Федерации, не является существенным вредом,

не является опасным для рыбных ресурсов, не представляет общественной опасности в силу малозначительности деяния.

Вид преступления оказывает влияние на возможность признания деяния малозначительным. Результаты проведенных исследований указывают на то, что такие решения чаще принимаются по различным деяниям против собственности (68 %) [1, с. 231]. Изученная практика содержит примеры, когда совершение кражи, в которой имеются квалифицирующие признаки ч. 2 (п. а, б, г), ч. 3 (п. а, б, г) ст. 158 УК РФ, с незначительной суммой ущерба и обстоятельствами, смягчающими наказание, может привести к признанию деяния малозначительным, несмотря на большую тяжесть таких преступлений. Так, гражданин Б. незаконно проник в дом некоего К., откуда совершил хищение трех литров спиртного напитка общей стоимостью около 22 рублей. Хотя деяние формально подпадает под признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 158 УК РФ, которое относится к категории тяжких преступлений, но посчитав сумму похищенного незначительной, суд решил, что деяние не представляет общественной опасности [8].

В приведенном примере и во многих подобных делах объективный критерий указывает на то, что деяние не причинило или не создало угрозы причинения значительного вреда объекту уголовно-правовой охраны, и по этой причине может расцениваться как малозначительное.

Обычно в следственно-судебной практике сфера применения ч. 2 ст. 14 УК РФ не связана с деяниями, которые посягают на особо охраняемые и ценные объекты уголовно-правовой охраны, такие как жизнь и здоровье человека, половая неприкосновенность и половая свобода личности, мир и безопасность человечества.

Существует мнение отдельных исследователей, что необходимо ограничить сферу применения малозначительности, определив запреты, касающиеся определенных видов преступлений (оконченное преступление против жизни, организация преступного сообщества) или преступлений с рядом отягчающих наказание обстоятельств (особо активная роль в совершении преступления, совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, мучениями для потерпевшего) [2, с. 58]. Безусловно, наличие

таких признаков свидетельствует о наличии общественно опасных последствий деяния.

Что касается преступлений против жизни, то, если убийство, например, окончено на стадии приготовления ввиду добровольного отказа от умысла, то в таком случае, при наличии иных условий (например, отсутствие вреда здоровью или связь мотива преступления с защитой жизни и здоровья иного лица) может рассматриваться вопрос о малозначительности деяния.

На малозначительность влияют последствия, вызванные деянием, наличие или отсутствие общественной опасности.

Для установления малозначительности деяния его общественная опасность определяется двумя критериями: качественным и количественным.

Качественный критерий определяет характер общественной опасности преступления и зависит от признаков состава преступления. А количественный критерий обусловлен степенью общественной опасности деяния. Признаками такого критерия могут быть размер опасных последствий деяния, способ его совершения, вид умысла, форма вины.

Верховный суд Российской Федерации высказал позицию, что, определяя степень общественной опасности деяния, должны учитываться и обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание [3].

Степень общественной опасности деяния, связанного с хищениями, обычно определяется размером причиненного ущерба и значимостью предмета хищения. При нарушении правил охраны или вылова (добычи) биологических ресурсов – незначительное количество и стоимость выловленной рыбы, отсутствие вредных последствий для окружающей среды, а также используемый способ добычи, который не являлся опасным для биологических, в том числе и рыбных ресурсов.

Малозначительными могут быть признаки хищения, даже при наличии квалифицированных признаков (с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище; в жилище; совершенные группой лиц), о чем свидетельствует нижеследующий пример судебной практики.

Лоухский районный суд Республики Карелия вынес оправдательный приговор в отношении гражданина Г. А. П. по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ,

на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. Г. А. П., будучи в состоянии алкогольного опьянения, путем свободного доступа через незапертую входную дверь в подвальное помещение, незаконно проник в него, откуда тайно похитил принадлежащий К. скребок для снега, причинив ущерб на 472 рубля. Продав похищенное, Г. А. П. на вырученные деньги купил алкогольную продукцию, употребив ее. Обосновывая вынесение оправдательного приговора, Лоухский районный суд указал следующие основания: незначительный размер материального ущерба, факт возвращения похищенного имущества потерпевшему, ходатайство потерпевшего о прекращении уголовного дела. Вышеуказанное не позволило суду сделать вывод о наличии достаточной степени общественной опасности и привлечь Г. А. П. к уголовной ответственности [9].

По мнению суда, вышеописанное деяние обладает признаками малозначительности. Безусловно, не один лишь размер похищенного играет в данном случае роль, а система обстоятельств, которые характеризуют деяние, личность обвиняемого, его поведение после совершения преступления (раскаяние, возмещение вреда). Но при причинении значительного или крупного ущерба, вряд ли суд сделал вывод о малозначительности деяния.

По уголовным делам о незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, исходя из позиции Верховного Суда Российской Федерации, при правовой оценке деяния, в том числе его степени общественной опасности, необходимо учитывать количественные характеристики (хранение одного или нескольких патронов) и качественные показатели предмета преступления (неисправное оружие или боеприпасы, непригодное для использования по назначению), мотив и цель, которыми руководствовалось лицо (интерес к коллекционированию, найденный патрон, который лицо не собиралось применять ввиду отсутствия оружия и т. п.) [4].

Органам предварительного расследования следует изучать судебную практику и нормативную правовую базу, определяющую запреты, ограничения и общественно опасные последствия их нарушений, а также обоснованно подходить к решению о начале уголовного преследования.

Приведем в этом смысле примеры, в которых поспешное решение о возбуждении уголовного дела привело к его прекращению, оправданию подсудимого и признанию за ним права на реабилитацию.

В первом примере гражданин был оправдан по уголовному делу о незаконном приобретении и хранении боеприпасов (два патрона калибра 9 мм), с применением ч. 2 ст. 14 УК РФ. Государственный обвинитель подал представление на оправдательный приговор, обращая внимание апелляционной инстанции на формальный состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, что не требует наступления общественно-опасных последствий. Суд апелляционной инстанции представление не удовлетворил, указав, что хотя в действиях оправданного формально усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, но количество незаконно хранимых боеприпасов позволяют признать деяние малозначительным [10]. Апелляционная инстанция не отменила оправдательный приговор, оставив его в силе.

Во втором примере суд обосновал свое решение о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении гражданина Н. Н. Т., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, тем, что его действия не повлекли существенный вред охраняемым законом интересам безопасности в сфере оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. У Н. Н. Т. при личном досмотре были изъяты два патрона калибра 5,45 мм. Производством дознания по уголовному делу установлено, что подсудимый, находясь дома у своего знакомого, обнаружил у него два патрона, он забрал их себе, не поставив об этом знакомого в известность. Из патронов он хотел сделать брелок для ключей, не намереваясь использовать боеприпасы по назначению. Суд в своем постановлении указал, что «огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывные устройства могут признаваться предметом преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ, когда виновный имел намерение и реальную возможность привести его в пригодное для стрельбы состояние, либо если умысел виновного был направлен на дальнейший незаконный их оборот, либо совершил какие-либо действия по реализации этого намерения». Обвиняемый не имел оружия и характеризуется положительно по мес-

ту работы и жительства, ранее не был судим, признал вину, раскаялся в содеянном [11].

Таким образом, учитывая совокупность объективных и субъективных признаков деяния, суд обосновал свое решение о настолько малой степени общественной опасности совершенного подсудимым деяния, что оно не является преступлением.

Вышеприведенный пример показателен в том, что общественная опасность является категорией, которая определяется не только рассмотренными объективными признаками (видом и размером ущерба, причиненными последствиями, обстановкой события деяния, способом его совершения и др.). Она обладает и субъективными признаками (позитивные мотивы и цели деяния, добросовестное и открытое поведение, незначительная степень вины и др.) при условии, что последние проявились в совершенном деянии.

Примером совершения деяния с мотивом, имеющим позитивный характер, является следующая ситуация. Гражданин был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ, за незаконное хранение огнестрельного оружия, незаконное хранение взрывчатых веществ. Правоохранительными органами по месту жительства подозреваемого были обнаружены и изъяты самодельное короткоствольное гладкоствольное огнестрельное оружие и взрывчатое вещество (бездымный порох), приобретенные на законных основаниях. Право на хранение пороха гражданин утратил, но продолжал его хранить. Районный суд определил за указанное деяние уголовное наказание в виде лишения свободы со штрафом. Однако при рассмотрении апелляционной жалобы защитника осужденного Брянский областной суд сделал вывод о том, что при вынесении приговора судом первой инстанции не были учтены пожилой возраст, состояние здоровья, наличие инвалидности, материальное положение и наличие в уголовном деле материалов, свидетельствующих об использовании огнестрельного оружия и взрывчатого вещества осужденным в целях попытки самоубийства по причине ухудшения состояния здоровья. В итоговом решении Брянский областной суд отменил приговор районного суда и прекратил производство по уголовному делу на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – в связи с отсутствием в деяниях состава преступлений [12].

Итак, как было указано ранее, при решении вопроса о малозначительности недостаточно рассматривать только объективные признаки, хотя они могут достаточно ярко иллюстрировать вред, причиняемый общественным отношениям. Помимо ценности объекта преступного посягательства и вредных последствий, органом предварительного расследования и судом должен устанавливаться умысел виновного, который может быть при фактическом мизерном вреде направлен на совершение деяния с более высокой степенью общественной опасности.

Например, Иркутским областным судом был вынесен обвинительный приговор за открытое хищение кошелька с денежными средствами, причинившее ущерб на общую сумму 300 рублей. При незначительном материальном ущербе суд не посчитал деяние малозначительным, основываясь на обстоятельствах дела. Осужденная Г. замышляла причинить существенный вред, надеясь, что в кошельке окажется больше денежных средств, но по независящим от нее причинам не смогла этого добиться. Кроме того, были учтены действия Г., которая с целью хищения подбежала к потерпевшей, сбила ее с ног, затем нанесла ей удары ногой, причинив своими действиями телесные повреждения, не повлекшие вреда здоровью [8].

Или, такой пример, в котором судом вынесен обвинительный приговор по делу о краже денежных средств. Виновный, совершая кражу, рассчитывал на то, что потерпевший хранит в конверте крупный гонорар, но после окончания преступления выяснилось, что в конверте находилось письмо личного характера, а деньги были перечислены на счет в банке [8].

По уголовному делу, учитывая характер совершения преступления, суд расценил деяние как покушение на хищение в крупном размере, хотя по признакам причиненного вреда оно могло бы быть признано малозначительным. В первом примере применение насилия, и в двух приведенных ситуациях — неизвестность для виновного размера денежных средств, находившихся при потерпевшем, указывали на то, что умысел был направлен на совершение более общественно опасного преступления, чем оно вышло в итоге.

Необходимо выяснять, что предшествовало противоправному деянию (предкриминальное поведение).

Верховный Суд Российской Федерации и нижестоящие суды неоднократно признавали деяния малозначительными, ссылаясь, в том числе, и на поведение лица, которое предшествовало незаконному хранению боеприпасов. Например, патрон был найден случайно или забыт со времен, когда оружие и боеприпасы хранились на законных основаниях [8].

В ряде случаев посткриминальное поведение учитывалось при определении малозначительности деяния. К критериям, которые учитываются в совокупности с иными субъективными признаками, относится реакция виновника нарушения, последовавшая после его совершения. Как повело себя лицо после совершения преступления, добровольно компенсировало причиненный вред (возместило ущерб), примирилось с пострадавшим, принимало активное участие в ликвидации последствий деяния, не оспаривало факт совершения преступления и т. п., то это также будет говорить о малозначительности содеянного.

Значительная часть опрошенных сотрудников (42 %) на вопрос «нужно ли учитывать поведение лица после совершения им преступления при решении вопроса о возможности признания деяния малозначительным» ответили утвердительно, что вполне соответствует судебной практике. Меньшинство (17 %) считают, что такое поведение не влияет на принятие решения о малозначительности, а 41 % опрошенных сотрудников затруднились ответить на указанный вопрос.

Приведенный анализ судебной практики показывает, что суды активно применяют норму ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности деяния, однако такая практика является противоречивой и зачастую субъективной, что «тормозит» действия и решения органов предварительного расследования по признанию деяния малозначительным. Считаем, что такой возможностью нельзя пренебрегать, поскольку она связана с обеспечением защиты лица от незаконного и необоснованного осуждения. Определение в уголовном законодательстве критериев определения малозначительности деяния помогло бы в решении обозначенной проблемы. Пока такие критерии не закреплены законодателем следователям и дознавателям следует ориентироваться на сформированный практический опыт.

Литература

1. Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
2. Базарова С. Малозначительность деяния // Законность. 2009. № 1.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (абз. 3, 4 п. 1) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 (в ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного Суда РФ от 16.05.2002 № 11-о02-30 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21.04.2011 по делу № 35-О11-14 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 7.10.2016 по делу № 44У-61/2016 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
8. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431.
9. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/54BaviKWDtNt>.
10. Апелляционный приговор Свердловского областного суда от 14 сентября 2017 года по делу № 22-6647/2017. Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (третий квартал 2017 г. (53)) (утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 22.11.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
11. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XpmI0JuP0TW8/>.
12. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xidgRplWEDNW/?regular-txt>.

Bibliography

1. Korsun D.Yu. Insignificant act in criminal law: problems of theory and practice: dis. ... PhD in Law. M., 2019.
2. Bazarova S. Maloznachitel'nost' deystva // Zakonost'nost. 2009. № 1.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 № 58 (ed. of 18.12.2018) «On the practice of assigning criminal penalties by the courts of the Russian Federation» (paragraph 3.4, paragraph 1) // LRS «ConsultantPlus».
4. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 5 of 12.03.2002 (as amended). from 11.06.2019) «On judicial practice in cases of theft, extortion and illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices» // LRS «ConsultantPlus».
5. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.05.2002 № 11-o02-30 // LRS «ConsultantPlus».
6. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.04.2011 in case № 35-O11-14 // LRS «ConsultantPlus».
7. Resolution of the Presidium of the Sakhalin Regional Court of 7.10.2016 in case № 44U-61/2016 (the document was not published) // LRS «ConsultantPlus».
8. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431.
9. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/54BaviKWDtNt>.
10. Appeal verdict of the Sverdlovsk Regional Court of 14 September 2017 in case № 22-6647 / 2017. Bulletin of judicial practice in criminal cases of the Sverdlovsk Regional Court (third quarter of 2017 (53)) (approved by the decree of the Presidium of the Sverdlovsk Regional Court of 22.11.2017) // LRS «ConsultantPlus».
11. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XpmI0JuP0TW8/>.
12. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xidgRplWEDNW/?regular-txt>.

© 2021 г. Рябченко Полина Сергеевна,

соискатель ученой степени кандидата наук кафедры конституционного права Южно-Российского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; оперуполномоченный отделения № 6 по борьбе с экономическими преступлениями на территории обслуживания отдела полиции № 6 отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по г. Ростову-на-Дону.

ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

В статье исследуются частные и публичные начала конституционного права на национально-культурное развитие, рассматриваются различные формы его проявления. Проводится анализ системы ограничений конституционного права на национально-культурное развитие сквозь призму запретов, налагаемых законодательством на различные формы данного права.

Ключевые слова: право на национально-культурное развитие, ограничение, личность, народ, культура, запрет, национальность, религия.

Ryabchenko Polina Sergeevna – Candidate for PhD, the Department of Constitutional Law, the South Russian Institute of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Operative, the Department № 6 for Combatting Economic Crimes in the territory serving the Police Department № 6, the Department for Economic Security and Combating Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Rostov-on-Don.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESTRICTIONS ON THE RIGHT TO NATIONAL AND CULTURAL DEVELOPMENT

The author examines the private and public principles of the constitutional right to national and cultural development, considers various forms of its manifestation. Analyzes the system of restrictions of the constitutional right to national and cultural development through the prism of prohibitions imposed by legislation on various forms of this right, draws a conclusion about the functional role of prohibitions in the mechanism of ensuring the right to national and cultural development, reveals their law-enforcement nature, systematizes the list of prohibitions that form the basis of restrictions on the constitutional right to national and cultural development.

Keywords: the right to national and cultural development, restriction, personality, people, culture, prohibition, nationality, religion.

Риторика признания прав человека, их соблюдение и защита перманентно связаны, преломляются в публичном политическом дискурсе в актуальных вопросах по оспариванию прав человека, их фактического нарушения, возможностях введения ограничений с аргументацией какой-либо «чрезвычайной необходимости», иных аспектах, в законодательстве различных стран, политических практиках государств, обсуждаются в юридической науке, как в позитивном, так и негативном ключе. Несмотря на то, что теоретические и практические аспекты ограничений прав и свобод человека достаточно долго выступают предметом продолжающейся научной дискуссии, как в России, так и за рубежом [1, с. 55, 56], регулярно становятся предметом рассмотрения как национальных, так и межнациональных органов по защите прав и свобод личности, тем не менее, исследования в области осмысления ограничений прав и свобод в сфере реализации права на национально-культурное

развитие представляются интересными и актуальными, поскольку являются узкопредметными и мало изученными. Как свидетельствует опыт конституционного становления данного права, целостный механизм обеспечения права на национально-культурное развитие еще не сформирован, соответствующее право не получило своего конституционного закрепления, вместе с тем ряд положений, ограничивающих его проявления, имеют место в законодательстве. Обращаясь к анализу вопросов, связанных с ограничениями права на национально-культурное развитие, в методологическом плане важно обратить внимание на то, что относится, по нашему представлению, к содержанию и формам данного права.

В содержании права на национально-культурное развитие следует выделять публичные и частные аспекты проявления данного права. Публичные характеристики предполагают наполнение данного права элементами, из которых складывается национально-духовная

оболочка национального государства, имеющего неотъемлемое право на собственный исторический путь, национальное развитие, формирование национально-культурного пространства, на самостоятельность в определении своей внешней и внутренней политики. В содержании права на национально-культурное развитие в аспектах частных начал следует различать индивидуальные и коллективные проявления и права на культурное развитие, права на национальное развитие, тесно взаимосвязанные между собой. Представляется право на культурное развитие как ключевое полномочие граждан как в самом, так и коллективном развитии, в последнем воссоединяется с национальным развитием. В свою очередь право народа на национальное развитие выступает одним из элементов государственного суверенитета, который реализуется в различных формах: право на собственную территорию, право распоряжаться самостоятельно собственными природными ресурсами, право на сохранение собственной национальной самобытности, развитие национальной культуры и др. Таким образом, частные и публичные начала теснейшим образом взаимосвязаны в содержании права на национально-культурное развитие.

Современный этап развития права на национально-культурное развитие предполагает признание его одной из особо значимых и защищаемых конституционной ценностью, неотъемлемым элементом конституционного статуса личности, народа России, одним из центральных объектов защиты в системе обеспечения национальной безопасности российского государства. Конституционно-правовые характеристики права на национально-культурное развитие позволяют его определить как возможности государства по формированию собственного национально-культурного пространства, механизма его обеспечения и защиты, а так же как совокупность возможностей граждан и их коллективов по реализации права на национальное самоопределение, сохранение этнокультурной идентичности и развития национальных духовно-культурных ценностей. В этой связи считаем целесообразным дополнить содержание ст. 68 Конституции Российской Федерации [2], содержание которой обогатилось в связи с признанием культуры уникальным наследием многонационального народа России, необходимостью ее государственной поддержки и охраны, согласно поправкам, внесенным в 2020 г., еще одним положением: «Граждане и их объединения имеют право на национально-культурное развитие».

Определение права на национально-культурное развитие, как комплекса правомочий,

имеет различные формы проявления, но, как и каждое право, имеет свои границы, пределы допустимости, что особенно важно, учитывая, что Россия является поликонфессиональным государством и имеет уникальное многонациональное культурное пространство. В указанных условиях любое государство стремится сохранить единство и баланс культурных ценностей, обеспечить равное духовное развитие всех национальностей, проживающих на его территории, одновременно соблюдая стратегические интересы государства в области обеспечения общенациональной безопасности.

Известно, что ограничения прав человека играют особую роль в регулировании общественных отношений. Этимологически «ограничивать» происходит от существительного «граница», «грань», означает, согласно толковому словарю обозначать пределы, границы, стеснять, удерживать в границах, поставить в рамки, сократить, установить какие-либо условия [3, с. 350].

Следует отметить, теоретические аспекты конституционных пределов не являются предметом настоящей статьи, научные споры о соотношении категорий «ограничение», «лишение», «умаление» прав человека [4, с. 36], их пределов [5, с. 4–19] достаточно изучены в научной литературе. Не погружаясь в суть дискуссий, хотелось бы отметить, что общеправовая сущность правовых ограничений заключается в поддержании правового и социального баланса, стабильности, исходя из общего понимания права [6, с. 69]. С одной стороны ограничения устанавливают неравенства в статусе граждан, т. к. ущемляют возможности граждан реализовывать свои свободы полно, без каких-либо изъятий, но с другой стороны – обоснованы необходимостью устанавливать социальный баланс, справедливость в обществе в рамках установленных требований и правил, задач государства. Именно в балансе частных и публичных интересов, отраженных в положениях ст. 2 Конституции Российской Федерации, заключены основы взаимоотношений личности, общества и государства, согласно которым человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а принцип соблюдения и защиты прав и свобод выступает обязанностью государства. Согласно положению Основного закона, интересы личности не противопоставляются интересам общества и государства, а наоборот определяют смысл и предназначение публичных органов государства, законодательства (ст. 17). Краеугольным камнем во взаимоотношениях личности с государством выступают пределы ограничения прав и свобод личности, пределы вмешательства государства в их реализацию.

Пределы ограничения прав граждан, закрепленные в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, универсальны, применимы ко всем правам и свободам человека и гражданина. В указанных положениях в полном соответствии с рекомендациями по ограничению прав граждан нормами международного законодательства, которые даются Всеобщей декларацией прав человека (п. 2 ст. 29), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (ст. 4, 8), Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 12, 18, 19, 21) и др., закреплено, что права граждан могут быть ограничены на основе федерального закона в целях защиты основ конституционного строя, прав граждан, здоровья, нравственности населения, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Иными словами, с учетом соблюдения интересов и личности – прав, свобод, законных интересов, и публичных интересов – потребностей в безопасности, соблюдении норм нравственности и морали, общественном порядке, спокойствии и благосостоянии. Только оптимальное сочетание частных и публичных интересов, соблюдение требований по соразмерности, адекватности, обоснованности в вопросах применения ограничений позволяет не перейти границу выхода за пределы смысла и ценности самого права. Как справедливо отмечалось, ограничение права возможно только до тех пределов, при которых оно не вступает в противоречие с истинным назначением самого права, иначе исказится та благая цель, ради которой данные ограничения допускались [7, с. 26].

Ограничения права на национально-культурное развитие в законодательстве имеют форму запретов. Вопросы соотношения запретов и ограничений являются спорными в теории права, конституционном и административном праве. С одной стороны считается, что запреты выступают элементом правомерного ограничения, с другой, правовое ограничение является основой запрета как способа правового регулирования [8, с. 129]. По мнению А.В. Малько, всякий запрет – ограничение, но не всякое ограничение – запрет, понятие ограничения шире, запрет есть разновидность ограничения [9, с. 95–96]. Ученые в области административного права полагают, что сущность запрета заключается в позитивном обвязывании, которое реализуется посредством соблюдения, а ограничения выражаются в дозволении, и устанавливают юридические границы свободы [10, с. 12]. Представляется, следует различать ограничения прав граждан, устанавливаемые в целях обеспечения охранительной функции и ограничения, применяе-

мые на основе норм права, например, вследствие совершения противоправного деяния. В конституционной плоскости, на уровне установления ограничений прав граждан понятия «запрет» и «ограничения» совпадают, представляют собой допустимые границы поведения. В любой ситуации правоприменительной, в случае вовлечения личности в сферу деятельности исполнительного органа, когда последнему необходимо противодействовать различного рода правонарушениям, обеспечить охрану общественного порядка, ограничения выступают необходимым элементом административного властного воздействия, например, применения такой меры административного принуждения как задержание, доставление, досмотр транспортного средства и др., следовательно, запрет и ограничения не синонимичны.

Анализ законодательства с учетом размытости и отсутствия законодательного определения права на национально-культурное развитие предопределяет сложности в установлении пределов ограничений права на национально-культурное развитие. В тексте Конституции Российской Федерации право на национально-культурное развитие как субъективное право личности, реализуемое индивидуально и подразумевающее в своем содержании право на свободу мысли, слова, совести и религии, свободу убеждений и их свободное выражение в политике, искусстве, религии в их трактовке как принадлежности к национальной (этнической) общности, самостоятельности в выборе ценностей, идеологии, религии, выборе национальности, возможности получать образование на своем родном языке, воспитывать детей, осуществлять творческую деятельность, охраняется положениями ст. 19 Конституции Российской Федерации, устанавливающей запрет дискриминации по признаку национальной принадлежности. Запрет здесь устанавливает границы, пределы правомерного ограничения данного права, одновременно охраняя его.

Право на национально-культурное развитие как коллективное право, подразумевающее в своем содержании право на самоопределение, сохранение самобытности, этнических традиций, развитие национального языка, культуры, образование, общественные объединения, самоуправления охраняется положениями ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации, устанавливающей запрет на создание общественных объединений, преследующих цели свержения основ конституционного строя, нарушения целостности Российской Федерации, подрыв безопасности

государства, создании вооруженных формирований, разжигание в том числе расовой, национальной и региональной розни. Учитывая, что свобода совести и вероисповедания выступают составной частью права на национально-культурное развитие, положения ст. 14 Конституции Российской Федерации, устанавливающие равенство религиозных объединений, фактически содержит скрытый запрет на преследование религиозными объединениями политических целей, т. е. ограничения данной формы права на национально-культурное развитие.

Право на национально-культурное развитие в публичном аспекте, выводящее нас на категорию суверенитет, так же обеспечивается скрытым запретом, содержащимся в ч. 3 ст. 5 Конституции Российской Федерации, устанавливающей принципы российского федерализма, среди которых государственная целостность Российской Федерации, которая фактически обозначает запрет на сецессию, являющийся одновременно и ограничением права на национально-культурное развитие, и элементом механизма реализации суверенитета государства.

Крайние, негативные формы права на национально-культурное развитие – экстремизм на национальной почве, превосходство, дискриминация в области культуры, протесты, отрицание иной культуры и национальности, нетерпимость к иным этническим общностям, призывы к свержению основ конституционного строя, распаду страны, сдерживаются системой запретов, содержащихся, помимо Конституции Российской Федерации, в целом ряде федеральных законов. В первую очередь ограничиваются конституционными положениями, закрепляющими равноправие граждан (ст. 19), равноправие и самоопределение народов (ч. 3 ст. 5), подчеркиванием значения толерантности, силы и роли многонационального народа России (ч. 1, 2, 3 ст. 68).

Учитывая, что право на национально-культурное развитие охватывает религиозные аспекты, которые неотделимы от культуры, такие крайние проявления как радикализм, экстремизм, терроризм как крайнее проявление экстремизма [11, с. 179], противодействие им и ограничения в данной сфере устанавливаются Федеральными законами 2006 г. «О противодействии терроризму» [12], 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» [13]. В первом в ст. 24 установлен запрет на создание и деятельность в Российской Федерации организаций, цели и действия которых преследуют цель пропаганды, оправдания и поддержки терроризма как идеологии насилия и прак-

тики воздействия на принятие решений органами публичной власти, связанные с устрашениями населения или иными формами противоправных насильственных действий. Во втором в ст. 17 устанавливается запрет на функционирование таких общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций иностранных государств и их структурных подразделений, деятельность которых законодательно признается экстремистской, т. е. направленной на насильственное изменение основ конституционного строя и (или) либо нарушение территориальной целостности государства, а так же в различных формах, в том числе через сеть Интернет [14, с. 219–220], распространяющих материалы экстремистского характера, призывающие в том числе к полному или частичному уничтожению какой-либо этнической, расовой, национальной или религиозной группы, оправдывающей национальное либо расовое превосходство.

Реализация прав на национально-культурное развитие в рамках общественных объединений ограничена запретами, устанавливаемыми Федеральным законом 2001 г. «О политических партиях» [15], о недопустимости создания политических партий, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 9), запрет на создание политических партий по этнонациональному или религиозному признаку. Реализация права на национально-культурное развитие в коллективных формах в рамках общественных объединений, именуемых национально-культурными автономиями согласно ФЗ «О национально-культурной автономии» [16], так же ограничено. В ст. 4 данного закона содержится скрытый запрет – указание на то, осуществление права на национально-культурную автономию не должно наносить ущерб интересам других этнических общностей. Кроме этого в данной статье так же указывается, что участие или неучастие в деятельности национально-культурной автономии не может служить основанием для ограничения прав граждан Российской Федерации, равно как и национальная принадлежность не может служить основанием для ограничения их участия или неучастия в деятельности национально-культурной автономии.

Далее следует упомянуть Федеральный закон 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» [17], который устанавливает запрет на воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отноше-

нием к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий (ч. 6 ст. 3). По совокупному смыслу ст. ст. 29, 30 Конституции Российской Федерации и положений Федерального закона 2004 г. «О собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях» [18] в законодательстве закреплён запрет на проведение публичных и массовых мероприятий, пропагандирующих национальное превосходство.

Исследование системы ограничений в сфере реализации права на национально-культурное развитие позволяет сделать вывод, что ограничения данного права обеспечивают, во-первых, защиту данной группы прав, во-вторых, устанавливают пределы действия соответствующих норм, в-третьих, выступают мерилем законности осуществления данных прав. Таким образом, ограничения в сфере реализации права на национально-культурное развитие выполняют и правообеспечительную, и правоохранительную функции. Общие основания и пределы ограничений прав и свобод установлены на международном и национальном уровнях, что с одной стороны гарантирует высочайший уровень их защиты от неправомерных ограничений, с другой – позволяет определить объём ограничений права на национально-культурное развитие, обосновать необходимость, значимость подобных ограничений в национальном законодательстве в целях обеспечения правопорядка. Ряд ограничений права на национально-культурное развитие выражен в форме запретов в Конституции Российской Федерации, в целом ряде федеральных законов, и напрямую охраняет позитивные формы его реализации в стране, что позволяет так же в ряде случаев осуществить профилактику административных правонарушений в сфере охраны порядка, взаимосвязанных с реализацией прав на национально-культурное развитие.

Система ограничений в сфере реализации права на национально-культурное развитие представляет совокупность следующих запретов:

- запрет на создание общественных объединений, преследующих цели разжигания, в том числе расовой, национальной и региональной розни;

- запрет на проведение публичных религиозных мероприятий, преследующих политические цели;

- запрет на использование права на национально-культурное развитие как право на сепессию;

- запрет на создание и деятельность в Российской Федерации организаций, цели и действия которых преследуют цель пропаганды, оправдания и поддержки терроризма как идеологии насилия и практики воздействия на принятие решений органами публичной власти, связанные с устрашениями населения или иными формами противоправных насильственных действий на религиозной и (или) национальной почве;

- запрет на функционирование таких общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций иностранных государств и их структурных подразделений, деятельность которых законодательно признаётся экстремистской, т. е. направленной, в том числе и на пропаганду превосходства по национальному, религиозному признаку, призывов к уничтожению какой-либо этнической, расовой, национальной или религиозной группы, а так же к насильственному изменению основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности государства;

- запрет на создание политических партий по этно-национальному или религиозному признаку;

- запрет на реализацию права на национально-культурную автономию в ущерб интересам других этнических общностей;

- запрет на воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий;

- запрет на проведение публичных и массовых мероприятий, пропагандирующих национальное превосходство.

Литература

1. Бакалова Е. Конструктивизм в исследовании международных норм защиты прав человека // Международные процессы. Том 13. № 1 (40). Январь–март. 2015.
2. Конституция Российской Федерации.

Bibliography

1. Bakalova E. Constructivism in the study of international norms for the protection of human rights // International processes. Volume 13. № 1 (40). January–March. 2015.
2. The Constitution of the Russian Federation.

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2011.
4. Колосова Н.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8.
5. Пирбудагова Д.Ш. К вопросу о конституционных пределах, ограничениях основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Юридический мир. 2009. № 12.
6. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М., 2012.
7. Гойман В.И. Принципы, пределы и основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7.
8. Беляева Г.С. Правовой режим в общетеоретическом измерении: монография. М., 2013.
9. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
10. Фролов В.А. Административно-правовой механизм реализации запретов и ограничений в сфере таможенного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2014.
11. Капранова Ю.В. К вопросу о понятиях «экстремизм» и «терроризм» // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты. Материалы VI Международной научно-практич. конф. Краснодар, 2017.
12. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму».
13. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии экстремистской деятельности».
14. Меняйло Л.Н., Меняйло Д.В. Распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: сб. научных статей 9-й Международной научно-практич. конф. Курск, 2019.
15. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О политических партиях».
16. Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О национальной культурной автономии».
17. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и религиозных объединениях».
18. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях».
3. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 2011.
4. Kolosova N.M. Direct action of the Constitution of the Russian Federation and limitation of constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of judicial practice // Journal of Russian law. 2019. № 8.
5. Pirbudagova D.Sh. On the issue of constitutional limits, restrictions on the fundamental rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation // Legal world. 2009. № 12.
6. Yakovlev V.F. Legal state: issues of formation. M., 2012.
7. Goyman V.I. Principles, limits and grounds for limiting human rights and freedoms under Russian law and international law // State and Law. 1998. № 7.
8. Belyaeva G.S. Legal regime in general theoretical dimension: monograph. M., 2013.
9. Malko A.V. Incentives and restrictions in law. 2-nd ed., Rev. and add. M., 2004.
10. Frolov V.A. Administrative and legal mechanism for the implementation of prohibitions and restrictions in the field of customs: author. dis. ... PhD in Law. Lyubertsy, 2014.
11. Kapranova Yu.V. On the question of the concepts of «extremism» and «terrorism» // Counteracting extremism and terrorism: philosophical, sociological and political aspects. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2017.
12. Federal Law of 06.03.2006 № 35-FL (as amended on 26.05.2021) «On countering terrorism».
13. Federal Law of 25.07.2002 № 114-FL (as amended on 08.12.2020) «On Countering Extremist Activity».
14. Menyailo L.N., Menyailo D.V. Distribution of extremist materials on the Internet // Trends in the development of modern society: managerial, legal, economic and social aspects: collection of scientific articles of the 9-th International Scientific and Practical Conference. Kursk, 2019.
15. Federal Law of 11.07.2001 № 95-FL (as amended on 30.04.2021) «On political parties».
16. Federal Law of June 17, 1996 № 74-FL (as revised on April 30, 2021) «On national and cultural autonomy».
17. Federal Law of September 26, 1997 № 125-FL (as amended on June 11, 2021) «On freedom of conscience and religious associations».
18. Federal Law of June 19, 2004 № 54-FL (as revised on December 30, 2020) «On meetings, rallies, processions and picketing».

© 2021 г. Пестов Роман Аркадьевич,

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России

кандидат юридических наук.

E-mail: 79185927828@ya.ru

Кузнецова Кристина Александровна,

преподаватель кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: kristina.a.kulikova@mail.ru

Болобан Максим Леонидович,

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России.

E-mail: omonra161@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ВИДОВ ТРАНСПОРТА НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ТЯГЕ

В статье рассматривается современное состояние отечественного и зарубежного правового регулирования в отношении использования новых видов транспорта на электрической тяге. Проведен анализ правоприменительной и судебной практики, который показал ряд однотипных спорных ситуаций, возникающих в связи с использованием новых видов транспорта на электрической тяге.

Ключевые слова: правовой статус, законодательное регулирование, участник дорожного движения, обеспечение безопасности дорожного движения, мобильный транспорт, средства индивидуальной мобильности, индивидуальное пешеходное техническое устройство, компактный транспорт, индивидуальное средство передвижения, индивидуальное колесное средство передвижения на электро-тяге, электросамокат.

Pestov Roman Arkadievich – Associate Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Kuznetsova Kristina Aleksandrovna – Lecturer, the Department of Administrative Law and Administrative and Official Activities of the Internal Affairs Bodies, the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Boloban Maksim Leonidovich – Lecturer, the Department of Tactical and Special Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF NEW TYPES OF TRANSPORT ON ELECTRIC TRACTION

The article examines the current state of domestic and foreign legal regulation in relation to the use of new types of transport on electric traction. An analysis of law enforcement and judicial practice, which showed a number of similar disputable situations arising in connection with the use of new types of transport on electric traction, was carried out.

Keywords: legal status, legislative regulation, road user, road safety, mobile transport, individual mobility devices, individual pedestrian technical device, compact transport, individual vehicle, individual wheeled vehicle on electric traction, electric scooter.

Едва ли в современном обществе найдется человек, который не пользуется каким-либо транспортом, т. к. генезис человечества неразрывно связан с освоением новых мест, миграционные процессы вызвали необходимость переноса (перевоза) различного скарба.

Сначала гужевой, затем механический транспорт (например, в виде самодвижущихся повозок) вызвали технолого-экономиче-

ский толчок в развитии стран, где процессы усиления роли транспорта были реализованы государством.

В этом ключе социальная актуальность исследования обусловлена тем, что появление новых видов транспорта является частью мировой экономической глобализации, и в данные процессы активно и пассивно вовлечены все граждане нашей страны.

Практическая актуальность заключается, с одной стороны, в необходимости правового регулирования в рамках обеспечения безопасности участников дорожного движения, с другой стороны, в изменении (планировании новой) инфраструктуры для использования транспорта.

Ранее проблематику использования различных видов транспорта рассматривали ученые в экономическом аспекте, предлагая строительство высококачественных автострад и новых механизмов администрирования транспортной отраслью [1], экологическом аспекте, рассматривая альтернативу использования моторного топлива [2], социологическом аспекте, признавая транспорт в качестве социальной детерминанты, влияющей на мобильность населения и границы населенных пунктов [3], а также в правовом аспекте, рекомендуя необходимость проведения профилактических мероприятий [4], дополнительной регламентации положений правил дорожного движения [5] (далее – ПДД) или оптимизации механизмов привлечения к административной ответственности отдельных участников дорожного движения [6].

Большинство исследований посвящено проблемам только автомобильного транспорта или не ставятся в качестве целей исследований предложения по совершенствованию направлений, определенных в документах долгосрочного планирования государственной политики, что определило научную проблему в виде правового регулирования использования новых видов транспорта.

Целью исследования является изучение причин нарушения ПДД с использованием новых видов транспорта на электрической тяге. Задачами являются установка взаимосвязей между причинами нарушениями ПДД с использованием новых видов транспорта на электрической тяге и безопасностью дорожного движения (далее – БДД) и разработка методов решения на различных уровнях администрирования транспорта, позволяющих сократить нарушения ПДД.

Согласно статистическим данным МВД России за 2020 г. произошло 137 662 дорожно-транспортных происшествия (далее – ДТП), погибло 15 788 человек, из которых 502 ребенка, получили ранения различной степени тяжести 175 170 человек, из которых 16 675 детей до 16 лет, при этом с наездом на пешехода совершено 34 240 ДТП, погибло 4 205 чело-

век, ранено 31 430 человек. Несмотря на снижение по сравнению с 2019 г. по всем представленным данным [7], необходимо признать, что традиционный подход в виде только усиления административной или уголовной ответственности за нарушение ПДД нельзя назвать эффективным.

В 2018 г. Правительством РФ принята Стратегия БДД на 2018–2024 гг. [8], которая помимо анализа состояния БДД включает систему мер, направленных на уменьшение смертности (нулевая смертность от ДТП к 2030 г.) и повышение безопасности в этой сфере. Оценка состояния БДД основана на традиционных видах транспорта и действиях (бездействии) пешеходов, без учета использования электрических видов транспорта, таких как электросамокаты, гироскутеры, сигвеи и т. п., а с учетом все большей доступности, как в рамках покупки или аренды это передвижение на электротранспорте (в статье под электротранспортом понимается мобильный транспорт – электросамокат, сигвей, моноколесо и т. п.) становится массовым явлением, особенно в мегаполисах.

Так, только в Санкт-Петербурге находится более 12 тыс. электросамокатов, а всего по Российской Федерации в прокате представлено более 100 тыс. различных устройств для передвижения. Рынок «кикшеринга» оценивается более чем в 10 млрд рублей [9], что делает данную отрасль одной из самых быстро развивающихся и прибыльных вместе с тем и проблемной, т. к. в геометрической прогрессии возникает количество ДТП с участием электротранспорта (за 2020 г. в Москве произошло 156 ДТП, в которых пострадали 156 человек, из которых 73 – дети до 16 лет) [10]. В этом аспекте законодатель остается в роли аутсайдера, т. к. таких участников дорожного движения полностью нельзя отнести к пешеходам, велосипедистам или управляющими мопедом (в случае наличия электродвигателя максимальной мощностью более 250 ватт необходимо наличие прав категории «М»).

Так, если обратимся к термину «пешеход», в соответствии с ним к этой категории приравниваются лица, передвигающиеся на самокатах (очевидно, что при принятии термина вопрос электросамокатов не был учтен в силу отсутствия доступности этих устройств) и подобных средствах.

Анализ правоприменительной и судебной практики показал ряд однотипных спорных

ситуаций, возникающих по отношению к электротранспорту:

1. Управление электросамокатом и подобными средствами в состоянии алкогольного опьянения [11].

2. ДТП (столкновение) с участием электросамокатов и подобных средств.

В случае производства по делу об административном правонарушении необходимо определение правового статуса лица, управляющего электросамокатом, для этого необходимо определить технические характеристики:

1. Максимальная мощность электродвигателя.

2. Максимальная конструктивная скорость.

В случае, если заявленные производителем и не подвергшиеся модификации технические характеристики составляют мощность до 250 ватт и максимальную скорость до 50 км/час, лицо будет считаться управляющим техническим устройством и иметь правовой статус пешехода. В случае превышения характеристик необходимо исходить из п. 1.2. ПДД.

Обращаясь к ПДД, отметим, термины «Электросамокат», «Сигвей», «Моноколесо» отсутствуют, что совершенно логично, т. к. каждые несколько лет появляются новые нестандартные виды транспорта. Вместе с тем назрела необходимость для обобщения термина электротранспорта. Для этого еще в 2020 г. Минтранс России сформулировало категорию «Средства индивидуальной мобильности» (далее – СИМ). Проект Постановления Правительства РФ № 02/07/01-20/00099009, изменяющий (дополняющий) действующие ПДД [12], под которым понимается устройство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для передвижения человека посредством использования электродвигателя (электродвигателей) и (или) мускульной энергии человека (роликовые коньки, самокаты, электросамокаты, скейтборды, электроскейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства), за исключением велосипедов и инвалидных колясок. И.А. Былинин [13], Ю.Н. Калюжный [5] предлагают использование термина «индивидуальное пешеходное техническое устройство», а также конкретизации для каждого устройства, что, на наш взгляд, является избыточным, и при появлении новых видов транспорта повлечет не-

обходимость дополнения ПДД. Также предлагаются термины «компактный транспорт» [14], «индивидуальное средство передвижения», считаем, что наиболее оптимален термин «индивидуальные колесные средства передвижения на электротяге» с выделением его в отдельную категорию, т. к. использование средств передвижения за счет мускульной энергии человека уже имеется в ПДД. В свою очередь отметим необходимость одновременного законодательного закрепления как терминологии, так и определения прав и обязанностей, особенностях эксплуатации.

Обратим внимание, что существует несколько точек зрения по поводу правового регулирования прав, обязанностей и использования транспорта на электротяге:

1. Провести аналогию с мопедами.

2. Признать механическим транспортным средством.

3. Провести аналогию с велосипедами.

4. Дифференцировать правила в зависимости от технических характеристик, с обязательной сертификации продукции и допуском к базе данных сотрудников полиции для обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

5. Внести изменения в термин «пешеход» путем добавления в «самокаты» – «кроме оснащенных двигателем» или полного исключения «самокаты».

И пока законодатель, федеральные органы исполнительной власти совместно с институтами гражданского общества обсуждают возможные варианты выхода из сложившейся ситуации, регионы уже приступили к ограничительной политике. Так, в г. Санкт-Петербурге действуют правила [15], в которых уже упомянуты «СИМ», в частности обязательным является ограничение скорости электросамокатов в зависимости от районов городов – 20, 15 и 10 км/час, а также действует запрет на парковку в зоне исторической части города, на газонах и тротуарах, садах и парках, передвижение в состоянии опьянения, несовершеннолетними и двумя и более лицами, в случае отсутствия такой возможности заложеной производителем изделия. Определены требования к оснащению и внешнему виду устройств (отсутствие грязи, наклейки и т. п., фара и отражатель, звуковой сигнал).

Представляется интересным опыт зарубежных стран по вопросу правового регулирования и регламентации использования

электротранспорта. Так, в столице Республики Индонезия г. Джакарта (население более 10 млн человек), Республике Сингапур, в г. Шанхай (население более 23 млн человек) действует полный запрет на передвижение по дорогам общего пользования и тротуарам [16].

Во Французской Республике в правовой системе применяется термин «Electronic scooter / E-scooter» (электрический самокат). Для данной категории введен ряд ограничений:

- 1) находиться в наушниках во время использования электросамокатов;
- 2) передвижение по тротуарам за исключением специальных размеченных зон;
- 3) скоростной режим – не более 25 км/ч;
- 4) перевозка пассажиров;
- 5) обязательное оборудование (передние и задние фонари, световозвращающие устройства, тормоза и звонок), также действует обязательное страхование ответственности, при этом каких-либо специальных прав управления не предусмотрено.

Обратим внимание, что муниципалитеты могут вводить дополнительные ограничения, в частности с 2019 года в г. Париж действует ограничение скорости 20 км/ч в большинстве районов и 8 км/ч в районах с интенсивным пешеходным движением (скоростное ограничение включается автоматически, если электромасокат входит в зоны, которые запрограммированы в устройствах). Парковка разрешена только в специально отведенных местах. Также количество операторов, предоставляющих в аренду электросамокаты, сокращено до трех.

Передвижение электросамокатов по автобусным полосам или велосипедным дорожкам разрешено, аналогично действующим правилам для велосипедистов на автобусной полосе, каждый водитель электросамоката обязан соблюдать правила дорожного движения: запрет движения на красный свет, улице с односторонним движением или приоритет справа. Следует выделить ответственность, так опасное поведение при вождении электросамоката карается одним годом тюрьмы или штрафом в размере 15 000 евро [17].

При этом существует ряд общих проблем в виде незаконной парковки или опасного вождения, приводящего к серьезным ДТП [18].

В Королевстве Великобритания специально разработанного правового режима для электротранспорта не существует, однако

применяется термин «Powered transporters» в переводе «Транспорт с приводом» – это термин, используемый для обозначения множества новых и появляющихся персональных транспортных средств, приводимых в движение двигателем (включает в себя электрические скутеры, сегвеи, гироскутеры, гоу-педы (самокаты с двигателем внутреннего сгорания), унициклы с приводом и U-образные колеса, за исключением электрических велосипедов, для которых действуют отдельные правила) [19]. Данная категория подпадает под юридическое определение «автотранспортного средства». Следовательно, законы, применяемые к автотранспортным средствам, применяются к транспортным средствам с приводом от электрического двигателя. Существующее прецедентное право ([2000] EWHC 409, [2002] EWHC 1524, [2011] EWHC 2032) подтверждает, что транспортные средства с электрическим двигателем подпадают под это определение.

Использование электрических скутеров незаконно в местах, отведенных для пешеходов, велосипедистов и всадников; в том числе на тротуаре и велосипедных дорожках, в то же время передвижение разрешено на частной земле с разрешения собственника земли.

В Королевстве Испания правила ограничения скорости, мощности и общепринятых норм вождения в отношении электросамокатов различаются в зависимости от провинции или автономии. Местные власти дифференцируют электромасокаты в зависимости от максимальной скорости заявленной в технических характеристиках устройства, первая категория до 6 км/ч, вторая до 25 км/ч, последней разрешено движение по дорогам, где установлен скоростной режим до 30 км/ч и велодорожкам.

В Канаде власти провинций (территорий) разнохарактерно подходят к вопросу правового регулирования электротранспорта. Так, городской совет г. Торонто ввел запрет на использование электросамокатов независимо от формы собственности на улицах, велосипедных дорожках, тротуарах и других общественных местах, связав этот запрет с угрозой для пожилых людей и инвалидов. При этом опрос жителей города показал, что 76 % за использование самокатов, т. к. последние являются экологически чистым транспортом [20].

Другие муниципалитеты разрешили передвижение электросамокатов на проезжей части или на обочине автомагистрали.

При этом с 2011 г. в стране действует программа «микромобильности», в соответствии с которой приоритетным является использование велосипедов. Так, жители г. Торонто могут каждую среду брать арендные велосипеды для поездки до 30 минут бесплатно [21].

В США на федеральном уровне отсутствует закон, регулирующий использование электромамокатов. Это связано с тем, что данные средства не признаются автотранспортными средствами и обычно приравниваются к электрическим велосипедам, однако имеются требования для их легального использования, в частности это максимальная скорость до 20 миль/ч, мощность до 750 ватт. В разных штатах США имеются дополнительные требования и ограничения [22]. Так, в округе Делавэре штат Пенсильвания запрещено передвижение по улицам, в 11 штатах запрещено движение по пешеходным дорожкам, в 7 штатах установлен лимит скорости от 10 до 20 миль/ч, в 18 штатах установлен лимит скорости от 20 до 30 миль/ч.

В Калифорнии минимальный возраст для управления – 16 лет и необходим защитный шлем, в Сан-Франциско запрещено парковать или оставлять без присмотра электросамокаты в некоторых районах без разрешения муниципального транспортного агентства, а в Северной Каролине необходимо зарегистрировать электросамокат.

Авторы полагают, что столь разнохарактерное законодательство в каждом штате США позволяет использовать в качестве наглядного примера необходимость регулирования именно на федеральном уровне, а не на уровне субъектов или муниципалитетов, это позволит гармонизировать законодательство, а жителям страны не нужно будет при переезде заново обращаться к изучению правил использования электросамокатов.

Отметим, что американской компанией «UL» разработан добровольный стандарт безопасности для электросамокатов – UL 2272. Этот стандарт оценивает аспекты электрической и пожарной безопасности электросамокатов и аналогичных устройств, таких как гироскутеры, но не касается эксплуатационной безопасности.

В Европейском союзе также принят ряд стандартов безопасности, касающихся элект-

тросамокатов или отдельных частей для них: EN 15194, EN 50604-1 для легких аккумуляторов и / или EN 62133-2 для аккумуляторов переносных или вспомогательных систем, 2014/30 / EU для EMC, 2011/65 / EC / для RoHS, 2014/53 / EU (RED) – если в устройстве используются радиотехнологии, Директива по машинному оборудованию 2006/42 / EC по безопасности продукции, ISO 4210-10 (в разработке) для электровелосипедов может стать стандартом EN через несколько лет, EN 60335-1.

В России действует национальный стандарт ГОСТ Р 58680-2019 в отношении спортивного оборудования на роликах «Самокаты», а также при импорте изделий сертификация на электросамокаты может проводиться в форме декларирования, но только если вопрос касается электросамокатов для взрослых. В этом случае продукция проходит проверку по ТР ТС ЕАЭС 020/2011 «Электромагнитная совместимость технических средств». Если регистрируется детский самокат, то на него оформляется сертификат соответствия и используется другой технический регламент для проверки – ТР ТС ЕАЭС 008/2011 «О безопасности игрушек». При этом для зарядных устройств электросамокатов предусмотрены отдельные технические регламенты. Они сертифицируются по ТР ТС 004/2011 «О безопасности низковольтного оборудования» и вышеупомянутому ТР ТС 020/2011.

Мы считаем, что в плане стандартов безопасности – сертификация должна стать неотъемлемым атрибутом электросамокатов и аналогичных устройств, вопрос в использовании терминологии.

Как показывает зарубежный опыт, необходимость правового регулирования правового статуса транспорта на электрической тяге ни у кого не вызывает сомнений, поэтому лишь запретами не удастся решить проблему. Необходимо, помимо закрепления термина, приравнивать электросамокаты и аналогичные устройства с максимальной мощностью до 250 ватт и скоростью до 25 км/ч с велосипедами, ввести обязательные требования по сертификации устройств, вести обязательное страхование ответственности и, наконец, в рамках долгосрочного планирования акцентировать внимание на развитие инфраструктуры, через строительство полос для велосипедистов и транспорта на электротяге, что позволит не только снизить ДТП, но и обеспечит экологическую безопасность и экономичность использования транспорта.

Литература

1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-avtomobilnogo-transporta-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt>.
2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-ekonomicheskogo-mehanizma-obespecheniya-ekologicheskoy-bezopasnosti-avtomobilnogo-transporta>.
3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnogo-instituta-transporta-v-sotsialnom-prostranstve-goroda>.
4. Пестов Р.А., Сорокун Н.С. Генезис уголовно-правового законодательства, регламентирующего различные аспекты неправомерного завладения транспортными средствами без цели хищения // Юрист-Правоведъ. 2018. № 4 (87).
5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-zakonodatelnogo-regulirovaniya-ispolzovaniya-otdelnyh-vidov-elektrotransporta>.
6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-v-sfere-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-sovremennye-tendentsii-i-perspektivy>.
7. Показатели аварийности за 2020 год // URL: <http://stat.gibdd.ru>.
8. Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в РФ на 2018–2024 гг.» // Собрание законодательства РФ. 29.01.2018. № 5. Ст. 774.
9. URL: <https://vc.ru/transport/253696-kto-est-na-rynke-arendy-elektrosamokatov-i-skolko-stoit-poezdka>.
10. URL: <https://rg.ru/2021/05/23/pochemu-v-rossii-ne-udaetsia-propisat-pravila-dlia-elektrosamokatov.html>.
11. Постановление от 01.07.2015 по делу № 5-249/2015; Решение № 12-260/2017 от 12.12.2017 по делу № 12-260/2017 // URL: <https://sudact.ru/>.
12. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=99009>.
13. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30756.
14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-ekologicheskogo-kompaktnogo-transportnogo-sredstva>.
15. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2021/07/13/20/Прил_к_соглашению_ограничения_12_07_2021.pdf.

Bibliography

1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-avtomobilnogo-transporta-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt>.
2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-ekonomicheskogo-mehanizma-obespecheniya-ekologicheskoy-bezopasnosti-avtomobilnogo-transporta>.
3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialnogo-instituta-transporta-v-sotsialnom-prostranstve-goroda>.
4. Pestov R.A., Sorokun N.S. The genesis of criminal law legislation regulating various aspects of unlawful seizure of vehicles without the purpose of theft // Yurist-Pravoved. 2018. № 4 (87).
5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-zakonodatelnogo-regulirovaniya-ispolzovaniya-otdelnyh-vidov-elektrotransporta>.
6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-v-sfere-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya-sovremennye-tendentsii-i-perspektivy>.
7. Accident rates for 2020 // URL: <http://stat.gibdd.ru>.
8. The order of the Government of the Russian Federation dated 08.01.2018 № 1-R «On approval of the Strategy of road safety in the Russian Federation for 2018–2024» // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 29.01.2018. № 5.
9. URL: <https://vc.ru/transport/253696-kto-est-na-rynke-arendy-elektrosamokatov-i-skolko-stoit-poezdka>.
10. URL: <https://rg.ru/2021/05/23/pochemu-v-rossii-ne-udaetsia-propisat-pravila-dlia-elektrosamokatov.html>.
11. The decision dated July 1, 2015 in case № 5-249/2015, Decision № 12-260/2017 dated December 12, 2017 in case № 12-260/2017 // URL: <https://sudact.ru/>.
12. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=99009>.
13. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30756.
14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-ekologicheskogo-kompaktnogo-transportnogo-sredstva>.
15. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2021/07/13/20/Прил_к_соглашению_ограничения_12_07_2021.pdf.
16. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20200608-how-sustainable-are-electric-scooters>.

16. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20200608-how-sustainable-are-electric-scooters>.

17. URL: <https://www.europe-consommateurs.eu/en/travelling-motor-vehicles/motor-vehicles/electric-scooters-in-france.html>.

18. URL: <https://www.france24.com/en/europe/20210630-france-to-crack-down-on-e-scooters-after-two-riders-knock-down-and-kill-woman>.

19. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/powered-transporters/information-sheet-guidance-on-powered-transporters>.

20. URL: <https://toronto.ctvnews.ca/toronto-votes-unanimously-to-opt-out-of-e-scooter-pilot-1.5415871>.

21. URL: <https://toronto.ctvnews.ca/you-can-rent-a-toronto-bike-for-free-every-wednesday-in-july-1.5489879>.

22. URL: <https://dmv.ny.gov/registration/electric-scooters-and-bicycles-and-other-unregistered-vehicles>.

17. URL: <https://www.europe-consommateurs.eu/en/travelling-motor-vehicles/motor-vehicles/electric-scooters-in-france.html>.

18. URL: <https://www.france24.com/en/europe/20210630-france-to-crack-down-on-e-scooters-after-two-riders-knock-down-and-kill-woman>.

19. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/powered-transporters/information-sheet-guidance-on-powered-transporters>.

20. URL: <https://toronto.ctvnews.ca/toronto-votes-unanimously-to-opt-out-of-e-scooter-pilot-1.5415871>.

21. URL: <https://toronto.ctvnews.ca/you-can-rent-a-toronto-bike-for-free-every-wednesday-in-july-1.5489879>.

22. URL: <https://dmv.ny.gov/registration/electric-scooters-and-bicycles-and-other-unregistered-vehicles>.

© 2021 г. Мыльников Михаил Александрович,

адъюнкт Академии управления МВД России, начальник 1 отдела управления кадров управления по работе с личным составом ГУ МВД России по г. Москве.
E-mail: mylnikov-m-a@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ КАДРОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ «ПЕРЕВОД СОТРУДНИКА» В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается актуальное на современном этапе развития органов внутренних дел Российской Федерации направление деятельности в области кадрового обеспечения. Формирование кадрового состава является приоритетной задачей, которая до настоящего времени окончательно не решена. Автор рассматривает одну из кадровых технологий, применяемых для замещения должностей в органах внутренних дел – перевод сотрудника на иную должность, выявляет проблемы и предлагает пути совершенствования данного направления деятельности.

Ключевые слова: кадры, кадровые технологии, формирование, кадровый состав, перевод, МВД России.

Mylnikov Mikhail Alexandrovich – Adjunct, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Head of the 1st Department of the Personnel Management of the Department for work with personnel of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow.

ON THE ISSUE OF THE USE OF PERSONNEL TECHNOLOGY «EMPLOYEE TRANSFER» IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECT

The article considers the current direction of activity in the field of personnel support at the present stage of development of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The formation of personnel is a priority task, which has not yet been finally solved. The author examines one of the personnel technologies used to fill positions in the internal affairs bodies – the transfer of an employee to another position, identifies problems and suggests ways to improve this area of activity.

Keywords: personnel, personnel technologies, formation, personnel composition, translation, the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Кадровая политика, являясь неотъемлемой частью современного периода реформирования Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), продолжает оставаться приоритетным направлением деятельности, имеющей своей целью воздействие на социальные процессы, направленные на решение задач по формированию, использованию, развитию, сбережению и обновлению кадрового состава органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД). Инструментом реализации кадровой политики выступают современные кадровые технологии, под которыми следует понимать процесс последовательных действий по управлению количественными и (или) качественными характеристиками кадрового состава, с целью достижения определенного результата. Технологии по своей сути применения имеют одну важную отличительную особенность – это воспроизводимость, т. е. возможность получения запланированного

результата при многократном повторении установленных процедур. На современном этапе развития ОВД в числе наиболее часто применяемых кадровых технологий можно отметить: подбор и отбор кадров, аттестацию, профессиональную ориентацию, управление карьерой, ротацию, полиграф, конкурс, перевод и др.

В МВД России самостоятельным структурным подразделением, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции функции Министерства по выработке и реализации государственной политики в области кадрового обеспечения, является Департамент государственной службы и кадров Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ДГСК), в сфере деятельности которого среди основных проблемных вопросов выделяется укомплектованность служб и подразделений ОВД. Так, согласно сведениям, подготовленным ДГСК, за последние 6 лет, с 2015 г. по 2020 г., общая уком-

плектованность ОВД снизилась с 95,7 % до 92,5 %. В том числе укомплектованность начальников территориальных органов МВД России на районном уровне составила – 94,8 %, а их заместителей – 91,3 % [1]. Проблему некомплекта личного состава, как одну из наиболее значимых, неоднократно отмечал министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольников, в частности обозначая, что среди самых острых проблемных вопросов кадрового обеспечения является некомплект аттестованного состава [2].

В Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон «О службе»), определены основные направления по формированию кадрового состава ОВД, в числе которых применение современных кадровых технологий при приеме на службу в ОВД и в период ее прохождения [3, ч. 2 ст. 75]. Задача формирования кадрового состава в части укомплектованности конкретной службы подразделения решается по двум направлениям, а именно: путем привлечения кандидатов из вне системы МВД России, так называемый прием вновь, а также путем внутреннего перемещения сотрудников ОВД. Под комплектованием кадрового состава в конечном итоге следует понимать направленную деятельность по замещению вакантных должностей. Само понятие «замещение должностей» подробно рассмотрено в исследовании Ю.Н. Кофтиной, по мнению которой, применительно к ОВД, это организационно-правовой способ формирования сотрудников, наделенных правовым статусом лиц, занявших должность в ОВД, от момента назначения до ее прекращения [4].

Темой настоящей статьи является рассмотрение вопроса формирования кадрового состава ОВД за счет перевода сотрудников внутри МВД России, как по вертикали, так и по горизонтали карьерной лестницы. Суть кадровой технологии «перевод» раскрывается ст. 72.1 Трудового кодекса Российской Федерации, где под ним понимается постоянное или временное изменение трудовой функции работника, структурного подразделения, местности или работодателя [5]. Рассматриваемая тема имеет практическую направленность и научное значение, поскольку актуальность ее заключается в выявлении проблем и поиске предложений по совершенствованию процесса перевода сотрудника. Социальная значимость отражается в значительном количестве сотрудников, осуществляемых пере-

вод на иную должность в ОВД. Так, анализируя сведения ДГСК, за период 2015–2020 гг., о перемещении сотрудников ОВД между регионами и службами следует, что из региона в регион ежегодно перемещается примерно 1,0 % личного состава (в 2020 г. – 1,1 %). По службам этот показатель составляет еще большее значение, а именно, в 2020 г. в основных службах перемещения сотрудников ОВД в процентном отношении составили: уголовный розыск (прибыло – 6,2 %, выбыло – 5,1 %), участковые уполномоченные и подразделения по делам несовершеннолетних (прибыло – 6,2 %, выбыло – 7,0 %), подразделения дознания (прибыло – 5,6 %, выбыло – 5,3 %), подразделения ГИБДД (прибыло – 3,8, выбыло – 3,3 %) [1]. Приведенные выше статистические показатели свидетельствуют, что в течение года в процессе внутренних перемещений в ОВД занято примерно – 6 % кадрового состава (1 % по регионам и около – 5 % по службам), а это равно количеству увольнений сотрудников, которых в 2020 г. было – 5,8 % [1]. Ввиду того, что в процессе внутреннего перемещения задействовано значительное количество личного состава ОВД следует, что кадровая технология, перевод является значимой для формирования кадрового состава ОВД, требует отдельного рассмотрения с целью выявления проблем и совершенствования нормативно правового и организационного регулирования.

Вопросам совершенствования кадрового обеспечения ОВД уделялось повышенное внимание у представителей научного сообщества, среди которых стоит выделить: Л.М. Колодкина, Г.В. Атаманчука, В.Я. Кикотя, Е.А. Сумину, Ю.Н. Кофтину и других ученых. Изучение научных источников и диссертационных материалов свидетельствует о том, что, несмотря на существующие разработки по данной тематике настоящее исследование позволило выявить практические проблемы по данному направлению деятельности, на основе которых выработать предложения по совершенствованию вопроса формирования кадрового состава ОВД в части перевода сотрудника на иную должность.

Трудовые движения внутри любой организации, в том числе и МВД России, как по вертикали, так и горизонтали, неизбежны. Развитие карьеры сотрудников обусловлено внутренними и внешними аспектами, где внутренний отражает изменение профессиональной мотивации и способности работника, что выражается в его индивидуальных решениях и поступках, а внешний последовательную смену

должностей [6, с. 107–108]. Вопросу применения кадровой технологии перевод в Законе «О службе» отведена целая статья, в которой определен порядок и основания перевода сотрудника на вышестоящую, равнозначную и нижестоящую должность [3, ст. 30]. Анализируя данную статью, следует, что урегулировано перемещение сотрудника ОВД в интересах службы, инициатором которого выступает работодатель в лице уполномоченного руководителя, имеющего право назначения на должность, а также предусмотрены вынужденные для сотрудника обстоятельства перевода. Кроме того, отдельное законодательное регулирование имеет кадровая технология, ротация кадров, предусматривающая горизонтальное перемещение сотрудников. Ротация кадров (от лат. *Rotatio* – круговое движение) [7] – это кадровая технология, применяемая в целях решения задач МВД России, в том числе для подготовки, развития и профессионального роста сотрудников, получения ими опыта работы в различных направлениях деятельности и различных условиях службы, эффективного использования и обновления кадрового состава, стабилизации обстановки, преемственности, маневрирования кадровыми ресурсами и оптимальной их расстановки, обеспечения равных возможностей для карьеры и удержания сотрудников, противодействия (профилактики) коррупции и недопущения конфликта интересов, а также смены профессиональной деятельности, формирования кадрового резерва, обеспечения прозрачности кадровых процессов и др. Стоит отметить, что только после согласия сотрудника, выраженного в письменном виде, происходит процедура перемещения его на иную должность, в другое отделение, отдел, орган, управление, службу, как в рамках одного структурного подразделения, так и иного, даже находящегося в другой местности [3, ч. 1. ст. 30].

Технология, перевод сотрудника, в своем применении имеет определенные особенности, закрепленные в Законе «О службе», Трудовом кодексе Российской Федерации и приказе МВД России от 01 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» (далее – приказ МВД России «Об утверждении Порядка прохождения службы»), вследствие чего, по мнению автора, ее возможно классифицировать, по ряду ключевых отличительных признаков, а именно:

- по уровням должностей: нижестоящая, равнозначная, вышестоящая;

- по уровням подразделений: нижестоящее, равнозначное, вышестоящее;

- по специализации: однородной, смежной, иной;

- по статусу должностей: руководящая, не руководящая;

- по уровням должностей и подразделений, в следующих сочетаниях:

- перемещение на нижестоящую должность в нижестоящем, равнозначном, вышестоящем подразделении;

- перемещение на равнозначную должность в нижестоящем, равнозначном, вышестоящем подразделении;

- перемещение на вышестоящую должность в нижестоящем, равнозначном, вышестоящем подразделении;

- по правовому регулированию применения:

- обязательное согласие на перевод сотрудника, со стороны руководителя имеющего право назначения на должность, в котором сотрудник проходит службу;

- без учета согласия на перевод сотрудника, со стороны руководителя имеющего право назначения на должность, в котором сотрудник проходит службу.

Представленная автором классификация кадровой технологии, перевод не является исчерпывающей, и ее возможно продолжить, т. к. были отмечены только основные отличительные особенности.

Практический опыт работы в кадровых подразделениях (более 15 лет) позволяет определить, что наиболее часто происходят следующие перемещения:

- в пределах одного территориального органа. Например, с должности дознавателя на должность участкового уполномоченного полиции;

- в равнозначный орган, например, с должности дознавателя на должность дознавателя, в аналогичном органе МВД России на районном уровне;

- на выше или нижестоящую должность, по направлениям деятельности, по линии одной службы или иной специализации.

Трудовые отношения должны отвечать интересам обеих сторон, работника в лице сотрудника ОВД, а также работодателя, в лице руководителя службы, подразделения. По мнению автора статьи, процесс перевода имеет ряд организационных проблем и законодательных пробелов. Практический опыт показывает, что количество сотрудников, желающих инициативно переместиться внутри системы МВД России, превышает величину

осуществивших перевод сотрудников. Как отмечалось ранее, в 2020 г. переведено по регионам и службам примерно 6 % сотрудников, остальные не смогли реализовать эту возможность по различным причинам или находятся в длительном его процессе. Поэтому вопрос формирования кадрового состава служб и подразделений МВД России за счет перемещающихся сотрудников является актуальным и требует совершенствования. Необходимость инициативного перевода, т. е. по просьбе сотрудника ОВД может происходить по различным основаниям, основными среди которых: материальная заинтересованность, карьерный рост, график несения службы, смена направления деятельности, отношения в коллективе, в том числе с руководителем, проблемы с адаптацией, удаленность места службы от места проживания и др. Законом «О службе» закреплены основные права сотрудника, в том числе на условия, необходимые для выполнения служебных обязанностей и профессионального развития [3, ч.1 ст. 11], а также на продвижение по службе в ОВД, с учетом результатов служебной деятельности, стажа службы, уровня квалификации и профессионального образования [3, ч.10 ст.11]. Стоит отметить, что продвижение по службе в ОВД в основной своей части означает замещение одной из руководящих должностей различного уровня, с учетом профессионализма, который формируется в пределах двух деятельностных аспектах: внешнего, связанного с преобразовательной деятельностью, направленной на внешние объекты (информация, процессы, сотрудники) и внутреннего, связанного с самопреобразовательной деятельностью, направленной на самоактивизацию и профессиональное развитие [8, с. 128]. В рамках данной статьи причина инициативного перемещения сотрудников не имеет принципиального значения, т. к. предметом ее является выявление проблем и выработка направлений совершенствования правового и организационного регулирования в процессе применения кадровой технологий, перевод, для формирования кадрового состава ОВД. А если быть точнее, то перевод по инициативе сотрудника. В Законе «О службе» закреплен порядок и исчерпывающий перечень оснований перевода, а именно: в связи с необходимостью замещения другой должности в интересах службы либо в порядке ротации, по состоянию здоровья, по личным или семейным обстоятельствам, в связи с сокращением замещаемой должности, в связи с восстановлением в долж-

ности, в связи с прекращением срочного контракта, в связи с прекращением допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, в целях устранения обстоятельств, связанных с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью сотрудников, находящихся в отношениях близкого родства или свойства и др. Однако перевод по инициативе сотрудника, за исключением вынужденных обстоятельств не предусматривается [3, ст. 30].

В приказе МВД России «Об утверждении Порядка прохождения службы» в первоначальной редакции от 2018 г. были закреплены основания, когда уполномоченным руководителем, имеющим право назначения сотрудника на должность, не может быть отказано в согласовании рапорта на перевод сотрудника, среди которых: переезд к иному месту жительства в другой населенный пункт, переезд к иному месту службы (работы) супруга (супруги) сотрудника, невозможности прохождения службы в данной местности, в соответствии с заключением военно-врачебной комиссии, необходимость ухода за проживающими отдельно в иной местности родственниками (отцом, матерью и т. д.) [9, п. 88]. Актуальность проблем перевода сотрудников и необходимость нормативного урегулирования данного вопроса подтверждается внесением в 2020 г. существенных дополнений в приказ МВД России «Об утверждении Порядка прохождения службы», а именно, не может быть отказано в согласовании рапорта о назначении на должность при переводе сотрудника в иное подразделение в случаях: перевода в подразделение центрального аппарата МВД России, Оперативно-поисковое бюро МВД России, Бюро специальных технических мероприятий МВД России, на вышестоящую должность из числа должностей руководителей (начальников), а также в образовательную организацию системы МВД России [9, п. 88]. Внесенное дополнение свидетельствует, что проблема перевода существует даже на уровне центрального аппарата МВД России. Суть проблемы заключается в том, что при инициативном переводе сотрудника на иную должность, его рапорт согласовывается как руководителем подразделения, планирующим назначение сотрудника, так и руководителем подразделения, в котором сотрудник проходит службу. Однако осуществление перевода не является обязанностью данного руководителя, в результате чего им может быть наложена резолюция: «не согласен» или «возражаю». Перевод сотрудника на вышестоящую должность имеет законодательное закрепление,

в части прохождения обязательной кадровой процедуры – аттестации [3, п. 3 ст. 30], сроки проведения которой не закреплены, в результате чего вопрос перевода сотрудника также остается не урегулированным во времени. Кроме того, аттестационная комиссия, к примеру по результатам рассмотрения может вынести рекомендацию в частности о переносе аттестации до одного года, для устранения недостатков и упущений в служебной деятельности [9, п. 235.3], которых у каждого сотрудника достаточно, и тем самым удерживать его по просьбе руководителя в замещаемой должности. Временными рамками законодательно урегулирован вопрос направления личного дела сотрудника при рассмотрении перевода на иную должность, которое высылается в течение 10 дней со дня получения запроса [10, ст. 50], однако само личное дело, без аттестации и положительного решения руководителя, имеющего право осуществления перевода, ничего не решает. Имеет правовое закрепление вопрос служебного спора [9, гл. 17] и обращение к вышестоящему руководителю (начальнику) [9, п. 89], но при этом, как правило, решаются отдельные, единичные случаи.

Важность проблемы подтверждается также внесением существенных дополнений в приказ МВД России «Об утверждении Порядка прохождения службы» с 2021 г. в части рассмотрения рапорта о назначении на должность в срок, не превышающий двух недель с момента поступления его соответствующему руководителю (начальнику) [9, п. 87.1], а также издании приказа в течение месяца с момента поступления запроса из органа, организации, подразделения МВД России, в котором планируется назначение сотрудника на должность [9, п. 102.1].

Резюмируя вышеизложенное следует, что кадровую технологию – перевод сотрудника ОВД стоит рассматривать из двух блоков: организационного и мотивационного. Первый (организационный) – когда перевод осуществляется по инициативе работодателя и в его интересах, а также по служебной необходимости. Данный процесс законодательно регулируется и, как правило, является приемлемым для обеих сторон трудовых отношений. Второй (мотивационный) – инициируется самим сотрудником, когда он получает реальную возможность перевода в иной отдел, орган, службу, подразделение, как по вертикали, так и по горизонтали карьерной лестницы для улучшения своего материального положения, условий службы, профессиональ-

ного развития, продвижения по карьерной лестнице, смены специализации, но становится заложником обстоятельств, например, некомплекта или субъективного решения руководителя, и в результате является не «правосубъектной» стороной трудовых отношений. Возможность перевода у сотрудника возникает только при положительном решении руководителя, имеющего право назначения на должность, в подчинении которого он находится, за исключением ряда оснований, когда руководитель не имеет право отказать в переводе.

Проблема применения кадровой технологии перевода конкретного сотрудника напрямую связана с проблемой формирования кадрового состава ОВД. Функциональной обязанностью руководителя различного уровня является деятельность по кадровому обеспечению, где одной из главных выступает формирование кадрового состава. Рассматривая перемещения сотрудников по регионам, службам и подразделениям следует, что руководитель при предложении сотруднику равнозначной должности в вверенном ему подразделении отталкивается только от мнения действующего руководителя сотрудника, на решение которого повлиять не имеет возможности, однако имеет полярное понимание, согласуют перевод рассматриваемого кандидата или нет. При наличии кандидата, рассматриваемого для назначения на вышестоящую должность, в обязательном порядке предусмотрено проведение аттестации сотрудника, порядок проведения которой имеет правовое и нормативное регулирование, но не имеет строго ограниченных временных рамок, вследствие чего процедура перевода сотрудника не определена во времени и требует устранения этой проблемы, в правовом поле и соответственно в организационном процессе. Поэтому необходимо закрепление сроков проведения аттестации, для объективного понимания возможности или не возможности рассмотрения сотрудника ОВД на вышестоящую должность.

В качестве меры для урегулирования данного вопроса может послужить законодательное и нормативное закрепление, необходимых для решения этой проблемы норм, а именно, внесение дополнительных положений, касающихся утверждения сроков проведения внеочередной аттестации, при решении вопроса о переводе сотрудника на вышестоящую должность в ОВД:

1) в п. 1 ч. 4 ст. 33 Федерального закона от 30 ноября 2011 № 342-ФЗ «О службе в орга-

нах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внести дополнение и изложить в следующей редакции:

– внеочередная аттестация сотрудника органов внутренних дел проводится при решении вопроса о переводе сотрудника на вышестоящую должность в органах внутренних дел, в течение одного месяца со дня получения запроса органа, организации, подразделения МВД России;

2) в п. 188.1 приказа МВД России от 01 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» внести дополнение и изложить в следующей редакции:

– внеочередная аттестация сотрудника проводится при решении вопроса о переводе сотрудника на вышестоящую должность в органах внутренних дел, в течение одного месяца со дня получения запроса органа, организации, подразделения МВД России.

Литература

1. Сведения о состоянии работы с кадрами ОВД РФ за 2020 год: Сборник аналитических и информационных материалов. М., 2021.
2. URL: <https://ria.ru/20200226/1565231175.html>.
3. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кофтина Ю.Н. Правовое регулирование и организация замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
5. Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Можаяева И.П., Ульянов А.Д. Научная организация труда руководителя территориального органа МВД России: курс лекций. М., 2018.
7. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words.
8. Можаяева И.П., Ефремова Е.А. Квалификационные требования к сотрудникам, замещающим (претендующим на замещение) должности начальников органов предварительного следствия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96).
9. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел РФ»: приказ МВД России от 01.02.2018 № 50: // СПС «КонсультантПлюс».
10. О некоторых вопросах централизованного учета персональных данных сотрудников органов внутренних дел РФ, граждан РФ, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации»: приказ МВД России от 01.11.2020 № 800 // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

1. Information on the state of work with personnel of the Internal Affairs Department of the Russian Federation for 2020: Collection of analytical and informational materials. M., 2021.
2. URL: <https://ria.ru/20200226/1565231175.html>.
3. On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».
4. Koftina Yu.N. Legal regulation and organization of filling positions in the internal affairs bodies of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law / Koftina Yuliya Nikolaevna. M., 2020.
5. Labor Code of the Russian Federation: [feder. Law of 30.12.2001 № 197-FL // LRS «ConsultantPlus».
6. Mozhaeva I.P., Ulyanov A.D. «Scientific organization of labor of the head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia»: a course of lectures / ed. I.P. Mozhaeva. M., 2018.
7. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words.
8. Mozhaeva I.P., Efremova E.A. Qualification Requirements to employees replacing (applying for replacement) the position of chiefs of the preliminary investigation bodies // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (96).
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 01.02.2018 № 50 «On approval of the Procedure for organizing service in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
10. Order of the Ministry of Internal Affairs of the RF dated 01.11.2020 № 800 «On some issues of centralized accounting of personal data of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation, citizens of the Russian Federation entering the service of the internal affairs bodies of the RF» // LRS «ConsultantPlus».

© 2021 г. Илджев Александр Алексеевич,

доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД
Казанского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ilidsasha@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОДСТРЕКАТЕЛЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

В статье исследуется юридическая природа подстрекательства и его отражение в нормах Общей и Особенной частях УК РФ, проводится понятийно-терминологический анализ этой уголовно-правовой категории. В исследовании с учетом различных взглядов в теории уголовного права приводится понятие фактического преступления подстрекателя. В работе для определения подобных норм предлагается использовать метод мысленного исключения соответствующих предписаний из уголовного закона, что продемонстрировано на примере конкретных статей Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: подстрекатель, соучастие в преступлении, склонение, фактическое преступление.

Ilidzhev Alexander Alekseevich – Associate Professor, the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies, the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

THE LEGAL NATURE OF THE CRIMES OF THE INSTIGATOR AND THEIR REFLECTION IN THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the legal nature of incitement and its reflection in the norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation, provides a conceptual and terminological analysis of this criminal-legal category. Taking into account different views in the theory of criminal law, in the study the concept of the actual crime of the instigator is given. In the work, to determine such norms, it is proposed to use the method of mentally excluding the relevant prescriptions from the criminal law, which is demonstrated by the example of specific articles of the Special Part of the Criminal Code.

Keywords: instigator, complicity in a crime, declension, actual crime.

В действующем уголовном законодательстве местом отражения преступлений подстрекателя является Общая часть УК РФ. Однако, несмотря на это, в литературе подчас утверждается, что это делается и в Особенной части. Так, Н.Д. Эриашвили называет «только» ст. 150 и 205.1 УК РФ; З.А. Абакаров – ст. 150, 151, 205.1, 212, 230, 240, 280, 282, 291, 309, 354, 359; В.Г. Мирзоян – ст. 150, 309 и др.; Д.А. Безбородов – ч. 3 ст. 212, ст. 280 и др.; М.А. Саблина – ст. 150, 183, 205.1, 282.1, 282.2, 283.1, 309, 359; Е.В. Благов – ст. 150, 184, 200.5, 204, 205.1, 212, 242, 282.1, 282.2, 291, 309 [1, с. 18–19; 4, с. 38; 7, с. 229; 13, с. 15; 16, с. 83; 17, с. 11]. Для выяснения, соответствует ли приведенный подход подстрекательству, необходимо исследовать, что оно собой представляет, и проверить, имеются ли в Особенной части УК РФ деяния, могущие быть признанными преступлениями подстрекателя.

Проблемам осмысления уголовно-правовой регламентации различных вопросов института подстрекательства к преступлению посвящены научные работы: С.И. Никулина, В.С. Комиссарова, Л.В. Инногамова-Хегай, А.С. Горелика, Д.А. Безбородова, А.П. Козлова, А.А. Арутюнова, Н.Д. Эриашвили, С.А. Шатова, В.Г. Мирзоян, А.С. Дрепелева, Т.И. Нагаевой, П.В. Агапова и др. Е.В. Благов в своих трудах глубоко исследует вопросы преломления норм Общей части в нормах Особенной части относительно института соучастия, отмечая при этом, что соответствующие статьи последней не конкурируют со ст. 33 УК РФ, поскольку лишь по ней в отличие от статей Особенной части преступление не квалифицируется ...» [6, с. 144–145].

Из смысла ч. 4 ст. 33 УК РФ следует, что подстрекательством признается склонение другого лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим

способом. Таким образом, для понимания такого преступления важны признаки: а) склонения; б) другого лица; в) совершения преступления.

Признак склонения получает различную интерпретацию. По существу же он раскрыт в законе, в частности, в примечании к ст. 230.1 УК РФ.

Конечно, в данном примечании сказано о распространении его предписаний исключительно на ст. 230.1 УК РФ, но они явно относятся к специфике преступления, а не к признаку склонения, широко задействованному в уголовном законе. Его содержание не может отличаться от статьи к статье. Вот только раскрытие склонения как действий, способствующих чему-то другому, по нашему мнению, сомнительно.

Слово «способствовать» в русском языке означает оказывать помощь, содействовать, быть причиной, помогать возникновению, развитию чего-нибудь [15, с. 757]. Нетрудно заметить, что это сильно напоминает пособничество, как определенное содействие совершению преступления (ч. 5 ст. 33 УК РФ), а потому не может быть пригодно для подстрекательства. Не случайно на практике* и в теории [5, с. 38; 8; 12, с. 127; 16, с. 78; 18, с. 157] даются иные решения о склонении.

Склонить в русском языке раскрывается как убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения [15, с. 723]. Хотя порой считается, что сущность подстрекательства практически невозможно уяснить посредством обращения к толковым словарям, это в литературе поддержки не получило [7, с. 127; 14, с. 190]. Действительно, поскольку, с одной стороны, склонение – не юридический термин, а с другой стороны, преступление, конечно, является поступком, на наш взгляд, вряд ли следует отходить от семантики.

Соответственно, мы полагаем, что в ч. 4 ст. 33 УК РФ под склонением следует понимать убеждение в необходимости совершить преступление.

Сделанному выводу, на наш взгляд, не противоречит то, что среди способов склонения к совершению преступления в ч. 4 ст. 33 УК РФ

названа угроза. Она представляет собой запугивание, обещание причинить кому-нибудь зло [15, с. 825]. С ее помощью, конечно, принуждают к совершению преступления. Вместе с тем принуждение есть только насильственная разновидность убеждения, ибо убедить означает заставить поверить чему-нибудь [15, с. 820], что вполне возможно и путем принуждения. Отсюда мы не можем поддерживать некоторых ученых в их стремлении применительно к подстрекательству на обособление принуждения и склонения и разделение подстрекательства на убеждающее и принуждающее [12, с. 127; 17, с. 10; 19, с. 179]. Как представляется, прав Д.А. Безбородов, выделяющий подстрекательство, не связанное и связанное с принуждением [4, с. 51].

Подстрекательства различаются содержанием и формой убеждения в необходимости совершения преступления. Первым выступает то, в чем происходит убеждение, а последним – то, как оно проявляется вовне.

Не может считаться подстрекательством склонение к совершению любых непроступных деяний. Причем склонение к совершению некоторых непроступных деяний криминализовано в качестве самостоятельных преступлений, совершаемых вне соучастия, например в ст. 110.1 УК РФ.

Форма убеждения в необходимости совершить преступление значения не имеет. Ясно, что чаще всего она представляет собой устную речь, в том числе с использованием соответствующих технических средств (телефона, радиации и т. п.). Между тем возможна и письменная речь (соответствующее письмо, записка и т. п.).

В теории (С.А. Шатов, А.А. Арутюнов, А.С. Дрепелев и др.) оправдано считается, что подстрекательство осуществляется в отношении конкретного лица [3, с. 199; 10, с. 116; 20, с. 51]. Действительно, склонение к совершению преступления – вовсе не обращение к неопределенному кругу лиц как агитация или пропаганда [15, с. 18, 616]. Тем самым вопреки высказанному мнению не должны рассматриваться подстрекательством (пусть даже особого рода – *sui generis* [4, с. 38]) любые

* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (в редакции от 30.06.2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9. С. 17 (п. 27); от 09.02.2012 № 1 (в редакции от 03.11.2016) // Там же. 2017 № 1. С. 4 (п. 14); Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 11.09.1967 по делу А. Бяшимова // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации. С. 135.

призывы, в том числе к совершению преступлений.

В п. 4 Постановления от 28.06.2011 № 11 «под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности»^{*}). Подобная ситуация складывается и по отношению к ст. 110.2, ст. 205.2, ст. 212, ст. 280.1, ст. 354 УК РФ.

Согласимся с тем, что законодателем напрасно сформулировано примечание к ст. 230 УК РФ [7, с. 134–135]. На случаи указанной в примечании пропаганды действие названной статьи не распространяется независимо от особого установления об этом, т. к. преступлением в ней признано склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Конечно, склоняться к совершению преступления может не только одно лицо, но и несколько лиц [9, с. 16]. Главное, чтобы это были определенные лица.

В ч. 4 ст. 33 УК РФ не уточнено, кто именно подразумевается под другим лицом, склоненным к совершению преступления.

В доктрине (А.П. Козлов, В.П. Алехин, Д.А. Безбородов и др.) считается, что склоняться к совершению преступления может любой соучастник [2, с. 17; 4, с. 39; 12, с. 138]. Каких-либо оснований для иной позиции в законе мы не находим. А.П. Козловым справедливо отмечено, что совершение преступления в ч. 4 ст. 33 УК РФ «нужно понимать как общественно опасное поведение любого другого соучастника», т. е. в «широком смысле» [12, с. 128–139]. Каждый из них совершает определенную часть преступления (ч. 2–5 ст. 33 УК РФ).

В ч. 4 ст. 33 УК РФ для склонения к совершению преступления названы определенные способы. Их перечень открыт, о чем свидетельствует указание на иной способ склонения. Помимо установленных законом уговора, подкупа и угрозы, к числу таких способов в теории (В.Г. Мирзоян, А.А. Арутюнов, С.А. Шатов и др.) относят просьбу, приказание, предложение, убеждение, обещание, обман, насилие, поручение, совет, шантаж и т. п. [3, с. 208; 13, с. 16, с. 17; 16, с. 80; 20, с. 51; 21, с. 171].

Отдельные способы, похожие на склонение, как и оно само, признаны самостоятельными преступлениями, совершаемыми вне соучастия. Например, понуждение к действиям сексуального характера (по п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2016 г. № 14 при понуждении «способами воздействия на потерпевшее лицо... являются шантаж, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо использование материальной или иной зависимости потерпевшего лица»^{**}) – в ст. 133. Схожим образом обстоят дела и с составами преступлений, предусмотренных ст. 120, ст. 127.1, ст. 141.1, ст. 142, ст. 144, ст. 147, ст. 149, ст. 151, ст. 151.2, ст. 162, ст. 163, ст. 179, ст. 183, ст. 184, ст. 185.6, ст. 205, ст. 240, ст. 282, ст. 283.1, ст. 296, ст. 302, ст. 318, ст. 321, ст. 334 и ст. 359.

Необходимо отметить, что законодатель вовлечение назвал в одних случаях родовым признаком склонения (ст. 151.2, 205.1, 212, 282.1, 282.2 УК РФ), в других же указал на последнее как на самостоятельное действие (ст. 33, 110.1, 184, 230, 230.1). Причем какой-либо закономерности в таком подходе мы не выявили. Особенно это видно в ст. 151.2 УК РФ, в ходе анализа которой мы приходим к выводу, что склонение точно также понимается в ст. 33 и 110.1. Тем самым сделать какой-либо определенный вывод о соотношении вовлечения и склонения в рамках действующего УК РФ не представляется возможным [14, с. 193–194].

Оставление открытым перечня способов склонения к совершению преступления свидетельствует о том, что каждый из них сам по себе для подстрекательства безразличен. Не случайно в науке (В.С. Комиссаров, З.А. Абакаров, А.С. Дрепелев и др.) считается, что он может быть любым [1], а самое главное, чтобы соответствовало «духу» ст. 32 УК РФ.

Следует указать, что соучастие разрушает вынужденное или под влиянием заблуждения (ошибки) участие в преступлении. Подстрекатель признан соучастником преступления, а деяние не является преступлением при наличии любого из обстоятельств, исключающих его преступность (ст. 39–42 УК РФ), и соответствующей ошибки.

^{*} Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8. С. 4.

^{**} Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 2. С. 4.

Отсюда способы склонения к совершению преступления не должны приводить ни к крайней необходимости, ни к физическому или психическому принуждению [3, с. 217; 21, с. 173], ни к исполнению приказа или распоряжения [11, с. 250].

Подобные действия, изложенные в ч. 4 ст. 33 УК РФ, предусматриваются и в Особенной части. Конечно, они юридически должны считаться преступлениями исполнителя, но фактически являются преступлениями подстрекателя. Причем последние уже никакого отношения к собственно преступлениям подстрекателя, по нашему мнению, не имеют. Под фактическим преступлением подстрекателя мы понимаем совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления.

При определении предписаний Особенной части УК РФ, действительно отражающих фактическое преступление подстрекателя, следует учитывать, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления. Причем данное преступление также должно быть отражено в Особенной части УК РФ. В противном случае о склонении другого лица именно к совершению преступления не может быть и речи.

Представляет ли определенное деяние фактическое преступление подстрекателя, на наш взгляд, выявляется мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 4 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление подстрекателя. Если в таком случае деяние не может быть квалифицировано по ч. 4 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление подстрекателя.

В ч. 1 ст. 150 УК РФ установлено вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Вовлечение, несомненно, может представлять собой склонение к совершению упомянутого преступления.

Если из ст. 150 УК РФ исключить ч. 1, то соответствующие деяния при прочих необхо-

димых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 4 ст. 33 и статьей о преступлении, к которому происходило склонение. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление подстрекателя.

В то же время, в ходе проведенного анализа Особенной части, нами выявлены и другие случаи отражения фактических преступлений подстрекателя. В частности, в ходе исследования ч. 1 ст. 184 УК РФ выявлено, что «передача», несомненно, может представлять собой склонение к отраженному в ч. 3 (или 4) названной статьи получению, а также пользованию теми же лицами тем же самым и в тех же целях.

Если из 1 ст. 184 УК РФ исключить приведенные предписания, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 4 ст. 33 и ч. 3 (или 4) ст. 184 УК РФ. Следовательно, исключаемые предписания в данном случае описывают фактическое преступление подстрекателя.

Передача и дача могут представлять собой склонение к отраженному, соответственно в ч. 4 ст. 200.5, ч. 5 ст. 200.7 либо 204 УК РФ незаконному получению денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконному пользованию услугами имущественного характера или иными имущественными правами либо получению взятки в ст. 290 УК РФ.

Если исключить из ст. 200.5, 200.7, 204 УК РФ ч. 1 или ст. 291, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 4 ст. 33 и ч. 4 ст. 200.5, ч. 5 ст. 200.7 либо 204 или ст. 290. Следовательно, исключаемые предписания в данных случаях описывают фактические преступления подстрекателя.

Подобный метод мысленного исключения соответствующих предписаний из уголовного закона можно применить по отношению к ч. 1 ст. 200.5, ч. 1 ст. 200.7, ч. 1 ст. 204, ст. 291, ч. 1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 212 УК РФ, ч. 2 ст. 242, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ст. 309 УК РФ.

Других вариантов отражения фактических преступлений подстрекателя в Особенной части УК РФ мы не обнаружили.

Проведенное исследование подтвердило следующие выводы:

– под склонением в ч. 4 ст. 33 УК РФ следует понимать убеждение в необходимости

совершить преступление. При этом содержанием убеждения является совершение преступления, а формой – устная или письменная речь, жесты, мимика, их сочетание;

– в Особенной части УК РФ в качестве преступления исполнителя подчас отражается фактическое преступление подстрекателя, которое к соучастию в преступлении уже никакого отношения не имеет;

– под фактическим преступлением подстрекателя понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления;

– при определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое преступление подстрекателя, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона;

– фактическое преступление подстрекателя получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 150, 184, 200.5, 200.7, 204, 205.1, 212, 242, 282.1, 282.2, 291, 309 УК РФ.

Литература

1. Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
2. Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
3. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М., 2013.
4. Безбородов Д.А. Виды соучастников преступления. СПб., 2013.
5. Безбородов Д.А. Уголовно-правовое и криминологическое исследование подстрекательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.
6. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004.
7. Благов Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность. М., 2021.
8. Бриллиантов А. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности // Уголовное право. М., 2008. № 3.
9. Васюков В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
10. Дрепелев А.С. Соучастник преступления: закон, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2017.
11. Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы. М., 2016.
12. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001.
13. Мирзоян В.Г. Подстрекательство к совершению преступления в российском и за-

Bibliography

1. Abakarov Z.A. Responsibility for incitement to commit a crime under Russian criminal law: author. dis. ... PhD in Law. Saratov, 2006.
2. Alekhin V.P. Complicity in terrorist activities: author. dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2008.
3. Arutyunov A.A. Complicity in a crime. M., 2013.
4. Bezborodov D.A. Types of accomplices in a crime: a tutorial. SPb., 2013.
5. Bezborodov D.A. Criminal law and criminological research of incitement: author. dis. ... PhD in Law. SPb., 1998.
6. Blagov E.V. Application of criminal law (theory and practice). SPb., 2004.
7. Blagov E.V. Complicity in a crime and criminal responsibility. M., 2021.
8. Brilliantov A. Questions of complicity in the qualification of assistance to terrorist activities // Criminal law. M., 2008. № 3.
9. Vasyukov V.V. Types of accomplices in the criminal law of Russia: abstract of dis. ... PhD in Law. SPb., 2008.
10. Drepelev A.S. An accomplice in a crime: law, theory, practice: dis. ... PhD in Law. Yaroslavl, 2017.
11. Zatsepin A.M. Additional qualification of a crime: general and special issues. M., 2016.
12. Kozlov A.P. Complicity: tradition and reality. SPb., 2001.
13. Mirzoyan V.G. Incitement to commit a crime in Russian and foreign law: author. dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2012.
14. Nagaeva T.I. Forms and types of criminal acts: dis. ... D-r of Law. M., 2012.
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language / Russian

рубежном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

14. Нагаева Т.И. Формы и виды преступного деяния: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2006.

16. Павлухин А.Н., Рыжов Р.С., Эриашвили Н.Д. Виды и ответственность соучастников преступления. М., 2007.

17. Саблина М.А. Исполнитель преступления в институте соучастия: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

18. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2019.

19. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в X томах. Т. IЧ. Соучастие в преступлении / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016.

20. Шатов С.А. Соучастие в преступлении. СПб., 2012.

21. Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении / изд. проф. Малинина В.Б. СПб., 2007.

Academy of Sciences. Institute of the Russian language. V.V. Vinogradov. M., 2006.

16. Pavlukhin A.N., Ryzhov R.S., Eriashvili N.D. Types and responsibility of accomplices in a crime. M., 2007.

17. Sablina M.A. The perpetrator of the crime in the institute of complicity: author. ... PhD in Law. M., 2016.

18. Complicity in a crime: problems of qualification and sentencing: monograph / ed. Yu.E. Pudovochkin. M., 2019.

19. Criminal law. A common part. A crime. Academic course in X volumes. T. IЧ. Complicity in a crime / ed. O.N. Lopashenko. M., 2016.

20. Shatov S.A. Complicity in a crime. SPb., 2012.

21. Encyclopedia of Criminal Law. T. 6: Complicity in a crime / ed. prof. V.B. Malinina. SPb., 2007.

© 2021 г. Сичкаренко Александр Юрьевич,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: sanya-8308@mail.ru

БОЕПРИПАСЫ КАК ПРЕДМЕТ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА

В статье говорится об отсутствии единства подходов к разграничению боеприпасов от взрывных устройств, как в научном мире, так и в судебно-следственной практике, предложены пути оптимизации уголовного закона в данной области.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, боеприпасы, патрон, взрывное устройство, взрывное вещество.

Sichkarenko Alexander Yuryevich – Senior Lecturer, the Department of Criminal law and Criminology, the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

AMMUNITION AS A SUBJECT OF ILLICIT TRAFFICKING

The article points out the lack of unity of approaches to the differentiation of ammunition from explosive devices both in the scientific world and in judicial and investigative practice, and suggests ways to optimize the criminal law in this area.

Keywords: firearms, ammunition, cartridge, explosive device, explosive substance.

Переоценка общественной опасности незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств, их повышенная потенциальная способность к причинению более существенного вреда, чем при непосредственном использовании огнестрельного оружия, заставили законодателя по-иному взглянуть на меры уголовно-правового характера по противодействию указанным деяниям. Такая переоценка выразилась в принятии Федерального закона от 24.11.2014 № 370-ФЗ, согласно которому Уголовный кодекс нашего государства был дополнен рядом норм, где предметом преступления стали выступать исключительно взрывчатые вещества и взрывные устройства. Изменения отразились не только в индивидуализации указанных предметов, но и в повышенной санкции введенных норм.

Однако вместе с указанными позитивными изменениями уголовного закона, направленными на реализацию принципа справедливости, возникли проблемы правоприменительного характера. В частности, они касаются разграничения понятий боеприпасов, которые выступают предметом состава преступления в ст. 222 УК РФ, и взрывных устройств, ответственность за незаконный оборот которых теперь закреплена в ст. 222.1 УК РФ. Как справедливо отмечает профессор Д.А. Корецкий, проблема дифференциации указанных предметов с учетом названных

изменений престала носить исключительно теоретический характер [1, с. 38]. И действительно, если до изменений уголовного закона в 2014 г. и боеприпасы, и взрывные устройства выступали альтернативными предметами незаконных действий, запрещенных ст. 222 УК РФ, наказание за совершение которых определялось по единой санкции, то в настоящее время вопрос разграничения указанных предметов будет касаться справедливости назначения виновному наказания по соответствующим санкциям.

Понятие «боеприпасы» формально регламентировано в Федеральном законе «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (далее ФЗ «Об оружии»), в соответствии с которым под ними понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание. Однако нормативное определение «взрывного устройства» в национальном законодательстве отсутствует. Указанное обстоятельство приводит к тому, что при разграничении указанных предметов эксперты вынуждены руководствоваться не юридическими понятиями, а оперировать взрывотехническими категориями.

Анализ дефиниции «боеприпасы» дает основание заключить, что к составным частям данного предмета можно отнести и любое

взрывчатое вещество, т. к. основу боеприпасов могут составлять, в том числе разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание. Указанная трактовка дала основания для отождествления боеприпасов, способных к взрыву, с взрывными устройствами [2, с. 15]. Хотя в научном мире встречается и иное мнение, согласно которому «взрывное устройство» является более широким понятием и включает в себя понятие «боеприпас» [3, с. 4].

Подпадают под определение боеприпасов и патроны, которые согласно ст. 1 ФЗ «Об оружии» необходимо определять как устройства, предназначенные для выстрела из оружия, объединяющее в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метаемое снаряжение. Метательный заряд в патронах, как известно, состоит из пороха, который сам по себе является взрывчатым веществом. Однако в снаряженном состоянии патрон в следственной судебной практике рассматривается как единый цельный предмет, что исключает самостоятельную уголовно-правовую оценку метательного взрывчатого вещества.

Аналогичного мнения придерживается и Верховный Суд РФ, указав в своем постановлении Пленума, посвященном незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, что независимо от калибра и способа изготовления, все виды патронов к огнестрельному оружию следует относить к категории боеприпасов [4]. Вместе с тем следует отметить, что в соответствии с положениями ст. 222 УК РФ, в диспозиции указанной статьи отсутствует законодательное указание на принадлежность боеприпасов к огнестрельному оружию, что в свою очередь с учетом буквального толкования текста уголовного закона указывает на понимание боеприпасов в широком смысле.

Такая многогранность понятия «боеприпас», по мнению исследователей данной проблемы, обусловлена исторически, т. к. изначально использование данного термина осуществлялось исключительно специалистами промышленности и вооруженных сил, которые обозначали так любое средство вооружения, составной частью которого являлось взрывчатое вещество [3, с. 5].

Отсутствие законодательного определения «взрывного устройства» подтолкнуло судебные органы разъяснить данное понятие

в целях выработки единообразного применения уголовного закона. В соответствии с п. 5 указанного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12.03.2002, под взрывными устройствами суд предлагает понимать «промышленные или самодельные изделия, содержащие взрывчатое вещество, функционально предназначенные для производства взрыва и способные к взрыву». Однако столь широкое определение «взрывчатого устройства», к сожалению, не только не внесло ясности в отграничении взрывных устройств от иных боеприпасов, а только усугубило ситуацию.

Указанные проблемы понятийного аппарата привели к существованию в научном мире абсолютно противоположных точек зрения в уголовно-правовой оценке однотипных действий. Так, например, А.В. Черчесов и Т.П. Гогаев действия, выразившиеся в незаконном обороте ручной гранаты, как с ввинченным запалом, так и без него, предлагают квалифицировать по ст. 222 УК РФ [5, с. 46]. В своих рассуждениях профессор Д.А. Корецкий указывает, что незаконные действия с взрывателем при отсутствии самой гранаты должны быть квалифицированы по ст. 222.1 УК РФ, а при наличии последней – по ст. 222 УК РФ [1, с. 39]. Согласно действующей редакции норм, закрепленных в ст. ст. 222 и 222.1 УК РФ, А.А. Картавый полагает, что если боеприпас одновременно относится и к взрывному устройству, то закон обязывает правоприменителя к квалификации незаконных действий с таким предметом по совокупности указанных норм, хотя специалист и указывает на изначальное противоречие такой квалификации принципу справедливости [3, с. 6].

Из-за некорректности существующих формулировок и наличия смежных признаков в определении взрывных устройств и иных боеприпасов, в научном мире встречаются мнения специалистов, согласно которым вопрос о квалификации правоприменителем незаконных деяний с указанными предметами должен решаться путем анализа конкретных обстоятельств уголовного дела и целевого использования указанных предметов виновным. Так, например, профессор Я.Н. Ермолович призывает при квалификации незаконных действий с боеприпасами, которые одновременно подпадают под понятие взрывных устройств и имеют в своем составе взрывчатое вещество, учитывать

направленность умысла виновного и приспособления такого предмета для соответствующей противоправной цели либо использования его для этой цели [6, с. 51].

На важность учета функционального предназначения боеприпасов, а не их состава, опосредованно указывает и суд в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12.03.2002, не относя к взрывным устройствам имитационно-пиротехнические средства, основу которых, как известно, составляют химические соединения, способные к быстрому химическому превращению с выделением большого количества тепла и энергии (взрыву). Исключена уголовная ответственность и за незаконный оборот патронов к огнестрельному оружию, если в них отсутствует поражающий элемент, т. е. таких, которые имеют иное, помимо поражения цели, функциональное предназначение.

Правило учета целевого использования предметов вооружения, запрещенных к обороту, прослеживается и в решениях по уголовным делам судов общей юрисдикции. Так, например, Каспийским городским судом Республики Дагестан был осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ гражданин Д., который нашел и незаконно хранил по месту своего жительства патроны калибра 9х18 мм и гранату РГД-5 с взрывателем [7]. В то же время Октябрьский районный суд г. Пенза действия соучастников, выразившиеся в прикреплении самодельного взрывного устройства, состоящего из корпуса ручной осколочной гранаты Ф-1, аммиачной селитры и средства взрывания (промышленно изготовленного взрывателя типа УЗРГМ ручных гранат), под автомобилем, помимо покушения на убийство, квалифицировал по ч. 2 ст. 222.1 УК РФ [8].

Не отказывая в определенной логичности таких решений, все-таки отметим их несправедливость. Вопрос точной квалификации в нашем случае в первую очередь должен завесить от правильного определения предмета незаконных действий, исходя из понятийного аппарата указанных предметов путем оценки их тактико-технических характеристик. Сами же составы, закрепленные в ст. ст. 222 и 222.1 УК РФ, не предусматривают противоправную цель преступника в качестве обязательного признака, вследствие чего она (цель) не должна влиять на квалификацию деяний.

Точку в вопросе отграничения различных видов вооружения мог поставить либо законодатель, закрепив дефиницию «взрывного устройства», позволяющую четко провести

грань между указанным предметом и иными боеприпасами, либо Верховный Суд РФ, определив однозначные правила квалификации, что, собственно говоря, последний и сделал. Такие правила уголовно-правовой оценки незаконных действий с боеприпасами, одновременно являющимися и взрывными устройствами, были определены постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2019 № 15 [9], который внес изменения в постановление, посвященное делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Суд признал нормы, закрепленные в ст. ст. 222.1 и 223.1 УК РФ, специальными по отношению к общим нормам, предусмотренным ст. ст. 222 и 223 УК РФ, установив требование квалифицировать по ст. 222.1 или ст. 223.1 УК РФ незаконные действия с предметом вооружения или метаемым снаряжением, которые содержат в своем составе взрывчатое вещество и функционально предназначены для производства взрыва и способны к взрыву (например, мина, граната).

Анализ указанных изменений позволяет заключить, что в Верховный Суд РФ обязал нижестоящие инстанции при определении предмета преступлений, закрепленных в ст. ст. 222 и 222.1, а также в ст. ст. 223 и 223.1 УК РФ, в первую очередь учитывать состав боеприпасов на наличие взрывчатого вещества. При этом суд не отказался и от обязательного учета функционального предназначения предметов вооружения либо метаемого снаряжения для производства взрыва и способных к взрыву. Таким образом, к предмету преступлений, предусмотренных ст. 222 и 223 УК РФ, Верховный Суд РФ с учетом вышеназванных разъяснений отнес лишь функционально не предназначенные (не способные) к взрыву боеприпасы.

Правильность выбранного судом решения в установлении рекомендаций по разграничению взрывных устройств от иных боеприпасов определит время, однако полагаем, что это скорее вынужденная мера. Судебные органы, как и иной правоприменитель в своих решениях и выводах, носящих легитимный характер, должны в первую очередь руководствоваться правовыми дефинициями, содержащимися в нормах законов и подзаконных актах.

С целью выработки легитимности принимаемых процессуальных решений правоприменительными органами, а также исключения в них субъективизма полагаем целесообразным исключить из диспозиции ст. 222 и

223 УК РФ такое собирательное для всех предметов вооружения и метаемых снарядов понятие как «боеприпас». Вместе с тем, исключая указание на «боеприпас», необходимо предусмотреть в диспозициях названных норм ответственность за незаконный оборот патронов к огнестрельному оружию, поскольку, по мнению Верховного Суда РФ в ст. ст.

222, 223 УК РФ речь идет о неразрывных боеприпасах к стрелковому оружию. Предлагаемые изменения органично будут сочетаться с разъяснениями судебных органов о соотношении общих и специальных признаков, выражающихся в функциональной способности либо неспособности метаемого снаряжения патронов к взрыву.

Литература

1. Корецкий Д.А. Дифференциация боеприпасов и взрывных устройств при квалификации преступлений по ст. ст. 222 и 222.1 УК // Законность. 2016. № 7.
2. Бикеев И. Проблемы уголовной ответственности за незаконное обращение с предметами вооружения // Уголовное право. 2008. № 1.
3. Картавый А.А. Совершенствование правоприменительной практики при расследовании уголовных дел о незаконном обороте огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывных устройств // Российский следователь. 2017. № 7.
4. Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».
5. Черчесов А.В. Уголовно-правовая квалификация незаконного оборота средств инициирования взрыва ручных гранат // Законность. 2017. № 6.
6. Ермолович Я.Н. Судебная практика по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 года № 15) // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 9.
7. Приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан: дело №1-187/2019.
8. Приговор Октябрьского районного суда г. Пенза: дело № 1-221/2016.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2019 № 15 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 года № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».

Bibliography

1. Koretsky D.A. Differentiation of ammunition and explosive devices when qualifying crimes under Art. Art. 222 and 222.1 of the Criminal Code // Legality. 2016. № 7.
2. Bikeev I. Problems of criminal liability for illegal handling of weapons // Criminal law. 2008. № 1.
3. Kartavy A.A. Improvement of law enforcement practice in the investigation of criminal cases on illegal circulation of firearms, ammunition and explosive devices // Russian Investigator. 2017. № 7.
4. Clause 4 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.03.2002 № 5 (as amended on 11.06.2019) «On judicial practice in cases of theft, extortion and illegal circulation of weapons, ammunition, explosives and explosive devices».
5. Cherchesov A.V. Criminal-legal qualification of illegal circulation of means of initiation of explosion of hand grenades // Legality. 2017. № 6.
6. Ermolovich Ya.N. Judicial practice in cases of embezzlement, extortion and illegal circulation of weapons, ammunition, explosives and explosive devices (scientific and practical commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 11, 2019 № 15) // Law in the Armed Forces. 2019. № 9.
7. Sentence of the Caspian City Court of the Republic of Dagestan: case № 1-187/2019.
8. The verdict of the Oktyabrsky District Court of Penza: case № 1-221/2016.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.06.2019 № 15 «On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 March 2002 № 5 «On judicial practice in cases of embezzlement, extortion and illegal circulation of weapons, ammunition, explosives and explosive devices».

© 2021 г. Бредихин Алексей Леонидович,

старший преподаватель кафедры математики и информатики Санкт-Петербургского университета
МВД России кандидат юридических наук.

E-mail: axel_b@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА В СИСТЕМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

В настоящей статье автор рассматривает особенности использования уголовно-правовых средств в реализации идеологической функции государства, а именно установления уголовной ответственности за нарушение запретов в идеологической сфере. Автор определяет, что непосредственно защите идеологических основ государства посвящена ст. 354.1 УК РФ, по своей сути устанавливающая ответственность за фальсификацию истории. Далее дается критический анализ содержания указанной статьи и предлагаются возможные варианты совершенствования законодательства по противодействию фальсификации истории.

Ключевые слова: идеология, государство, идеологическая функция государства, фальсификация истории, ст. 354.1 УК РФ.

Bredikhin Alexey Leonidovich – Senior Lecturer, the Department of Mathematics and Informatics, the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

CRIMINAL AND LEGAL MEANS IN THE SYSTEM OF IMPLEMENTING THE IDEOLOGICAL FUNCTION OF THE STATE

In this article the author examines the features of the use of criminal law means in the implementation of the ideological function of the state, namely, the establishment of criminal liability for violation of prohibitions in the ideological sphere. The author determines that Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is directly devoted to the protection of the ideological foundations of the state, which essentially establishes responsibility for falsifying history. Further, a critical analysis of the content of this article is given and possible options for improving legislation to counter the falsification of history are proposed.

Keywords: ideology, state, ideological function of the state, falsification of history, art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Идеологическая функция государства имеет большое значение в деятельности государства. От эффективности мер, принимаемых в рамках ее реализации, во многом зависит устойчивость государственной политико-правовой системы и общественного порядка.

«Идеологическая функция является основным и постоянным направлением деятельности государства как общественно-политического института, содержанием которого является процесс построения определенной модели общественно-политических отношений в границах данного государства» [1, с. 9].

Осуществление идеологической функции государством связано с набором средств и методов воздействия, традиционными из которых являются убеждение и принуждение. При этом метод убеждения в реализации идеологической функции доминирует.

Наряду с методами можно выделить и средства осуществления идеологической функции, которые непосредственно связаны

с тем или иным методом. Например, установление уголовной ответственности за нарушение тех или иных запретов, можно назвать средством регулирования определенной сферы государственной деятельности. Это касается и идеологической деятельности в рамках осуществления идеологической функции государства.

Уголовное законодательство определяет преступность деяний, которые представляют большую общественную опасность для различных сфер жизни, тем не менее преступлениям в идеологической сфере здесь отведено не большое место, т. к. конституционные принципы идеологического многообразия и свободы слова только в исключительных случаях допускают законодательное ограничение.

В действующем УК РФ статья, предусматривающая ответственность сугубо в идеологической сфере, появилась лишь в 2014 г. (ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма»). Связано это было с возросшей

актуальностью защиты исторической правды и чувства национальной гордости. Для обеспечения своей легитимности и сохранения общественной солидарности государству важно не допустить подмену исторических фактов, обесценивания достижений предыдущих поколений и очернения истории страны. Наиболее частыми и опасными в этой связи, особенно в нашем информационном обществе, являются атаки на историю Второй мировой войны, победа в которой определила высокий международный статус Советского союза и современной России. Немаловажно защищать от информационных нападков и другие важнейшие события истории России, поэтому установление уголовной ответственности вполне логично и своевременно. Впрочем, указанная статья подвергается значительной и вполне справедливой критике.

В ч. 1 ст. 354.1 УК РФ уголовно наказуемым является «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично». Часть 2 этой статьи определяет квалифицированный вид указанного преступления – «совершение лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации, а равно с искусственным созданием доказательств обвинения».

Часть 3 ст. 354.1 УК РФ признает уголовно наказуемым распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично.

Проводя уголовно-правовой анализ названной статьи УК РФ, отметим некоторые моменты. Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 354.1 УК РФ (и ч. 2 соответственно), можно разделить на два основных аспекта: а) отрицание фактов, установленных Нюрнбергским процессом и все, что с этим связано; б) публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

Что касается первого аспекта, то здесь речь идет не столько о защите идеологических основ государства, сколько о пресечении попыток оправдать нацизм, создать его благопри-

ятный образ в общественном сознании. Хотя, безусловно, это затрагивает и идеологические основы государства, т.к. может появиться риск появления мощного националистического движения, которое может угрожать политической системе общества. Надо сказать, что в этом аспекте российский законодатель не первооткрыватель, подобные нормы, похожие по структуре и объективной стороне, имеются и в зарубежном законодательстве [2, с. 129–138].

В контексте реализации идеологической функции государства больший интерес представляет собой второй аспект – публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны.

События Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом являются основой патриотического воспитания многих поколений советских и российских граждан, т.к. для всех очевиден решающий вклад народов СССР в победу над фашизмом. Это дает право на полном основании испытывать чувство национальной гордости за государство и его народ, победившие мировое зло, формирует доверие к государству, объединяет народ вокруг общей победы, является источником патриотизма.

Поскольку события периода Второй мировой войны все дальше от нас, уже осталось мало их непосредственных свидетелей, а новые поколения все меньше знают и понимают масштабы тех событий и подробности, то достаточно просто переписать историю, подменить факты и не просто сочинить новую историю войны, но и заставить поверить в нее подрастающее поколение. А это прямая угроза как для общественных и государственных устоев, так и легитимности государства.

Реализуя идеологическую функцию, государство максимально, на сколько это возможно, проводит просветительскую работу по событиям тех лет, проводятся тематические мероприятия, устанавливаются памятники, организуются музейные выставки, специализированные архивы, интернет ресурсы и т.п. Тем не менее, важно не только своего рода «состязание» с деструктивной информационной деятельностью, но и ее прямое пресечение, в том числе уголовно-правовыми средствами.

Часть 3 ст. 354.1 УК РФ напрямую не связана с ч. 1 и 2 названной статьи и не совсем стыкуется с названием всей статьи «Реабилитация нацизма», но выполняет ту

же задачу – обеспечение защиты идеологических основ государства. Публичное распространение сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, выражающих явное неуважение к обществу, а также осквернение символов воинской славы России имеет тот же эффект, что и составы преступлений, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 354.1 УК РФ – подрыв национальной гордости за историю России, формирование недоверия к институтам государства, снижение его легитимности и дестабилизация общественно-политической обстановки.

Таким образом, ч. 3 ст. 354.1 УК РФ расширяет круг исторических событий и символов, являющихся неприкосновенными, сакральными, которые формируют уважение граждан к своей стране и государственной власти. Поэтому нужно отметить важность и логичность уголовно-правовых средств в обеспечении защиты тех или иных задач в рамках идеологической функции государства.

Если сравнить положения действующего УК РФ и УК РСФСР 1960 г. (на момент его принятия), то важно отметить отсутствие в уголовном кодексе 1960 г. подобной статьи. Охрана идеологических основ советского государства была представлена ст. 70 УК РСФСР 1960 г. «Антисоветская агитация и пропаганда», которая гласила: *«Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение, изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания»*.

Так, в ст. 354.1 УК РФ речь идет о распространении ложных сведений либо сведений, выражающих явное неуважение к историческим событиям и символам, а в ст. 70 УК РСФСР 1960 г. о «клеветнических измышлениях, порочащих советский государственный и общественный строй», которые могут «происходить в устной или письменной форме, путем символических действий, надругательства над памятниками революции, красным знаменем и т. п.» [5, с. 152].

Разница в том, что по УК РФ 1960 г. защите подлежали исторические символы советского периода, а в современной России – речь идет об ином и конкретно определенном перечне официальных исторических событий и символов.

Что касается критики ст. 354.1 УК РФ, то, в первую очередь, отмечают нарушение правил юридической техники. Так, например, М.Ю. Осипов указывает на то, что объектом данного преступления является историческая память народа, что никак не соотносится с объектом посягательства преступлений против мира и безопасности человечества. Кроме того, он предлагает составы правонарушений, обозначенных ст. 354.1 УК РФ, распределить по уже имеющимся статьям и главам УК РФ, близким по содержанию [6, с. 86–91].

Н.А. Егорова предлагает конкретизировать ст. 354.1 УК РФ, чтобы «способствовать минимизации риска уголовной ответственности добросовестных исследователей», которые изучают события Второй мировой войны [4, с. 503].

А.В. Дяченко отмечает, что «формы реабилитации нацизма, которые предусмотрел законодатель, не имеют какого-либо правового обоснования, а уголовная ответственность за них, в конечном счете становится своеобразным механизмом наказания за инакомыслие и его публичное выражение, поэтому ст. 354.1 должна быть исключена из УК РФ» [3, с. 888].

В целом нужно сказать, что правовая конструкция ст. 354.1 УК РФ далеко не совершенна, а также не вполне конкретна (что создает риски злоупотребления или ее вольного толкования). В связи с этим требуется законодательное уточнение правовой конструкции данной статьи, а также выработка единой правоприменительной практики со стороны высших судебных органов, чтобы избежать нарушений конституционных прав и свобод граждан со стороны уполномоченных органов. Также возможно продумать основания для освобождения от уголовной ответственности по данной статье, а также декриминализировать деяния, которые по своему характеру не представляют большой общественной опасности, установив за них административную или гражданско-правовую ответственность.

Признавая наивысшую значимость событий Второй мировой войны и исключительную роль в победе над фашизмом народов СССР, а также ценность памятных дат и дней воинской славы, считаем необходимым также определить ответственность и за распространение любых заведомо ложных сведений об исторических событиях в России, имеющих целью оскорбление предков, институтов государственной власти и народных героев. Такими действиями могут быть распространение заведомо ложных сведений о народных героях, государственных и военных дея-

телях, сыгравших положительную роль в развитии России, либо оправдание репрессий и деятельности государственных преступников.

В связи с чем считаем важным внести в Уголовный кодекс Российской Федерации статью об оскорблении исторической памяти и поместить ее в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Оскорбление исторической памяти серьезным образом влияет на обеспечение национальной безопасности, т. к. ослабляет единство народа, патриотизм и чувство солидарности всего народа.

При этом уголовному наказанию должны подлежать действия, которые распространяются публично через средства массовой информации (кроме распространения в социальных сетях с доступом ограниченного круга лиц), а также путем массового распространения иным способом с прямым умыслом.

Те же действия, которые распространяются в социальных сетях с доступом ограниченного круга лиц либо не содержащие прямого умысла, должны наказываться в рамках административного законодательства, для чего нужно внести такую статью в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Так как к уголовной ответственности не могут быть привлечены юридические лица, в ч. 1 ст. 354.1 УК РФ не определена ответ-

ственность средств массовой информации, допустивших размещение незаконной информации. В связи с чем необходимо дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях такой статьей.

Наряду с этим считаем важным усовершенствовать правовой механизм гражданско-правовой ответственности за фальсификацию истории, а именно дополнить Гражданский кодекс Российской Федерации и иное законодательство системой норм, определяющих порядок опубликования средствами информации опровержения заведомо сфальсифицированных сведений и их удаления из сети Интернет. Также необходимо предоставить право научным организациям и историческим обществам направлять свои протесты в соответствующие средства массовой информации и обязать публиковать сведения о поступлении таких протестов.

Тем не менее, несмотря на несовершенство ст. 354.1 УК РФ, нельзя обесценивать ее роль в защите важнейших общественных ценностей и государственного порядка. Защита исторической памяти как важнейшая задача, реализуемая в рамках осуществления идеологической функции государства, должна иметь в своем действии методы воздействия, и уголовно-правовые средства здесь имеют право на существование.

Литература

1. Бредихин А.Л. К вопросу об определении сущности идеологической функции государства // История государства и права. 2017. № 6.
2. Ветошкина Е.Д. Отрицание Холокоста: социальная обусловленность и сравнительный анализ уголовно-правового запрета // Lex russica. 2020. Т. 73. № 11.
3. Дяченко А.В. Обоснованность криминализации реабилитации нацизма в свете ограничения права на свободу слова // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9.
4. Егорова Н.А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Под ред. М.Д. Шаргородского и Н.А. Беляева. Ленинград, 1962.
6. Осипов М.Ю. О некоторых проблемах использования уголовно-правовой техники на примере ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Юридическая наука. 2014. № 2.

Bibliography

1. Bredikhin A.L. On the question of defining the essence of the ideological function of the state // History of State and Law. 2017. № 6.
2. Vetoshkina E.D. Holocaust denial: social conditioning and comparative analysis of criminal law prohibition // Lex russica. 2020. V. 73. № 11.
3. Dyachenko A.V. Justification of the criminalization of the rehabilitation of Nazism in the light of restrictions on the right to freedom of speech // Issues of Russian justice. 2020. № 9.
4. Egorova N.A. Rehabilitation of Nazism: Criminal Law Analysis // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. T. 9. № 3.
5. Commentary on the Criminal Code of the RSFSR, 1960 / Ed. M.D. Shargorodsky and N.A. Belyaev. Leningrad, 1962.
6. Osipov M.Yu. On some problems of the use of criminal law technology on the example of art. 354.1 of the Criminal Code of the RF «Rehabilitation of Nazism» // Legal Science. 2014. № 2.

© 2021 г. Идиятуллов Алмаз Дамирович,

преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления
органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России.
E-mail: almaz.idiyatullov.52@bk.ru

ПРЕСТУПНАЯ ПРИЧАСТНОСТЬ К САМОУБИЙСТВУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье представлены результаты изучения более 200 судебных решений по уголовным делам, предусмотренным ст. 110–110² за период с 2002 по 2019 гг. Актуализируется значимость превентивных мер в сфере профилактики домашнего (семейного) насилия; противодействия незаконному преследованию и травле жертвы, вовлечению в деятельность деструктивных сетевых сообществ суицидальной направленности. Рассмотрены личности преступника и потерпевшего в данной сфере.

Ключевые слова: преступность, предупреждение, доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, несовершеннолетний, личность преступника.

Idiyatullov Almaz Damirovich – Lecturer, the Department of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs Bodies, the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

CRIMINAL INVOLVEMENT IN JUVENILE SUICIDE: CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL ASPECTS

The article presents the results of a study of more than 200 court decisions in criminal cases provided for by Articles 110–110² for the period from 2002 to 2019. The importance of preventive measures in the field of prevention of domestic (family) violence is updated; counteraction to illegal persecution and harassment of the victim, involvement in the activities of destructive network communities of a suicidal orientation. The personality of the offender and the victim in this area is considered.

Keywords: crime, prevention, incitement to suicide, inducement to commit suicide, organization of activities aimed at encouraging committing suicide, minor, personality of the offender.

Актуальной проблемой в начале третьего тысячелетия являются угрозы, риски и вызовы криминального характера, с которыми несовершеннолетние ежедневно сталкиваются в современном мире. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности, каждый год на планете до 100 млн детей подвергаются физическому, сексуальному и психологическому насилию. Так, убийство является пятой по значимости причиной смерти среди подростков, из которых значительное количество приходится на мальчиков (80 %). Во всем мире каждый четвертый ребенок страдает от физического насилия, а каждая пятая девочка стала жертвой сексуального насилия [1].

В определенных обстоятельствах подобные посягательства в отношении несовершеннолетних приводят к серьезным социальным последствиям в виде физических увечий, инвалидности, самоубийства, приобретения хронических заболеваний, к проблемам в области психического здоровья, приобщения к психоактивным веществам, антиобществен-

ной деятельности, проституции и бродяжничеству [2, с. 181].

В Российской Федерации несовершеннолетними или при их участии в 2019 г. совершено 41 548 преступных деяний (-4,6 % по сравнению с 2018 г.), из которых 10 113 (24,3 %) относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Практически десять лет сохраняется положительная динамика, связанная с сокращением подростковой преступности, которая за этот период снизилась в 2 раза. Вызывает беспокойство рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними (+4,1 % по сравнению с 2018 г.), свидетельствующий о повышении уровня агрессии и жестокости в подростковой среде [3].

Вместе с тем несовершеннолетние все чаще становятся потерпевшими от преступных посягательств, что вызывает в российском обществе серьезную тревогу и беспокойство. Если в 2016 г. в отношении детей совершалось 78,7 тыс. преступлений, то в 2019 г. общее количество подобных деяний

возросло до 107,6 тыс. (+36,7 %). В течение последнего десятилетия значительно возросло количество несовершеннолетних, погибших насильственной смертью (+43,5 %) [4].

Российские дети все чаще становятся жертвой домашнего (семейного) насилия, педофилии, корыстно-насильственных, групповых преступлений, приобщаются к употреблению алкоголя и наркотиков, азартным играм, вовлекаются в деятельность различных организаций, противоправная деятельность которых связана с распространением псевдорелигиозных, антиобщественных, экстремистских идей (учений), пропагандой криминальной субкультуры «А.У.Е.» и суицидальной идеологии [5, с. 132].

В определенных случаях преступные проявления в отношении детей и подростков в форме семейно-бытового насилия, травли или вовлечения в деятельность деструктивных сетевых сообществ влекут их самоубийство или покушение на него [6, с. 12].

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в глобальном масштабе наблюдается тесная взаимосвязь между самоубийством и домашним насилием. Отмечается повышенная склонность к самоубийству несовершеннолетних, детство которых проходит в неблагоприятных условиях (подростковая преступность, буллинг, развод родителей, злоупотребление алкоголем в семье, отсутствие внимания со стороны взрослых, жестокое обращение, проживание в детском доме). Среди наиболее уязвимых групп находятся молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет [7, с. 11].

Президент В.В. Путин потребовал обратить внимание на «интернет-пространство, в котором продолжают действовать разного рода радикальные группы, пропагандирующие уголовную субкультуру, склоняющие подростков к самоубийствам, совершению правонарушений». Призывая активно бороться с подобными рода преступными проявлениями, он добавил, что «работа по их выявлению должна вестись постоянно, а организаторы и подстрекатели понесут заслуженное наказание» [8].

В соответствии с ежегодно публикуемыми статистическими данными в России на протяжении двадцати лет наблюдается устойчивое снижение количества самоубийства (с 56 934 случаев в 2000 г. до 17 192 в 2019 г.) [9, с. 106]. Однако на фоне положительной динамики

снижения общего количества суицидов по числу зарегистрированных детских и подростковых самоубийств Россия продолжает оставаться одним из мировых лидеров: если в 2017 г. было зарегистрировано 692 инцидента, то в 2018 г. – 788 суицидов (+14 %) [10].

Стоит отметить, что лишь незначительное количество самоубийства среди несовершеннолетних обусловлено противоправной деятельностью, большая часть подобных проявлений носит бытовой либо личностный характер (семейные конфликты, неразделенная любовь, неуспеваемость в школе). Особенность суицида среди детей и подростков, в том числе криминально обусловленного, заключается в его высокой латентности [11].

Преступления, связанные с побуждением потерпевшего к самоубийству – явление редкое и специфическое в судебно-следственной практике, в связи с чем рассматриваемые деяния занимают незначительное место в общей структуре российской преступности [12, с. 23]. Наблюдающееся расхождение между количеством регистрируемых преступлений по ст. 110–110² (313 в 2019 г.) и числом судебных решений по таким делам (41 в 2019 г.) свидетельствует о наличии определенных проблем в правоохранительной системе [13].

Статистическая информация не отражает подлинную динамику рассматриваемой категории преступной деятельности ввиду объективных причин. В их число входит сложность выявления, расследования и доказывания анализируемых составов [14, с. 374]. Изучение более 200 судебных решений по уголовным делам, предусмотренным ст. 110–110² за период с 2002 по 2019 гг., показало, что дети и подростки ввиду крайней социальной уязвимости становятся жертвой каждого четвертого криминально обусловленного самоубийства или его попытки (26 %).

Домашнее (семейное) насилие является одной из основных причин подобных трагедий (79 %). Определенная доля суицидального поведения среди несовершеннолетних обуславливается деятельностью деструктивных сетевых сообществ суицидальной направленности (21 %). Не случайно большинство преступных посягательств, связанных с побуждением несовершеннолетних к самоубийству, совершаются по месту жительства потерпевшего как в городе (49 %), так и в сельской местности (39 %). По этой же причине самоубийство или его попытка осуществляются

потерпевшим по месту его проживания (66 %), а также в нежилых помещениях сельскохозяйственного, производственно-складского и бытового предназначения (баня, сарай) (22 %). Кроме того, для таких целей избираются крыши высотных зданий, мосты (6 %), железнодорожные пути (4%) и открытые водоемы (2 %).

Наиболее распространенными способами самоубийства являются повешение, удушение (41 %), нанесение порезов с использованием колюще-режущих предметов (22 %), отравление медицинскими препаратами или иными химическими веществами (20 %), падение с высоты (12 %), использование транспорта (ж/д) или движущихся частей, механизмов (3 %) и утопление (2 %). Каждое второе подобное происшествие оканчивается трагической гибелью ребенка (49 %). Предсмертная записка или сообщение (в том числе в Интернете) составляется детьми в каждом пятом случае (22 %). При этом имеются факты нахождения несовершеннолетней потерпевшей в момент самоубийства в состоянии беременности (3 %).

В качестве средства самоубийства несовершеннолетними используются медицинские препараты (Анальгин, Валосердин, Глибенкламид, Дротаверин, Йодомарин, Парацетамол, Рибоксин и Цитромон-П), употребляемые одновременно в большом количестве. Несвоевременное оказание медицинской помощи влечет медикаментозное отравление и летальный исход. В связи с этим следует особое внимание уделять безопасному хранению медицинских изделий и иных опасных химических веществ в недоступных для детей и подростков местах.

Противоправная деятельность виновного, находящаяся в причинно-следственной связи с самоубийством жертвы при семейно-бытовых отношениях, как правило, осуществляется путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Нанесение побоев, причинение телесных повреждений различной степени тяжести, истязание, угроза убийством (41 %), неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (7 %), сексуальные преступления (6 %), вымогательство (3 %), нарушение неприкосновенности частной жизни (1 %) и незаконное лишение свободы (1 %) становятся основными причинами криминально обусловленных самоубийств среди детей и подростков.

К другим условиям, обуславливающим суицидальное поведение среди несовершеннолет-

них, относится противоправное воздействие виновного в форме систематических оскорблений, унижений, травли (32 %), лишения крова, пропитания, сна, создания антисанитарных условий для проживания (7 %), принуждения к тяжелому физическому труду (4 %).

Среди преступников преобладают лица мужского пола (58 %), в возрасте 30–49 лет (59 %), с российским гражданством (93 %), имеющие среднее (полное) образование (47 %), состоящие в браке (63 %). Социально-профессиональный статус виновного характеризуется принадлежностью к лицам без постоянных источников доходов (40 %), а также к категории наемного рабочего (32 %) или служащего (8 %). Наличие неснятой или непогашенной судимости отмечается лишь у незначительного количества преступников (13 %), за преступления небольшой и средней тяжести (14 %), а также за тяжкие и особо тяжкие преступления (2 %), при обычном рецидиве (3 %).

Виновные лица, как правило, состоят на специальном учете по причине хронического алкоголизма (5 %), наркомании (3 %) и психических заболеваний (7 %). У некоторых лиц выявлены признаки педофилии (5 %). Кроме того, некоторые из них состоят на учете в ПДН и КДН в соответствии со ст. 5.35 КоАП РФ за неисполнение родительских обязанностей (6 %), как неблагополучные семьи, находящиеся в социально-опасном положении (5 %), или лица, занимающиеся бродяжничеством (2 %).

Подавляющее большинство указанных преступлений совершаются вменяемыми лицами (97 %), в состоянии алкогольного опьянения (49 %), по мотивам личной неприязни (40 %), ревности (4 %), мести (4 %), долговых, материальных обязательств (3 %), из корыстных побуждений и иной личной заинтересованности (6 %). Преступные посяательства осуществляются в целях принуждения к сексуальным отношениям (6 %), а также, чтобы скрыть другое преступление или облегчить его совершение (2 %). Преимущественно, по отношению к потерпевшему виновными выступают родители (45 %), отчим (15 %), иные родственники (5 %), знакомые (17 %) или малознакомые лица (18 %). Длительность аморального, противоправного воздействия на потерпевшего в большинстве случаев составляет от нескольких месяцев до одного года (31 %) или от двух до четырех лет (21 %). Каждый пятый ранее уже совершал подобные противоправные посяательства (18 %).

В группе лиц совершается каждое четвертое рассматриваемое преступление (23 %.)

Личность преступника, побуждающего детей к самоубийству посредством негативно-информационного воздействия в сети Интернет, существенным образом отличается от личности лица, совершающего аналогичное деяние в семейно-бытовой сфере. В таких условиях это лицо мужского или женского пола в возрасте 16–25 лет, *не обремененное семейными* обязательствами, имеющее общее среднее или профессиональное образование, проживающее совместно с родителями, как правило, не имеющее постоянного места работы [15, с. 85].

Доминирующими мотивами становятся желание самоутвердиться, прославиться, манипулировать другими людьми (13 %), хулиганство (10 %), любопытство (5 %), корысть, личная неприязнь, а также стремление вовлечь максимальное количество детей и подростков в компьютерные игры, представляющие опасность для их жизни и здоровья (7 %). Психологические особенности личности преступника характеризуются жестокостью, цинизмом и садизмом по отношению к своей жертве. Так, осужденная в июне 2018 г. П. в ходе предварительного следствия показала, что основной целью создания «групп смерти» является очистка Земли от «биомусора», под которым понимаются люди, не приносящие пользу обществу. Задачей «администратора» сообщества становится выявление подобных лиц среди подписчиков путем изучения их личности и доведения до самоубийства [16]. В другом случае виновный С. вступил в суицидальное сообщество с целью вымогательства у несовершеннолетних материальных средств под видом выполнения задания для дальнейшего погашения своих кредитных обязательств. Согласно показаниям, он испытывал моральное удовлетворение вследствие выполнения подростками его заданий и ощущал власть над другими людьми [17].

Одним из первых судебных решений по рассматриваемым категориям преступлений стало уголовное дело в отношении Б., который осуществлял противоправную деятельность путем привлечения наибольшего количества подписчиков к своей персональной странице в социальной сети «ВКонтакте». В 2016 г. Б. в ходе переписки с несовершеннолетними А. и Г. выяснил сведения об их личности, возрасте, увлечениях и жизненных трудностях.

Виновный, учитывая индивидуально-психологические особенности потерпевших, предоставлял им для ознакомления контент суицидального содержания, формирующий депрессивную направленность сознания, а также негативно воздействующий на их психику. Он создавал впечатление неразрешимости проблем, указывал на суицид как на единственный выход из сложившейся ситуации, склонял их к членовредительству. Несовершеннолетние были вовлечены в компьютерную игру, целью которой было прохождение нескольких уровней, в ходе которых они должны были резать вены на запястьях рук и ног, убивать животных, находиться в опасных местах, фотографируя свои действия и выкладывая их на информационной ленте в социальной сети «ВКонтакте» [18].

Согласно показаниям виновных и потерпевших, о существовании игр суицидальной направленности им стало известно из публикаций СМИ, рассказов знакомых, друзей, школьных бесед. Компьютерная игра, в названии которой встречаются словосочетания «Синий кит», «Тихий дом», «Море китов», «Млечный путь», «F57», является стихийно возникшим информационным вирусом («инфовирус»), т. е. мультимедийным контентом, элементом пропаганды, содержащим информацию деструктивного (аутоагрессивного) характера, распространяющимся через социальные сети и мессенджеры среди детей и подростков.

Популяризация подобных игр среди несовершеннолетних стала возможной после освещения деятельности «групп смерти» в новостных сообщениях. В дальнейшем такие ошибки были учтены, материалы о подобных сетевых играх в информационной среде теперь практически не публикуются. Вследствие стремительного развития информационных технологий и широкого внедрения их в повседневную жизнь можно с уверенностью спрогнозировать появление новых видов «инфовирусов», т. к. рискованные формы поведения обычно вызывают интерес среди несовершеннолетних.

Алгоритм действий преступника может выглядеть следующим образом. Виновный одобряет, поддерживает, а затем пытается развивать идею потерпевшего об отсутствии смысла его жизни, никчемности существования подростка, после чего в достаточно угрожающей, агрессивной форме подводит его

к решению покончить жизнь самоубийством. При этом используются психологические приемы активного слушания, поддержки, сопереживания, подчинения, прямой или косвенной физической угрозы.

В качестве способов доведения несовершеннолетних до самоубийства применяются различные угрозы (24,3 %), систематическое унижение человеческого достоинства (38,3 %) и жестокое обращение с потерпевшим (37,4 %). Рассматриваемое преступление в большинстве случаев совершается умышленно, с прямым (32,7 %) или косвенным (61,8 %) умыслом, лишь незначительная доля таких деяний приходится на неосторожность виновного (5,5 %). Умышленное склонение детей и подростков к самоубийству, как правило, осуществляется путем предложений (58,3 %) и уговоров (41,7 %), остальные способы, содержащиеся в уголовном законе, в судебной практике не встречаются.

В качестве меры наказания за рассматриваемую противоправную деятельность судом назначалось лишение свободы (73 %), ограничение свободы (3 %), принудительные работы (1 %), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (1 %). Каждый четвертый подвергался условному осуждению к лишению свободы (26 %). Основаниями освобождения от уголовной ответственности или прекращения уголовного преследования явились: а) примирение с потерпевшим (1 %); б) назначение судебного штрафа (1 %); в) акт об амнистии (2 %). В остальных случаях противоправное деяние переqualificировалось на угрозу убийством (1 %), применялись принудительные меры медицинского характера (2 %), прокурор отказывался от обвинения (3 %). При этом наблюдается высокая доля оправдательных решений (12 %), что подтверждает сложность доказывания вины по рассматриваемым категориям дел.

Для исполнения наказания в виде лишения свободы осужденному определялись: 1) колония-поселение (32 %); 2) колония общего режима (41 %); 3) колония строгого режима (27 %). В отдельных случаях виновным назначалось лечение от алкоголизма (2 %) и наблюдение у врача-психиатра в соответствии с ч. 2 ст. 99 УК РФ (5 %).

Среди потерпевших преобладают несовершеннолетние женского пола (73 %), в возрасте 12–15 лет (51 %), граждане Российской Федерации (98 %), с начальным, основным общим

образованием (89 %), обучающиеся в средних общеобразовательных учебных заведениях (96 %). Определенная часть потерпевших состоит на специальном учете в психиатрическом диспансере с диагнозом депрессивного или социализированного расстройства поведения (8 %), органического расстройства личности со смешанными заболеваниями (2 %). Отдельные лица находятся на учете в ПДН и КДН вследствие антиобщественного образа жизни (4 %). В момент самоубийства незначительная часть жертв находилась в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя (13 %) или наркотиков (2 %). Особую тревогу вызывает наличие среди потерпевших значительной доли лиц, имевших в прошлом суицидальные попытки или подобные высказывания (31 %).

Социально-психологические особенности личности несовершеннолетней жертвы обуславливаются ее нахождением в материальной или иной форме зависимости от виновного. У потерпевшего выявляются признаки слабовыраженных коммуникативных и адаптационных способностей. Они замкнуты, стеснительны, нерешительны, нередко подвергаются насмешкам со стороны одноклассников. В эмоционально-волевой сфере наблюдаются признаки неустойчивости, вспыльчивости, упрямства, обидчивости, ригидности. Кроме того, жертва внушаема, подчиняема и введена. Нередко у них выявляются чувства одиночества, изолированности, отчужденности среди сверстников. К другим психологическим особенностям относятся низкая самооценка и чувство «собственной ущербности», склонность к аутоагрессивному поведению.

В зависимости от психологического состояния суицидента выделяют аффективный, показательно-демонстративный и истинный суицид [19, с. 72]. Несовершеннолетним, как правило, не свойственно истинное желание смерти. Суицидальное поведение среди них обуславливается намерением избежать физической, психологической или эмоциональной боли. Противоправная деятельность виновного приводит к накоплению у потерпевшего отрицательных переживаний. Жертва, находясь в состоянии сильной эмоциональной напряженности, в силу недостаточности жизненного опыта в определенных случаях может выбрать самоубийство в качестве выхода из дрящей психотравмирующей ситуации.

Механизм противодействия рассматриваемому виду преступности состоит из совокупности мер, направленных на выявление путем психологического тестирования в образовательных учреждениях лиц, находящихся в депрессивном состоянии, подверженных суицидальному поведению. Следует обращать внимание на детей, чьи родители находятся в бракоразводном процессе или злоупотребляют психоактивными веществами. Важная роль отводится установлению доверительных отношений в семье, налаживанию коммуникаций, повышению степени значимости межличностных взаимоотношений с несовершеннолетним. Необходимо создать условия, при которых ребенку будет предложена иная популярная квест-игра, не представляющая опасность для его жизни и здоровья. Рекомендуется проводить систематические тренинги с родителями по поводу противоправной деятельности различных деструктивных сект, групп или сообществ, в том числе в Интернете.

Предупреждение преступных деяний, связанных с побуждением несовершеннолетних

к самоубийству, обуславливается комплексом мер организационного, социально-правового, психологического, медицинского, санитарно-эпидемиологического, образовательного, педагогического и просветительского характера. Следует уделить внимание повышению безопасности окружающей среды для детей и подростков, в том числе в виртуальном мире. Необходимо осуществлять профилактику правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, предупреждать антиобщественное поведение среди несовершеннолетних, формировать благоприятные условия для физического и духовно-нравственного развития личности ребенка.

Надлежит оказывать всестороннюю поддержку родителям, воспитателям, педагогам; улучшать экономическое положение населения; популяризировать науку, образование и спорт; создавать привлекательный имидж различных видов профессий. Кроме того, следует проводить более активную систематическую профилактику социально-негативных явлений (наркотизма, алкоголизма, проституции, бродяжничества, игромании).

Литература

1. URL: <http://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Child-Victims/Russian.pdf>.
2. Шалагин А.Е., Шалагина А.К. Профилактика и коррекция агрессивного поведения несовершеннолетних // Вопросы педагогики. 2020. № 7–1.
3. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19412450>.
4. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1890336>.
5. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Новые тенденции преступности в XXI в.: глобализация, цифровизация, социальный контроль // Modern Science. 2020. № 11–1.
6. Буряковская Е.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика доведения до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020.
7. URL: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention.
8. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62860>.
9. Российский статистический ежегодник. М., 2019.
10. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/04/25/12321139.shtml>.

Bibliography

1. URL: <http://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Child-Victims/Russian.pdf>.
2. Shalagin A.E., Shalagin A.K. Prevention and correction of aggressive behavior of minors // Questions of pedagogy. 2020. № 7–1.
3. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/19412450>.
4. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1890336>.
5. Shalagin A.E., Idiyatullova A.D. New trends in crime in the 21-st century: globalization, digitalization, social control // Modern Science. 2020. № 11–1.
6. Buryakovskaya E.V. Criminal-legal and criminological characteristics of bringing to suicide: dis. ... PhD in Law. SPb., 2020.
7. URL: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention.
8. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62860>.
9. Russian Statistical Yearbook. M., 2019.
10. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/04/25/12321139.shtml>.
11. Puchnina M.Yu. Criminal suicide of minors: criminological and criminal-legal countermeasures: dis. ... PhD in Law. Voronezh, 2019.

11. Пучнина М.Ю. Криминальный суицид несовершеннолетних: криминологические и уголовно-правовые меры противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2019.
12. Идиятуллов А.Д. Преступления, связанные с понуждением к суицидальному поведению, в истории российского законодательства // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 5. № 1 (9).
13. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt491_201912.001.txt.
14. Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: монография. М., 2015.
15. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с понуждением к суициду, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 3. № 6.
16. Приговор № 1-138/2018 от 06.06.2018 Индустриального районного суда г. Хабаровска // URL: <https://sudact.ru>.
17. Приговор № 1-57/2018 от 05.09.2018 Еткульского районного суда Челябинской области // URL: <https://sudact.ru>.
18. Приговор № 1-51/2017 от 17.06.2017 г. Тобольского районного суда Тюменской области // URL: <https://sudact.ru>.
19. Личко А.Е., Александров А.А. Суицидальное поведение подростков // Клинико-психологические социальные и правовые проблемы суицидального поведения. М., 1974.
12. Idiyatullo A.D. Crimes associated with compulsion to suicidal behavior in the history of Russian legislation // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. Vol. 5. № 1 (9).
13. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt491_201912.001.txt.
14. Khatuev V.B. Criminal responsibility for driving to suicide or attempted suicide: monograph. M., 2015.
15. Shalagin A.E., Idiyatullo A.D. Criminological characteristics and prevention of crimes associated with compulsion to suicide, committed using the information and telecommunication network «Internet» // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Vol. 3. № 6.
16. Sentence № 1–138/2018 of 06.06.2018 of the Industrial District Court of Khabarovsk // URL: <https://sudact.ru>.
17. Sentence № 1-57/2018 dated 09.05.2018 of the Etkul District Court of the Chelyabinsk Region // URL: <https://sudact.ru>.
18. Sentence № 1–51/2017 of June 17, 2017, the Tobolsk District Court of the Tyumen Region // URL: <https://sudact.ru>.
19. Lichko A.E., Aleksandrov A.A. Suicidal behavior of adolescents // Clinical and psychological social and legal problems of suicidal behavior. M., 1974.

© 2021 г. Вакуленко Наталья Алексеевна,

начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института
МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: foroposha@mail.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ЛИДЕРА ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ

В статье анализируются важные репрезентативные характеристики личности лидера преступной группы, позволяющие в обобщенном виде представить модель типичного преступника данного вида. Актуализируется значимость учета криминологических параметров личности лидера криминальной среды при осуществлении деятельности по индивидуальному прогнозированию преступного поведения таких лиц и профилактике преступлений рассматриваемого вида.

Ключевые слова: организованная преступность, преступная группировка, личность преступника, криминальная среда, лидер преступной группы, тенденции, руководитель, меры профилактического воздействия, законодательство.

Vakulenko Natalya Alekseevna – Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

CHARACTERISTIC CRIMINOLOGICAL PERSONALITY FEATURES OF THE LEADER OF A CRIMINAL GROUP

The article analyzes important representative characteristics of the identity of the leader of a criminal group, allowing to summarize the model of a typical criminal of this type. The importance of taking into account the criminological parameters of the personality of the leader of the criminal environment in carrying out activities on individual forecasting of the criminal behavior of such persons and the prevention of crimes of the type under consideration is updated.

Keywords: organized crime, criminal gang, identity of criminal, criminal environment, leader of a criminal group, trends, leader, preventive measures, legislation.

Организованная преступная деятельность представляет огромную угрозу для безопасности общества и государства. Именно данный вид преступной активности аккумулирует серьезный негативный эффект не только для состояния защищенности конкретной личности, но и экономики страны в целом. В целях противодействия организованной преступности применяется ряд законодательных мер, которые способны снизить разрушительный эффект от преступной деятельности организованных групп. Особую опасность в этом отношении составляют лидеры преступных групп, определяющие вектор преступной деятельности и являющиеся своеобразным камертоном среди группы опасных преступников.

В связи с этим был принят федеральный закон, устанавливающий дополнительный комплекс уголовно-правовых мер по борьбе с лидерами преступных групп [2]. При этом пояснительная записка к законопроекту содержала ряд интересных положений. Так, в документе было указано, что «лидеры преступных сообществ (преступных организаций)

координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями, и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность».

На данный законопроект отреагировал и высший судебный орган страны. В официальном отзыве Верховный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что подобная новелла расширит возможности для применения уголовной репрессии к лицам, которые ранее находились вне сферы уголовно-правового регулирования [1] и могли избежать уголовной ответственности [5].

Данные положения лишней раз подчеркивают значимость законодательных корректировок в части привлечения к уголовной ответственности лидеров преступных групп, а также необходимость криминологической оценки данного вопроса.

Актуальность выражается еще и в том, что личность лидера преступной иерархии носит

многоаспектный, нестандартный характер и влечет множество теоретико-практических значений. Ему присущ ряд черт, которые значительно отличают его от преступников иного рода и позволяют осуществлять успешную криминальную деятельность.

Следует помнить, что данное лицо имеет способности по управлению конгломератом преступников, у которых за плечами зачастую опыт совершения тяжких и особо тяжких уголовно наказуемых деяний. При этом лидер преступной иерархии зачастую обладает деловыми коммуникациями с представителями правящей элиты и правоохранительных органов, что повышает его общественную опасность и криминальный авторитет.

Опасность указанных субъектов также заключается в том, что они являются социальными хамелеонами – не показывают свой преступный облик, а создают видимость ведения законной предпринимательской деятельности, а зачастую – занимают активную социально ориентированную позицию по многим вопросам, что, в конечном счете, создает им образ законопослушных и ответственных граждан.

Как считает Г. Абадински, являющийся известным американским криминологом, организованной преступности присущи следующие признаки, в частности:

- 1) наличие идеологии;
- 2) огромные человеческие ресурсы;
- 3) тесное взаимодействие;
- 4) существование иерархии;
- 5) целевая установка на получение прибыли [11, с. 92].

По мнению российского ученого А.И. Гурова, категория «организованная преступность» характеризуется массовостью, устойчивостью и управляемостью [10, с. 26].

Собственную защиту от социального и государственного контроля они обеспечивают с помощью коррупции. Также для данных групп совершение преступлений является так называемым бизнесом или промыслом.

Организованная преступность является разновидностью групповой преступности, под которой понимается конгломерат совершенных уголовно наказуемых деяний, которые реализуются в соучастии в рамках отдельной территории и продолжительного срока.

Анализ статистического материала демонстрирует следующие позиции:

1. Количество преступлений, совершенных в составе организованных преступных групп, в Российской Федерации: в 2016 г. –

11 186, в 2017 г. – 12 135, в 2018 г. – 13 744, в 2019 г. – 14 647, в 2020 г. – 15 382.

2. Количество выявленных лиц, совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества в Российской Федерации: в 2016 г. – 9 317, в 2017 г. – 9261, в 2018 г. – 9 693, в 2019 г. – 9 578, в 2020 г. – 9 764 [3].

Вышеуказанные аналитические материалы транслируют стабильный рост деятельности организованной преступности. Причем рост происходит ежегодно. Думается, что указанные статистические показатели находят свое отражение в явлениях реальной действительности. Так, Ю.П. Борисова отмечает, что «рост показателей организованной преступности должен быть своевременно замечен государством, с целью нахождения эффективных методов ее предупреждения» [8, с. 17].

В России характерными особенностями развития организованной преступности является развитие криминализации в органах государственной власти, формирование устойчивых связей, проникновение в экономическую сферу общества и рост активности этнических преступных формирований. Этнические преступные формирования возникают в таких сферах деятельности, как контрабанда, незаконный оборот оружия и боеприпасов, экспортно-импортные операции с сырьем, наркобизнес, золото-бриллиантовый комплекс и фальшивомонетничество.

Отметим, что серьезная нацеленность организованной преступности на сферу экономики является одной из основных ее особенностей. Организованная преступность трансформируется из откровенно бандитской в «беловоротничковую». То есть организованная преступность стремится легализовать криминальную деятельность, «перейти от полуправильной деятельности к легальной, а поэтому проникает в легальный бизнес и во властные структуры» [12, с. 49]. Но, не смотря на все вышесказанное, она не становится менее опасной.

Анализ же рода занятий показывает, что значительная часть участников преступных структур представлена «работниками коммерческих организаций – 33 %, работниками частных охранных структур – 10 %, бывшими спортсменами – 19 %, сотрудниками правоохранительных органов (в т. ч. бывшими) – 11 %» [17, с. 76].

Особенностью совершения данных преступлений является то, что руководители преступных группировок не участвуют непосредственно

в совершении преступлений, они исключительно продумывают порядок их совершения. Это создает сложности при разрешении проблем в части процессуально-тактических ситуаций. Например, 64 % следователей подтвердили, что к уголовной ответственности на практике привлекают исполнителей преступлений, а не организаторов, которые уходят от ответственности, а значит, велик риск повторения преступления.

Как отмечает Н.А. Хорунжая, отнесенным к организованной преступности и находящимся у следователей в производстве, организаторы преступной группы выявлены примерно в 20 % случаев, наводчики по 4 % и по 6 % лица, которые предоставили транспорт и технические средства. «Также 46 % следователей указали на то, что достаточно сложно выявить и доказать действующие коррумпированные связи преступных структур» [19, с. 200].

Преступная (криминальная) среда – это социальная среда, которая сложилась в процессе исторического развития и устойчива к различным изменениям государства и общества. Финансовой основой функционирования криминальной среды являются доходы, получаемые в результате преступной деятельности. Криминальная среда активно противостоит, даже можно сказать отрицает, методы государственного и общественного контроля.

Лица, которым свойственно асоциальное (криминальное) прошлое и/или настоящее, являются субъектами преступной среды. В том числе к субъектам преступной среды относят и лиц, которые отбывают свое наказание в местах лишения свободы.

Устойчивое развитие преступной среды, как и любой другой социальной среды, невозможно без присущих данной среде материальных и нематериальных ресурсов.

Также обязательным условием функционирования криминальной среды является наличие субкультуры, которая формируется на основе преступных традиций и обычаев. Авторы, изучающие криминальную субкультуру, выделяют различные ее характерные особенности.

Например, у В.Н. Перекрестова «основой для формирования криминальной субкультуры является поведение лиц, которые нарушили предписания закона и общепринятые нравственные ценности, а также это совокупность индивидуального и группового сознания» [16, с. 13].

В преступной среде, как и в любой другой структуре общества, действует негласный социальный закон необходимости лидера. То есть

ни одна группа лиц, которая связана единой целью и/или видом деятельности, не может функционировать без руководителя, а также его окружения, являющихся исполнителями поручений. Криминальная среда с этой точки зрения представляет собой группу лиц, которые последовательно по нисходящей связаны между собой, а также расположены на определенных ступенях своеобразной «лестницы» и с различными статусами.

В общем понимании слово «лидер» происходит от англ. *leader* (ведущий, первый, идущий впереди) и «означает лицо, которое пользуется авторитетом в какой-либо группе, авторитет признан и позволяет оказывать влияние на данную группу» [7].

В неформальных группах, в том числе в уголовно-преступной среде, «специфика лидерства обусловлена субкультурными отношениями» [4].

Отметим, что непосредственное влияние на количество «воров в законе» оказывал тот или иной исторический период. По данным отдельных авторов, сейчас в России существует около 250 «воров в законе», из которых 80 отбывают наказание в местах лишения свободы [18, с. 44].

Лидер преступной среды появляется не последовательно или системно, а выявляется одномоментно, рывком. Ведь следует осознать, что в настоящее время существует множество криминальных авторитетов, но не каждый может рассчитывать на звание лидера преступной среды.

Процесс появления лидера в преступной среде зависит от субъективной и объективной составляющих. На место лидера преступной группы выдвигается только ее представитель, который может быть реально полезен для ее деятельности, что является объективной составляющей. Также он должен проявить себя как в тактической, так и в организационной подготовке преступной деятельности, то есть при непосредственном планировании и исполнении преступлений.

Для осуществления функций лидера преступной среды данное лицо должно обладать определенным набором личностных качеств, что является субъективной составляющей. Как правило, такие лица преступной среды наиболее активны и решительны, их ярко выраженными качествами являются целеустремленность и умение подчинить себе других, они обладают достаточно высоким интеллектом и обширным преступным опытом как представители криминальной группы.

Необходимо уточнить, что лидеры преступной среды должны обладать не только рядом общих криминальных черт, но и специфическими свойствами, необходимыми для руководства преступной средой.

Так, с точки зрения криминологической характеристики лидеров уголовно-преступной среды выделяют следующие наиболее актуальные и «присущие им признаки (личностные особенности, способности, навыки)» [6, с. 109]:

1) организационные, а именно они непосредственно осуществляют руководство группой, что выражается в распределении функционала и распределение преступных ролей, а также в осуществлении текущего контроля за оперативным и неукоснительным их выполнением;

2) познание среды, т. е. субъективное восприятие членами преступной группы факта наличия комплекса знаний, умений, а также преступного чутья – интуиции;

3) владение широким объемом информации, т. е. только лидер преступной среды обладает всей необходимой и полной информацией о реализации преступных намерений, а также сможет оперативно скорректировать процесс функционирования группы и т. д.;

4) вознаграждение, а именно на основе манипуляции с личной корыстной мотивацией членов преступной группы строится единоначие, организованность, функциональность, и «вера» в лидера;

5) принуждение или наказание – появляется возможность применять разнообразные меры к нарушителям криминальных правил, что в разы повышает авторитет лидера среды.

Именно конгломерат вышеуказанных свойств и характеристик, качеств и функционала определяют содержание личности лидера преступной среды.

Следовательно, лидер в преступной среде – это субъект, который располагает серьезным авторитетом в криминальном мире, в т. ч. в рамках конкретного преступного сообщества, что позволяет ему задавать вектор деятельности образования и выступать в качестве активного его участника.

Ученые выделяют следующие основные характеристики лидера преступной среды:

1) наличие управленческих и организаторских способностей;

2) коммуникабельность;

3) приобретенный преступный профессионализм;

4) быстрая приспособляемость к изменяющимся условиям жизни;

5) отрицание законопослушного поведения как факта;

6) способность объединять лиц антиобщественной направленности и направлять их на достижение конкретной цели (идеи);

7) наличие навыков противостояния социальному контролю и правоохранительным органам;

8) «знание обычаев и законов криминального мира и др.» [13, с. 24].

Также лидер преступной среды – это ее идеолог, который не только соблюдает и активно распространяет обычаи криминальной субкультуры, но и не допускает их нарушения. Как говорилось ранее, лидер преступной среды распространяет криминальную субкультуру через отрицание общепринятых социальных правил и ценностей, а значит, воздействует на личность в преступной среде и стимулирует ее на противоправное поведение. Благодаря таким действиям укрепляется авторитет лидера и его преступный профессионализм, а также расширяются границы вседозволенности и безнаказанности.

Если лидер преступной среды находится в местах лишения свободы, то с помощью распространения криминальной субкультуры, он поддерживает идею воровского братства и обеспечивает свою безопасность, а также реализуется и самоутверждается в пенитенциарной криминальной среде.

Проведенный анализ статистики показал следующее распределение по возрасту лидеров преступного мира: 57,6 % – 30–49 лет, 14,4 % – 25–29 лет и 50 лет и старше – 23,7 %.

Необходимо отметить, что ранее одной из основных характеристик «воров в законе» являлось отсутствие образования или его низкий уровень, что не характерно для лиц современной преступной элиты. В том числе характерной особенностью поведения «воров в законе» являлось систематическое нарушение в местах лишения свободы режима содержания, что неизбежно приводило к перемещению их в ШИЗО и ПКТ довольно часто.

Если обратиться к Уголовному кодексу Российской Федерации, то согласно ч. 4 ст. 210, специальный субъект преступления – это лицо, которое сформировало преступное сообщество и занимает высшую ступень в его иерархии. Также определено, что он имеет в своем подчинении лиц преступного сообщества и определяет направления криминальной деятельности. Можно сказать, что он управляет преступным сообществом, и как любой руководитель «распределяет роли и

статусы для участников системы (преступного сообщества), налаживает посреднические (коррупционные) контакты, разрабатывает мероприятия (акции) по устранению конкурентов, распределяет финансовые ресурсы (доходы от преступной деятельности), планирует деятельность (преступления) сообщества в целом» [15, с. 146].

Правовой статус «лидер преступного сообщества» может быть установлен только посредством проведения комплекса оперативно-розыскных и процессуальных мероприятий, в результате чего будет добыта информация о необходимых уголовно-правовых значимых факторах.

Таким образом, лидер уголовно-преступной среды – это лицо со специальными личностными свойствами и характеристиками, с возложенными на него особыми криминальными функциями, что подчеркивает его авторитет в преступном сообществе и позволяет определять основные направления функционирования сообщества.

Следует отметить, что преступная среда накладывает на личность неизгладимые изменения. Особенно когда речь идет не о рядовом преступнике, а о криминальном авторитете.

Знание и учет наиболее репрезентативных свойств и качеств личности лидера организованной преступной группы позволит наиболее эффективно осуществлять превентивную деятельность в отношении рассматриваемой категории лиц.

В настоящее время в ряде регионов сформирован достаточный объем практики профилактической деятельности по отношению к лидерам преступной среды, которая заслуживает внимания и может быть использована [14, с. 179].

В рамках практики определены следующие основные направления деятельности по выявлению лидеров преступной среды и профилактических мероприятий в отношении данных лиц [9, с. 65]:

- создание условий, позволяющих устранить или нейтрализовать негативное влияние отрицательной стороны лидеров криминальной среды;
- воздействие на профилактируемых с помощью гласных и негласных каналов;
- обеспечение контроля за поведением лидеров преступной среды и используемыми мерами воздействия по отношению к профилактируемым.

Литература

1. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 01 апреля 2019 № 46-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 14 (ч. I). Ст. 1459.
3. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
4. URL: <http://iknigi.net/avtor-valeriy-anisimkov/98853-rossiya-v-zerkale-ugolovnyh-tradicij-tyurmy-valeriy-anisimkov/read/page-3.html>.
5. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7>.
6. Бадамшин И.Д. К вопросу о криминологической характеристике лидеров уголовно-преступной среды // Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017.
7. URL: https://greater_political.academic.ru.
8. Борисова Ю.П. Состояние, динамика организованной преступности в России, тенденции, прогноз // Студенческий: электронный научный журнал. 2019. № 14 (58).

Bibliography

1. Federal Law of 13 June 1996 № 63-FL (Act. ed.) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. St. 2954.
2. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of countering organized crime: federal law of April 1, 2019 № 46-FL // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 14 (p. I). St. 1459.
3. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
4. URL: <http://iknigi.net/avtor-valeriy-anisimkov/98853rossiya-v-zerkale-ugolovnyh-tradicij-tyurmy-valeriy-anisimkov/read/page-3>.
5. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7>.
6. Badamshin I.D. On the criminological characterization of the leaders of the criminal environment // Development of science and technology: a mechanism for choosing and implementing priorities. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2017.
7. URL: https://greater_political.academic.ru.
8. Borisova Yu.P. State, dynamics of organized crime in Russia, trends, forecast // Student: electron. scientifically. magazine. 2019. № 14 (58).
9. Bykov A.V., Zenin S.S., Kudryashov O.V. The identity of the convict – a penitentiary offender:

9. Быков А.В., Зенин С.С., Кудряшов О.В. Личность осужденного – пенитенциарного правонарушителя: общая характеристика, основы детерминации профилактического воздействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38).
10. Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность (социальные, правовые и криминологические аспекты борьбы с организованной преступностью). М., 1992.
11. Ланд П. Организованная преступность. Тайная история самого прибыльного бизнеса в мире. М., 2005.
12. Малинин В.Б. Постановка проблем борьбы с организованной преступностью // XXI Царскосельские чтения. 2017.
13. Метелев А.В. Криминальная субкультура. Ижевск, 2009.
14. Ненасhev А.С., Михайлов В.С. Правовые и организационные аспекты профилактической работы с осужденными отрицательной направленности // В сборнике: Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием. Самарский юридический институт ФСИН России. 2019.
15. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. М., 2014.
16. Перекрестов В.Н. Борьба с социально-негативным поведением как способ предупреждения преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999.
17. Тахтарев А.В. Организованная преступность в современной России – состояние, тенденции, проблемы противодействия // В сборнике: Право. Общество. Государство сборник научных трудов студентов и аспирантов. СПб., 2018.
18. Трунцевский Ю.В., Сухаренко А.Н. Правовое регулирование борьбы с «ворами в законе» в странах СНГ // Международное публичное и частное право. 2016. № 2.
19. Хорунжая Н.А. Основные проблемы борьбы в сложившейся ситуации с организованной преступностью // Эффективное государство: достижения и новые направления развития. 2017.
- general characteristic, the basis for the determination of preventive effects // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2 (38).
10. Gurov A.I. Organized crime is not a myth, but a reality (social, legal and criminological aspects of the fight against organized crime). M., 1992.
11. Land P. Organized crime. The secret history of the most profitable business in the world. M., 2005.
12. Malinin V.B. Setting the problems of combating organized crime // XXI Tsarskoye Selo readings. 2017.
13. Metelev A.V. Criminal subculture: educational manual. Izhevsk, 2009.
14. Nenashev A.S., Mikhailov V.S. Legal and organizational aspects of preventive work with convicts of a negative orientation // In the collection: Problems and prospects for the development of the penal system of Russia at the current stage, materials from the All-Russian Scientific Conference of Adjuncts, graduate students, cadets and students with international participation. Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2019.
15. Evaluation signs in the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation: scientific and practical manual/edited by A.V. Galakhova. M., 2014. P. 146.
16. Perekrestov V.N. Combating socio-negative behavior as a way to prevent crime: autoref. dis. ... PhD in Law. Rostov on/D, 1999.
17. Takhtarev A.V. Organized crime in modern Russia – state, trends, problems of counteraction // In the collection: Law. Society. The state is a collection of scientific works of students and graduate students. SPb., 2018.
18. Truntsevsky Yu.V., Sukharensko A.N. Legal regulation of the fight against «thieves in law» in the CIS countries // International public and private law. 2016. № 2.
19. Khorunzhaya N.A. The main problems of combating organized crime in the current situation // Effective state: achievements and new directions of development. 2017.

© 2021 г. Алексеев Антон Олегович,

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: y888ko@bk.ru

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

В данной статье автором проведен анализ динамики одной из приоритетных форм преступлений в сфере экономики – фальшивомонетничества. Проанализирована уголовная статистика по преступлениям рассматриваемой категории в постсоветский период развития государства до современности. Автором дана оценка условиям, напрямую или косвенно повлиявшим на состояние фальшивомонетничества в обозначенный период становления «новой России». Даны рекомендации о профилактических мерах, необходимых для снижения общего количества денежных фальсификатов в обороте.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, экономическая безопасность, поддельные деньги, денежные суррогаты, изготовление, сбыт, профилактика, предупреждение, выявление, раскрытие и расследование преступлений, уголовная статистика.

Alexeev Anton Olegovich – Adjunct, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ANALYSIS OF THE STATE OF COUNTERFEITING IN THE POST-SOVIET PERIOD AND AT THE PRESENT STAGE OF STATE DEVELOPMENT

In this article the author analyzes the dynamics of one of the priority forms of crimes in the field of economics – counterfeiting. The article analyzes the criminal statistics on the crimes of this category in the post-Soviet period of the development of the state to the present. The author gives an assessment of the conditions that directly or indirectly affected the state of counterfeiting in the designated period of the formation of the «new Russia». Recommendations are given on the preventive measures necessary to reduce the total amount of money falsifications in circulation.

Keywords: counterfeiting, economic security, counterfeit money, money surrogates, production, sale, prevention, prevention, detection, disclosure and investigation of crimes, criminal statistics.

На протяжении шести веков, с момента первых упоминаний о фактах фальсификации денежно-расчетных средств в России и до настоящего времени, рассматриваемая проблематика имеет особый уровень актуальности, т. к. является одной из основных угроз для внутригосударственной и международной экономико-социальной безопасности. Изучение данного вопроса и методов борьбы с ним занимает главенствующие позиции в государственных, общественных и научных кругах на межгосударственном уровне.

Законодательно установленное противодействие фальшивомонетничеству на международной арене ведется уже на протяжении 92 лет на основании Международной конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков, заключенной 20.04.1929 в Женеве (Швейцария). По Положениям конвенции солидарные государства приняли обязательство применять однородные меры наказания к изготовителям денежных суррогатов и сбытчикам иностранной и национальной валюты. Указанный документ был также подписан

Центральным исполнительным комитетом Союза Советских Социалистических Республик (в СССР вступил в законную силу 17.01.1932), что ознаменовало вступление страны в войну с фальшивомонетничеством на международной арене [1].

После распада Союза ССР и многократного государственного реформирования Россия обратила свой взор на развитие рыночной экономики, где регулятором выступают товарно-денежные отношения с постоянным оборотом платежных средств и ценных бумаг. Значительно возросшие объемы наличной национальной валюты послужили катализатором для преступного элемента, специализирующегося на изготовлении и сбыте денежных фальсификатов. В этот период истории государства активизируются организованные преступные группы и сообщества, проникшие и фактически контролирующие все ветви власти, имея строгую иерархию и четкое распределение ролей участников в своих рядах. Единичными стали случаи выявления фальшивомонетчиков-одиночек,

самостоятельно осуществляющих данный вид преступной деятельности. Причиной этому послужила высокая стоимость и труднодоступность оборудования, необходимого для осуществления злого умысла, а такой способ изготовления денежных суррогатов как «рисование» практически перестал существовать. Это связано с тем, что купюры нового образца, введенные в оборот на постсоветском пространстве, стали обладать практически всеми защитными элементами и свойствами, которые используются на денежных средствах и в настоящее время, что значительно усложняло процесс производства фальсификатов и, соответственно, приводило к удорожанию себестоимости подделок. В этой связи в «лихие девяностые» оргпреступность начала активно использовать современные электронные достижения науки и техники, предоставляющие возможность для изготовления денежных суррогатов, в том числе компьютерную и оргтехнику. Одним из наиболее трудо- и ресурсозатратных методов подделывания до середины 90-х гг. становится полиграфическое копирование. На выходе получалась продукция, которую только специалисты могли отличить от подлинных экземпляров. В связи со сложностью и дороговизной вышеуказанного производства, в обиходе криминалитета появляется менее затратный и более мобильный способ подделки – изготовление светокопий. В то же время от известных японских производителей копировальной техники в продажу поступают цветные ксерокопиры с возможностью двусторонней печати, чем мгновенно воспользовались преступники.

Анализируя вышеизложенные факты, следует отметить, что в постсоветское время (с начала 90-х гг. 20-го столетия) происходит резкий рост показателей в уголовной статистике по количеству выявленных составов рассматриваемого преступления. Количество обнаруженных подделок увеличивается в геометрической прогрессии. Уже к третьему году перехода к рыночной экономике (в сравнении с 1989 г.) число выявленных фальсификатов увеличилось в 286 раз (52 выявленных факта против 14 894).

За период 1992–1999 гг. количество поддельных банкнот, выявленных в обращении, возросло в 21 раз [2].

Проводя статические параллели с начала «нулевых» (в этот период происходит смена государственной власти и постепенное укрепление экономических связей), в течение

десятилетия продолжает проследиваться тенденция к росту выявляемых преступлений исследуемой категории (1998 г. – 10 644 шт., 1999 г. – 9 311 шт., 2000 г. – 14 289 шт., 2001 г. – 15 755 шт., 2002 г. – 23 581 шт., 2003 г. – 26 033 шт., 2004 г. – 28 519 шт., 2005 г. – 44 108 шт., 2006 г. – 45 894 шт., 2007 г. – 46 272 шт., 2008 г. – 42 705 шт., 2009 г. – 45 251 шт., 2010 г. – 38 572 шт.).

Стоит отметить, что указанный рост обусловлен проведенной государственными структурами денежной реформы, которая взяла свое начало с 01.01.1998. Реформирование тщательно готовилось заранее, в связи с чем 04.08.1997 Президентом Российской Федерации Борисом Ельциным подписан Указ «Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен» [3].

Данные мероприятия государственного масштаба должны были привести к упрощению расчетов, укреплению позиции рубля и контролю уровня инфляции. Одним из аспектов реформирования являлась деноминация рубля с последующим выпуском в оборот денежных купюр нового образца и достоинства. На протяжении последующих четырех лет, в период с 1998 по 2002 г., производился обмен неденоминированных банкнот, однако денежные средства образца середины «девяностых» продолжали находиться в обороте и имели юридическую силу платежных средств. Криминальный элемент воспользовался указанным пробелом и неосведомленностью простых обывателей обо всех защитных элементах «новых денег», изготовив и запустив на рынок купюры нового образца. Опираясь на статистику, подделка долларов США становится менее популярна в период деноминации рубля, наблюдается спад количества валюты во внутрисредстве обороте, т. к. на приобретение Американских денежных средств российским Правительством введено налогообложение в размере 0,5 % от обмениваемой суммы.

Следует отметить, что деноминация рубля имела ряд негативных последствий. В связи с резким ростом цен снизилась покупательская способность граждан и уровень жизни в целом, а стоимость рубля по отношению к доллару США упала почти в 4 раза. Указанные факторы привели к экономическому кризису и дефолту. Ситуация омрачалась большим количеством денежного фальсификата, находящегося в обороте. В связи с тяжелым

финансовым положением граждан в указанный период прослеживается и рост количества уголовных дел по факту подделки и сбыта фальшивок, возбужденных в отношении «одиночек».

После некоторой стабилизации экономической обстановки в стране в следующее десятилетие в целом отмечается количественный спад выявляемых денежных суррогатов. Данная тенденция к положительной динамике сохраняется и сегодня. Однако уровень выявляемых купюр исчисляется десятками тысяч. В правительственных и правоохранительных структурах регионов страны фальшивомонетничество остается одним из приоритетных направлений борьбы, т. к. приводит к дестабилизации экономического состояния государства.

Так, по опубликованным данным Центробанка России, за истекший 2020 г. всего было обнаружено 48 293 поддельных денежных знака Банка России (33 707 – пятитысячные купюры, 7 480 – тысячные купюры, 1 450 – двухтысячные купюры, 371 – пятиструблевые купюры, 75 – двухсотрублевые купюры, 105 – сторублевые купюры, 33 – пятидесятирублевые купюры, 6 – купюры номиналом 10 рублей, 5 014 – монеты номиналом 10 рублей, 52 – монеты номиналом 5 рублей). Поддельных валют иных государств выявлено 1 730 штук (1 573 – доллары США, 118 – единая Европейская валюта (евро), 37 – китайские юани, 1 – фунт стерлингов Соединенного королевства, 1 – японская иена).

Отдельно стоит обратить внимание на выявление денежных суррогатов по месяцам 2020 г. в период «локдауна» из-за пандемии. Так, в январе и феврале было установлено чуть более 4 000 подделок, а с марта по май происходит снижение показателя до 2 000 штук

ежемесячно. В летний период (июнь–август) после снятия Правительством части ограничений замечен резкий рост – 6 500 купюр (происходит приток отдыхающих в курортные зоны страны). В сентябре Роспотребнадзором и Минздравом анонсирована вторая волна заболеваемости, в связи с чем происходит очередное падение показателя до 3 900 фактов с ежемесячным приростом вплоть до декабря (октябрь – 4 900, ноябрь – 4 500, декабрь – 5 200).

Показатель, характеризующий уровень фальшивомонетничества, равный отношению количества выявленных поддельных банкнот Банка России к количеству банкнот в обращении, остался стабильно низким и составил 7 подделок на 1 млн банкнот, находящихся в обращении. Таким образом, доля выявленных поддельных банкнот в общем количестве банкнот, находящихся в обращении, осталась на уровне 2018 и 2019 гг. (рис. 1) [4].

При этом до настоящего времени отмечается, что в Российской Федерации на 100 000 населения приходится 1 фальшивка, однако данный показатель в сравнении со странами Евросоюза довольно низок. В большинстве Европейских стран в обороте находится в среднем 5 подделок на 100 000 человек [5].

Анализируя обстановку последних лет, следует отметить, что 2020 г. ознаменовался Всемирным экономическим кризисом в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19. С начала года во всем мире практически не осталось государств, в которых бы не был объявлен так называемый «локдаун». Производственные предприятия и иные объекты социальной инфраструктуры приостановили свою деятельность, а доступ к торговым обществам ограничен. Покупательская способность упала до минимума

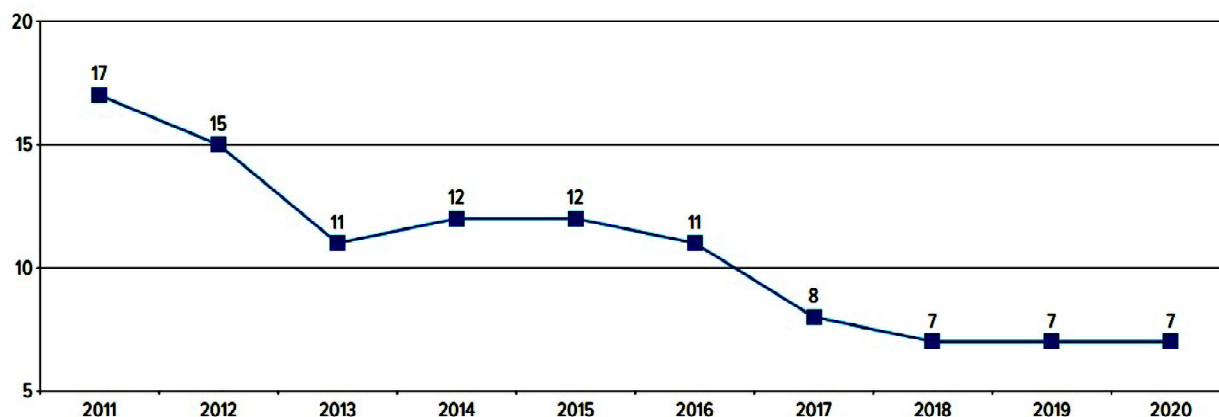

Рис. 1. Количество выявленных подделок, приходящихся на 1 млн банкнот, находящихся в обращении

из-за фактической недоступности основной массы торговых и развлекательных объектов для граждан. В данный период превалируют все основные виды безналичного электронного расчета, но, как показала практика, наличных средств в обороте меньше не стало, выявленное число фальшивок держит стабильно высокую отметку. При этом наличные деньги остаются более популярными платежными средствами среди населения. Электронные системы расчетов в частности зависят и от экономической развитости субъектов страны, в этой связи в отдаленных от мегаполисов регионах большая часть денежных сделок производится в наличной форме.

По данным Центробанка, традиционно наибольшее число выявленных подделок приходится на Центральный Федеральный округ, а наименьшее количество обнаруживается в ЮФО, Сибири и на Дальнем Востоке. Данные обстоятельства объясняются уровнем прироста ВВП, максимальные значения которого приходятся именно на ЦФО [6].

Отмечая низкий показатель раскрываемости преступлений рассматриваемой категории, невозможно не обратить внимание на слабое оснащение органов, выполняющих правоохранительную функцию, современными техническими средствами, необходимыми для своевременного раскрытия и качественного расследования изготовления и сбыта фальшивок. На современном этапе развития технических средств преступным сообществам потребовалось чуть более 1 года для изготовления качественных фальсификатов денежных средств достоинством 200 и 2 000 рублей (выпущены в оборот в 2017 г.), которые представлялись как обладающие самыми современными и надежными защитными элементами за всю историю существования бумажных денег [7].

При этом, по данным НЦБ Интерпола, уже известно о более 10 000 способах изготовления фальсификатов. Кроме того, правоохранительная система до сих пор не располагает доступом к аккаунтам в популярном мессенджере Telegram, посредством которого в современных реалиях криминалитетом осуществ-

ляется передача информации о местах передачи и сбыта новых партий фальшивок, что значительно усложняет процесс оперативно-выявления и задержания лиц с поличным.

Подводя итоги вышесказанному, стоит отметить, что в современной России количество выявляемых преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ, остается на очень высоком уровне и ежегодно составляет около 50 000 фактов. При этом наблюдается крайне низкий уровень раскрываемости (не более 10 % от общего количества уголовных дел), что свидетельствует о необходимости внедрения новых правоохранительных мер регуляции движения рубля и иностранной валюты внутри государства. Кроме того, мы полагаем, что для появления положительной динамики раскрываемости возникла острая необходимость во внедрении и применении электронных чипов в множительно-копировальной технике, позволяющих идентифицировать национальную валюту с целью недопущения производства ее светокopies. Большое значение для уменьшения количества денежных суррогатов в обороте могут оказать предупредительные и профилактические меры: снабжение торговых объектов современной техникой идентификации и регистрации подлинности денежных знаков; повышение уровня осведомленности населения о признаках, указывающих на сомнительность в оригинальности купюр; координация мероприятий и взаимодействие правоохранительных органов и служб в раскрытии и расследовании преступлений, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ; запрет доступа в Интернете и социальных сетях к открытым источникам информации о методах и способах изготовления и сбыта подделок; изготовление пропагандистских видеороликов и их трансляция на центральных телевизионных каналах для ликвидации безграмотности населения о признаках подлинности денежных средств. По нашему убеждению, эти и другие меры вкупе позволят снизить общее количество подделок, находящихся в обороте на национальном и международном уровне.

Литература

1. Асатрян Х.А. Внутригосударственное и международное взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с фальшивомонетничеством, совершенным организованными преступными группами // Вестник

Bibliography

1. Asatryan H.A. Domestic and international cooperation of law enforcement agencies in the fight against counterfeiting committed by organized criminal groups // Bulletin of Tomsk state University. 2010. № 335.

Томского государственного университета. 2010. № 335.

2. Литвинов Д.А. Экономическая безопасность как реальная угроза национальной безопасности России // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1.

3. Указ Президента РФ № 822 от 04.08.1997 «Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен» // СПС «КонсультантПлюс».

4. URL: http://www.cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/2020/.

5. Пономарева Н.С. Изготовление и сбыт поддельных денег (фальшивомонетничество): теория и практика. М., 2009.

6. Юдин В.А. Современные угрозы наличного денежного обращения в Российской Федерации // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI в. 2016. Т. 2.

7. Осяк В.В. Теоретические аспекты раскрытия и расследования фальшивомонетничества в современных условиях // Философия права. 2019. № 4 (91).

2. Litvinov D.A. Economic security as a real threat to the national security of Russia // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. № 1.

3. Decree of the President of the Russian Federation № 822 of 04.08.1997 «On changing the nominal value of Russian banknotes and the scale of prices» // LRS «ConsultantPlus».

4. URL: http://www.cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/2020/.

5. Ponomareva N.S. Production and sale of counterfeit money (counterfeiting): theory and practice. M., 2009.

6. Yudin V.A. Modern threats of cash circulation in the Russian Federation // Scientific-technical and economic cooperation of the APR countries in the XXI century. 2016. Vol. 2.

7. Osyak V.V. Theoretical aspects of disclosure and investigation of counterfeiting in modern conditions // Philosophy of law. 2019. № 4 (91).

© 2021 г. Отбоева Регина Ринатовна,

адъюнкт Казанского юридического института МВД России.

Email: regina3420@yandex.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ

В статье проведен криминологический анализ личности преступника, осужденного за жестокое обращение с животными, что позволяет сформулировать предложения по оптимизации предупреждения исследуемых уголовно-правовых деяний.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, личность преступника, предупреждение преступлений, личность осужденного.

Otbueva Regina Rinatovna – Adjunct, the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE IDENTITY OF THE PERSON CONVICTED OF CRUELTY TO ANIMALS

The article provides a criminological analysis of the personality of a criminal convicted of cruelty to animals, which makes it possible to formulate proposals for optimizing the prevention of the investigated criminal acts.

Keywords: cruelty to animals, personality of the offender, crime prevention, the identity of the convicted person.

Проблематика исследования личности преступника занимает особое место в криминологической науке. Это связано с необходимостью выявления и анализа криминогенных свойств и факторов, обуславливающих социально-негативные девиации. Сложность криминологического исследования этого феномена выражается в том, что личность является непосредственным участником общественных отношений и результатом развития общественно-исторических процессов.

Существует множество подходов к определению понятия «личность преступника». Согласно определению Е.П. Ильина, «под личностью понимается индивид как продукт общественного развития, субъект труда, общения и познания, детерминированный конкретно-историческими условиями жизни общества» [5, с. 204]. Однако в криминологии отсутствует единообразное понимание термина «личность преступника». Например, В.Г. Гриб, И.С. Ильин и К.Р. Абызов считают, что «личность преступника – это некая психологическая либо социальная модель, имеющая характерные признаки, среди которых выделяется негативное отношение к нравственным ценностям, избрание вредного для остальных членов общества пути достижения собственной выгоды и удовлетворения личных потребностей, пассивность при предотвращении преступления» [2, с. 58].

По мнению Я.И. Гилинского, это лицо определенного пола, возраста, образования, социального положения, тех или иных интеллектуальных, волевых, эмоциональных, физических качеств, имеющее относительно большую или меньшую вероятность оказаться среди совершивших те или иные преступления [4, с. 79].

В рамках настоящего исследования мы придерживаемся научного подхода к определению личности преступника, сформулированного Ю.М. Антоняном, согласно которому преступникам свойственны антисоциальные взгляды, негативное отношение к общепринятым ценностям и выбор преступного, общественно опасного пути для удовлетворения личных потребностей. Причем данные характеристики присущи как лицам, совершившим умышленные преступления, так и тем, кто перешел закон по неосторожности [1, с. 281]. Комплексное исследование личности преступника невозможно без учета ее структуры.

Личность преступника, совершившего жестокое обращение с животными, характеризуется такими элементами, как:

- социально-демографический;
- социально-ролевой;
- нравственно-психологический.

Изучение данной группы свойств личности позволит сделать вывод об эффективности актуальных методов профилактики и

пресечения жестокого обращения с животными, а также сформулировать рекомендации для совершенствования указанных направлений.

По мнению А.А. Котельниковой, социально-демографическая подструктура личности преступника включает в себя половую принадлежность лица, его возраст, уровень образования и другие признаки [8, с. 302].

Исходя из статистических сведений, опубликованных Судебным Департаментом при Верховном суде Российской Федерации [13, с. 1], можно сделать несколько выводов.

Деяние, предусмотренное ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации [14, с. 128], в 8 раз чаще совершают лица мужского пола (87 %).

Статистические данные свидетельствуют, что наиболее часто такие преступления совершают в возрасте:

- 0,74 % от 14 до 17 лет;
- 7,69 % от 18 до 24 лет;
- 15,38 % от 25 до 29 лет;
- 56,33 % от 30 до 49 лет;
- 19,85 % от 50 лет и старше.

Таким образом, деяния, предусмотренные ст. 245 УК РФ, наиболее распространены среди лиц в возрасте от 30 до 49 лет. Однако среди представителей ученого сообщества имеется иная позиция.

Е.Б. Кургузкина и О.В. Саратова указывают, что лица в возрасте от 25 до 29 лет совершают большее количество преступлений данной направленности. Как следует из результатов их социологического исследования, указанные деяния в несовершеннолетнем возрасте совершают 80 % опрошенных [9, с. 140].

Следует обратить внимание, что у несовершеннолетних правонарушителей система нравственно-этических ценностей еще не сформировалась окончательно, что позволяет принять к ним соответствующие профилактические меры.

Кроме того, для всестороннего исследования личности преступника необходимо понимание его социальных ролей и социальных статусов.

Согласно определению Н.Т. Ведерникова, «социальная роль – это нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждого гражданина, занимающего ту или иную позицию» [3, с. 149]. Следовательно, социальная роль непосредственно связана со статусом индивида.

Анализ профессиональной принадлежности осужденных за жестокое обращение с животными свидетельствует, что данное преступление наиболее часто совершается:

- трудоспособными лицами без постоянного источника дохода (61,98 %);
- лицами, имеющими рабочие специальности (22,22 %);
- нетрудоспособными (8,89 %).

В целом безработные лица более склонны к совершению преступных действий в отношении животных [7, с. 93].

Наиболее значимым представляется исследование нравственно-психологической подструктуры личности преступника, что позволяет сделать вывод об истинном отношении преступника к совершенным деяниям и ожидаемым последствиям.

Фундаментом нравственно-психологической характеристики личности преступника является мотив, цель и форма вины преступления.

С.Л. Рубинштейн утверждал, что «мотивация – это реализуемая детерминация через психику личности человека» [10, с. 507].

В диспозиции ст. 245 УК РФ законодателем закреплены обязательные элементы субъективной стороны преступления, а именно, наличие хулиганского (73,62 %) либо корыстного мотива (26,38 %). Корыстный мотив может проявляться в организации незаконных боев животных, а также в ситуациях, когда виновные осуществляют фото- и видеосъемку фактов жестокого обращения с животными в целях их последующего распространения.

По мнению некоторых авторов, лицо, осужденное за жестокое обращение с животными, дистанцировалось от общества и его ценностей [11, с. 57]. Из чего можно сделать обоснованный вывод о сопряженности данного деяния с комплексом проблем в психологическом климате семьи.

Важно отметить, что жестокость по отношению к животным, проявленная несовершеннолетними, характеризуется повышенным риском наступления социально-неблагоприятных последствий в будущем. Согласно исследованиям советских социологов, повторность жестокого обращения с животными у подростков маскируется под рациональные предлоги и фиксируется почти в 75 % исследованных случаев [6, с. 105].

Также исследования показывают, что жестокость к животным в детстве с большой ве-

роятностью приводит к преступлениям по отношению к людям в зрелом возрасте. Жестокость к животным, наряду со склонностью к поджогам и поздним энурезом, по мнению Джона Маршалла Макдональда (1920–2007), образуют набор поведенческих характеристик, которые предсказывают совершение жестоких убийств в будущем [12, с. 130]. Исходя из этого, важно своевременное принятие мер профилактического характера в целях недопущения последующей криминализации личности.

Таким образом, проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы:

1. При реализации деятельности по предупреждению жестокого обращения с животными, прежде всего, в рамках индивидуальной профилактики необходимо учитывать особенности лица, виновного в совершении исследуемого деяния. Особую важность имеет исследование личности правонарушителей, что позволит применить наиболее эффективные решения. Данное направление имеет важное научное и практическое значение, что позволит оптимизировать правоприменительную деятельность по раскрытию и расследованию жестокого обращения с животными.

2. Анализ актуальных статистических сведений о лицах, осужденных за жестокое обращение с животными, позволяет нам составить его криминологический портрет. Так, вышеуказанное лицо, как правило, мужского пола, трудоспособное, но без постоянного источника дохода, преимущественно 30–49 лет,

имеющее среднее профессиональное образование, действующее из корыстных или хулиганских побуждений.

3. На наш взгляд, действующие уголовно-правовые санкции за совершение жестокого обращения с животными не учитывают степени общественной опасности исследуемого деяния. Не достигаются цели наказания, определенные уголовным законодательством, а также наказуемость деяния не соответствует общественному резонансу, вызываемому жестоким обращением с животными, что требует совершенствования и дальнейшей проработки основ уголовно-правового противодействия данному деянию.

4. Распространенность жестокого обращения с животными среди несовершеннолетних требует применения специальных мер профилактики и предупреждения данного деяния, что позволит минимизировать риск наступления социально-негативных последствий. Своевременная и качественная реализация мер профилактики жестокого обращения с животными в молодежной среде окажет положительное влияние на состояние законности и правопорядка в долгосрочной перспективе.

Таким образом, приведенная криминологическая характеристика лица, осужденного за жестокое обращение с животными, направлена на оптимизацию системы мер предупреждения преступности, обеспечения состояния законности и правопорядка в Российской Федерации.

Литература

1. Антонян Ю.М., Эриашвили Н.Д., Костенников М.В. Криминология и административная юрисдикция полиции: учебное пособие. М., 2017.
2. Абызов К.Р., Гриб В.Г., Ильин И.С. Криминология. Курс лекций. М., 2008.
3. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384.
4. Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Юридический центр. 2017.
5. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб., 2011.
6. Кавтарадзе Д.Н., Зубакин В.А. Основные результаты работы по изучению жестокого обращения с животными // Студенчество и охрана природы. М., 1982.

Bibliography

1. Antonyan Yu.M., Eriashvili N.D., Kostennikov M.V. Criminology and Police Administrative Jurisdiction: A Study Guide. M., 2017.
2. Abyzov K.R., Grib V.G., Ilyin I.S. Criminology. Lecture course. M., 2008.
3. Vedernikov N.T. The personality of a criminal in criminalistics and criminology // Bulletin of the Tomsk State University. 2014. № 384.
4. Gilinsky Ya.I. Criminology. Theory, history, empirical base, social control. Legal center. 2017.
5. Ilyin E.P. Psychology of individual differences. SPb., 2011.
6. Kavtaradze D.N., Zubakin V.A. The main results of work on the study of cruelty to animals // Students and nature conservation. M., 1982.
7. Kitaeva V.N. Animals and Crime: Criminal Law and Forensic Research. Irkutsk, 2010.
8. Kotelnikova A.A. Socio-demographic signs influencing the development of criminal forms of

7. Китаева В.Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование. Иркутск, 2010.

8. Котельникова А.А. Социально-демографические признаки, влияющие на развитие преступных форм поведения личности // Молодой ученый. 2019. № 4 (242).

9. Кургузкина Е.Б., Саратова О.В. Криминальные признаки личности, склонной к жестокому обращению с животными // Территория науки. 2013. № 5.

10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2003.

11. Чернигова А.Ю. Личность совершившего преступление, связанное с жестоким обращением с животными // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 4 (22).

12. Macdonald J.M. The threat to kill (англ.) // American Journal of Psychiatry: journal. 1963. № 120.

13. URL:<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018): принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 24.05.1996: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5.06.1996 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

personality behavior // Young scientist. 2019. № 4 (242).

9. Kurguzkina E.B., Saratova O.V. Criminogenic signs of a person prone to cruelty to animals // Territory of Science. 2013. № 5.

10. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. SPb., 2003.

11. Chernigova A.Yu. The identity of the perpetrator of a crime related to cruelty to animals // Glagol of justice. 2019. № 4 (22).

12. Macdonald J.M. The threat to kill (English) // American Journal of Psychiatry: journal. 1963. № 120.

13. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?Id=79>.

14. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FL (as amended on December 27, 2018): adopted by the State. Duma Feder. Sобр. Grew up. Federation May 24, 1996: approved. Federation Council Feder. Sобр. Grew up. Federation on June 5, 1996 // Sобр. legislation Ros. Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

© 2021 г. Топилина Анна Васильевна,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат философских наук, доцент.

РОЛЬ ДИАСПОРИЗАЦИИ И АНКЛАВИЗАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы миграции, указывается на необходимость организации миграции в Россию в связи с депрессивной демографической ситуацией. Автор анализирует отличия анклавов от диаспор и указывает на деструктивный потенциал анклавов и относительно позитивный потенциал диаспор.

Ключевые слова: миграция, диаспора, анклав, интеграция, этническая идентичность, национальная безопасность, миграционная политика.

Topilina Anna Vasilievna – Associate Professor, the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy, Associate Professor.

THE ROLE OF DIASPORIZATION AND ENCLAVIZATION IN ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author of the article describes the problems of migration, indicates the need to organize migration to Russia due to the depressive demographic situation. The author analyzes the differences between enclaves and diasporas and points out the destructive potential of enclaves and the relatively positive potential of diasporas.

Keywords: migration, diaspora, enclave, integration, ethnic identity, national security, migration policy.

Сложно сегодня найти более животрепещущую тему, чем миграция. На фоне высказываний президента о проблемах, связанных с мигрантами и растущего напряжения в обществе, исследование влияния мигрантов и систем их социальной организации на состояние национальной безопасности представляется нам очень своевременным.

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, приводят к значительному увеличению миграционных процессов. Кто-то ищет лучшей жизни, меняя место жительства на более перспективное, кто-то бежит от войны или голода, кто-то пытается поддержать семью, совершая трудовую миграцию. Кроме того, существуют проблемы демографического характера, которые провоцируют рост миграционных процессов, привлекая мигрантов на территории, нуждающиеся в новых рабочих руках или в новых гражданах. Ряд стран Европы, США и Россия находятся в ситуации, когда только миграция может помочь поддержанию численности населения на более или менее стабильном уровне [12].

Таким образом, демографическая ситуация на данный момент представляется исключительно сложной. Росстат представил варианты прогноза изменения численности населения на ближайшие 15 лет. В низком варианте

прогноза Российская Федерация потеряет 12 млн человек (8,3 %), в среднем варианте потери составят 365 тысяч человек (2,5 %), и высокий прогноз дает оптимистичную цифру в 324 тысячи (2,2 %) прироста численности населения. Однако во всех вариантах прогнозов мы можем наблюдать отрицательную динамику естественного прироста населения [14].

Исследования состояния семьи и фертильности российских женщин не позволяют делать положительных прогнозов. Согласно данным демографического прогноза ООН 2019 г., общий коэффициент рождаемости в России с 2020 по 2100 гг. будет находиться в диапазоне от 1,82 до 1,84 рождений на одну женщину [13]. Для естественного прироста необходимо, чтобы фертильность женщин составляла 2 ребенка.

Таким образом, складывается тенденция, в которой население Российской Федерации не может самовоспроизводиться собственными силами. Сегодня демографы практически единодушны во мнении, что только масштабная миграция может улучшить демографическую ситуацию в России.

Формирование миграционных потоков

Но в этом случае возникает вопрос, который задал Президент Российской Федерации В.В. Путин: «А что делать с мигрантами?».

Мигранты – это, прежде всего, люди, которые, приехав жить и работать на новую территорию, должны устроить свой быт и в определенной мере ассимилироваться. Миграция – это смена не только места жительства, но и образа жизни, и в этом смысле миграция представляется процессом крайне проблемным.

Процесс миграции имеет определенную специфику, которая связана с формированием миграционных потоков, распределяющих большинство мигрантов их региона-донора в строго определенный регион-реципиент и обратно. Несомненно, нельзя говорить, что все без исключения мигранты передвигаются внутри потока, однако миграционный поток все же подхватывает большинство. Обычно в поле зрения исследователей попадают уже сложившиеся миграционные потоки, однако процесс формирования потока миграции также является крайне важным для понимания миграционных процессов.

Можно выделить несколько основных факторов, способствующих формированию миграционного потока в определенный регион:

1. Наличие рабочих мест и привлекательной оплаты труда. В процессах как внутренней, так и внешней миграции люди, принявшие решение о переселении, руководствуются мыслью об улучшении условий жизни. Даже участники вынужденной миграции должны понимать, что в принимающем регионе им придется работать, чтобы содержать себя и свою семью.

2. Программы для мигрантов. Существуют регионы, готовые принимать мигрантов, не требуя от них трудоустройства, и способные обеспечивать определенный уровень жизни вновь прибывшему населению при помощи социальных пособий. Несомненно, этот фактор также является важным при выборе конечного пункта миграции.

3. Наличие в принимающем регионе диаспоры. Этот фактор, который можно отнести скорее к психологическим, чем экономическим, является решающим при формировании миграционного потока. Существуют довольно большие территории, привлекательные для миграции с точки зрения двух первых обозначенных факторов, но, несмотря на это, сложилась практика переселения турок именно в Германию, а таджиков именно в Москву. Почему турки не едут во Францию или Данию? Едут, конечно, но все же боль-

шинство оседает именно в Германии. Причиной этого является существование в Германии, а именно в Гамбурге, огромной и очень развитой турецкой диаспоры.

Люди, решившиеся сменить место жительства, имеют в своем распоряжении весь мир. Однако они выбирают строго определенные места, потому что в этих местах живут их соотечественники или земляки. Выбор места жительства всегда связан с выбором среды. И большинство мигрантов предпочитает следовать уже проторенным маршрутам, на другом конце которых их ожидает сообщество, готовое оказать помощь и поддержку. Таким образом, миграционные потоки всегда имеют в точке завершения миграции диаспору, которая становится для мигранта первоначальной, иногда и окончательной, формой социальной организации.

Роль диаспоры в интеграции мигрантов

Слово «диаспора» в переводе с древнегреческого означает «рассеяние» и обозначает часть народа, не проживающую на территории своего происхождения, но при этом сохраняющую свои этнические и культурные черты. Как и любое «идеальное понятие», классическая диаспора существует только на бумаге и в умах ученых, в реальности же каждая диаспора обладает рядом специфических черт, определяющих характер ее взаимоотношений с автохтонным народом и принимающим государством.

В условиях значительного роста миграции в России и увеличения напряженности между мигрантами и автохтонами представляется необходимым проанализировать ту роль, которую играют диаспоры в обеспечении интеграции мигрантов в принимающее сообщество, поддержании общественного порядка и национальной безопасности.

Прежде всего, важно отметить, что диаспора является инструментом адаптации мигранта в государстве-реципиенте, однако иногда диаспора выполняет совершенно противоположную функцию, способствуя замыканию мигрантов внутри диаспоры и отказу от сотрудничества с автохтонами (коренным населением), превращаясь в анклав.

Известный исследователь диаспор З.И. Левин в монографии «Менталитет диаспоры», являющейся фундаментальным трудом по вопросам существования диаспор, анализирует так называемый «жизненный цикл» диаспоры. Левин указывает, что первое

поколение мигрантов на этапе изучения языка и адаптации к местным законам и традициям взаимодействует в основном с представителями своей этнической группы. Это связано с объективными вынужденными обстоятельствами. Первое поколение мигрантов желает ассимилироваться, но не может сделать это сразу после прибытия в страну-реципиент. Первые месяцы пребывания в новой стране становятся решающими для формирования культурных установок мигрантов. В случае, если данный поликультурный регион не проявляет четко выраженный ксенофобских установок, автохтоны воспринимают мигрантов дружелюбно или нейтрально, мигрант после первичной адаптации и изучения языка стремится включиться в принимающее общество. В первое время после прибытия в страну-реципиент мигранты активно поддерживают отношения с земляками, но вскоре они стремятся ассимилироваться, и так происходит в каждом новом поколении [6].

Левиным изучены закономерности здоровой интеграции мигрантов. В первом поколении мигранты, как правило, прибывают семьями, и даже прожив всю жизнь в новой стране, они продолжают оставаться в смысле этнической идентификации, прежде всего, представителями своего материнского этноса. Во втором поколении мигрантов дети, рожденные в стране-реципиенте, испытывают сложности с самоидентификацией: дома говорят на родном языке родительского этноса, следуют традициям родителей, а в социуме ребенок должен говорить на языке принимающей страны и следовать ее традициям. Дети мигрантов, т. е. мигранты во втором поколении, из-за этой раздвоенности испытывают проблемы с самоидентификацией, которые становятся причиной девиантного поведения именно этих групп подростков. Стремясь ассимилироваться, дети мигрантов стремятся заключать браки с автохтонами, и, таким образом, третье поколение мигрантов уже будет полностью ассимилированным, дома и в социальном окружении ребенок будет видеть идентичные модели поведения. Описанная динамика включения мигрантов в принимающее сообщество касается, прежде всего, малочисленных групп иммигрантов, которые – и это является решающим фактором – стремятся включиться в принимающее общество [3].

Однако в реальной жизни распространена скорее противоположная картина. Механизм

этнической идентификации и самоидентификации заложен в структуре психики человека очень глубоко. Этот механизм представляет собой крайне устойчивую модель восприятия «Я» и «Мы», в отличие от «Других», «Чужих», поэтому изменить этот способ самовосприятия практически невозможно. Так, евреи, поляки, греки, ирландцы, русские и представители других этносов, переселившиеся в США более четырех поколений назад, возможно, утратили язык, но продолжают считать себя представителями своих этносов, соблюдая традиции и религиозные обряды своего народа. В этом смысле невозможно говорить о полном растворении мигрантов в обществе автохтонов.

Но существует различная степень включения и исключения из принимающего сообщества. Если в качестве позитивной крайности взять модель, описанную Левиным, с полной ассимиляцией мигрантов в третьем поколении, то отрицательной крайностью станет анклавизация.

Анклавизация: исключение мигрантов и угроза национальной безопасности

В Российской Федерации после развала Советского Союза уровень ксенофобии в обществе имеет стабильно высокий показатель. Россияне воспринимают мигрантов традиционно в системе отрицательных характеристик. Это значит, что мигрант, приехавший в Россию, зачастую встречает негативное отношение со стороны автохтонного населения, вследствие чего он замыкается внутри мигрантского этнически однородного или схожего сообщества. Каков механизм данного процесса?

Мигрант приезжает в страну внутри миграционного потока. В Россию основные миграционные потоки идут из бывших республик Советского Союза, где уровень жизни и экономики значительно ниже. Миграционный поток приводит мигранта в конечный пункт, где его уже ждет диаспора. Диаспора выполняет свои непосредственные функции: помогает оформить документы, найти жилье и работу, решить основные бытовые и социальные вопросы. В месте прибытия мигрант сталкивается с ксенофобскими установками коренного населения и замыкается внутри своей этнической группы.

Большое значение имеет численность мигрантов на конкретной территории. Очевидно, чем меньше мигрантов, тем менее

ксенофобски настроено автохтонное население. Однако когда количество вновь прибывших начинает беспокоить коренных жителей, ксенофобские настроения обостряются. Мигрантов становится все больше, и они начинают занимать экономические ниши, трудоустраивать своих земляков внутри этой экономической ниши, таким образом, экономически формируя классический анклав [1]. Мигранты стараются селиться компактно, с одной стороны, это удобно, с другой стороны – они чувствуют себя как дома среди земляков. Так формируется территориальный анклав. А.С. Мельникова выделяет признаки анклава: «Этнический анклав обладает следующими признаками: людьми, проживающими вне страны своего происхождения, ограниченной частью территории страны пребывания с высокой этнической концентрацией мигрантов, культурной самобытностью, экономической самостоятельностью, возникновением социальных институтов обслуживания мигрантов, временным пребыванием части трудовых мигрантов в стране прибытия. Таким образом, можно говорить об этническом анклаве как о части иммигрантов, прибывающих в страну на постоянное место жительства или временно для получения работы, образующих компактные места проживания этнически однородного населения с созданием характерной культурной и экономической среды, образующей сплоченные устойчивые национальные группы» [9].

Мигранты внутри анклава не чувствуют себя жителями принимающей страны, они настроены враждебно к автохтонному населению. Такие мигранты становятся угрозой национальной безопасности страны: они воспринимают принимающий регион и его жителей как средство для получения выгоды, а не как полноценных, равных себе людей с их собственными интересами. В среде мигрантов, особенно культурно значительно отличающихся от автохтонов, формируются идеи национального и культурного превосходства. Подобные националистические представления делают допустимым в установках мигранта совершение преступлений относительно автохтонного населения.

В районах, где мигранты проживают анклавами, уровень преступности традиционно выше, чем на территориях, где мигранты малочисленны, атомизированы и организованы исключительно по диаспоральному принципу.

Преступное поведение некоторых представителей мигрантских сообществ во многом обусловлено и влиянием национальных традиций, которые не изжиты в странах или регионах, выступающих в качестве «доноров» миграционных потоков, но в принимающих обществах рассматриваются как проявления антиобщественного и даже преступного поведения. В частности, к данным традициям можно отнести кровную месть, «убийства чести», лояльное отношение к рабству и работорговле, похищению людей, грабёжам и разбоям в отношении «чужаков». Этот комплекс традиций, обладающих высоким криминогенным потенциалом, складывался на протяжении столетий и даже тысячелетий существования некоторых этнических групп, в особенности в горных районах, что обусловлено спецификой выживания в суровых природных условиях и окружении иноэтничных групп. В свою очередь, данная ситуация включает в себе не только криминогенный, но и конфликтогенный потенциал, поскольку демонстрируемые поведенческие установки некоторых мигрантов вызывают вполне понятное отторжение у коренного населения и у собственных соплеменников, обладающих более высоким культурным уровнем и способностью к адаптации в чуждых в социокультурном отношении условиях [16].

Анклав и диаспора: помощь или угроза?

В чем принципиальная разница между анклавом и диаспорой? Прежде всего, в формах организации. Мигранты в анклаве живут компактно, диаспора же рассеяна в принимающем регионе. Экономически термин «анклав» возник именно для описания феномена экономических ниш, занятых мигрантами.

Диаспора помогает новому члену, однако не формирует экономических ниш. Диаспора – это явление скорее культурное, чем экономическое.

Экономика является очень сильным регулятором человеческой деятельности. Учитывая, что причинами миграции в основном являются экономические факторы, анклавизация экономики представляет собой закономерный процесс, однако этот экономический процесс имеет социокультурные последствия. Мигранты, прибывающие в новый регион в уже многочисленную диаспору (или анклав), включаются в экономическую деятельность в обход изучения местного языка и традиций. Они проживают компактно среди своей

этнической группы, не имея нужды интегрироваться в принимающее общество. Подобный случай описан в фильме «Испанский английский». Женщина с дочерью приезжает из Мексики в США и сразу попадает в мексиканский анклав. Ее трудоустраивают горничной, она живет в мексиканском квартале, имеющем все необходимые социальные институты. Спустя несколько лет проживания в США героиня не знает ни слова по-английски, т. к. внутри анклава нет необходимости интегрироваться, это маленькая Мексика внутри США.

А.С. Мельникова указывает, что «на определенной стадии развития успешные анклавы могут достигнуть социальной и экономической самодостаточности, создать институты за счет притока новых иммигрантов, формирования спроса на товары и услуги, предлагаемые на локальном рынке».

Такая локализация мест компактного проживания приводит к снижению мотивации иммигрантов к интеграции в местное сообщество, насаждению собственной этнокультуры в общество принимающей стороны, отторжению ценностей местного сообщества, возникновению конфликтов на национальной и религиозной почве» [9].

Таким образом, мы можем выделить две условных модели, в рамках которых реализуется деятельность национальных диаспор в Российской Федерации: диаспоризация и анклализация.

Принципиальное отличие диаспор от анклава состоит в том, что диаспора взаимодействует с местными органами власти и институтами гражданского общества. Диаспора влияет на деятельность своих членов, осуществляя функцию интеграции, в то время как анклав самосегрегирует мигрантов. Диаспо-

ра готова решать конфликтные ситуации, способствует укреплению международного сотрудничества и дружеских отношений. Анклавы, напротив, формируют враждебное отношение к местному населению, противостоит интеграции мигрантов.

Большое значение имеет «возраст» диаспоры. Как указывают Лубский, Бедрик и Сериков, «старые» диаспоры – т. е. существующие дольше трех поколений – имеют больший потенциал в интеграции вновь прибывающих мигрантов [7]. Молодые диаспоры, сформировавшиеся после 1991 г., скорее стремятся анклализироваться, чем интегрироваться.

Задачей миграционной политики РФ является регулирование миграционных потоков таким образом, чтобы не допускать образования этнических анклавов. Несомненно, политика квотирования решает экономические проблемы и позволяет обеспечить трудовыми ресурсами регионы, больше всего нуждающиеся в них, однако задача обеспечения национальной безопасности должна превалировать над всеми остальными. Диаспоральные объединения, как нам видится, представляют собой наиболее приемлемую форму интеграции мигрантов: диаспоры создают органы самоуправления, которые сотрудничают с местными органами власти, диаспора способна контролировать поведение своей молодежи и не попускать девиаций и, наконец, диаспора обеспечивает вновь прибывающим мигрантам гоамоничную интеграцию в принимающее общество.

Таким образом, государство должно активно участвовать в механизмах интеграции мигрантов, направляя их и, с одной стороны, поддерживая их культурную самоорганизацию, с другой – не допуская формирования замкнутых анклавов.

Литература

1. Portes, Alejandro, and Leif Jensen. Disproving the Enclave Hypothesis: Reply // *American Sociological Review*. Vol. 57. № 3 (1992).
2. Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры. Скрытая угроза или дополнительный ресурс // *Независимая газета*. 2005.
3. Вакула И.М., Зубарева А.В. Культурная ассимиляция и диаспоризация общества в современных условиях // *Философия права*. 2016. № 2.
4. URL: <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/046/13.shtml>.

Bibliography

1. Portes, Alejandro, and Leif Jensen. Disproving the Enclave Hypothesis: Reply // *American Sociological Review*. Vol. 57. № 3.
2. Arutyunov S.A., Kozlov S.Ya. Diasporas. A hidden threat or an additional resource // *Nezavisimaya Gazeta*. 2005.
3. Vakula I.M., Zubareva A.V. Vakula I. M., Zubareva A.V. Cultural assimilation and diasporization of society in modern conditions // *Philosophy of law*. 2016. № 2.
4. URL: <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/046/13.shtml>.

5. URL: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolicija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm.
6. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001.
7. Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В. Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарий Юга России. № 8. 2016.
8. Мельникова А.С. Современные методологические подходы к организации мониторинга трудовой миграции и ее влияние на социально-экономические и демографические параметры территориального развития // Фундаментальные исследования. 2016. № 10–3.
9. Мельникова А.С. Изучение факторов формирования национальных анклавов в условиях мегаполисов // Демографический потенциал стран ЕАЭС. Екатеринбург, 2017.
10. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/barom01.php>.
11. Портес А., Сассен-Куб С. Неформальная экономика и ее парадоксы. М., 1987.
12. Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9.
13. URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/>.
14. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.
15. Бедрина Е.Б., Вандышев М.Н., Струин Н.Л. и др. Современные подходы к оценке влияния потоков трудовых миграций на социально-экономическое благополучие принимающей территории. Екатеринбург, 2014.
16. URL: <https://topwar.ru/66113-etnicheskaya-prestupnost-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-drugih-stran.html>.
5. URL: http://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolicija_javlenija_i_ponatija_2010-02-27.htm.
6. Levin Z.I. The mentality of the Diaspora (system and socio-cultural analysis). M., 2001.
7. Lubsky A.V., Bedrik A.V., Serikov A.V. Social institution of Diaspora in the context of ensuring national security of Russia // Humanities of the South of Russia. № 8. 2016.
8. Melnikov A.S. Modern methodological approaches to the monitoring of labour migration and its impact on the socio-economic and demographic parameters of territorial development // Fundamental research. 2016. № 10–3.
9. Melnikova A.S. Studying the factors of the formation of national enclaves in the conditions of megacities // Demographic potential of the EAEU countries. Yekaterinburg, 2017.
10. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/barom01.php>.
11. Portes A., Sassen-Kub S. Informal Economy and its Paradoxes. M., 1987.
12. Ryazantsev S.V. Modern migration policy of Russia: problems and approaches to improvement // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 9.
13. URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery/>.
14. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.
15. Bedrina E.B., Vandyshev M.N., Struin N.L. Modern approaches to assessing the impact of labor migration flows on the socio-economic well-being of the host territory. Yekaterinburg, 2014.
16. URL: <https://topwar.ru/66113-etnicheskaya-prestupnost-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-drugih-stran.html>.

© 2021 г. Суверов Сергей Евгеньевич,
адъюнкт Омской академии МВД России.
E-mail: s.suverovse95@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ СТАТЬИ 76 УК РФ

В статье обращено внимание на влияние альтернативных мер реагирования на совершение преступлений, сформированных в доктрине зарубежных государств, на содержание проекта Общей части УК РФ 1994 года, Модельного уголовного кодекса для стран-участников СНГ и УК РФ относительно нормы о примирении с потерпевшим. Исследуются общие и отличительные черты рассматриваемого положения в данных правовых актах.

Ключевые слова: примирение с потерпевшим, условия, основание, совершение преступления впервые, Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ, освобождение от уголовной ответственности.

Suverov Sergey Evgenievich – Adjunct, the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

BACKGROUND FOR FORMATION OF THE CONTENTS OF ARTICLE 76 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author draws the attention to the influence of alternative measures of response to the commission of crimes formed in the doctrine of foreign states on the content of the draft General Part of the Criminal Code of the Russian Federation in 1994, the Model Criminal Code for the CIS member states and the Criminal Code of the Russian Federation regarding the norm of reconciliation with the victim. The general and distinctive features of the considered provision in these legal acts are investigated.

Keywords: reconciliation with the victim, conditions, ground, commitment a crime for the first time, Model Criminal Code for the CIS member states, exemption from criminal liability.

Интерес исследователей к изучению истоков правовых явлений не случаен, он продиктован тем обстоятельством, что для всестороннего и адекватного объяснения современного состояния уголовного права необходимо первостепенно установить начала его теорий и учений [1, с. 4]. Затрагивая вопрос развития данной отрасли отечественного законодательства, отметим, что значительный этап его формирования пришелся на советский период, что в определенной степени предопределило действительное содержание последнего, а также установило основополагающие принципы его функционирования.

Распад Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) и последовавшая за ним трансформация различных сфер общественной жизни сделали возможным изменить некоторые взгляды относительно функционирования наиболее значимых уголовно-правовых институтов. В свою очередь, на процесс создания в ставших суверенными государствах, ранее входивших в состав СССР, собственных национальных уголовных законодательств оказывали воздействие особые политические, социальные,

экономические и иные связи между бывшими союзными республиками.

Весьма значимым шагом для формирования общих начал уголовной политики данных субъектов стало принятие 17 февраля 1996 г. Модельного Уголовного кодекса (далее – МУК) для участников-государств СНГ, который должен был стать базой для принятия ими национальных Уголовных кодексов (далее – УК). В Российской Федерации (далее – РФ) к этому времени продолжал действовать УК РСФСР 1960 г., процесс разработки нового уголовного закона был весьма сложным и противоречивым, что требовало установления фундаментальных ориентиров для его содержания. Данным фактом обосновывается актуальность и важность изучения влияния положений тех нормативно-правовых актов, которые воздействовали на включение нормы о примирении с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности в УК РФ.

Так, МУК включил в себя нормы, определенная часть которых была не известна советскому уголовному праву, поэтому она стала новой для тех государств, которые впоследствии имплементировали ее в свое

законодательство, в том числе и для РФ. Значительным изменениям подвергся институт освобождения от уголовной ответственности, который был дополнен новым видом – примирением с потерпевшим*.

Вместе с тем введение нормы о примирении с потерпевшим происходило в уже сформированный уголовно-правовой институт освобождения от уголовной ответственности. Так, само понятие «освобождение от уголовной ответственности» впервые было использовано в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а в последующем виды данного института были закреплены в УК РСФСР 1960 г. [2, с. 6].

Различные общественные и государственные потребности того периода времени обуславливали необходимость использования в уголовной политике альтернативных мер реагирования на факт совершения лицами общественно опасных деяний, сущность которых заключалась в отказе от общего порядка уголовного судопроизводства и связанных с ним уголовно-правовых последствий (осуждения, отбытия наказания, судимости) в отношении виновных при соблюдении определенных юридических требований. Уникальность таких мер заключалась в том, что основной акцент в них был сделан на общественном воздействии, а не на допущении разрешения посткриминального конфликта посредством таких процедур, как медиация или трансакция.

В УК РСФСР 1960 г. были предусмотрены следующие меры, применяющиеся взамен традиционному институту уголовного наказания**: 1) передача лица на поруки; 2) передача дела в товарищеский суд; 3) применение принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. была введена новая мера – освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности [3, с. 28].

Общий ход развития зарубежного уголовного права был изменен в 70-е гг. XX в., причиной чему явился очередной кризис взглядов на сущность и цели наказания. Это пре-

доопределило появление новых концепций реагирования на преступления, в особенности те, которые не представляют значительной опасности для общества, путем установления для них упрощенных процедур судебного производства или же возможности для лиц, их совершивших, избежать уголовной ответственности или наказания. Расцвет таких альтернативных мер в новой уголовной политике произошел в англосаксонской правовой семье [4, с. 103].

Сама по себе идея о допущении возможности прекращать уголовное преследование в отношении лица, которое примирилось с потерпевшим, загладило причиненный ему вред, а также выполнило иные определяемые законом требования, к моменту принятия УК РФ сформировалась и нашла свое воплощение в ряде зарубежных стран, из которых наиболее близким нам представляется уголовное законодательство ФРГ [5, с. 103]. Безусловно, что обозначенные тенденции повлияли на «модернизацию» отечественного института освобождения от уголовной ответственности посредством допущения новых способов реагирования на преступность (взамен мер общественного воздействия и административной ответственности были допущены примирение с потерпевшим, а затем и судебный штраф, близкий по своему содержанию с трансакцией).

Несмотря на отсутствие правопреемства нормы о примирении с потерпевшим из ранее действующего уголовного законодательства советского периода она включалась в действующий отечественный институт освобождения от уголовной ответственности, что предопределило особенности ее содержания. В данном случае речь идет о том, что указанное положение стало именно основанием для освобождения от уголовной ответственности, а не от наказания или для прекращения уголовного преследования. Более того, были определены границы ее применения (путем обозначения категорий преступлений, а не максимальным размером санкции за определенное преступление). Интересно, что не была перенята возможная форма осуществления примирительной процедуры – медиация.

* В данном случае мы имеем в виду именно материальную норму права, поскольку наличие института дел частного обвинения во всех уголовно-процессуальных кодексах РСФСР не позволяет нам идентифицировать в нем корни ст. 76 УК РФ.

** В ст. 48 УК РСФСР 1960 г. содержалось положение о давности привлечения к уголовной ответственности, а в ст. 50 – освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки.

С учетом обозначенных выше обстоятельств альтернативные меры реагирования на совершение общественно опасных деяний были восприняты разработчиками МУК, что соответствовало общему вектору развития уголовного права. Ключевой правовой нормой, относящейся к рассматриваемой модели, стало примирение с потерпевшим.

Так, в ст. 75 МУК была установлена норма о примирении с потерпевшим, которая имеет следующее содержание: «Лицо, совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и возместило причиненный потерпевшему вред» [6, с. 107].

Некоторыми авторами обращалось внимание на тот факт, что основы регулирования института освобождения от уголовной ответственности (к которому относится норма о примирении с потерпевшим) были восприняты законодателями стран СНГ непосредственно из положений МУК [7, с. 16]. Однако хотя МУК был принят ранее ныне действующего УК РФ 1996 г., и мог оказать непосредственное влияние на содержание последнего, в контексте рассмотрения интересующей нас нормы данный вопрос является не таким однозначным.

Это обосновывается тем, что в процессе разработки уголовного закона РФ ведущими российскими учеными в 1994 г. был предложен проект его Общей части, в котором в ст. 78 воспроизводилось положение схожее с вариантом, представленным в ст. 75 МУК [8, с. 44]. При этом различие заключалось в выборе терминов для формирования одного из необходимых условий реализации рассматриваемой нормы. Так, в проекте Общей части УК 1994 г. данное условие формулировалось как: «заглаживание причиненного потерпевшему вреда», в то время как в МУК использовался термин «возмещение» вместо «заглаживания». Считаем, что употребление термина «заглаживание» применительно к вреду является более верным, поскольку о «возмещении» следует упоминать в контексте причиненного ущерба. В дальнейшем отечественный законодатель выбрал вариант, предложенный в проекте УК 1994 г.

Видится, что составители МУК в качестве основы конструирования нормы о примирении с потерпевшим использовали аналогичное положение указанного проекта, в кото-

ром она впервые была вынесена на суд научного сообщества. В связи с вышеизложенным полагаем, что не в полной мере обосновано рассматривать влияние МУК на положение ст. 76 УК РФ без учета того факта, что на Модельный кодекс в интересующей нас части оказал непосредственное влияние проект УК 1994 г. Поскольку существует определенная схожесть норм в МУК и указанном проекте, то позволим себе дальнейшее сравнение нормы о примирении с потерпевшим в итоговой редакции УК РФ проводить относительно положений, содержащихся в модельном кодексе.

Подчеркнем, что, по нашему мнению, основанием (главным условием) для реализации ст. 75 МУК (равно как и ст. 76 УК РФ) является факт примирения лица, совершившего преступление, с потерпевшим от него. Кроме того, для ее применения также была необходима совокупность следующих условий: 1) совершение преступления небольшой тяжести; 2) возмещение причиненного потерпевшему вреда [9, с. 143].

Поскольку МУК должен был включать базовые положения, то представляется вполне логичным, что в нем не были закреплены определения таких понятий, как «примирение с потерпевшим», «возмещение причиненного потерпевшему вреда», поскольку их детализация должна была производиться отдельными законодателями стран СНГ. В то же время, и в современном уголовном законе России обозначенные понятия не раскрываются, что частично компенсируется тематическим разъяснением высшего судебного органа России [10].

Обратим внимание на тот факт, что такое условие для освобождения лица от уголовной ответственности как «совершение преступления впервые» в проекте УК РФ 1994 г. и МУК содержится применительно к иным видам данного института (например, деятельному раскаянию и изменению обстановки), что указывает на желание разработчиков уменьшить число юридических требований, необходимых для реализации рассматриваемой нормы, в целях увеличения практики ее применения.

Говоря о содержании ст. 76 УК РФ, подчеркнем, что до внесения в нее изменений Федеральным законом № 162-ФЗ от 08.12.2003 она излагалась следующим образом: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой

тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред» [11, с. 40].

После внесения указанных изменений в УК РФ, применение нормы стало возможным также в отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести, что явилось еще одним отличием в сравнении с положением, установленным в МУК.

Помимо сходства в условиях, необходимых для освобождения от уголовной ответственности, ст. 76 УК РФ, также как и ст. 75 МУК, наделяет правоприменителя правом по реализации данной нормы, т. е. по методу правового регулирования является дискреционной (диспозитивной).

Ключевым аспектом, отличающим нормы о примирении с потерпевшим в рассматриваемых правовых актах, является условие – «совершение преступления впервые», которое предъявляется к освобождаемому от уголовной ответственности лицу, согласно отечественному уголовному закону. Введение дополнительного критерия, по-нашему мнению, ограничило реализацию обозначенной нормы, однако отсутствие в УК РФ определения этого понятия поставило перед практическими работниками и деятелями науки ряд вопросов, касающихся установления его содержания.

В наиболее общем виде дискуссия затронула содержательные компоненты данного условия, поскольку некоторые исследователи предлагают исходить из его «формального» понимания, т. е. относить его только к тем лицам, которые впервые в своей жизни совершили преступление, в то время как другие считают, что необходимо учитывать его «юридическую» интерпретацию, а поэтому распространять на лиц: которые ранее освобождались от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; в отношении которых судимость за ранее совершенные преступления была снята или погашена в установленном законом порядке и т. п. [12, с. 71]. Еще одна часть ученых поддерживает обозначенное «юридическое» понимание, но предлагает при этом в определенной степени ограничить его применение в тех или иных случаях, например при совершении лицом реальной [11, с. 142] или идеальной [13, с. 105] совокупности преступлений.

В настоящее время благодаря последовательному расширению толкования данного

термина, которое производилось Верховным Судом РФ, в практической деятельности используется «юридический» подход, включающий в себя пять элементов [12, с. 69].

В научной литературе по обозначенному вопросу имеются различные мнения. Так, Г.С. Досаева имеет точку зрения, согласно которой необходимо установить в законе запрет на возможность повторного освобождения от уголовной ответственности лиц, которые ранее уже освобождались по нереабилитирующим основаниям [14, с. 135]. В свою очередь Г.М. Якобашвили считает, что сложившаяся практика является допустимой и соответствует прогрессивным тенденциям уголовной политики [15, с. 86].

Видится, что исследуемое условие было закреплено законодателем не случайно, поэтому подобное расширение его содержания не соответствует первоначальным целям уголовного закона. Особо критично нами воспринимается сложившаяся практика относительно возможности понимать под лицами, впервые совершившими преступление, тех, кто ранее освобождался от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Более того, поскольку обозначенное условие характеризует общественную опасность лица, совершившего преступление (которая должна отсутствовать или быть существенно снижена), считаем, что в данном случае не будет наличествовать общее (теоретическое) основание освобождения от уголовной ответственности.

Чтобы сделать шаг в направлении дальнейшего осмысления сущности рассматриваемого условия, необходимо осуществлять четкое разграничение между установлением факта совершения лицом преступления (что может содержаться в постановлении о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию) и сохранением уголовно-правовых последствий от совершения преступления (действующая судимость). Дело в том, что наличие в отечественном законодательстве весьма разрозненных норм, образующих в своей совокупности меры безопасности [16, с. 62], демонстрирует нам, что ограничение прав и свобод лица производится, поскольку ими было совершено общественно опасное деяние, несмотря на то, в какой именно процессуальной форме был констатирован данный юридический факт (например, в форме обвинительного приговора суда или постановления о прекращении уголовного

дела). Применение многочисленных правоограничений, которые носят длительный или даже бессрочный характер, базируется на установлении виновности* лица в совершении деяния, что должно происходить в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом [17, с. 43].

Соответственно, при отсутствии у лица судимости (если она ранее была погашена или снята) либо лицо ранее привлекалось к уголовной ответственности, но было освобождено от нее по нереабилитирующим основаниям, недопустимо говорить о том, что вместе с уголовно-правовыми последствиями преступления аннулировался сам факт его совершения конкретным лицом.

Предоставлением возможности быть освобожденным от уголовной ответственности лицу, которому ранее уже выражалось подобное «снисхождение», полностью нарушается такой элемент уголовно-правового воздействия как специальное предупреждение, поскольку правоприменителем игнорируется факт совершения нового преступления лицом, ранее привлеченным к уголовной ответственности [18, с. 226], а также нарушается одна из задач, стоящих перед УК РФ – предупреждение преступлений.

Итак, считаем, что сам факт включения отечественным законодателем обозначенного условия позитивно сказался на действии данной правовой нормы, не позволил привести к чрезмерно широкой «гуманизации» уголовного закона в данной области. В свою очередь, сложившееся в практической деятельности и разделяемое многими учеными понимание «лица, впервые совершившего преступление», не соответствует первоначальному смыслу и духу закона.

Переходя к рассмотрению оставшихся двух условий, необходимых для освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по УК РФ, укажем на их сходство в сравнении с аналогичной нормой из МУК.

Совершение преступления, не относящегося к тяжким, является еще одним условием освобождения от уголовной ответственности.

При этом до внесения в ст. 76 УК РФ указанных выше изменений она также, как и ст. 75 МУК, распространяла свое действие только на преступления небольшой тяжести.

Несмотря на то, что законодателем был четко уставлен круг тех общественно опасных деяний, по которым возможно освободить лицо от уголовной ответственности, в отечественной юридической науке возникли разногласия относительно того, возможно ли расширить сферу реализации данного условия на другие преступления. Например, на преступления средней тяжести или на тяжкие преступления, если при этом преступными последствиями не был причинен серьезный вред жизни или здоровью потерпевшего, а также в ситуациях, когда лицо, совершившее преступление, состоит в родстве или близких отношениях с потерпевшим. По мнению А.В. Сумачева, целесообразно отказаться от установления в уголовном законе категорий и закрепить в нем перечень конкретных преступлений, аналогичный тому, что имеется в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, относительно дел частного обвинения [19, с. 17].

Приведенные предложения в определенной степени были претворены в жизнь (относительно преступлений средней тяжести). Формирование же в УК РФ отдельного перечня преступлений, по которым возможна реализация исследуемого основания, не рассматривается нами как действительно эффективное улучшение законодательства, поскольку создаст определенную путаницу в плане теоретического отождествления института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и института частного обвинения. Кажется, не в полной мере обоснованным и то, почему по преступлениям одной и той же категории будет установлена различная возможность для применения ст. 76 УК РФ. Подобное нововведение в целом противоречит логике построения всего отечественного института освобождения от уголовной ответственности (в начальной редакции УК РФ), поскольку в нем для каждого основания указывались именно категории преступлений, на которые

* В данном случае нам не хотелось бы вступать в дискуссию относительно соответствия института освобождения от уголовной ответственности известным положениям уголовно-процессуального закона и Конституции нашего государства. Активное применение обозначенного института позволяет утверждать, что он будет оставаться востребованным и дальше, поэтому мы будем рассуждать с позиции его возможной модернизации, а не исключения из текста уголовного закона.

оно может быть распространено, а не устанавливался отдельный перечень общественно опасных деяний.

Несмотря на это, в ходе дальнейшего изменения отечественного уголовного закона последний был дополнен новым общим видом освобождения от уголовной ответственности – ст. 76.1 УК РФ, уникальность которого заключается в том, что его реализация возможна лишь при совершении определенного законодателем числа конкретных преступлений. Подобный подход применяется и используется при конструировании специальных видов освобождения от уголовной ответственности посредством закрепления необходимых примечаний к нормам Особенной части УК РФ.

Анализируя такое условие, как заглаживание причиненного потерпевшему вреда, отметим, что в сопоставляемых нормативных правовых актах представлена различная его формулировка. Так, в ст. 76 УК РФ используется термин «загладило причиненный преступлением вред», а в ст. 75 МУК – «возместило причиненный потерпевшему вред».

Полагаем, что более верным следует признать формулировку «заглаживание вреда»,

поскольку данное понятие включает в себя возмещение ущерба, а также относится к иным видам преступного вреда, т. е. является более широким. Так, моральный или физический вред, который причиняется потерпевшему в результате совершения преступления, может быть лишь заглажен, а не возмещен. Следовательно, отечественный вариант формулирования обозначенного условия видится юридически более верным.

Безусловно, разработка проекта УК РФ 1994 г. и принятие МУК оказали колоссальное влияние на содержание УК РФ, исключением из чего не стала норма о примирении с потерпевшим. В то же время отечественный законодатель предпочел добавить еще одно условие, требуемое для реализации рассматриваемой нормы, «совершение преступления впервые».

Видится, что данный шаг позитивно сказался на проводимой уголовной политике, поскольку повторное освобождение лиц, ранее совершавших преступления, подтверждает неэффективность принятых по отношению к ним мер уголовно-правового воздействия и не соответствует задачам, стоящим перед уголовным законом.

Литература

1. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Ф. Кистяковского. Киев, 1875.
2. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / отв. ред. А.А. Пионтковский. М., 1974.
3. Уголовный кодекс РСФСР: с постатейными материалами. М., 1985.
4. Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве. Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 3.
5. Суверов С.Е. Генезис нормы о примирении с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4.
6. Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1.
7. Матвеева Я.М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016.

Bibliography

1. Elementary textbook of general criminal law. T. 1. General part / ed. A.F. Kistyakovskiy. Kiev, 1875.
2. Theoretical issues of exemption from criminal liability / otv. ed. A.A. Piontkovskiy. M., 1974.
3. The Criminal Code of the RSFSR: With article-by-article materials. M., 1985.
4. Golovko L.V. Alternatives to Prosecution in Modern English Law. Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence. 1998. № 3.
5. Suverov S.E. The genesis of the norm on reconciliation with the victim as a basis for exemption from criminal liability // Altai legal bulletin. 2020. № 4.
6. Model Criminal Code for the CIS Member States // Jurisprudence. 1996. № 1.
7. Matveeva Ya. M. Institute of Exemption from Criminal Liability in Russian Criminal Law: Modernization and Search for Alternative Ways to Settle a Criminal-Legal Conflict: abstract of the dis. ... PhD in Law. SPb., 2016.
8. The Criminal Code of the Russian Federation. General part: project / I.M. Galperin, A.N. Ignatov, A.O. Ivanov, S.G. Kelina, Yu.A. Krasikov, G.M. Minkovsky, M.S. Paleev, S.A. Pashin,

8. Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть: проект / И.М. Гальперин, А.Н. Игнатов, А.О. Иванов, С.Г. Келина, Ю.А. Красиков, Г.М. Миньковский, М.С. Палеев, С.А. Пашин, Э.Ф. Побегайло, С.Б. Ромазин, О.Ф. Шишов. Глава 15 проекта подготовлена с участием С.В. Полубинской. М., 1994.
9. Суверов С.Е. Сравнительно-правовой анализ норм о примирении с потерпевшим в Уголовных кодексах Российской Федерации и Республики Беларусь // В сборнике «Борьба с преступностью: теория и практика». Тезисы докладов VIII международной научно-практической конференции. Могилев, 2020.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».
11. Плиско Р.К. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009.
12. Нечепуренко А.А., Бабуринов В.В. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30.
13. Ценева В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2002.
14. Досаева Г.С. Уголовно-правовое регулирование примирения с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.
15. Якобашвили Г.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
16. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография. Красноярск, 1999.
17. Нечепуренко А.А. Законодательное регулирование негативных последствий для лиц, совершивших преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4.
18. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: монография. Омск, 2014.
19. Сумачев А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1997.
20. E.F. Pobegailo, S.B. Romazin, O.F. Shishov. Chapter 15 of the project was prepared with the participation of S.V. Polubinskaya. M., 1994.
21. Suverov S.E. Comparative legal analysis of the norms on reconciliation with the victim in the Criminal codes of the Russian Federation and the Republic of Belarus // In the collection «Fighting crime: theory and practice» Abstracts of the VIII International Scientific and Practical Conference. Mogilev, 2020.
22. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2013, № 19 (as amended on November 29, 2016) «On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability».
23. Plisko R.K. Exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim: dis. ... PhD in Law. Vladivostok, 2009.
24. Nechipurenko A.A., Baburin V.V. «Committing a crime for the first time» as a key concept for optimizing the use of the institution of exemption from criminal liability // Bulletin of the Tomsk State University. Right. 2018. № 30.
25. Tseneva V.V. Exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim: dis. ... PhD in Law. Kemerovo, 2002.
26. Dosaeva G.S. Criminal law regulation of reconciliation with the victim as a basis for exemption from criminal liability: dis. ... PhD in Law. Rostov on/D, 2004.
27. Yakobashvili G.M. Exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim: dis. ... PhD in Law. M., 2002.
28. Shchedrin N.V. Introduction to the legal theory of security measures: monograph. Krasnoyarsk, 1999.
29. Nechipurenko A.A. Legislative regulation of negative consequences for persons who have committed crimes // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4.
30. Bavsun M.V. Criminal law impact: ideology, goals and means of implementation: monograph. Omsk, 2014.
31. Sumachev A.V. The victim as a subject of criminal legal relations: abstract of the dis. ... PhD in Law. Ryazan, 1997.

© 2021 г. Сокол Юлия Валерьевна,

аспирант юридического факультета

Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина.

E-mail: ulya-sokol@mail.ru

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ИНТЕНСИВНОГО ПРЕСТУПНИКА

В статье раскрываются особенности формирования понятия несовершеннолетнего интенсивного преступника в зарубежной криминологии. Обосновывается, что несовершеннолетние интенсивные преступники – это относительно самостоятельная часть многократной преступности несовершеннолетних, характеризующаяся высокой индивидуальной частотой совершения преступлений. Обосновывается необходимость внедрения указанного термина в отечественную криминологическую науку.

Ключевые слова: несовершеннолетний интенсивный преступник, хронический преступник, многократный несовершеннолетний преступник.

Sokol Yulia Valerievna – Postgraduate Student, the Faculty of Law, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

ABOUT THE CONTENTS OF THE CONCEPT OF A MINOR INTENSIVE OFFENDER

The article clarifies the features of the formation of the concept of a minor intensive offender in foreign criminology. It is substantiated that minor intensive offenders are the relatively independent part of multiple juvenile delinquency which characterizes a high individual frequency of committing crimes. The necessity of introducing this term into the national criminological science is substantiated.

Keywords: minor intensive offender, chronic offender, persistent juvenile offender.

В современной западной криминологии признается эмпирически установленным фактом существование относительно небольшой группы несовершеннолетних преступников (3–10 %), которые отличаются высокой индивидуальной частотой совершения преступлений и ответственны за большинство преступлений своей возрастной группы. Такие несовершеннолетние преступники называются интенсивными, хроническими, персистентными, серийными, профессиональными, привычными и т. п.

Впервые об этих несовершеннолетних преступниках заявили в 1972 г. американские исследователи М. Вольфганг, Р. Фиглио и Т. Селлин, основываясь на результатах лонгитюдного исследования, связанного с изучением делинквентности несовершеннолетних, родившихся в одном году [1]. Вольфганг и его коллеги собрали разнообразную информацию о преступной деятельности 9 945 несовершеннолетних мужского пола в возрасте от 10 до 18 лет, родившихся в 1945 г. и проживавших в Филадельфии.

Американскими учеными было установлено, что приблизительно 35 % лиц, родившихся в одном и том же году, имели контакт с полицией в возрасте до 18 лет. Пик преступности в

исследуемой когорте рождения приходился на 16 лет. Согласно результатам исследования М. Вольфганга, Р. Фиглио и Т. Селлина, в зависимости от количества совершенных несовершеннолетними преступлений они подразделялись на следующие основные группы:

- 1) совершившие одно преступление;
- 2) совершившие 2–4 преступления (нехронические преступники);
- 3) совершившие 5 и более преступлений (хронические преступники).

Вольфганг, Фиглио и Селлин сделали важное открытие о существовании относительно небольшой группы несовершеннолетних преступников (6,3 % когорты или 18 % всех преступников выборки), совершивших более половины (52 %) всех зарегистрированных преступлений своей возрастной когорты. При этом каждый из них совершил пять или более преступлений [1, с. 248]. Указанные лица также показали более высокие пропорции при совершении тяжких преступлений: 69 % нападений при отягчающих обстоятельствах, 71 % убийств, 73 % изнасилований и 82 % грабежей. Эту группу несовершеннолетних преступников (627 лиц) исследователи называли «хроническими несовершеннолетними преступниками (chronic juvenile offenders)».

Впоследствии П. Трейси, М. Вольфганг и Р. Фиглио в стремлении воспроизвести и расширить результаты своих прежних исследований обследовали вторую когорту несовершеннолетних [2]. В 1990 г. они опубликовали результаты второго ретроспективного изучения филадельфийской когорты в отношении 13 160 несовершеннолетних мальчиков, родившихся в Филадельфии в 1958 г. Особое внимание в этой публикации уделялось сравнению преступных карьер несовершеннолетних мужского пола когорты 1958 г. с карьерой их предшественников 1945 г. рождения. Был обнаружен еще более высокий уровень хронических преступников второй филадельфийской когорты: 7 % когорты или 23 % от всех несовершеннолетних преступников когорты.

Указанное открытие получило оценку «поворотного пункта» в зарубежной криминологии [3, с. 362; 4, с. 12], вызвало значительный интерес у зарубежных криминологов, стимулировало проведение целенаправленного изучения указанной группы несовершеннолетних преступников, поскольку формулировало четкие и ясные уголовно-политические последствия: сосредоточив внимание на относительно небольшой группе несовершеннолетних хронических преступников и оказав на них целенаправленное воздействие, появляется реальная возможность сокращения (предотвращения) значительного количества преступлений. А термин «хронические несовершеннолетние преступники» стал активно использоваться в зарубежной криминологии.

Благодаря многочисленным криминологическим исследованиям идея о существовании отчетливой группы хронических преступников, которые совершают преступления с высокой частотой, получила эмпирическое подтверждение, а индивидуальная частота преступлений стала признаваться фундаментальной особенностью криминальной карьеры [5, с. 55].

В настоящее время Управление ювенальной юстиции и предупреждения правонарушений (OJJDP) в США характеризует хронических несовершеннолетних преступников как самостоятельную подгруппу (подтип) преступников, на которую в сравнении с общей популяцией несовершеннолетних преступников приходится непропорционально большое количество преступлений, и которые с большей вероятностью будут продолжать преступное поведение во взрослом возрасте.

Эмпирический вывод о том, что примерно 5 % выборки или популяции составляют патологические преступники, был настолько задокументирован, что стал почти аксиоматичным [6]. По мнению указанных исследователей, 5 % выборки на практике означает, что в среднем в каждом классе есть ребенок, который является частью этой подгруппы [6, с. 79; 7; 8].

Количественные значения размера группы хронических преступников зависят от особенностей выборки, а также от избранных критериев отнесения к этой группе. Так, подсчет количества совершенных преступлений может осуществляться посредством учета полицейских арестов, обвинительных приговоров, результатов самоотчетов преступников и т. п. Особенности подсчета совершенных несовершеннолетними преступлений отражаются на количественных значениях этого показателя.

Важно отметить, что понятие хронических преступников, первоначально предложенное в 1972 г. М. Вольфгангом и его коллегами, было связано с небольшой группой несовершеннолетних преступников, отличающихся высокой индивидуальной частотой совершения преступлений и ответственных за совершение большинства преступлений. Однако в последующие годы отдельные исследователи стали отходить от прежнего содержания понятия «несовершеннолетние хронические преступники» и использовать этот термин в отношении совершеннолетних преступников, а также обозначать преступников с самой длинной криминальной карьерой [9, с. 477; 10].

В результате этого в зарубежной криминологии сложилось двойственное понимание хронических преступников: 1) как лиц, отличающихся высокой индивидуальной частотой совершения преступлений; 2) как лиц, имеющих наибольшую продолжительность криминальной карьеры. Другими словами, исследователи стали использовать разные критерии для отнесения преступников к хроническим: количество преступлений или продолжительность их преступной карьеры. Нередко два эти признака учитывались одновременно.

Изначально выбор слова «хронический» для определения лиц, совершающих большое количество преступлений, нельзя признать удачным, поскольку термин «хронический» имеет темпоральное (временное) значение. Попытки заменить слово «хронический» на такое слово как «персистентный (устойчивый)» лишь

усиливали понятийную неопределенность. Тем более, что эти термины часто использовались как взаимозаменяемые [11; 12].

Без четкого определения понятий исследователи рискуют идентифицировать в качестве хронических преступников качественно разные группы преступников, что приведет к невозможности сопоставления результатов одного исследования с другими [15].

Было предложено четко различать следующие относительно самостоятельные категории преступников: 1) преступников с длительной продолжительностью криминальной карьеры (хронические преступники); 2) преступников, совершающих много преступлений (персистентные преступники); 3) преступников, совмещающих длительную продолжительность криминальной карьеры с совершением многих преступлений (персистентно-хронические преступники) [13].

Указанное предложение получило поддержку в зарубежном криминологическом сообществе, поскольку позволяет добиться однозначности в употреблении названных и смежных с ними понятий. К тому же дальнейшая четкая их операционализация при проведении различных эмпирических исследований способствует сопоставимости, сравнению и проверке полученных результатов. В свою очередь, немецкие криминологи предпочитают вместо термина «хронический преступник» использовать термин «интенсивный преступник» [14].

Учитывая наличие в зарубежной криминологии множества терминов, обозначающих группу несовершеннолетних преступников, совершающих большое количество преступлений в несовершеннолетнем возрасте (хронические, персистентные, устойчивые, активные, высоко-частотные, привычные, рецидивирующие, профессиональные, карьерные, устойчивые на протяжении жизни, криминальные психопаты, «хищники» и т. д.), мы пришли к выводу о целесообразности использования термина «несовершеннолетние интенсивные преступники (далее – НИПы)» для их характеристики. Термин «НИПы» является четким и однозначным. Предлагается внедрить этот термин «несовершеннолетний интенсивный преступник» в научный язык отечественной криминологической науки для наименования этой группы несовершеннолетних преступников.

Однако результаты указанных зарубежных исследований остались практически незаме-

ченными российскими криминологами, которые не выделяют среди многократных несовершеннолетних преступников их «твердое ядро» в лице НИПов, хотя таковые имеются и в России.

Так, в результате проведенного исследования были получены следующие данные. Несовершеннолетний Г. (16 лет), ранее не судим, совершил 19 преступлений (10 краж и 9 угонов) [14]; несовершеннолетний А., трижды судим, совершил 16 преступлений (6 угонов и 10 краж) [15; 16; 17] и др.

Трое несовершеннолетних З., Ш., Т. в Динском районе Краснодарского края в 2014 г. совершили 21 преступление, что составляет 48,8 % от всех преступлений, совершенных несовершеннолетними в этом районе [18; 19].

В Карелии в 2017 г. три подростка совершили 134 преступления, что составило 23 % всех преступлений в районе за год [20].

Тем не менее, до настоящего времени в России целенаправленно не выделяется в качестве самостоятельной группа НИПов, члены которой характеризуются высокой индивидуальной частотой совершения преступлений. Соответственно, специально не изучаются особенности их личности и преступной деятельности.

Существуют различные причины сложившегося положения. В отличие от многократной преступности взрослых, отечественные криминологи недостаточно внимания уделяли изучению неоднородности многократной преступности несовершеннолетних. Среди российских ученых получила широкое распространение позиция, согласно которой несовершеннолетними многократными преступниками признаются несовершеннолетние, совершившие три и более преступлений. При этом понятие «и более» чаще всего не детализировалось, что создавало иллюзию некой однородности многократной преступности несовершеннолетних.

Кроме того, целенаправленно не исследовались вопросы, связанные с определением и изучением различных способов подсчета совершаемых несовершеннолетними преступлений; изучением устойчивых взаимосвязей между количеством совершенных ими преступлений и особенностями их личности; способностью количества совершенных преступлений выступать в качестве основы для прогнозирования дальнейшей преступной деятельности несовершеннолетних, в том

числе во время последующей взрослой жизни. Не исследовался причинный механизм формирования устойчивой преступной карьеры несовершеннолетних преступников.

Важно также отметить, что общедоступная отечественная уголовная статистика не содержит сведения о разнообразных количественных показателях многократной преступности несовершеннолетних. Доступна лишь статистическая информация следующего вида: «выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления», «выявлено несовершеннолетних лиц, ранее совершавших преступление» и «выявлено несовершеннолетних, ранее судимых за преступления» [21]. Однако нет обобщенных статистических данных о социально-демографических и уголовно-правовых признаках различных категорий несовершеннолетних многократных преступников, отражающих детализированные количественные значения совершенных несовершеннолетними преступлений. Как уже отмечалось, различные конструкции типа «два и более» или «три и более» преступлений маскируют неоднородность многократной преступности несовершеннолетних.

Можно констатировать, что в той или иной мере отечественные исследователи изучали отдельные аспекты личности несовершеннолетних интенсивных преступников, поскольку последние входят в состав более широких категорий изучаемых несовершеннолетних преступников (повторных, ранее судимых, осужденных к лишению свободы и т. п.). Однако НИПы – это относительно самостоятельная часть многократной преступности несовершеннолетних, которая отличается большим количеством совершенных преступлений.

Таким образом, следует признать существование в составе многократной преступности несовершеннолетних относительно самостоятельной группы несовершеннолетних преступников, отличающихся высокой частотой (количеством) совершаемых преступлений, подлежащую самостоятельному целенаправленному криминологическому изучению на предмет установления причинного комплекса, обуславливающего совершение ими большого количества преступлений, исследованию особенностей их личности и предупреждению продолжения преступной карьеры.

К числу основных критериев для отнесения несовершеннолетнего преступника в категорию НИПов следует относить следующие: 1) количество (частота) преступлений, совер-

шенных несовершеннолетним в течение определенного периода времени; 2) негативный прогноз продолжения несовершеннолетним преступником дальнейшей преступной карьеры, а к числу дополнительного – квалификация и тяжесть совершенных преступлений.

Чаще всего количество преступлений, совершение которых позволяет относить несовершеннолетнего преступника к числу интенсивных, составляет 5 и более преступлений. Д.М. Каркин и П.Е. Трейси констатируют: «Все исследования на материале когорты 1958 г. рождения подтверждают, что лица, совершившие пять или более преступлений, демонстрируют длительную и отягощенную криминальную карьеру в подростковом или взрослом возрасте или в обоих» [22, с. 121].

Количество предшествующих преступлений (осуждений) рассматривается в качестве важного фактора риска, который успешно предсказывает продолжение дальнейшей преступной деятельности [23]. Риск совершения преступлений в будущем имеет тенденцию к увеличению в течение первых четырех–шести осуждений, после которых он становится высоким и довольно стабильным [24]. Поэтому точное измерение количества совершенных преступлений рассматривается в западной криминологии в качестве одной из центральных исследовательских задач [25].

Многочисленными зарубежными исследованиями подтверждено, что НИПы отягощены разнообразными био-психо-социальными факторами риска [11; 22; 26], которые рассматриваются в качестве сложного детерминистского комплекса их проблемного преступного поведения.

Разнообразные факторы риска НИПов, сосредоточенные в различных областях (физического здоровья; семьи; школы; делинквентных сверстников и т. д.), обуславливают продолжение ими преступного поведения, в том числе и во взрослой жизни. К таким факторам риска относятся, такие как агрессивное поведение несовершеннолетнего, импульсивность, неспособность сочувствия, злоупотребление алкоголем и наркотиками, неполный состав семьи, отсутствие контроля и внимания в семье, семейное насилие, излишне строгая дисциплина в семье, раннее материнство, бедность, частые перемены мест жительства, прогулы в школе, плохая успеваемость в школе, отсутствие социального досуга, делинквентные сверстники и др.

В 2020 г. в журнале «The Lancet» международная группа ученых опубликовала статью, в которой аномальное развитие мозга рассматривается в качестве фундаментального аспекта устойчивого на протяжении жизни антисоциального поведения. Исследователи просканировали (МРТ) мозг и изучили серое вещество у 672 участников Данидинского лонгитюдного исследования и сделали вывод о связи антисоциального (преступного) поведения людей, связано с особенностями строения их мозга [27]. Несовершеннолетие, демонстрировавшие устойчивое антисоциальное поведение, имели характеристики уменьшенной толщины (плотности) коры головного мозга и меньшую среднюю площадь поверхности определенных участков мозга, охватывающих ограниченные лобные и височные области, связанные с исполнительной функцией, регуляцией аффекта и мотивацией [27, с. 250]. Проведенное исследование оказывает влияние на политику ювенальной юстиции в мире, обращает внимание на своевременное выявления детей с ранним началом антисоциального поведения и важность оказания им необходимого лечения и реабилитационной помощи, чтобы избежать усугубления проблемного поведения в будущем [27].

Учитывая, что большинство отечественных криминологов по основной своей специальности являются юристами, всестороннее изучение личности НИПа предполагает необходимость объединения совместных усилий юристов, психологов, социологов, психиатров, представителей когнитивных наук и нейробиологии (медицины) и иных наук при проведении соответствующих криминологических исследований. Такие мультипрофессиональные команды способны обеспечить комплексное изучение и формирование целостного профиля НИПа, учитывающего разнообразные особенности его личности,

имеющие биологический, биосоциальный, психологический и правовой характер. Выявленные факторы риска обуславливают в конечном счете выбор соответствующих мер воздействия на НИПов.

Частота и тяжесть совершаемых НИПами преступлений делает этих несовершеннолетних серьезной проблемой для органов уголовного правосудия. Западные исследователи отмечают, что общество получит огромные выгоды, если лишь небольшую часть этих правонарушителей удастся вернуть на правильный путь [28]. Бесспорно, что объединение ресурсов в направлении предупреждения преступности НИПов может быть эффективным средством снижения общего уровня преступности, поскольку на долю этой относительно немногочисленной группы несовершеннолетних преступников приходится непропорционально большое количество совершенных преступлений [29, с. 349].

Сам факт существования несовершеннолетних интенсивных преступников ставит под сомнение эффективность проводимых в отношении них профилактических мероприятий, в том числе эффективность ранее применявшегося уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия. Их многократно повторяющееся преступное поведение является наглядным свидетельством «кризиса» наказания и проводимой в отношении них уголовной политики в целом.

Изложенное подтверждает необходимость всестороннего изучения несовершеннолетних интенсивных преступников в России в качестве самостоятельного криминологического типа несовершеннолетних преступников, а также дальнейшего использования международного положительного опыта в целях разработки и реализации специальных национальных программ предупреждения их преступности.

Литература

1. Wolfgang M.E., Figlio R.M., Sellin T. Delinquency in a birth cohort. Chicago, 1972.
2. Tracy P.E., Wolfgang M.E., Figlio R.M. Delinquency careers in two birth cohorts. Plenum Press, 1990.
3. Erickson M.L. Delinquency in a Birth Cohort: A New Direction in Criminological Research // Journal of Criminal Law and Criminology. 1973. V. 64. Is. 3 (362).

Bibliography

1. Wolfgang M.E., Figlio R.M., Sellin T. Delinquency in a birth cohort. Chicago, 1972.
2. Tracy P.E., Wolfgang M.E., Figlio R.M. Delinquency careers in two birth cohorts. Plenum Press, 1990.
3. Erickson M.L. Delinquency in a Birth Cohort: A New Direction in Criminological Research // Journal of Criminal Law and Criminology. 1973. V. 64. Is. 3 (362).

4. Laub J.H. The Life Course of Criminology in the United States: The American Society of Criminology. 2003. Presidential Address // *Criminology*. 2004. V. 42. Is. 1.

5. Criminal Careers and «Career Criminals» / Blumstein A., Cohen J., Roth J.A., Visher C.A. (eds.). Washington, 1986. Vol. 1.

6. Vaughn M.G., DeLisi M., Gunterbh T., Fu Q., Beaver K. M., Perron B.E., Howard M. O. The Severe 5 %: A Latent Class Analysis of the Externalizing Behavior Spectrum in the United States // *Journal of criminal justice*. 2011. № 39 (1).

7. DeLisi M., Piquero A.R. New frontiers in criminal careers research, 2001–2011: A state-of-the-art review // *Journal of Criminal Justice*. 2011. № 39.

8. Vaughn M.G., Christopher P. Salas-Wright, Matt DeLisi, and Brandy R. Maynard. 2013. Violence and externalizing behavior among youth in the United States: Is there a severe 5 %? // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2014. № 12 (1).

9. Remschmidt H., Walter R. What becomes of delinquent children? Results of the Marburg child delinquency study // *Deutsches Ärzteblatt International*. 2010. № 107 (27).

10. Wikström P.H., Treiber K. What drives persistent offending? The neglected and unexplored role of the social environment. In *The development of persistent criminality* / Savage J. (Ed.). NY, 2009.

11. Moffitt T. E. (2018). Male antisocial behaviour in adolescence and beyond // *Nature Human Behavior*. № 2.

12. Sampson R.J., Laub J.H. Life-course desisters? Trajectories of crime among delinquent boys followed to age 70 // *Criminology*. 2003. № 41 (3).

13. Whitten T., McGee T.R., Homel R., Farrington D.P., Ttofi M. Disentangling Operationalizations of Persistent Offending // *Journal of Criminal Justice*. 2017. Vol. 52.

14. Приговор Красноармейского суда Краснодарского края от 16.02.2016 по делу № 1-15/16 (1-339/2015).

15. Приговор Тихорецкого районного суда Краснодарского края от 21.01.2014 по делу №1-7/2014, 1-184/2013.

16. Приговор Тихорецкого городского суда Краснодарского края от 11.08.2015 по делу № 1-130/2015.

17. Приговор Тихорецкого районного суда Краснодарского края от 22.01.2016 по делу № 1-22/2016.

18. Материалы уголовного дела № 14360345 СО МВД России по Динскому району в Краснодарском крае в 2014 г.

4. Laub J.H. The Life Course of Criminology in the United States: The American Society of Criminology. 2003. Presidential Address // *Criminology*. 2004. V. 42. Is. 1.

5. Criminal Careers and «Career Criminals» / Blumstein A., Cohen J., Roth J.A., Visher C.A. (eds.). Washington, 1986. Vol. 1.

6. Vaughn M. G., DeLisi M., Gunterbh T., Fu Q., Beaver K. M., Perron B.E., Howard M. O. The Severe 5%: A Latent Class Analysis of the Externalizing Behavior Spectrum in the United States // *Journal of criminal justice*. 2011. № 39 (1).

7. DeLisi M., Piquero A.R. New frontiers in criminal careers research, 2001–2011: A state-of-the-art review // *Journal of Criminal Justice*. 2011. № 39.

8. Vaughn M. G., Christopher P. Salas-Wright, Matt DeLisi, and Brandy R. Maynard. 2013. Violence and externalizing behavior among youth in the United States: Is there a severe 5 %? // *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2014. № 12 (1).

9. Remschmidt H., Walter R. What becomes of delinquent children? Results of the Marburg child delinquency study // *Deutsches Ärzteblatt International*. 2010. № 107 (27).

10. Wikström P. H., Treiber K. What drives persistent offending? The neglected and unexplored role of the social environment. In *The development of persistent criminality* / Savage J. (Ed.). NY, 2009.

11. Moffitt T. E. (2018). Male antisocial behaviour in adolescence and beyond // *Nature Human Behavior*. № 2.

12. Sampson R.J., Laub J.H. Life-course desisters? Trajectories of crime among delinquent boys followed to age 70 // *Criminology*. 2003. № 41(3).

13. Whitten T., McGee T.R., Homel R., Farrington D.P., Ttofi M. Disentangling Operationalizations of Persistent Offending // *Journal of Criminal Justice*. 2017. Vol. 52.

14. The verdict of the Krasnoarmeisky district court of Krasnodar region on 16.02.2016 in case № 1-15/16 (1-339/2015).

15. The verdict of the Tihorezky district court of Krasnodar region on 21.01.2014 in case № 1-7/2014, 1-184/2013.

16. The verdict of the Tihorezky city court of Krasnodar region on 11.08.2015 in case № 1-130/2015.

17. The verdict of the Tihorezky district court of Krasnodar region on 22.01.2016 in case № 1-22/2016.

18. Materials of the criminal case No. 14360345 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Dinskoy district in Krasnodar region in 2014.

19. Материалы уголовного дела № 14360889 СО СУ СК России по Динскому району в Краснодарском крае в 2014 г.

20. URL: <https://iz.ru/973193/ivan-petrov-ivan-nosatov/melkaia-ugolovshchina-deti-i-podrostki-sovershaiut-vse-bolshe-tiazhkikh-prestuplenii>.

21. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>.

22. Каркин Д.М., Трейси П.Е. Влияние характеристик ранней преступности на криминальную карьеру взрослых (на примере несовершеннолетних юношей 1958 г. рождения города Филадельфия) // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1.

23. Andrews D.A., Bonta J. The psychology of criminal conduct. (5th ed.). California, 2010.

24. MacLeod J.F., Grove P.G., Farrington D.P. Explaining criminal careers: Implications for justice policy. Oxford, 2014.

25. Brame R., Mulvey E.P., Schubert C.A., Piquero A.R. Recidivism in a Sample of Serious Adolescent Offenders // Journal of Quantitative Criminology. 2018. № 34 (1).

26. Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // Psychological Review. 1993. № 100 (4).

27. Carlisi C.O., Moffitt T.E., Knodt A.R., Harrington H., Ireland D., Melzer T.R., Poulton R., Ramrakha S., Caspi A., Hariri A.R., Viding E. Associations between life-course-persistent antisocial behaviour and brain structure in a population-representative longitudinal birth cohort // The lancet. Psychiatry. 2020. V. 7. Is. 3.

28. URL: <https://www.campbellcollaboration.org/better-evidence/serious-juvenile-offenders-treatment-effectiveness.html>.

29. Glaubitz C., Bliesener T., Klatt T. Junge Mehrfach- und Intensivtäter, persistierende Delinquenz und «callous-unemotional traits». Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. 2017. V. 11.

19. Materials of the criminal case № 14360889 of the Investigation Department of the Criminal Investigation Division of the Investigative Committee of Russia for the Dinsky District in the Krasnodar region in 2014.

20. URL: <https://iz.ru/973193/ivan-petrov-ivan-nosatov/melkaia-ugolovshchina-deti-i-podrostki-sovershaiut-vse-bolshe-tiazhkikh-prestuplenii>.

21. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>.

22. Carkin D. M., Tracy P. E. Prediction of Adult Criminal Careers from Early Delinquency Offense Characteristics in the 1958 Philadelphia Birth Cohort // Actual problems of economics and law. 2018. T. 12. № 1.

23. Andrews D.A., Bonta J. The psychology of criminal conduct. (5-th ed.). California, 2010.

24. MacLeod J.F., Grove P.G., Farrington D.P. Explaining criminal careers: Implications for justice policy. Oxford, 2014.

25. Brame R., Mulvey E.P., Schubert C.A., Piquero A.R. Recidivism in a Sample of Serious Adolescent Offenders // Journal of Quantitative Criminology. 2018. № 34 (1).

26. Moffitt T.E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy // Psychological Review. 1993. № 100 (4).

27. Carlisi C.O., Moffitt T.E., Knodt A.R., Harrington H., Ireland D., Melzer T.R., Poulton R., Ramrakha S., Caspi A., Hariri A.R., Viding E. Associations between life-course-persistent antisocial behaviour and brain structure in a population-representative longitudinal birth cohort // The lancet. Psychiatry. 2020. V. 7. Is. 3.

28. URL: <https://www.campbellcollaboration.org/better-evidence/serious-juvenile-offenders-treatment-effectiveness.html>.

29. Glaubitz C., Bliesener T., Klatt T. Junge Mehrfach- und Intensivtäter, persistierende Delinquenz und «callous-unemotional traits». Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. 2017. V. 11.

© 2021 г. Решитов Алим Меметович,

соискатель ученой степени кандидата наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право» Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина.
E-mail: a.reshitov@list.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ НОРМА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КАДАСТРОВЫЙ ПОДЛОГ (СТ. 170² УК РФ) ТРЕБУЕТ ДОРАБОТКИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с совершенствованием уголовно-правовой нормы об ответственности за внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170² УК РФ).

Ключевые слова: уголовный закон, кадастровый подлог, кадастровый учет, кадастровая деятельность.

Reshitov Alim Memetovich – the Candidate for PhD in Sciences of the specialty «12.00.08 – Criminal Law and Criminology, Penal Law», the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

CRIMINAL AND LEGAL REGULATION ON RESPONSIBILITY FOR CADASTRAL FORGERY (ART. 170² OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) REQUIRES IMPROVEMENT

The article discusses issues related to the improvement of the criminal law norm on responsibility for the introduction of deliberately false information of the land survey plan, technical plan, inspection report, land survey project or land plot or a map-plan of the territory (Art. 170² of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: criminal law, cadastral forgery, cadastral registration, cadastral activity.

Построение и функционирование развитой экономики нельзя представить без соответствующих запросам времени регулирования и эффективной охраны отношений, связанных с управлением земельными ресурсами и объектами недвижимости. Несмотря на те глобальные преобразования, которые можно проследить в развитии современного мирового хозяйства (глобализация, интернационализация производства, увеличение роли транснациональных компаний, рост международной миграции рабочей силы, цифровизация), недвижимость, как и во все времена, является не только значимым элементом жизнеобеспечения отдельного человека, но и важной составляющей деятельности хозяйствующих субъектов, что и определяет ее высокую социальную и экономическую ценность.

Продолжающаяся урбанизация и естественная ограниченность земельных ресурсов обуславливает повышенное внимание со стороны государства к разработке централизованных информационных систем, которые обеспечили бы не только надлежащий контроль в сфере оборота объектов недвижимости (прежде всего, в целях налогообложения), но и при необходимости позволили бы управлять таким имуществом. Кроме того, указанные системы играют важнейшую роль в обеспечении гарантий права собственности на такие объекты.

Достоверность сведений, содержащихся в государственном реестре недвижимости, стабилизирует оборот в данном сегменте экономики, позволяет добросовестным субъектам обезопасить себя от негативных последствий при вступлении в договорные отношения.

Специалисты отмечают, что «выявление и исправление недостоверной кадастровой информации является важнейшей научно-технической задачей, определяющей степень социальной напряженности в регионах Российской Федерации» [1, с. 3]. Здесь необходимо лишь дополнить, что борьба с умышленными действиями по искажению таких сведений является важнейшей правоохранительной задачей. Как известно, значительное количество нарушений имущественных прав в сфере объектов недвижимости сопровождается внесением в документы заведомо ложных сведений (например, увеличение площади земельного участка, изменение конфигурации, границ объекта недвижимости, подделка личной подписи правообладателя смежного земельного участка в акте согласования местоположения границ земельных участков, подготовка технического плана в отношении несуществующего объекта недвижимости и др.).

Имеющиеся дисциплинарные, административные и гражданско-правовые средства предупреждения противоправного поведения

лиц, осуществляющих кадастровую деятельность, не во всех случаях могут выступать должным (эффективным и достаточным) инструментом обеспечения кадастровых отношений. В связи с этим особое внимание следует обратить на норму, предусматривающую ответственность за внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170² УК РФ).

Появление в 2015 г. в отечественном уголовном законодательстве специальной нормы об ответственности кадастровых инженеров (ст. 170² УК РФ) было направлено на реализацию Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662р). В рамках данного программного документа развитие рынка земли и недвижимости было признано приоритетным в части формирования институциональной среды инновационного развития экономики в целом. Концепция не только закрепила необходимость упрощения процедур вовлечения объектов недвижимости в хозяйственный оборот, но и формирование эффективных государственных систем кадастрового учета и регистрации прав на недвижимость, переход к саморегулированию кадастровой деятельности.

В пояснительной записке к законопроекту необходимость закрепления ст. 170² УК РФ была аргументирована следующим: 1) действующим законодательством не установлена уголовная ответственность кадастровых инженеров за совершение соответствующих общественно опасных деяний; 2) при совершении мошеннических действий в отношении недвижимого имущества распространенным является умышленное внесение заведомо ложных сведений в документы, являющиеся результатом выполнения кадастровых работ; 3) предлагаемая криминализация позволит создать новый эффективный механизм оперативного реагирования и пресечения нарушения имущественных прав граждан и организаций.

Кроме того, авторы законопроекта совершенно справедливо обратили внимание на недостаточность имеющихся мер правового принуждения в отношении кадастрового инженера. Незначительные размеры штрафа, а также объективные проблемы применения дисквали-

фикации по причине истечения сроков давности привлечения к ответственности*.

Анализ конструкции уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 170² УК РФ, позволяет сделать вывод, что она обладает рядом юридико-технических дефектов, которые негативным образом сказываются на ее эффективности.

Значимым недостатком уголовно-правовой нормы об ответственности за фальсификацию документов кадастрового учета является требование об обязательном наступлении общественно опасных последствий в виде крупного ущерба, т. е. в сумме, превышающей 2 250 000 рублей.

Во-первых, установление столь высокого размера ущерба для основного состава, на наш взгляд, не в полной мере соответствует социально-экономическим условиям жизни российского общества. Довольно легко можно представить ситуацию, когда потерпевший в результате фальсификаций со стороны кадастрового инженера и совершенного с помощью этого мошенничества может лишиться значительного по размерам земельного участка, однако уголовное преследование по ст. 170² УК РФ будет невозможно.

Во-вторых, такое решение законодателя не позволяет учесть то обстоятельство, что злоупотребления со стороны кадастрового инженера могут причинить не столько имущественный, сколько организационный, а в отдельных случаях и экологический вред. В этих ситуациях, когда наступают общественно опасные, но неимущественные последствия применение исследуемой уголовно-правовой нормы также будет невозможным.

И наконец, в-третьих, модель построения диспозиции, реализованная в ст. 170² УК РФ, не выдерживает критики и с точки зрения системного анализа текста отечественного уголовного законодательства. Здесь следует обратиться хотя бы к наиболее близким по природе и содержанию составам злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ) и служебного подлога (ст. 292 УК РФ). Уголовно-правовая норма об ответственности нотариусов, несмотря на родовую принадлежность к преступлениям в сфере экономики, не содержит указания на причинение материального ущерба как на криминообразующий признак. В конструкции ст. 202 УК РФ использован, на наш взгляд, более правильный подход – насту-

* Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России) (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.02.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

пление уголовной ответственности связывается с причинением существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. В свою очередь, состав служебного подлога, как известно, вообще характеризуется формальной конструкцией и не предполагает наступления последствий.

Полагаем, что в этом отношении уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 170² УК РФ, требует доработки путем замены крупного ущерба как условия наступления ответственности по основному составу признаком причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Нельзя не отметить, что по делам о кадастровом подлоге установление причинно-следственной связи между искажением информации и возникновением общественно опасных последствий в виде материального ущерба затруднено в связи с тем, что собственно внесение в эти документы заведомо ложных сведений, подлог документов не могут непосредственно причинить такой ущерб, который наступает как результат утраты собственником прав на объекты недвижимости либо неполучения этих прав. Совершение кадастровым инженером подлога или фальсификации соответствующих документов само по себе еще не вызывает причинение крупного ущерба. Для этого должны присоединиться действия третьих лиц – действия государственного регистратора. С одной стороны, это создает неординарную ситуацию в характеристике состава преступления, когда его окончание определяется поведением других лиц. Вместе с тем хорошо известно, что причинная связь в уголовно-правовом смысле может быть как прямой, так и опосредованной. В связи с этим полагаем, что в этом отношении исследуемая норма не содержит непреодолимых противоречий.

Санкция – необходимая часть уголовно-правовой нормы, указывающая на государственно-принудительные меры, применяемые к лицу, признанному виновным в совершении преступления. Строгость санкции находится в прямой зависимости от действительной опасности преступного посягательства. Она обуславливается социальной ценностью интересов, а также тяжестью возможного или реально причиняемого деянием ущерба. В отечественной теории уголовного права одним из первых на правила построения санкций обратил внимание М.И. Ковалев, который указывал на следующие обязательные условия пенализации: «...санкция должна соответствовать реальной степени об-

щественной опасности преступления; санкции должны быть внутренне согласованны между собой; за деяния, совершенные по неосторожности, и за преступления, где последствия могут быть самыми разнообразными, необходимо предусмотреть возможность замены одних мер другими, т. е. альтернативные санкции» [4, с. 212–214].

Приведенные предварительные рассуждения о научных основах пенализации служат основой для обращения к другой проблеме совершенствования законодательства об ответственности за кадастровый подлог. Здесь прежде всего следует указать на необоснованно мягкую санкцию ст. 170² УК РФ. Сравнивая ее с близкими по смыслу нормами о злоупотреблении полномочиями (ст. 201 УК РФ) и злоупотреблении полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202 УК РФ), нельзя не признать, что законодатель проявил невиданное снисхождение при конструировании ее санкций. Ни в основном составе, где речь идет о причинении ущерба в размере свыше 2 250 000 рублей, ни в квалифицированном с ущербом свыше 9 000 000 рублей нет наказания в виде лишения свободы.

Недостатком уголовно-правовой нормы об ответственности за кадастровый подлог выступает отсутствие системного подхода [5, с. 57–60] к построению квалифицирующих признаков. Это проявляется прежде всего в отсутствии дифференциации ответственности в зависимости от группового способа совершения преступления и наступления общественно опасных последствий.

Анализ и обобщение конкретных практических ситуаций свидетельствуют о том, что не является сугубо умозрительной ситуация, когда к совершению кадастрового подлога оказываются вовлечены сразу несколько лиц. Распределяя роли в преступной деятельности, такие субъекты действуют высокоорганизованно и нередко на протяжении длительного периода времени. И.Т. Казанчев и В.Е. Дворцов в своей статье отмечают, что «преступные посягательства в сфере кадастровой деятельности в настоящее время характеризуются сложными криминальными многоуровневыми схемами, к совершению таких преступлений все чаще становятся причастны преступные группы» [2, с. 50].

Отсутствие в ст. 170² УК РФ дифференцированного подхода к определению ответственности в зависимости от формы соучастия [6, с. 4–13], на наш взгляд, является значимым упущением законодателя и требует своего решения путем выделения соответствующих квалифицированных видов.

Статья 170² УК РФ не позволяет дать уголовно-правовую оценку злоупотреблениям, совершенным кадастровым инженером при наступлении тяжких последствий. Это можно считать недостатком законодательной регламентации уголовной ответственности кадастровых инженеров.

Отдельные авторы дальнейшую судьбу ст. 170² УК РФ видят в модернизации ее диспозиции путем включения административной преюдиции. В обоснование предлагаемого решения указывается на то, что это будет способствовать экономии уголовной репрессии, позволит осуществить превенцию случаев повторного совершения исследуемого деяния в период административной наказанности, улучшит деловой климат, обеспечит надлежащий баланс интересов бизнес-сообщества и государства [3, с. 59].

Здесь, на наш взгляд, не все представляется столь однозначным. Прежде всего, весьма уязвим категоричный вывод об экономии уголовной репрессии. Непонятно, как криминализация повторно совершенного административного правонарушения позволит сэкономить на применении уголовного закона. Справедливости ради необходимо отметить, что в статье Е.Н. Карабановой и К.В. Цепелева не совсем четко просматривается подход – речь идет об административно-преюдициальном составе с сохранением крупного ущерба или без такового. В первом случае допускает-

ся, на наш взгляд, совершенно неприемлемая декриминализация – и без того общественно опасное поведение кадастровых инженеров возможно будет квалифицировать как преступление только при установлении признака повторности. Во втором варианте, к которому, судя по всему, и склоняются авторы, происходит объективное ужесточение уголовной репрессии – решение, редко приводящее к ее экономии. Административно-преюдициальная конструкция кадастрового подлога, полагаем, с высокой долей вероятности повлечет существенный рост таких преступлений.

Дальнейшее развитие системы государственных реестров юридически значимой информации, переход к цифровой экономике XXI в. предполагают повышенную ответственность научного сообщества, которое должно обеспечить надлежащий уровень осмысления актуальных проблем хозяйствующих субъектов и тенденций государственного управления. Предпринятая в настоящей статье попытка сформулировать модель модернизации уголовно-правовой нормы о кадастровом подлоге (ст. 170² УК РФ) не претендует на абсолютность и, конечно же, носит субъективный характер. Вместе с тем не вызывает сомнений, что на современном этапе эффективное обеспечение кадастровых отношений невозможно без внесения изменений в отечественное уголовное законодательство.

Литература

1. Дорош М.П. Разработка методики повышения достоверности кадастровой информации в Едином государственном реестре недвижимости: автореф. дис. ... канд. технических наук. Нск., 2018.
2. Казанчев И.Т. Криминогенные детерминанты преступности в сфере кадастровой деятельности // Российский следователь. 2017. № 15.
3. Карабанова Е.Н. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России // Российская юстиция. 2020. № 11.
4. Ковалев М.И. Советское уголовное право. Свердловск, 1974.
5. Ображиев К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 1.
6. Ображиев К.В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2017. № 4 (60).

Bibliography

1. Dorosh M.P. Development of methods for increasing the reliability of cadastral information in the Unified State Register of Real Estate: author. dis. ... Cand. technical sciences. Nsk., 2018.
2. Kazanchev I.T. Criminal determinants of crime in the field of cadastral activities // Russian investigator. 2017. № 15.
3. Karabanova E.N. To the question of the prospect of using administrative prejudice in the criminal law of Russia // Russian justice. 2020. № 11.
4. Kovalev M.I. Soviet criminal law. Sverdlovsk, 1974.
5. Obrazhiyev K.V. Sistemnyy podkhod v yurisprudentsii: teoretiko-metodologicheskiye osnovy // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. T. 2. № 1.
6. Obrazhiyev K.V. Problemy ustanovleniya formy souchastiya pri kvalifikatsii gruppovykh prestupleniy // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2017. № 4 (60).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.12
ББК 67.411

© 2021 г. Аношко Олеся Александровна,

старший следователь по особо важным делам Следственной части по расследованию организованной преступной деятельности Главного следственного управления при ГУ МВД России по Ставропольскому краю.
E-mail: legal_science21@rambler.ru

ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье проанализированы различные теоретические подходы к понятию и объему тайны предварительного расследования. Выявлены законодательные неточности относительно срока соблюдения следственной тайны. Определен круг участников уголовного процесса, обязанных соблюдать запрет разглашения данных предварительного расследования. Обозначены условия наступления уголовной ответственности за разглашение сведений досудебного производства.

Ключевые слова: досудебное производство, тайна предварительного расследования, разглашение данных досудебного производства, следственная тайна.

Anopko Olesya Aleksandrovna – Senior Investigator for particularly important cases, the Investigative Unit for the Investigation of Organized Criminal Activity, the Main Investigative Department under the Head Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Stavropol Territory.

LEGAL AND PROCEDURAL PROBLEMS OF RESPONSIBILITY FOR DISCLOSURE OF PRELIMINARY INVESTIGATION DATA

The article analyzes various theoretical approaches to the concept and scope of the secret of preliminary investigation. Legislative inaccuracies regarding the period of compliance with investigative secrecy were revealed. The circle of participants in the criminal process who are obliged to comply with the prohibition of disclosure of data from the preliminary investigation has been determined. The conditions of criminal responsibility for disclosure of information in pre-trial proceedings are outlined.

Keywords: pre-trial proceedings, secret of preliminary investigation, disclosure the pre-trial proceedings data, investigative secret.

Сохранение в тайне данных предварительного расследования гарантирует соблюдение прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных отношений, препятствует утрате доказательственной информации о преступлении, обеспечивает интересы правосудия. Отдельные авторы рассматривают информационную безопасность предварительного расследования через призму национальной безопасности России [1, с. 34]. Негативные последствия разглашения данных предварительного расследования могут выразиться в невозможности принять законное и обоснованное итоговое решение по уголовному делу, что не позволит достигнуть задач уголовного судопроизводства, а это в целом допустимо рассматривать как угрозу для безопасности страны.

Значимость института тайны предварительного расследования оправдывает отри-

цательные правовые последствия для лиц, нарушивших запрет о разглашении сведений, ставших им известными в связи с участием в производстве по уголовному делу. Здесь главным образом подразумевается уголовная ответственность за разглашение данных предварительного расследования субъектом, предупрежденным надлежащим образом о недопустимости придания огласке данных сведений, предусмотренная ст. 310 УК РФ.

Рассуждения об объеме тайны предварительного расследования в юридической литературе достаточно многообразны. С.Д. Игнатов ограничивает его предметом доказывания по уголовному делу [2, с. 257]. А.С. Горелик и Л.В. Лобанова данные предварительного расследования, не подлежащие разглашению, толкуют, полагая, что это всякая информация,

находящаяся в распоряжении дознания и следствия [3, с. 154].

А.Д. Бойков ограничивает тайну предварительного расследования доказательственной и тактической информацией, а также выдвинутыми и проверяемыми следственными версиями [4, с. 8].

Сведения о результатах оценки доказательств, а также данных ОРД, выдвинутых версиях и мерах безопасности, примененных в отношении участников уголовно-процессуальных отношений, образуют тайну предварительного расследования по умозаключению Ю.В. Францифорова [5, с. 8–10].

С точки зрения А.Е. Маслова, понятие тайны предварительного расследования включает в себя охраняемую уголовным и уголовно-процессуальным законом конфиденциальную информацию, разглашение которой недопустимо в целях устранения реальной или потенциальной опасности причинения ущерба интересам расследования по уголовному делу [6, с. 24–25]. Данное определение тесно перекликается с позицией Конституционного Суда РФ [7].

Отсутствие четкой законодательной регламентации относительно содержания сведений, составляющих тайну расследования, критически оценивает И.Л. Петрухин, предлагающий в уголовно-процессуальном законе предусмотреть детальный перечень обстоятельств, составляющий тайну следствия, что не позволит следователю или прокурору определять содержание следственной тайны по собственному усмотрению [8, с. 205]. А.Е. Маслов, в свою очередь, полагает, что такой перечень в УПК РФ будет нецелесообразен и тайность данных предварительного расследования должна определяться в каждом конкретном случае уполномоченными на то должностными лицами [9, с. 100].

Полагаем, что попытка формирования перечня данных, составляющих следственную тайну, и его законодательное закрепление, негативным образом скажется на правоприменительном процессе, т. к. повлечет лишнюю терминологическую загроуженность норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также ограничит следственное усмотрение при отобрании подписки о неразглашении данных предварительного расследования.

В то же время законодательное определение тайны предварительного следствия

необходимо. Это исключит различное толкование данного важного термина. За основу понятия целесообразно взять цитируемое ранее понимание тайны предварительного расследования, обозначенное в позиции Конституционного Суда РФ, хотя и оно не свободно от спорных аспектов.

Следует обратить внимание на несоответствие законодательной регламентации относительно момента, с которого может быть наложен запрет на распространение данных, составляющих следственную тайну. В текстах ст. 161 УПК РФ и ст. 310 УК РФ речь идет о разглашении данных *предварительного расследования*, которое, в своем классическом понимании, представляет собой самостоятельную стадию уголовно-процессуальной деятельности, следующую за возбуждением уголовного дела. Предварительное расследование является частью досудебного производства, не охватывающую деятельность по проверке информации о преступлении, которая образует самостоятельный блок предварительного производства [10, с. 54]. В то же время ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ предоставляет право властному субъекту, проводящему проверку сообщения о преступлении, предупреждать участников проверки о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. То есть буквальное толкование норм закона позволяет констатировать, что ответственность за разглашение данных предварительного расследования возможна еще до его начала.

Представляется разумным привести нормы УПК РФ и УК РФ к единству терминологического обозначения объема сведений, разглашение которых может повлечь уголовную ответственность по ст. 310 УК РФ, заменив «предварительное расследование» в текстах ст. 161 УПК РФ и ст. 310 УК РФ на «досудебное производство».

В прямой взаимосвязи с обозначенной проблемой является перечень лиц, которые могут стать субъектами уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. Согласно ч. 3 ст. 161 УПК РФ, следователь или дознаватель предупреждает о недопустимости разглашения данных предварительного расследования *участников уголовного судопроизводства*, исчерпывающий список которых приведен во втором разделе УПК РФ. Не все лица, привлеченные к проверке сообщения о преступлении, на этапе доследственного произ-

водства имеют статус участника уголовного судопроизводства. Проверка сообщения о преступлении производится посредством проведения следственных и процессуальных мероприятий, указанных в ст. 144 УПК РФ: получением объяснений, истребованием предметов и документов (в том числе из средств массовой информации), назначением и производством судебной экспертизы, отдельными видами осмотра, освидетельствования, производством документальных проверок, ревизий и др. В их производстве могут участвовать эксперты, специалисты, понятые, адвокаты, чьи статусы определены уголовно-процессуальным законодательством. Однако, помимо данных субъектов на этапе доследственной проверки привлекаются лица, у которых отбирается объяснение, заявители, в отношении которых проводится проверка о преступлении, сотрудники СМИ, представители налоговых органов территориальных органов страховщика и др., статус которых процессуально не обозначен. Предупреждение их об уголовной ответственности за разглашение данных, ставших им известными в связи с рассмотрением сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, вступает в противоречие с ч. 3 ст. 161 УПК РФ, устранить которое позволит замена дефиниций «участники уголовного судопроизводства» на «участников досудебного производства».

Уместно добавить, что законодатель предусматривает возможность отобрания подписки о неразглашении следственной тайны в отношении не всех участников уголовного судопроизводства [11]. Данное обстоятельство объясняет разность суждений относительно привлечения к ответственности по ст. 310 УК РФ иных, прямо не обозначенных законодательно, участников уголовно-процессуальной деятельности.

Отдельные ученые полагают, что обвиняемый (подозреваемый) не относится к участникам уголовного процесса, обязанным сохранять в тайне данные предварительного следствия [12, с. 131; 13, с. 44], т. к. такое бремя существенным образом нарушает их права на защиту [14]. Соглашаясь с данной точкой зрения, добавим, что лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка о наличии в его действиях состава преступления, также должен быть законодательно исключен из потенциальных субъектов ст. 310 УК РФ.

Не усматривается логика законодателя, прямо не предусматривающего необходимость сохранения в тайне данных предварительного расследования для педагога, психолога, статистов. Полагаем, данная законодательная небрежность должна быть устранена.

Определенную критику вызывает позиция, согласно которой к субъектам преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, могут относиться работники правоохранительных органов, выполняющие обязанности по делопроизводству, сотрудники архивов и канцелярий [15, с. 71], которым обстоятельства расследуемого уголовного дела становятся известными не в связи с участием в следственных или процессуальных действиях, а в силу выполнения служебных обязанностей. Представляется, что отобрание у перечисленных лиц подписки о неразглашении данных предварительного расследования юридически бессмысленно, т. к. участниками уголовного судопроизводства они не являются. Нераспространение служебной информации закрепляется должностными обязанностями для данных работников, поэтому ответственность за несоблюдение данного требования должна наступать в соответствии с трудовым законодательством и ведомственными нормативными актами.

Следующей проблемой, на которую целесообразно обратить внимание, является отсутствие в законе указания на момент окончания действия запрета о разглашении данных предварительного расследования. Е.В. Блинова справедливо считает, что сохранение следственной тайны должно соотноситься с процессом расследования и завершаться в рамках реализации требований ст. 217 УПК РФ [12, с. 153]. Считаем, что исключение из данного правила могут составлять сведения о частной жизни участников уголовного судопроизводства, разглашение которых может причинить вред охраняемым интересам конкретных лиц и после окончания досудебного производства по уголовному делу.

Способом совершения преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, является *разглашение* данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего

дознание. Разглашение представляет собой сообщение в любой форме третьим лицам сведений, составляющих тайну предварительного расследования. Неправомерная передача сведений, составляющих следственную тайну, может осуществляться как посторонним лицам, так и процессуальным участникам предварительного расследования, вне зависимости от наличия у них заинтересованности в получении данной информации.

Законодатель предусмотрел два случая распространения данных предварительного расследования, не образующих действия по разглашению: обращение в государственные и межгосударственные органы за защитой прав и свобод, а также предоставление сведений специалисту, при условии отобрания у него письменного обязательства о соблюдении тайны расследования. Очевидно, что во втором случае подразумевается привлечение специалиста не по инициативе следователя (дознателя). Традиционно, к услугам специалистов обращаются субъекты стороны защиты для проведения самостоятельных или параллельных исследований (с целью опровержения выводов экспертизы, назначенной следователем или дознавателем). Право представлять доказательства предусмотрено для подозреваемого (п. 4 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Защитник уполномочен не только представлять, но и собирать доказательства (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), в том числе привлекать специалиста (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Полученные результаты исследований специалистов указанные субъекты могут представлять не только в стадии предварительного расследования, но и в суде. Причем в последнем случае такая тактика защиты более правильная. Защитник не обязан уведомлять следователя о собранных в интересах представляемого лица сведениях. Однако, если у защитника отобрана подписка о неразглашении данных предварительного расследования, то обратиться к специалисту за консультацией либо же назначить исследование без уведомления лица, производящего расследование, он не вправе. Помимо этого, принятое защитником обязательство о соблюдении следственной тайны препятствует реализации им полномочий, указанных в ч. 3 ст. 6 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в частности опрашивать лиц, с их согласия, предположитель-

но владеющих информацией, относящейся к делу. Выполняя требования подписки о неразглашении, защитник лишается возможности надлежащим образом осуществлять свою адвокатскую деятельность. Применительно к сфере уголовно-процессуальных отношений в этом усматривается нарушение принципа состязательности и равноправия сторон. Фактически, защитник, имея намерение получить помощь специалиста, должен вначале поставить в известность об этом следователя (дознателя) для того, чтобы тот у специалиста отобрал подписку о неразглашении данных следствия, которые ему станут известны в связи с предстоящей консультацией или выполнением исследования. Аналогично защитник должен поступить при проведении опросов лиц, которые могут впоследствии стать свидетелями в судебном заседании. Юридически защитник должен обратиться к следователю (дознателю) с ходатайством об отобрании подписки у определенных лиц, чье участие в производстве по уголовному делу им запланировано. Лицо, производящее дознание, вправе данное ходатайство удовлетворить или нет. В случае отказа в удовлетворении заявленного ходатайства защитник в определенной степени лишается права на сбор доказательств в рамках досудебного производства. Кроме этого, следователю становятся известны планы стороны защиты, для реализации которых он может создать препятствия.

Наряду со сказанным следует обратить внимание на конструкцию состава ст. 310 УК РФ. Отсутствие в диспозиции указания на общественно-опасные последствия в числе признаков объективной стороны означает, что норма относится к преступлениям с формальным составом. В то же время Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что при решении вопроса об ответственности за разглашение данных предварительного расследования органам уголовного преследования надлежит «...учитывать не только сам факт разглашения..., но и существо разглашенных данных, их соотношение с интересами предварительного расследования и (или) правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства, которым причинен вред или которые находятся под угрозой причинения вреда...» [7]. В юридической литературе также высказываются соображения о том, что данные предварительного

расследования могут быть преданы гласности (т. е. действие не образует состав преступления, предусмотренный ст. 310 УК РФ), если это не повлекло нарушения прав и законных интересов участников процесса [16, с. 150]. Полагаем, данная позиция должна найти свое отражение в тексте действующей нормы, т. к. сам факт разглашения данных предварительного расследования,

который не повлек за собой никаких отрицательных последствий, утрачивает общественную опасность.

Сказанное позволяет сделать вывод о целесообразности устранения отмеченных нормативных недостатков, касающихся процессуальных и правовых аспектов ответственности при несоблюдении требования о неразглашении данных предварительного расследования.

Литература

1. Ефремова М.А. К вопросу об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22).

2. Игнатов С.Д. Следственная тайна и ее пределы // Правовая реформа и проблемы ее реализации. Краснодар, 1989.

3. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб., 2005.

4. Бойков А.Д. Предмет и пределы гласности уголовного судопроизводства // Охрана прав граждан в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов. М., 1989.

5. Францифоров Ю.В. Сочетание гласности и тайности при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства // Адвокатская практика. М., 2007. № 4.

6. Маслов А.Е. Тайна предварительного расследования в нормах УПК РФ // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 53, ст. 161 УПК РФ и ст. 310 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Петрухин И.Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998.

9. Маслов А.Е. Следственная тайна как средство преодоления противодействия расследованию: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001.

10. Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. Омск, 2006.

11. УПК РФ предусматривает возможность отобрания подписки о неразглашении данных предварительного расследования у потер-

Bibliography

1. Efremova M. A. On the issue of criminal liability for disclosure of preliminary investigation data // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4 (22).

2. Ignatov S. D. Investigative mystery and its limits // Pravovaya reforma i problemy ee realizatsii. Krasnodar, 1989.

3. Gorelik A.S., Lobanova L.V. Crimes against justice. SPb., 2005.

4. Boikov A.D. The subject and limits of the publicity of criminal proceedings // Protection of citizens' rights in criminal proceedings. Collection of scientific papers. M., 1989.

5. Franciforov Yu.V. The combination of glasnost and secrecy in the production of preliminary investigation and trial // Lawyer practice. M., 2007. № 4.

6. Maslov A.E. The secret of the preliminary investigation in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. 2019. № 2.

7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 2444-O of October 6, 2015 «On the complaint of the citizen Dvoryak Vladimir Genadyevich on the violation of his constitutional rights by the provisions of paragraph 3 of Part two of Article 38, P. 3 of Art. 53, Art. 161 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Art. 310 of the Criminal Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

8. Petrukhin I.L. Personal secrets (man and power). M., 1998.

9. Maslov A.E. Investigative mystery as a means of preventing counteraction to the investigation: dis. ... PhD in Law. Voronezh, 2001.

10. Azarov V.A., Revenko N.I., Kuzembaeva M.M. The function of preliminary investigation in the history, theory and practice of the criminal process of Russia: monograph. Omsk, 2006.

11. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation provides for the possibility of taking away a subscription on non-disclosure of preliminary investigation data from the victim (paragraph 3, P. 5,

певшего (п. 3 ч. 5 ст. 42 УПК РФ), гражданского истца (ч. 6 ст. 44 УПК РФ), защитника (ч. 3 ст. 53 УПК РФ), гражданского ответчика (п. 2 ч. 3 ст. 54 УПК РФ), свидетеля (п. 3 ч. 6 ст. 56 УПК РФ), лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 2 ч. 5 ст. 56.1 УПК РФ), эксперта (п. 5 ч. 4 ст. 57 УПК РФ), специалиста (ч. 4 ст. 58 УПК РФ), переводчика (п. 2 ч. 4 ст. 59 УПК РФ), понятого (ч. 4 ст. 60 УПК РФ).

12. Блинова Е.В. Обеспечение неразглашения данных досудебного производства в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

13. Белкин А.Р. Запрет на разглашение данных предварительного расследования: проблемы понимания // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России). М., 2010. Ч. 1.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 218-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Черемных Евгения Кузьмича на нарушение его конституционных прав ст. 310 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Метельский П.С. Уголовная ответственность за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ) // Вестник НГУ. 2008. Т. 4. В. 1.

16. Власова Н.А. Обеспечение тайны предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3.

Art. 42 of the Code of Criminal Procedure), a civil plaintiff (P. 6, Art. 44 of the Code of Criminal Procedure), a defense lawyer (P. 3, Art. 53 of the Code of Criminal Procedure), a civil defendant (paragraph 2, P. 3, Art. 54 of the Code of Criminal Procedure), a witness (paragraph 3, P. 6, Art. 56 of the Code of Criminal Procedure), a person against whom a criminal case has been separated into separate proceedings in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him (paragraph 2, P. 5, Art. 56.1 of the Code of Criminal Procedure), an expert (paragraph 5 P. 4 of Art. 57 of the Code of Criminal Procedure), a specialist (P. 4 of Art. 58 of the Code of Criminal Procedure), a translator (P. 2 of P. 4 of Art. 59), a translator (P. 4 of Art. 60 of the Code of Criminal Procedure).

12. Blinova E.V. Ensuring non-disclosure of data of pre-trial proceedings in the criminal process. Dis. PhD in Law. M., 2020.

13. Belkin A.R. Prohibition on disclosure of preliminary investigation data: problems of understanding // Problems of the current state and ways of development of the preliminary investigation bodies. M., 2010.

14. This position is supported by the Constitutional Court of the Russian Federation. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 24, 2005 № 218-О «On refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Cheremnykh Evgeny Kuzmich on violation of his constitutional rights by Art. 310 of the Criminal Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

15. Metelsky P.S. Criminal liability for disclosure of the data of the preliminary investigation (Art. 310 of the Criminal Code of the Russian Federation). Vestnik NGU. 2008. Vol. 4. Is. 1.

16. Vlasova N.A. Ensuring the secrecy of the preliminary investigation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3.

© 2021 г. Бутенко Татьяна Александровна,

преподаватель кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД РФ кандидат философских наук.
E-mail: t.a.butenko@yandex.ru

ВРЕМЕННОЕ ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ДОЛЖНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ВОЗМОЖНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

В статье проведен анализ отдельных аспектов практики применения в уголовном судопроизводстве временного отстранения от должности. Рассмотрены субъекты, уполномоченные инициировать перед судом избрание рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения. Приведены альтернативные варианты отстранения от исполнения трудовых обязанностей, регламентируемые иными отраслями права, в том числе трудовым законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами.

Ключевые слова: мера уголовно-процессуального принуждения, временное отстранение от должности, полномочия следователя, мера пресечения, обвиняемый, подозреваемый, государственный обвинитель.

Butenko Tatyana Aleksandrovna – Lecturer, the Department of the Criminal Process, the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Philosophy.

TEMPORARY SUSPENSION FROM OFFICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND POSSIBLE ALTERNATIVES TO ITS APPLICATION

The article analyzes certain aspects of the practice of application of temporary suspension from office in criminal proceedings. Subjects authorized to initiate the election of the considered measure of criminal-procedural coercion before the courts are considered. Alternative variants of suspension, regulated by other branches of law, including labor legislation and departmental normative-legal acts are given.

Keywords: measure of criminal procedural coercion, temporary suspension from office, powers of the investigator, preventive measure, accused, suspect, state prosecutor.

Несмотря на принимаемые на общегосударственном уровне меры по профилактике и противодействию коррупции, последние три года общий массив преступлений данной направленности неуклонно растет.

Как показывает практика, указанные категории преступлений чаще всего совершаются должностными лицами, использующими свое служебное положение как средство незаконного обогащения.

Понимая, что оставаясь «при власти», должностное лицо имеет возможность продолжить заниматься преступной деятельностью или затруднить собирание и закрепление доказательств, полностью или частично уничтожить вещественные доказательства, иные документы, оказать давление на находящихся в подчинении сотрудников, являющихся свидетелями совершенного преступления, в том числе с целью склонить их дать показания в свою пользу [13, с. 24], законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [2] предусмотрел иную меру уголовно-процессуального принужде-

ния в виде временного отстранения от должности.

Согласно статистическим данным, опубликованным Судебным департаментом Верховного суда РФ, за два первых квартала 2020 г. судами общей юрисдикции на территории Российской Федерации было удовлетворено всего 1 072 ходатайства (из 1 139 поступивших), возбужденных следователями и дознавателями с целью избрания судом иной меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений различной степени тяжести.

Если обратимся к статистике применения наиболее строгих мер пресечения, то увидим, что за рассматриваемый период судами было удовлетворено 42 592 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и 3 349 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста [8].

Таким образом, проведенный анализ правоприменительной практики наглядно показал, что указанная мера процессуального

принуждения должного распространения не нашла.

Рассмотрим субъектов, уполномоченных на временное отстранение от должности.

Статья 111 УПК РФ содержит перечень должностных лиц, являющихся субъектами выбора и последующего применения мер уголовно-процессуального принуждения. Такими полномочиями законодатель наделил дознавателя, следователя и суд. При этом ряд мер пресечения и принуждения, в том числе временное отстранение от должности, как нарушающее конституционное право на труд, может быть избрано исключительно по судебному решению.

Положения ст. 114 УПК РФ регламентируют возможность возбуждения ходатайства перед судом о рассмотрении вопроса об избрании меры процессуального характера в виде временного отстранения от должности только лицами, ведущими предварительного расследования, а именно следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора.

Ни ст. 114, ни иные статьи УПК РФ не предусматривают полномочия прокурора или государственного обвинителя заявлять ходатайства перед судом о временном отстранении от должности ни на досудебной, ни на судебных стадиях рассмотрения уголовного дела. Как суд не имеет возможности по собственной инициативе избрать рассматриваемую меру принуждения.

Однако анализ судебной практики показывает возможность иной трактовки указанных норм закона.

Предметом обжалования в апелляционной инстанции Ставропольского краевого суда стало удовлетворение Предгорным районным судом ходатайства государственного обвинителя, заявленного в ходе предварительного слушания в судебном заседании, о временном отстранении от должности главы муниципального образования одного из МО одной из администраций края, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 286 УК РФ [3].

Несмотря на указание в апелляционной жалобе об отсутствии, согласно положениям ст. 111 УПК РФ, у прокурора полномочий заявлять указанное ходатайство, а также, что государственным обвинителем не были представлены конкретные доказательства, подтверждающие необходимость применения

меры принуждения в виде временного отстранения от должности, в удовлетворении жалобы в части отмены постановления суда первой инстанции и признания незаконным ходатайства государственного обвинителя отказано.

Суд субъекта Федерации, по результатам рассмотрения апелляционной жалобы, не усмотрел в процедуре рассмотрения ходатайства государственного обвинителя о временном отстранении от должности обвиняемой, вопреки доводам В.С.С., противоречий требованиям уголовно-процессуального закона, в том числе положениям ст. 114 УПК РФ.

В апелляционном постановлении указано, что суд пришел к выводам, что ходатайство государственного обвинителя о временном отстранении, заявленное в суде, отвечает требованиям, предусмотренным ст. 114 УПК РФ, а также, что предположение о том, что, продолжая исполнять свои трудовые обязанности, обладая печатью и имея доступ ко всей документации возглавляемой ею администрации, обвиняемая будет иметь возможность воздействовать на рассмотрение уголовного дела, в том числе путем изготовления поддельных документов, опровергающих предъявленное ей обвинение, является обоснованным и достаточным для отстранения В.С.С. от занимаемой должности [9].

Считаем правовую позицию суда при вынесении решения как в первой, так и апелляционной инстанции дискуссионной.

Во-первых, из смысла положений ст. 114 УПК РФ следует, что она может применяться только на стадии предварительного расследования и исключительно по инициативе следователя или дознавателя.

Во-вторых, исходя из того, что суду не предоставлены полномочия при отсутствии ходатайств органа предварительного расследования, самостоятельно принять решение о временном отстранении от должности подсудимого, предполагается, что должностное лицо по окончании предварительного расследования на судебной стадии уже не может воспрепятствовать рассмотрению и постановлению приговора.

И, наконец, в-третьих, правом отмены временного отстранения от должности подозреваемых и обвиняемых, согласно ч. 4 ст. 114 УПК РФ, наделены исключительно следователь и дознаватель, которые при избрании

меры пресечения на судебной стадий уже не могут воспользоваться указанными полномочиями.

Нельзя не согласиться с мотивом заявленного государственным обвинителем ходатайства об избрании меры уголовно-правового характера в виде временного отстранения от должности в рассмотренном нами примере. Однако указанные меры ограничительного характера, на наш взгляд, должны быть реализованы на стадии предварительного расследования в период сбора доказательств вины обвиняемой в инкриминируемом ей преступлении.

Неоднозначность ситуации заключается еще и в том, что суд, будучи не наделенным полномочиями отмены временного отстранения от должности, в сложившейся ситуации при вынесении приговора в любом случае будет вынужден принять решение об отмене действия меры процессуального принуждения.

Изученная судебная практика показала, что при рассмотрении и последующем удовлетворении ходатайств должностных лиц следствия и дознания о временном отстранении от должности судом, исходя из ее применения исключительно на досудебной стадии производства, в качестве временных рамок указывается избрание на «период предварительного расследования».

Согласно апелляционному постановлению Ставропольского краевого суда от 22.01.2019, ходатайство старшего следователя одного из отделов края о временном отстранении от должности обвиняемого М.П.С. удовлетворено.

Обвиняемый М.П.С. временно отстранен от исполнения обязанностей по должности нотариуса «на период производства предварительного расследования по уголовному делу» [10].

Как видим, в своем постановлении суд апелляционной инстанции прямо указал, что принятое решение о временном отстранении от должности заканчивает свое действие одновременно с окончанием предварительного расследования уголовного дела.

Вместе с тем, изучение судебно-следственной практики позволило сделать вывод о том, что не всегда суд определяет временные рамки действия избранной меры процессуального принуждения. Встречаются решения судов со сроком, на который подозреваемый/обвиняемый отстранен от должности и который в постановлении не прописан, видимо предпола-

гается, что следователь/дознаватель при возникновении оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 114 УПК РФ, примет решение в рамках имеющихся у него полномочий по отмене.

Так, в апелляционном постановлении Ставропольского краевого суда № 22К-201/2019 от 14.02.2018, по результатам рассмотрения апелляционного представления прокурора отдела управления Генпрокуратуры РФ в СКФО П.И.В., было принято решение о его удовлетворении.

При этом судом второй инстанции было отменено постановление Ессентукского городского суда об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о временном отстранении от должности и без направления материалов на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Ставропольским краевым судом подозреваемая была отстранена от должности исполняющей обязанности начальника отдела обеспечения процедур банкротства Управления ФНС России [11].

В рассматриваемом постановлении судом никаким образом не обозначены временные рамки действия вынесенного решения, в связи с чем контроль за своевременной отменой, до направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу, должен быть осуществлен следователем, в производстве которого находится уголовное дело.

Анализ статей УПК РФ в части регламентации временного отстранения от должности показал, что указанные нормы закона в равной степени могут быть применены как к подозреваемому, так и обвиняемому независимо от тяжести совершенного преступления, за исключением случаев применения их к высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, имеющим «особый статус», когда обязательным обстоятельством предусмотрено предъявление обвинения в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления.

Однако при первоначальной редакции положения п. 1 ст. 114 УПК РФ предусматривалось применение временного отстранения от должности исключительно к обвиняемому, что было исправлено изменениями, внесенными Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ [5], в результате которых указанная мера процессуального принуждения может избираться и подозреваемому.

Очевидно, что подозреваемому/обвиняемому, продолжающему свою трудовую деятельность, имеющему прямой доступ к служебной

документации, финансам, информации, хранящейся на цифровых носителях, ничего не воспрепятствует внести изменения, дополнения или вообще уничтожить то, что может быть использовано для доказывания его преступной деятельности.

Контактируя в процессе выполнения служебных обязанностей с коллегами, зачастую находящимися в подчинении, подследственный может повлиять на их свидетельские показания или затруднить их участие в следственных действиях, например, направив в длительную командировку.

Изучение судебной практики показало, что такая мера процессуального принуждения применялась в отношении различных должностных лиц, таких как педагоги, представители администрации различных уровней, медицинских работников, сотрудников правоохранительных органов, органов местного самоуправления, руководителей коммерческих организаций и т. д.

Проведем в данном контексте анализ возможности отстранения от исполнения служебных обязанностей сотрудников органов внутренних дел РФ.

Правоотношения, связанные с прохождением, приостановлением и прекращением службы в ОВД, регламентируются Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6].

Положения ст. 73 рассматриваемого закона регламентируют возможность двух вариантов отстранения сотрудника, приобретшего статус подозреваемого или обвиняемого, зависящих непосредственно от избранной в ходе предварительного расследования меры пресечения. Так, часть первая предусматривает обязательное требование к отстранению от выполнения служебных обязанностей любого сотрудника независимо от категории совершенного им преступления при условии избрания в отношении него судом одной из двух мер пресечения, таких как домашний арест или заключение под стражу.

Исходя из того, что ограничения, предусмотренные данными мерами пресечения, исключают возможность должностного лица исполнять свои служебные обязанности, такое отстранение абсолютно логично и оправдано. Временные границы отстранения от должности законодательно ставятся в зависимость от сроков применения избранных мер пресечения.

Отметим, что отстранение в данном случае происходит в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами, а не в рамках уголовно-процессуальной деятельности, т. к. следователь, выбрав в качестве мер пресечения домашний арест или заключение под стражу, исключил фактическое нахождение должностного лица на рабочем месте и, как следствие, возможность оказания какого-либо противодействия с использованием служебного положения или непосредственного доступа к месту работы.

Вторая часть рассматриваемой статьи Закона о службе в ОВД предусматривает не обязанность, а право руководителя принять решение о временном отстранении от выполнения служебных обязанностей. Предусмотрено несколько различных оснований в связи с осуществлением уголовного преследования сотрудника полиции. В данном случае законодатель не связывает это решение с видом избранных мер уголовно-процессуального принуждения, исключая только указанные в первой части рассматриваемой статьи меры пресечения.

В данном случае временные рамки поставлены в зависимость от окончания уголовного преследования путем прекращения всего уголовного дела или только уголовного преследования сотрудника по реабилитирующим основаниям.

Получается, что в разрешении рассматриваемого вопроса возможна альтернатива применения ведомственных нормативных правовых актов нормам уголовно-процессуального права. При этом имеется одно существенное различие – это срок действия.

При отстранении путем избрания меры принуждения суд ограничен сроком предварительного расследования, тогда как при применении ограничения в порядке ведомственного реагирования срок распространяется и на судебные стадии.

Кроме того, согласно ч. 6 ст. 73 Закона о службе в ОВД, сотрудник, временно отстраненный от выполнения служебных обязанностей по решению уполномоченных должностных лиц, может исполнять обязанности по иной должности или выполнять отдельные поручения.

Другая более важная категория, но реже привлекаемая к уголовной ответственности – это судьи, которые также не выведены в отдельную категорию, и при приобретении статуса подозреваемого, обвиняемого к ним может быть в соответствии с нормами УПК РФ применена

мера процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности.

Федеральный закон от 26.06.1992 № 3132-1-ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» [7] предусматривает несменяемость судей, а также, что их полномочия могут быть прекращены или приостановлены, в том числе в случае возбуждения в отношении судьи уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого. Временное отстранение от должности указанным нормативным правовым актом также не предусмотрено.

По общему правилу мы не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ, но согласимся с мнением, высказанным В.Н. Гапоновой [14, с. 75], что приоритетными в данном случае должны являться положения ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации», особенно, учитывая, что положения ст. 12 указанного закона продублированы в ст. 15 Федерального закона «О судебной системе Российской Федерации», а этот закон занимает более высокое место в иерархии нормативных актов [1].

Как можно увидеть, в общем порядке применить процессуальные нормы, регламентирующие отстранение от должности, не получится, поэтому считаем, что «особый порядок» применения института временного отстранения от должности, кроме рассмотренных нами судей, должен распространяться на достаточно обширный круг должностных лиц, таких как депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, прокуроры, адвокаты, нотариусы.

Как показала практика, отстранение педагогических работников также чаще происходит в соответствии с трудовым законодательством, а не уголовно-процессуальным, но по инициативе органов предварительного расследования.

Остановимся на этом поподробнее.

18.09.2019 Котласским городским судом Архангельской области рассмотрен гражданский иск Г.Н.А. к МОУ СОШ № 7 о признании незаконным приказа об отстранении от работы.

Свою позицию истец обосновала тем, что изначально дознаватель с согласия прокурора обратился в суд с ходатайством о временном отстранении ее от должности в соответствии с ч. 1 ст. 114 УПК РФ, однако до начала заседания суда ходатайство было отозвано дознавателем. Истец предположила, что причиной для отзыва послужило отсутствие оснований для применения такой

меры процессуального принуждения, как временное отстранение от должности, в связи с чем и работодатель незаконно отстранил ее от должности.

Ответчик, не согласившись с исковыми требованиями, сослался на положения ст. 331.1 ТК РФ и наличие уведомления дознавателя о возбуждении уголовного дела в отношении Г.Н.А. по ст. 156 УК РФ [12].

Согласно ст. 331 и 331.1 Трудового кодекса РФ, не допускаются к педагогической деятельности и в обязательном порядке отстраняются от такой деятельности педагоги при получении работодателем от правоохранительных органов сведений о том, что данный работник подвергается уголовному преследованию за ряд категорий преступлений, в том числе против семьи и несовершеннолетних [4].

Как видим, для отстранения работодателя достаточно получить официальное подтверждение об уголовном преследовании, при этом законодательно не прописано, каким именно документом должно быть оформлено направление подобных сведений.

В рассматриваемом примере в отношении истца Г.Н.А. осуществлялось уголовное преследование по ст. 156 УК РФ, входящей в гл. 20 УК РФ «О преступлениях против семьи и несовершеннолетних».

По результатам рассмотрения иска, суд не усмотрел нарушений в действиях администрации МОУ СОШ № 7, посчитав довод истца об исключительности действия положений п. 10 ч. 2 ст. 29 УПК РФ о правомочности только суда принимать решение об отстранении подозреваемого/обвиняемого от должности в соответствии со ст. 114 УПК РФ, не основанный на законе.

На основании изложенного в заявленном Г.Н.А. иске было отказано.

Таким образом, при принятии решения о временном отстранении от должности ряда должностных лиц, таких как педагогические работники, сотрудники правоохранительных органов и ряда других, целесообразнее внести представление работодателю и принять меры в рамках трудового либо ведомственного законодательства, т. к. это обеспечивает отстранение на весь период разбирательства по делу до вступления приговора в законную силу. Тогда как аналогичная мера процессуального принуждения в обязательном порядке должна быть отменена перед направлением уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

Литература

1. Федеральный закон от 31.12.1996 № 1-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07.2003 № 92-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ // URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Федеральный закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 // URL: <http://www.consultant.ru>.
8. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
9. Апелляционное постановление № 22К-883/2018 от 15.02.2018 по делу № 22К-883/2019 // URL: <https://sudact.ru/>.
10. Апелляционное постановление № 22-7978/2018, 22К-445/2019, 22К-7978/2018 от 22.01.2019 г. по делу № 22-7978/2018 // URL: <https://sudact.ru/>.
11. Апелляционное постановление № 22К-201/2019, 22К-7617/2018 от 14.01.2019 по делу № 22К-201/2019 // URL: <https://sudact.ru/>.
12. Решение № 2-2140/2019, 2-2140/2019-М-2082/2019 от 18.09.2019 по делу № 2-2140/2019 // URL: <https://sudact.ru/>.
13. Бутенко Т.А., Чомаев Д.А. Отдельные процессуальные аспекты применения института временного отстранения от должности // В сборнике: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Актуальные проблемы предварительного расследования. СПб., 2020.
14. Гапонова В.Н. Применение временно-го отстранения от должности в уголовном судопроизводстве: теоретический и организационно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016.

Bibliography

1. Federal Law of 31.12.1996 № 1-FL (ed. from 30.10.2018) «On the judicial system of the Russian Federation» // URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FL // URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL // URL: <http://www.consultant.ru>.
4. Labor Code of the Russian Federation from 30.12.2001 № 197-FL // URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Federal Law «On Amendments and Additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» from 04.07.2003 № 92-FL // URL: <http://www.consultant.ru>.
6. Federal Law «On service in internal affairs bodies of Russian Federation and on making changes to certain legislative acts of Russian Federation» from 30.11.2011 № 342-FL // URL: <http://www.consultant.ru>.
7. Federal Law of Russian Federation «On status of judges in Russian Federation» from 26.06.1992 № 3132-1-FL // URL: <http://www.consultant.ru>.
8. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
9. Appeal ruling № 22К-883/2018 from 15.02.2018 on case № 22К-883/2019 // URL: <https://sudact.ru/>.
10. Appeal Ruling № 22-7978/2018 22К-445/2019, 22К-7978/2018 dated January 22, 2019 in case № 22-7978/2018 // URL: <https://sudact.ru/>.
11. Appeal Ruling № 22К-201/2019, 22К-7617/2018 dated January 14, 2019 in case № 22К-201/2019 // URL: <https://sudact.ru/>.
12. Decision № 2-2140/2019, 2-2140/2019-М-2082/2019 from September 18, 2019 On case № 2-2140/2019 // URL: <https://sudact.ru/>.
13. Butenko T.A., Chomaev D.A. Certain procedural aspects of the application of the institute of temporary removal from office // In the collection: Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Actual problems of the preliminary investigation. SPb., 2020.
14. Gaponova V.N. Application of suspension in criminal proceedings: theoretical and organizational and legal aspects: dis. ... PhD in law. Irkutsk, 2016.

© 2021 г. Фисаков Максим Юрьевич,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института
МВД России.

E-mail: fisakov_m@mail.ru

К ВОПРОСУ О СРОКЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье на основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики исследуются проблемы правовой регламентации сроков предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. Обосновывается необходимость законодательного закрепления возможности производства следственных действий с использованием видеоконференцсвязи: внесение изменений в уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие сроки предварительного расследования; закрепление порядка проведения совещаний, посвященных продлению сроков предварительного следствия, с использованием видеоконференцсвязи.

Ключевые слова: следователь, следственные органы, законодательство, срок предварительного следствия, продление срока, расследование.

Fisakov Maxim Yurievich – Senior Lecturer, the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ABOUT THE ISSUE OF THE TERM OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article researches the problems of legal regulation of the terms of preliminary investigation in criminal proceedings based on the analysis of the current criminal procedure legislation and law enforcement practice. The article justifies the need for legislative consolidation of the possibility of conducting investigative actions using videoconferencing: making changes of the criminal procedure norms regulating the terms of the preliminary investigation; holding meetings dedicated to extending the terms of the preliminary investigation using videoconferencing.

Keywords: investigator, investigative bodies, legislation, the term of preliminary investigation, extension of the term, the investigation.

В настоящее время при складывающихся условиях развития государства, современного экономического и политического состояния общества, усложненной эпидемиологической обстановкой, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19, все более остро стоит вопрос о порядке соблюдения и продлении сроков предварительного следствия. Эти вопросы давно являются темой для обсуждения, как в научных кругах, так и в среде практических работников.

Срок предварительного следствия регламентирован ст. 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], в соответствии с которой предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий 2-х месяцев со дня его возбуждения, определены основания и порядок дальнейшего продления сроков. Таким образом, законодатель закрепил четкие рамки, в течение которых должно быть окончено предварительное следствие. Однако практика показывает,

что расследование уголовного дела свыше 2-х месяцев является отрицательным показателем служебной деятельности, отражающимся в статистических данных [2], независимо от причин. Н.П. Ефремова указывает на то, что закрепленная законодателем норма о двухмесячном сроке предварительного следствия создала один из показателей деятельности следователя, превышение которого приравнено к нарушению закона [5].

Соблюдение сроков предварительного следствия важно, поскольку продолжительность расследования влияет на принцип разумности уголовного судопроизводства, отраженного в ст. 6.1 УПК РФ. Так, чем дольше расследование уголовного дела, тем больше у участников уголовного судопроизводства оснований для реализации права на получение компенсации со стороны государства за причиненный ущерб. В качестве примера можно привести решение Верховного суда Российской Федерации от 10.02.2020 по делу № АКПИ19–987, в соответствии с которым

А.В. Абрамову присуждена компенсация за нарушение разумного срока уголовного судопроизводства в размере 60 000 рублей. Из судебного решения следует, что срок предварительного следствия по уголовному делу, возбужденному в январе 2015 г. и оконченому 17.08.2015, составил около 7 месяцев. При этом уже 5 и 6 февраля 2015 г. обвиняемый и его защитник были уведомлены об окончании следственных действий, а с 11 февраля по 31 июля 2015 г. проводилось их ознакомление с материалами уголовного дела [3]. Длительное расследование уголовного дела приводит к неоправданным затратам со стороны государства, которые в ряде случаев превышают сумму причиненного преступным посягательством ущерба. Данные факты свидетельствуют о необходимости пересмотра в определенных случаях сроков расследования.

В целях недопущения и предотвращения затягивания расследования возникает необходимость в совершенствовании ряда положений УПК РФ, закрепленных в ст. 162 и 208 УПК РФ.

Анализ следственной практики позволяет говорить о том, что наибольшее количество преступлений совершается в условиях неочевидности, т. е. в тех случаях, когда лица, их совершившие, не установлены. Так, на территории Российской Федерации за 6 месяцев 2020 г. предварительное расследование осуществлено по 533 799 делам, из которых 399 027 остались нераскрытыми [8]. В таких случаях при наличии повода и основания к возбуждению уголовного дела следователем выносятся соответствующее постановление, после чего он приступает к его расследованию. Зачастую все необходимые следственные и процессуальные действия выполняются в кратчайшие сроки после возбуждения уголовного дела. В последующем расследование заключается лишь в том, чтобы приобщить заключения по назначенным экспертизам, ознакомить с ними потерпевшего или дать поручение органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий. По истечении 2-месячного срока следователем принимается решение о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. После этого, в соответствии с ч. 2 ст. 209 УПК РФ, следователь принимает меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, как правило, данная деятельность заключается в направлении поручения в орган дознания для производства розыскных действий. Полагаем, что если по уго-

ловному делу все необходимые следственные действия выполнены в течение месяца после его возбуждения и расследование заключается лишь в направлении поручения в орган дознания, то такое расследование в части длительности срока (2 месяца) не целесообразно. В таких ситуациях решение о приостановлении предварительного следствия должно приниматься по усмотрению следователя, но в срок, не превышающий одного месяца с момента возбуждения уголовного дела. Таким образом, органом, осуществляющим предварительное следствие, не будет напрасно использован срок предварительного следствия, а в дальнейшем, когда лицо, совершившее преступление, будет установлено, это положительно отразится на общем сроке расследования.

Вопрос о сроке предварительного следствия, порядке его исчисления и необходимости продления при расследовании уголовного дела давно обсуждается в научных кругах. Так, в своей работе Н.П. Ефремова предлагает не исчислять сроки предварительного следствия в случае, если лицо, совершившее преступление, не установлено [5], что также невозможно оставить без внимания. Однако предложенный нами вариант является более оптимальным, способствующим соблюдению закона и гарантий прав участников уголовного судопроизводства на стадии досудебного производства.

В следственной практике имеют место случаи, когда сведения о лице, совершившем преступление, становятся известны в период, близкий к окончанию 2-месячного срока расследования. Следователь при этом вынужден обратиться с ходатайством к руководителю следственного органа о необходимости продления срока до 3 месяцев. А в случае задержания подозреваемого и избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу, следователю необходимо заявить ходатайство о продлении срока предварительного следствия на необходимое количество суток или месяцев, достаточных для окончания и направления уголовного дела прокурору за 24 суток до окончания срока содержания обвиняемого под стражей. Указанный срок, установленный законодателем, предназначен для того, чтобы не допустить нарушения сроков, отведенных прокурору и суду на изучение уголовного дела. Таким образом, следователь дважды заявляет ходатайство о продлении срока предварительного следствия к руководителям различного уровня, что, безусловно, влияет на время реальной работы следователя по уголовному делу. Необходимость составления указанных

документов лишь увеличивают объем самого уголовного дела, но при этом они не оказывают значительного влияния на процесс и результаты доказывания, установление обстоятельств совершенного преступления*.

Рассматривая вопрос о реально затраченном времени следователем по уголовному делу в данном контексте, хотелось бы обратить внимание на процедуру продления сроков предварительного следствия. Так, согласно ст. 162 УПК РФ, срок предварительного следствия может быть продлен до 3 месяцев руководителем соответствующего следственного органа. До 12 месяцев – руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации, а свыше 12 месяцев – Председателем Следственного комитета Российской Федерации, руководителем следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и их заместителями. По мнению Г.Б. Петровой и М.А. Лавнова, «продление срока следствия – это решение компетентного субъекта об установлении определенного казуального срока (в максимально допустимых законом пределах), принимаемое при наличии достаточных оснований в случаях, когда обязанность следователя завершить расследование в силу препятствующих этому объективных причин не может быть выполнена» [6].

В настоящее время следователю Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), чтобы продлить срок расследования в соответствии с указаниями руководителей Главных следственных управлений МВД России, следственных управлений МВД России, помимо соответствующего ходатайства, необходимо подготовить документы, подтверждающие обоснованность продления срока расследования и отсутствие фактов ненадлежащего расследования. При этом составляемые следователями документы, как и сама процедура продления, в различных регионах может отличаться в зависимости от требований, предъявляемых руководителем следственного органа субъекта Российской Федерации. Следователю с указанными документами необходимо прибыть к соответствующему руководителю для согласования. На данные действия следователем затрачивается большой объем рабочего времени, особенно при значительном удалении следственного отдела от регионального центра, а также при

наличии неблагоприятных метеорологических условий. Как правило, данная процедура обязательна при продлении срока следствия до 12 месяцев. В случае продления срока следствия свыше 12 месяцев следователи действуют в соответствии с приказом № 27 от 29.07.2020 Следственного департамента МВД России [4] (далее – СД МВД России), которым определен четкий порядок подготовки и направления ходатайства о продлении процессуальных сроков расследования и соответствующих материалов. Так, следователю необходимо составить документы, которые направляются в СД МВД России, где происходит их изучение, подписание и возвращение в соответствующий следственный орган. Полагаем, что в настоящее время возникла необходимость законодательно унифицировать процедуру продления сроков предварительного следствия руководителями следственных органов различного уровня, предусмотреть возможность их продления дистанционно, с использованием средств видеоконференцсвязи. Так, в этой связи необходимо установить порядок подготовки и предоставления соответствующих документов руководителю следственного органа. После их изучения руководителем следственного органа должны быть определены дата, время и состав участников совещания, в который могут быть включены как сотрудники следственных подразделений, так и других служб МВД России, с целью обсуждения и решения проблемных вопросов, возникших в ходе расследования уголовного дела и послуживших причиной продления срока предварительного следствия. Таким образом, по результатам такого совещания будет решен вопрос о продлении или непродлении срока предварительного следствия, а также в случае необходимости могут быть даны указания участникам совещания и определены конкретные сроки выполнения процессуальных и следственных действий. Учитывая отсутствие законодательно закрепленной процедуры дистанционного продления срока предварительного следствия с использованием видеоконференцсвязи, необходимо привести ее к единообразной форме – по примеру СД МВД России. Также необходимо шире использовать возможности технических средств, таких как ИСОД МВД России [7] (единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России), позволяющих осуществлять передачу докумен-

* Автором изучено 10 уголовных дел, находящихся в архиве Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону, и 10 уголовных дел, находящихся в производстве следователей следственной части следственного управления УМВД России по г. Ростову-на-Дону.

тов, а также проводить посредством видеоконференцсвязи совещания, на которых рассматриваются результаты расследования продлеваемых уголовных дел. Это позволит не отвлекать следователя на длительный период времени, затрачиваемый на прибытие к соответствующему руководителю, что в конечном итоге позитивно повлияет на сроки и качество расследования*.

Что касается возможности расследования уголовного дела в течение одного месяца, то в случае, если сведения о лице, совершившем преступление, будут установлены в сроки, близкие к окончанию месячного срока, необходимо предоставить возможность следователю продолжить расследование до истечения 2-месячного срока и в соответствующем порядке провести процедуру продления. В случае, если по истечении месячного срока расследования следователем будет принято решение о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а после этого лицо, совершившее преступление, будет установлено, то, в соответствии с действующим УПК РФ, руководителем следственного органа решение следователя должно быть отменено, предварительное следствие возобновлено и установлен его срок. Также при рассматриваемой выше ситуации, при возникновении необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, у следователя будет возможность обратиться к соответствующему руководителю с ходатайством о продлении срока следствия до 3 месяцев, тем самым, как минимум на один месяц, сокращаются общие сроки расследования.

Законодатель четко указал основания, по которым возможно приостановление срока предварительного следствия. Однако сложившаяся в 2020 г. эпидемиологическая обстановка, вызванная новой коронавирусной инфекцией COVID-19, показала, что ч. 1 ст. 208 УПК РФ необходимо дополнить п. 5, в котором отразить такие важные моменты, как невозможность проведения расследования в различных чрезвычайных условиях, таких, например, как возникающая эпидемиологическая обстановка в стране или в каком-либо определенном месте (регион, город, поселок и т. д.). Анализ судебно-следственной практики 2020 г.

показывает, что следователями по объективным причинам по ряду уголовных дел следственные действия проводились несвоевременно. Это было обусловлено тем, что:

- в ряде случаев участникам уголовного судопроизводства либо вовсе запрещалось покидать свое место жительства, либо они отказывались сотрудничать с правоохранительными органами, опасаясь за свою жизнь и здоровье, потому что в процессе явки в отдел полиции имелаась вероятность контакта с лицами, болеющими коронавирусной инфекцией COVID-19;

- невозможно проводить следственные действия с лицами, находящимися под стражей, по таким причинам: ряд следственных изоляторов временного содержания мог полностью закрыться на карантин; сокращение количества кабинетов, в которых возможно проведение следственных действий; направление на две и более недели на карантин лиц, поступающих в следственный изолятор в качестве задержанных следователем или этапированных по поручению следователя;

- отсутствует возможность направить или получить сведения по ранее направленным запросам в различные организации, такие, например, как компании сотовой связи и другие, чьи сотрудники были вынуждены находиться дома, а не на рабочих местах.

Тем самым в настоящее время по ряду уголовных дел сроки предварительного следствия превышают 2 месяца. Например, в производстве следователей следственных подразделений МВД России по Ростовской области за 6 месяцев 2020 г. находилось 5 526 уголовных дел со сроками следствия свыше 2 месяцев, при этом в аналогичном периоде 2019 г. их было 4 378 [8], и это может в последующем лечь в основу обоснования потерпевшими нарушения их прав и подачи исков о компенсации причиненного им вреда.

Еще одна проблема, негативно сказывающаяся на сроках предварительного следствия, связана с невозможностью своевременной явки участников уголовного судопроизводства (потерпевшего, свидетеля) для производства следственных действий. Считаем, что данная проблема может быть решена путем законодательного закрепления проведения с

* Автором изучено 20 уголовных дел и документы по данным делам, предоставленные для продления сроков предварительного следствия в Главное следственное управление Главного управления МВД России по Ростовской области, и 2 комплекта документов, подготовленных следователями следственных подразделений МВД России по Ростовской области для продления сроков следствия свыше 12 месяцев в Следственном департаменте МВД России.

указанными лицами следственных действий посредством видеоконференцсвязи, как это делается в ряде зарубежных странах. Так, например, в Республике Казахстан расследование уголовного дела осуществляется как с использованием бумажного, так и электронного носителя информации. УПК Республики Казахстан позволяет следственным органам дистанционно, посредством видеоконференцсвязи, проводить следственные действия – допрос потерпевшего и свидетеля, что положительно сказалось на качестве и сроках проводимого расследования. Действующий УПК РФ не предусматривает проведение следственных действий в таком формате, попытки внесения соответствующих изменений в законодательство осуществлялись дважды, но каждый раз они не поддерживались по различным причинам.

В складывающейся ситуации в стране вопрос о сроках предварительного следствия в настоящее время является актуальным, требующим внимания и обсуждения. Бесспорно то, что разумные сроки предварительного

следствия благоприятно влияют как на имидж правоохранительных органов, так и на решение поставленных руководством страны целей и задач. В настоящее время необходимо принять меры к возможности сокращения сроков предварительного следствия. Этому будут способствовать:

- во-первых, законодательное установление возможности производства следственных действий дистанционно, с применением видеоконференцсвязи;

- во-вторых, проведение совещаний по факту продления сроков предварительного следствия дистанционно, т. е. посредством видеоконференцсвязи;

- в-третьих, внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, а именно в ст. 162 УПК РФ (возможность сокращения срока предварительного следствия до одного месяца) и в ст. 208 УПК РФ (возможность приостановления предварительного следствия в связи с невозможностью проведения расследования в различных чрезвычайных ситуациях).

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Приказ Генпрокуратуры России от 22.12.2017 № 858 (ред. от 24.06.2019) «Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Решение Верховного Суда РФ от 10.02.2020 по делу № АКПИ19-987 «О присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок» // СПС «КонсультантПлюс».

4. URL: <https://ppt.ru/docs/prikaz/mvd/page-27>.

5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-srokov-predvaritelnogo-sledstviya-ne-effektiven>.

6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-vremeni-proizvodstva-predvaritelnogo-sledstviya>.

7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatcionno-analiticheskaya-deyatelnost-sledstvennyh-organov>.

8. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: <http://www.genproc.gov.ru>.

Bibliography

1. Criminal procedure code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FL (ed. of 31.07.2020) // LRS «ConsultantPlus».

2. Order of the Prosecutor General's office of Russia dated 22.12.2017 № 858 (ed. from 24.06.2019) «On approval and introduction of the forms of Federal statistical observation № 1-E «Information on investigative work and inquiry» and № 1-EM «Information on the main indicators of investigative work and inquiry», as well as Instructions for reporting on the forms of Federal statistical observation № 1-E, 1-EM» // LRS «ConsultantPlus».

3. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.02.2020 in case № АКПИ 19-987 «Of compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time» // LRS «ConsultantPlus».

4. URL: <https://ppt.ru/docs/prikaz/mvd/page-27>.

5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-srokov-predvaritelnogo-sledstviya-ne-effektiven>.

6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-vremeni-proizvodstva-predvaritelnogo-sledstviya>.

7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatcionno-analiticheskaya-deyatelnost-sledstvennyh-organov>.

8. Official website of the Prosecutor General's office of the Russian Federation // URL: <http://www.genproc.gov.ru>.

© 2021 г. Халиков Аслям Наилевич,

профессор Института права Башкирского государственного университета
доктор юридических наук, профессор.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье приведен анализ уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, действующих в отношении предпринимателей и создающих им льготный режим при расследовании уголовных дел, даются новые предложения для оптимального расследования уголовных дел в отношении предпринимателей с учетом интересов предпринимательских структур в России.

Ключевые слова: возмещение ущерба, правоохранительные органы, предприниматели, расследование, сроки расследования, уголовное дело, экономические отношения.

Khalikov Aslyam Nailevich – Professor, the Bashkir Law Institute of the State University, Doctor of Law, Professor.

CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC MEANS OF PROTECTION OF ECONOMIC RELATIONS AND ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the criminal law and criminal procedure norms that apply for entrepreneurs and create preferential treatment for them in the investigation of criminal cases. At the same time, the application of these norms largely depends on the discretion of law enforcement bodies. New proposals for the optimal investigation of criminal cases against entrepreneurs taking into account the interests of business structures in Russia are given.

Keywords: compensation of damage, law enforcement bodies, entrepreneurs, investigation, terms of investigation, criminal case, economic relations.

Несомненно, государство в силу различных причин – экономических, политических, правовых – вынуждено в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве учитывать экономические отношения в стране, а это, в первую очередь, интересы и права предпринимателей, составляющих основу экономики. В этой связи советская экономическая система (1917–1985 гг.), основанная исключительно на государственной собственности, показала, что без свободы предпринимательства и только на основе государственной экономики любую страну ожидает коллапс, разорение и, в конечном счете, разрушение самого государства. Соответственно, государство ради существования экономики всегда вынуждено соблюдать определенный баланс между мерами санкционирования (наказания) в случае нарушения предпринимателями законов и мерами правового стимулирования предпринимателей за их законопослушное поведение. В то же время, если мы находимся в сфере экономики, то и меры юридической ответственности при совершении экономических правонарушений должны быть не столько карательными, сколько предусматривать материальную или имущественную ответственность, т. е. носить такой же эконо-

мический характер, как и сами проступки или преступления в этой области. В свою очередь, это влечет и оптимальное предупреждение экономических преступлений [4, с. 7–10].

Тем самым, бизнес нуждается в механизмах, которые, с одной стороны, позволят защитить предпринимателя от необоснованного уголовного преследования, предоставить ему иммунитет от незаконных действий государственных, а больше правоохранительных органов. С другой же стороны, даже в случае законного возбуждения и расследования уголовного дела в отношении предпринимателя уголовно-правовые нормы должны позволять находить достойный выход из карательной для него ситуации, хотя и с определенными имущественными и правовыми издержками. Иными словами, и в том, и другом случае уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы преследования должны стимулировать не только возмещение вреда, но и продолжение предпринимательской деятельности, пусть и под контролем правоохранительных органов. Такой процесс, условно говоря, «уголовно-правового стимулирования» экономики в последнее время находит место в действующем уголовном законодательстве, хотя возможности выбора

стимулирования или привлечения к уголовной ответственности всегда остаются за силовыми структурами и судом.

Конечно, механизмы принятия решений в пользу предпринимателей при расследовании уголовного дела достаточно сложны и зависят от ряда процессуальных и криминалистических составляющих. При этом следует учитывать всегда определенную потенциальную виктимность как субъектов хозяйственной деятельности, так и в целом предпринимательскую сферу в России [5, с. 160]. В этих условиях специфика расследования рассматриваемых уголовных дел экономического характера диктует особые условия, основанные на уголовно-процессуальном законе, которые переводят названные уголовные дела в «льготную» категорию, а значит, позволяют следователям находить возможности для смягчения уголовной ответственности вплоть до прекращения уголовного дела. Вместе с тем четкой системности уголовно-правовой поддержки предпринимателей при расследовании уголовных дел пока не существует и каждый случай в большей степени зависит от индивидуальной расположенности должностного лица следственных органов к конкретному уголовному делу либо к отдельному подследственному лицу. Это влечет, с одной стороны, множество коррупционных преступлений и иных правонарушений, когда помощь предпринимателю оказывается за взятку, допустим, при прекращении уголовного дела даже по законным основаниям. С другой стороны, государство в лице органов следствия и суда всегда имеет возможности чрезмерного карательного воздействия на виновных в совершении преступлений экономического характера, когда человек с положительными характеристиками, но который, по остроумному замечанию практиков, просто «не поделился», надолго оказывается в местах лишения свободы. В этой связи следует рассмотреть нормативную базу УК РФ и УПК РФ, свидетельствующую о том, какие же возможности имеются у лиц, обвиненных в совершении экономических преступлений, для урегулирования возникающих проблем.

Наиболее часто встречающиеся экономические преступления законодатель отнес к составам частно-публичного обвинения, который, по мнению ряда исследователей, становится особым институтом уголовного процесса [3, с. 119–126]. Как известно, уголов-

ные дела по таким преступлениям возбуждаются только по заявлению потерпевшего или его законного представителя, если такими преступлениями не причинен вред государственным или муниципальным интересам. В этом случае споры между сторонами экономических отношений решаются в гражданских судах в частном порядке, и только при наличии признаков преступления лицо, считающее себя потерпевшим, вправе заявить о деянии в правоохранительные органы с целью уголовного преследования оппонента. Так, согласно ст. 20 УПК РФ к уголовным делам частно-публичного обвинения отнесены дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, ч. 1 ст. 176, ст. 177, 180, 185.1, ч. 1 ст. 201 УК РФ, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. В данном случае законодатель справедливо ушел от публичности обвинения, предоставив право заявить о возбуждении уголовного дела только пострадавшим, и, следовательно, позволив им урегулировать имущественный спор в орбите уголовного судопроизводства, исходя из волеизъявления потерпевшего лица. Из этого следует, что государство отказалось от вмешательства в хозяйственные споры даже при наличии признаков преступлений и перевело процесс урегулирования в орбиту гражданско-правовых или уголовно-правовых отношений исходя из усмотрения сторон.

Названное положение перекликается с правовым порядком, предусмотренным ст. 23 УПК РФ, согласно которой, если деяние, предусмотренное гл. 23 ст. 201–204.2 УК РФ, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, но не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то такое уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия.

Следующее направление правовой поддержки предпринимателям, причинившим ущерб в результате преступлений, прямо связывает уголовную ответственность с имущественными отношениями между сторонами. Уголовный и уголовно-процессуальный законы разрешили освобождать от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, что регламентируется ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ, которые были значительно отредактированы в 2018 г. Полное возмещение вреда или, скажем так, восстановление общественных отношений, которые были нарушены, рассматривается не как смягчающее обстоятельство, а как основание для полного прекращения уголовного дела. В законодательных положениях, которыми разрешено урегулирование уголовно-экономических споров путем возмещения материального вреда, предусмотрены налоговые преступления, мошенничества и ряд наиболее распространенных экономических преступлений. Это деяния, предусмотренные ст. 198–199.1, 199.3, 199.4, ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147, ч. 5–7 ст. 159, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 159.2, ч. 1 ст. 159.3, ч. 1 ст. 159.5, ч. 1 ст. 159.6, ч. 1 ст. 160, ч. 1 ст. 165, ст. 170.2, ч. 1 ст. 171, ч. 1 и 1.1 ст. 171.1, ч. 1 ст. 172, ст. 176, 177, ч. 1 ст. 178, ч. 1–3 ст. 180, ч. 1 и 2 ст. 185, ст. 185.1, ч. 1 ст. 185.2, ч. 1 ст. 185.3, ч. 1 ст. 185.4, ч. 1 ст. 185.6, ч. 2 и 4 ст. 191, ст. 192, ч. 1 ст. 193, ч. 1 и 2 ст. 194, ст. 195–197 и 199.2 УК РФ. Однако в данном случае есть ряд весьма существенных условий: 1) нормы распространяются на лиц, совершивших преступления впервые; 2) лицо должно возместить ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления; 3) при возмещении ущерба лицо должно перечислить в федеральный бюджет денежное возмещение (доход) в размере двукратной суммы причиненного ущерба.

Итак, действуют два базовых «льготных» принципа досудебного производства в отношении предпринимателей:

1) возбуждение уголовного дела исключительно по заявлению потерпевшего;

2) возможность прекращения уголовного дела при полном возмещении вреда.

При этом речь идет не о возможности возбуждения или прекращения уголовного дела, а о требовании закона, когда его неисполнение должно быть мотивировано в процессуальных актах следственных органов.

Кроме этого, определенное значение при расследовании преступлений экономического характера имеют положения о преюдиции, связывающие воедино правовые споры в различных отраслях законодательства в единую картину для общей оценки наличия уголовно-правового или иного правонарушения, а в конечном итоге для установления или неустановления определенного состава преступления. Согласно диспозиции ст. 90 УПК РФ, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. В то же время такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Наконец, определенные «льготы» действуют для предпринимателей при заключении под стражу и аресте имущества. Согласно ст. 108 УПК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения при условии установленного местожительства и личности и при примерном поведении не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1–7 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4, 190–199.4 и 201 УК РФ, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) при управлении принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Все изложенное свидетельствует о защите предпринимательской сферы от действий правоохранительных органов и уголовно-судебного преследования. Однако, как мы указали, отсутствует системность в такой защите, что, в свою очередь, открывает возможности для разнообразных злоупотреблений со

стороны практических работников. Сложные проблемы расследования экономических преступлений с учетом «льготного режима» обвиняемых не нашли еще достаточного отражения в современных методиках расследования, о чем справедливо пишут А.В. Варданын и О.В. Айвазова, указывающие на необходимость совершенствования следственной и оперативно-розыскной деятельности в данной области [1, с. 76].

В этой связи автором были изучены современные проблемы соотношения предпринимательской деятельности и практики работы правоохранительных органов, освещенные в дискуссии симпозиума «Уголовная политика и бизнес», а также материалы международной коллективной монографии «Верховенство права как фактор экономики» с выступлениями ведущих отечественных юристов и экономистов [2]. Вкратце результаты дискуссии можно свести к следующему общему суждению: можно принимать огромное количество законодательных актов в пользу предпринимателей, декларировать их поддержку и помощь от имени государства, но все будет рушиться при практических действиях правоохранительных органов, которые «в борьбе с экономической преступностью» способны погубить любое частное экономическое начинание и даже развитый частный бизнес, не неся за это никакой юридической ответственности.

Вместе с тем, как мы видим, приняты достаточно жесткие и оптимально действующие нормативные акты, которые ограничивают возможности для возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей, позволяя при этом одновременно прекращать уголовные дела в случае возмещения ущерба, причиненного преступлением. Данную тенденцию в разумных пределах следует продолжать. В этой связи проектно мы предлагаем новые положения, которые позволяют с позиций уголовного процесса и криминалистической методики расследования рассматриваемых преступлений более оптимально подойти к досудебному и судебному производству уголовных дел в отношении предпринимателей с целью дальнейшей защиты их экономических прав и интересов.

1. При возбуждении любого уголовного дела в отношении предпринимателей, официально зарегистрированных в этом качестве, совершивших деяния, имеющие призна-

ки преступлений экономического характера (включая преступления, которыми задеты интересы государства, общества и гражданина), на наш взгляд, следует получать заключение Уполномоченного по правам предпринимателей субъекта Российской Федерации или Уполномоченного по Российской Федерации. Причем это заключение должно быть обсуждено коллегиально в аппарате Уполномоченного, возможно, с привлечением специалистов, заинтересованных должностных лиц отдельных министерств и ведомств. Данное правило должно распространяться на все составы преступлений экономического характера, когда рассмотрение сообщений о преступлениях Уполномоченными по правам предпринимателей должно носить характер примирения и осуществляться в интересах развития экономики. Причем в УПК РФ уже есть упоминание Уполномоченного по правам предпринимателей в ст. 28.1 УПК РФ – его необходимо уведомлять о не прекращении уголовного дела в связи с возмещением ущерба. То есть в данном случае мы предлагаем расширить права Уполномоченного по правам предпринимателей в уголовном процессе с самого начала уголовного преследования всех представителей бизнес-сообщества.

2. Расследование экономических преступлений, после установления основных его обстоятельств, должно быть направлено, в первую очередь, на возмещение ущерба с последующим принятием решения о прекращении уголовного дела. Иными словами, полное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), будет носить второстепенный характер и не быть главным статистическим показателем успешного расследования уголовного дела. Основным показателем станет возмещение ущерба и прекращение уголовного дела с продолжением экономической деятельности его участников. Поэтому действия следователей и оперативных работников в ходе проводимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в первую очередь, должны быть направлены на возмещение ущерба, причиненного преступлением. Данное правило должно относиться не только к лицам, впервые привлекающимся к уголовной ответственности, но и к другим лицам с учетом установления конкретных обстоятельств преступления.

3. Процессуальный закон и методика предварительного следствия по экономическим преступлениям в обязательном порядке должны допускать версию защиты в ее практическом исполнении. Сегодня следователи в 90 % случаев отказывают в любых ходатайствах стороны защиты, касающихся собирания и проверки новых доказательств, смягчающих или оправдывающих сторону, которая терпит уголовное преследование. В этой связи следует гарантировать возможность предоставления органам предварительного следствия альтернативных экспертных заключений и заключений специалиста, которые следователь в обязательном порядке (ст. 159 УПК РФ) должен проверять и давать им оценку наравне с другими доказательствами, в частности с доказательствами обвинения. Данное правило, в числе других положительных моментов, обеспечит действие презумпции невиновности, когда любые сомнения в уголовном деле должны толковаться в пользу обвиняемого. Предлагаемое правило в досудебном производстве следует отнести и к представляемым стороной защиты свидетелям, которые могут предоставить противоположные обвинению показания.

4. Одним из самых серьезных недостатков как предварительного следствия в целом, так и в особенности по делам о преступлениях экономического характера являются большие сроки расследования уголовного дела. Эти сроки объясняются такими «объективными причинами», как проведение сложных экспертиз, множество допросов свидетелей, многоэпизодность дела и т. д. Однако в противоположность данным аргументам следует привести следующие доводы, значительно облегчающие расследование экономических преступлений:

1) возбуждение уголовного дела на основании материала доследственной проверки с установлением всех признаков и большинства обстоятельств преступления;

2) наличие всех известных лиц по уголовному делу, которых нет необходимости устанавливать;

3) помощь оперативно-розыскных служб, а также государственных контролирующих и надзорных служб;

4) электронная форма бухгалтерского учета и перечисления денежных средств, что значительно облегчает производство любых экспертиз и установление обстоятельств деяния;

5) возможность возмещения ущерба при установлении обстоятельств преступления с дальнейшим прекращением уголовного дела;

6) профессионализм следователей и требовательность со стороны руководства.

В УПК РФ есть несколько декларативная ст. 6-1, принятая в 2010 г., указывающая на необходимость соблюдения разумного срока при расследовании уголовных дел и их судебном рассмотрении. Однако конкретных сроков нет, что ведет к затянутости расследования уголовных дел до года и более, а при расследовании дел по экономическим составам это стало типичной практикой. В ст. 162 УПК РФ указано, что до 12 месяцев срок следствия продлевает руководитель следственного органа субъекта Российской Федерации, а далее – руководитель следственного органа Российской Федерации или их заместители.

Здесь, немного отвлекаясь, заметим, что, на наш взгляд, продление сроков следствия должно быть закреплено исключительно за прокурорами в связи с необходимостью усиления прокурорского надзора за законностью деятельности органов предварительного расследования. Однако в настоящее время концепция ведения предварительного следствия построена вне какого-либо прокурорского надзора, а следовательно, исключительно в автономном режиме. Соответственно, для усиления порядка ведения следствия в пределах разумных сроков необходимо, чтобы продление сроков следствия по экономическим преступлениям за пределами 6 месяцев осуществлялось руководителем следственного органа Российской Федерации или их заместителями, а за пределами 12 месяцев – исключительно руководителем следственного органа Российской Федерации.

5. В силу общих тенденций расширения подсудности суда присяжных в Российской Федерации рассмотрение уголовных дел по экономическим преступлениям в случае непризнания обвиняемыми своей вины также должно иметь место в суде присяжных.

Из перечисленных и других нормативных предложений следует, с одной стороны, изменение процессуальных правил расследования правоохранительными органами преступлений экономического характера. Жесткие правовые требования по возбуждению уголовных дел, сроков их расследования, проверки и оценки доказательств и прекращения уголовного дела поставят органы следствия

в рамки более ответственного отношения к ведению предварительного следствия по экономическим составам. С другой стороны, перечисленные нормативные требования позволят уместить криминалистическую методику расследования экономических преступлений в более компактную схему следственных и процессуальных действий с це-

лью оптимизации способа установления обстоятельств по уголовному делу. Косвенным результатом изменений нормативных требований и методики расследования преступлений экономического характера станет возможность перенести споры предпринимателей в сферу гражданского и арбитражного процессов.

Литература

1. Варданян А.В., Айвазова О.В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41).

2. Верховенство права как фактор экономики: монография / под ред. Е.В. Новиковой, А.Г. Федотова, А.В. Розенцвайга, М.А. Субботина. М., 2017.

3. Власова С.В. Частно-публичное обвинение в уголовно-процессуальном механизме противодействия преступлениям в сфере экономической деятельности // Правовое государство: теория и практика. 2021. Т. 17. № 1 (63).

4. Ларичев В.Д., Казаков А.Я. О концепции предупреждения экономических преступлений против собственности // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4.

5. Леханова Е.С. Некоторые проблемы виктимности экономических преступлений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». 2001. № 2.

Bibliography

1. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Official crimes in the sphere of economy as an object of forensic scientific analysis // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1 (41).

2. The rule of law as a factor in the economy: monograph / under the editorship of E.V. Novikova, A.G. Fedotov, A.V. Rosenzweig, M.A. Subbotin. M., 2017.

3. Vlasov S.V. Private-public prosecution in the criminal procedural mechanism for combating crimes in the sphere of economic activities // The rule of law: theory and practice. 2021. Vol. 17. № 1 (63).

4. Larichev V.D., Kazakov A.Ya. On the concept of preventing economic crimes against property // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 4.

5. Lekhanova E.S. Some problems of victimization of economic crimes // Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University. The series «Law». 2001. № 2.

© 2021 г. Полякова Анна Викторовна,

адъюнкт Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.
E-mail: anna.lagutina.94@mail.ru

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящей статье обращено внимание на наиболее дискуссионные положения реализации принципа состязательности сторон в уголовно-процессуальном аспекте обеспечения прав потерпевшего в досудебном производстве. Исследуются вопросы, касающиеся реализации потерпевшим своих основных прав, в том числе, права на защиту. В качестве вывода автор статьи указывает на необходимость повышения уровня защищенности прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве, тем самым обеспечение реализации принципа состязательности сторон будет наиболее действенным.

Ключевые слова: принцип состязательности сторон, потерпевший, права потерпевшего, подозреваемый (обвиняемый), представитель потерпевшего, досудебное производство.

Polyakova Anna Viktorovna – Adjunct of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL NATURE OF THE PARTIES AND THE SPECIFICS OF ITS REALIZATION IN THE IMPLEMENTATION OF THE VICTIM'S RIGHTS PROTECTION DURING PRE-TRIAL PROCEEDINGS

This article focuses on the most controversial provisions of the implementation of the principle of adversarial parties in the criminal procedure aspect of ensuring the rights of the victim in pre-trial proceedings. The article examines issues related to the victim's realization of their fundamental rights, including the right of protection. Currently, the victim is not granted the right to receive free legal aid in the context in which this right is enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) for the suspect (accused). As a conclusion, the author points out the need to increase the level of protection of the rights of the victim in criminal proceedings, thereby ensuring the realization of the principle of adversarial parties will be the most effective.

Keywords: the principle of adversarial parties, the victim, the rights of the victim, the suspect (accused), the representative of the victim, pre-trial proceedings.

В основном Законе нашей страны – Конституции РФ, а именно в ст. 52, закреплено, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [5]. Данное положение обеспечивается нормами, которые закреплены во многих нормативных правовых актах, в том числе и УПК РФ. В данном документе более детально отражен порядок действий органов государственной власти и должностных лиц по защите прав и законных интересов граждан, потерпевших от преступлений. Немаловажную роль в защите рассматриваемых прав играют уголовно-процессуальные принципы.

Принципы уголовного судопроизводства являются основополагающими идеями уголовного процесса, которые закрепляют порядок и правила осуществления как досудебного, так

и судебного производства. От степени реальной реализации основополагающих принципов в осуществляемом правосудии зависит эффективность всей системы права. Только в том случае правовой статус гражданина будет полностью защищен, когда принципы построения права не останутся декларативными, а обретут плоть и кровь на всех стадиях судопроизводства.

В современных условиях особое значение приобретает реализация принципа состязательности сторон. Даже спустя тридцать лет после отказа от советской системы уголовного судопроизводства и перехода на новые процессуальные принципы исследователи отмечают сохранение обвинительного уклона и не вполне равное положение участников судопроизводства, что затрудняет подлинную состязательность. Частным примером, иллюстрирующим данную диспропорцию, выступает

проблема реализации принципа состязательности сторон применительно к фигуре потерпевшего.

Суть проблемы верно выразил в своей классической работе профессор В.П. Божьев, который отметил, что «назначение уголовного судопроизводства прежде всего состоит в защите пострадавших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), законодатель в действительности на первое место поставил защиту интересов обвиняемого (подозреваемого)» [1, с. 56]. В этом отношении фигура потерпевшего парадоксальным образом оказалась ущемлена в реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве.

Как отметил исследователь уголовно-процессуального статуса потерпевшего С.А. Синенко, на стадии досудебного производства статус потерпевшего вообще определен достаточно слабо [6]. Вопросам обеспечения прав потерпевших и реализации в отношении них принципа состязательности уделяется гораздо меньше внимания, нежели вопросам защиты прав подозреваемых (обвиняемых) лиц. Достаточно пристальное внимание обращено на таких участников уголовного процесса, как подозреваемый (обвиняемый), а также на их защитника (адвоката). Что же касается процессуального положения потерпевшего и его представителя (либо же адвоката), то здесь многие процессуальные проблемы, включая и полноценное обеспечение состязательности на стадии досудебного производства, до сих пор остаются нерешенными.

Раскрывая сущность проблемы, мы должны опираться на не подлежащее сомнению положение, что фигура потерпевшего в уголовном процессе на любой его стадии является не менее важной, чем фигура подозреваемого, а потому в отношении нее не может быть осуществлено какое-либо уменьшение реализации фундаментальных принципов судопроизводства. Однако же внимательный анализ действующего УПК РФ позволяет выявить ряд существенных проблем.

Принцип состязательности сторон в досудебном производстве предполагает разграничение функций обвинения и защиты, а также равные возможности для реализации предоставленных сторонам прав для защиты и отстаивания своих интересов, которые были затронуты или же нарушены в результате преступного деяния. Потерпевший, согласно

ч. 1 ст. 42 УПК РФ, обладает достаточно широким перечнем прав, реализуя которые, он может беспрепятственно выступать полноправным участником уголовного судопроизводства, но не на стадии досудебного производства.

Речь идет о том, что потерпевший приобретает свой статус с момента вынесения следователем постановления о признании лица потерпевшим. И конкретно на данном этапе существует правовой пробел, который не затрагивает положение потерпевшего лица до возбуждения уголовного дела и признания лица потерпевшим. Соответственно, только с момента приобретения своего процессуального статуса потерпевший может рассчитывать на реализацию своих прав. В то же время, что касается прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении и которое еще не является подозреваемым или же обвиняемым, в данном случае – защитник участвует в уголовном деле «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ» (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). В ст. 42 УПК РФ такого положения не закреплено.

В своих трудах ученый-процессуалист Д.А. Иванов указывает на важность своевременного наделения лица статусом потерпевшего от преступления без затягиваний принятия данного решения. Он указывает, что «т. к. промедление в наделении лица статусом потерпевшего негативно отражается на реализации гарантий возмещения причиненного вреда» [4, с. 34].

Кроме того, потерпевший является самостоятельной фигурой, которая реализует свои процессуальные полномочия, предписанные ей УПК РФ. Согласно п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, потерпевший вправе самостоятельно собирать доказательства. Однако, учитывая тот факт, что потерпевший является стороной обвинения так же, как и должностные лица органов предварительного расследования, соответственно, данные лица могут быть заинтересованы в той информации, которая предоставляется потерпевшей стороной и без какого-либо труда может быть приобщена к материалам уголовного дела, что нельзя сказать о стороне защиты. Зачастую именно сторона защиты испытывает определенные

трудности в приобщении доказательств к материалам уголовного дела, т. к. решающую роль в этом играет следователь. В данном случае не совсем справедливо обозначено право на сбор доказательственной информации стороной обвинения и стороной защиты. Потерпевший находится в более выигрышном положении, нежели подозреваемый или обвиняемый, а также их защитник.

Односторонний подход в вопросе предоставления права участникам уголовного судопроизводства на назначение защитника по своей сути влечет за собой существенное усложнение реализации принципа состязательности с позиции потерпевшего. Согласно действующему УПК РФ, подозреваемому в совершении преступления в обязательном порядке, должен быть предоставлен защитник уже с момента фактического задержания лица. Что же касается потерпевшей стороны, то здесь подобных обязательств процессуальное законодательство не содержит. В результате поиск представителя или же адвоката потерпевшей стороне является его же «проблемой» как в моральном, так и материальном плане, что осложняет реализацию принципа состязательности.

В рамках реализации принципа состязательности сторон, подозреваемый на стадии досудебного производства оказывается гораздо более юридически «подкован», т. к. с ним ведет работу профессиональный защитник. Потерпевшие же чаще всего выступают единолично и все свои права осуществляют только лишь на основе тех знаний, которые у них имеются, или же на той основе, что им поясняет в процессе производства предварительного расследования следователь. Однако для полноценной реализации права на уголовное преследование необходимы углубленные познания в области юриспруденции, которых потерпевший не имеет.

Наибольшую проблему вызывает также то положение, что потерпевший не может ходатайствовать о назначении ему защитника для оказания юридической помощи и консультации в процессе участия в расследовании уголовных дел. Данное положение оказывает негативное воздействие на механизм реализации принципа состязательности сторон. Тем самым вопрос получения бесплатной юридической помощи потерпевшим для участия в уголовном судопроизводстве не урегулирован законодательно.

Согласно ч. 3 ст. 42 УПК РФ, «потерпевшему обеспечивается возмещение расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям ст. 131 УПК РФ» [7].

К процессуальным издержкам, согласно п. 1.1. ч. 2 ст. 131 УПК РФ, отнесены расходы, которые понесла потерпевшая сторона в связи с участием в уголовном деле представителя потерпевшего. Они, соответственно, возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства.

Однако здесь следует отметить тот факт, что покрытие расходов, которые связаны с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, реализуются только лишь при окончании судебного производства по уголовному делу, тогда как средства на оплату услуг представителя могут быть необходимы потерпевшему в ходе досудебного производства. Потерпевший, в свою очередь, может не обладать достаточным объемом средств на оплату услуг представителя, отсюда реализация права на защиту затрудняется. Таким образом, законодательно для потерпевшего не предусмотрено право пользоваться помощью представителя (адвоката) бесплатно и данное положение существенно нарушает принцип состязательности сторон в досудебном производстве, который закреплен в ст. 15 УПК РФ. Еще одним важным моментом выступает положение, согласно которому данные суммы выплачиваются именно потерпевшему, а не непосредственно его адвокату. Отсюда возникает вопрос, сможет ли потерпевший взыскать данные суммы с государства, т. к. сам порядок взыскания данных денежных средств не закреплен в УПК РФ. Соответственно, потерпевшему необходимо быть достаточно юридически грамотным для того, чтобы взыскать потраченные им суммы на свою защиту.

В своих работах, касающихся порядка возмещения вреда, причиненного преступлениями, известный ученый-процессуалист Д.А. Иванов не раз обращал внимание на тот факт, что возмещение вреда потерпевшим от преступлений лицам, является одним из важнейших пунктов обеспечения основного назначения уголовного судопроизводства. Однако не всегда обвиняемое лицо стремится добровольно загладить причиненный преступлением вред, осуществляя активное

противодействие как потерпевшему, так и органам предварительного расследования.

Также существует и противоположная сторона данной позиции. Так, в своей работе Д.А. Иванов отметил, что: «...в настоящее время одной из проблем добровольного возмещения причиненного преступлением вреда является отказ потерпевшего от принятия какого-либо из его видов, поскольку он считает, что в данном случае лицо, причинившее вред преступлением, подкупает его, в связи с чем в последующем сможет избежать уголовной ответственности и наказания...» [3, с. 145]. Таким образом, мы видим, что потерпевшие порой сами не желают принимать добровольное возмещение вреда как положительную сторону решения уголовно-процессуального конфликта. Немаловажным выступает тот факт, что данное обстоятельство выступает только лишь смягчающим ответственность обвиняемого, но что самое важное – потерпевшему возмещаются убытки, которые он понес в результате совершенного против него преступления.

Одним из способов активного участия потерпевшей стороны в реализации своих основных прав в ходе досудебного производства является подача ходатайств и жалоб в порядке, установленном гл. 15 УПК РФ. Статья 125 УПК РФ «Судебный порядок рассмотрения жалоб» выступает одним из способов реализации принципа состязательности сторон в досудебном производстве. Именно благодаря ей любой участник уголовного процесса может обжаловать любые действия и решения должностных лиц, которые своими действиями могут создавать препятствия для реализации данными участниками своих прав. То же самое касается и такого участника процесса как потерпевший. Тем самым, реализуя принцип состязательности сторон, потерпевший в защиту своих интересов может заявлять ходатайства и жалобы на действия и решения должностных лиц органов предварительного расследования. В свою очередь, данное уголовно-процессуальное положение защищает потерпевших от произвола со стороны обвинения. Также ст. 125 УПК РФ является явным примером активной роли суда в решении вопросов досудебного производства.

Рассматривая возможные пути решения проблемы реализации принципа состязательности сторон на стадии досудебного производства применительно к потерпевшему, можно

выделить несколько вариантов. Так, ряд ученых-процессуалистов полагают целесообразным закрепить в УПК РФ процессуальную норму, которая предусматривала бы возможность потерпевшим воспользоваться бесплатной юридической помощью. Такой позиции придерживаются, например, Э.А. Винокуров и В.В. Лукьянчиков. Они предлагают «дополнить ст. 42 УПК РФ правом потерпевшего получать по ходатайству бесплатную помощь адвоката с привлечением последнего в качестве представителя, что будет способствовать уравниванию в правах обеих сторон в уголовном процессе и реализации принципа состязательности сторон» [2, с. 32].

Это предложение выглядит тем более обоснованным, что в УПК РФ уже имеется норма, ст. 45 п. 2.1. УПК РФ, согласно которой 2.1. «...по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета» [7].

На настоящий момент получается, что законодатель только лишь в одной норме выделил возможность назначения потерпевшей стороне адвоката, оплата труда которого в дальнейшем будет осуществляться за счет средств федерального бюджета. Тем самым предлагаемое расширение нормы процессуального законодательства на всех потерпевших будет способствовать повышению уровня системности УПК РФ.

Несмотря на логичность предлагаемой меры, нам все же представляется более интересным подход, предложенный С.А. Сиденко. Рассуждая в своей работе об уголовно-процессуальном статусе потерпевшего, ученый-процессуалист предлагает преодолеть процессуальные проблемы потерпевшего на стадии досудебного производства путем расширения прав заявителя, закрепив за ним в ст. 144 УПК РФ дополнительные процессуальные права [6, с. 252].

Представляется, что именно такой подход в совокупности с вышеприведенным положением о закреплении порядка предоставления бесплатного адвоката позволит реализовать

с наибольшей полнотой принцип состязательности сторон в досудебном производстве. Это основано также на том, что в уголовном процессе не должно быть законодательного деления права на защиту для одних лиц и невозможность воспользоваться данным правом другими лицами. Основное назначение уголовного судопроизводства должно выступать определяющим фактором для повышения качества расследования уголовных дел, а также возможности реализации предоставленных участникам уголовного судопроизводства прав.

Литература

1. Божьев В.П. Предпосылки усиления защиты прав и интересов потерпевшего уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности в условиях перестройки. Ижевск, 1989.
2. Винокуров Э.А., Лукьянчиков В.В. Проблемные аспекты обеспечения отдельных видов прав потерпевшего на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1.
3. Иванов Д.А., Мартынов А.М. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) при добровольном возмещении вреда, причиненного преступлением: теория и практика // Вестник Московского Университета МВД России. 2020. № 2.
4. Иванов Д.А. Промедление в наделении лица статусом потерпевшего от преступления, негативно отражается на реализации гарантий возмещения причиненного вреда // Эпоха науки. 2017. № 9.
5. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
6. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, необходимо сделать следующий вывод: для того чтобы обеспечение реализации принципа состязательности сторон при защите прав потерпевшего в досудебном производстве было действенным, необходимо решить ряд правовых проблем, в том числе, вопрос о предоставлении потерпевшему права на бесплатную юридическую помощь. Приведенные выше рекомендации направлены на повышение уровня защищенности прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Bibliography

1. Bozhiev V.P. Prerequisites for strengthening the protection of the rights and interests of the victim of criminal procedural activity // Problems of improving the quality of criminal procedural activity in the context of perestroika. Izhevsk, 1989.
2. Vinokurov E.A., Lukyanchikov V.V. Problematic aspects of ensuring certain types of rights of the victim at the pre-trial stages of criminal proceedings // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina. 2021. № 1.
3. Ivanov D.A., Martynov A.M. Termination of a criminal case (criminal prosecution) in case of voluntary compensation for harm caused by a crime: theory and practice // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2.
4. Ivanov D.A. Delay in endowing a person with the status of a victim of a crime, negatively affects the implementation of guarantees of compensation for harm caused // Epoch of Science. 2017. № 9.
5. The Constitution of the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».
6. Sinenko S.A. Ensuring the rights and legitimate interests of the victim in criminal proceedings: theoretical, legislative and law enforcement problems: dis. ... d-r of Law. M., 2014.
7. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 № 174-FL // LRS «ConsultantPlus».

© 2021 г. Количенко Артем Андреевич,
адъюнкт Нижегородской академии МВД России.
E-mail: kolichenkoa@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРАКТИКЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье определены предпосылки, совокупность которых позволяет сделать вывод о признании самостоятельности, иначе говоря уникальности, электронных доказательств, следовательно, необходимости выделения нового вида доказательств. Автор констатирует потребность выработки единого комплексного подхода к восприятию электронных доказательств в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, электронные доказательства, электронные носители информации, информатизация, предварительное расследование.

Kolichenko Artem Andreevich – Adjunct, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

BACKGROUND FOR RECOGNIZING THE INDEPENDENCE OF ELECTRONIC EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS PRACTICE

The article defines the background, the totality of which makes it possible to conclude the recognition of independence, in other words, uniqueness, of electronic evidence, therefore, the need to identify a new type of evidence. The author states the need to develop an unified comprehensive approach to the perception of electronic evidence in the Russian criminal process.

Keywords: criminal procedure, proof, electronic evidence, electronic media, informatization, preliminary investigation.

На сегодняшний день особенно заметен рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В соответствии со статистическими данными Главного информационного аналитического центра МВД России, в январе–декабре 2020 г. на территории России зарегистрировано 2 044,2 тыс. преступлений, из них 510,4 тыс. совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, их количество на 73,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 14,5 % в январе–декабре 2019 г. до 25 % [1].

Говоря о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, не стоит акцентировать внимание только на преступлениях, предусмотренных ст. 272–274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), именуемых в научной общественности «компьютерными преступлениями». И другие общественно-опасные деяния оставляют за собой электронные следы преступлений, например, мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), регистрация не-

законных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170 УК РФ), незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ) и т. д.

Подобное положение дел в силу развития науки и техники, совершенствования способов передачи информации в электронной форме поставило на повестку дня вопрос об использовании электронных доказательств в практике уголовного судопроизводства. При этом следует заметить, что данный вид доказательств на сегодняшний день не выделен в отдельную группу, следовательно, не выработаны и предпосылки для признания их самостоятельности.

Виртуальные технологии и умелое владение рядом программ в Интернете позволяют злоумышленникам совершать преступления и оставаться, к сожалению, в большинстве случаев практически «неуловимыми мстителями». Использование в современной жизни общества высоких технологий в преступных целях особенно опасно еще и тем, что они становятся объектом пристального внимания преступных групп, это порождает особую криминальную ситуацию, которая требует новых подходов в целях эффективного

противодействия преступному использованию высоких технологий [2, с. 774].

Буквально за короткий временной промежуток в уголовно-процессуальном поле, следовательно, орбите уголовно-процессуального доказывания возникли нормы, определяющие: особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)); порядок использования в уголовном судопроизводстве электронных документов и бланков процессуальных документов (ст. 474.1). По нашему мнению, такое положение дел связано, прежде всего, со стремлением законодателя привести в соответствие положения УПК РФ с потребностями правоприменительной практики.

Обозначенная к исследованию проблематика поистине может претендовать на повышенное внимание как со стороны представителей научного сообщества, так и представителей судейского корпуса, сотрудников следственных подразделений, адвокатских сообществ, а также представителей органов прокуратуры. Как точно, по нашему мнению, в своей докторской диссертации отметил М.П. Поляков: «Потребность в научном (и не только) исследовании возникает в ходе осознания субъектом (человеком, коллективом, общностью...) такого состояния окружающих его объектов (явлений, вещей, отношений...), которое требует непременно их переосмысления и преобразования» [3, с. 20]. Здесь же подчеркнем, что вопросы, связанные с появлением электронных доказательств в уголовно-процессуальном поле, требуют именно переосмысления и преобразования.

Как мы уже могли понять, научно-технический прогресс вносит свои коррективы в практику расследования преступлений, которые с каждым годом становятся все более ощутимы. Мы убеждены, что истоки нововведений в уголовно-процессуальном поле, в частности изменений и дополнений, вызваны множеством факторов. Однако в каждом конкретном случае имеются свои предпосылки. Так, по нашему мнению, и в случае с появлением электронных доказательств можно выделить некоторые моменты, которые предопределяют необходимость признания их самостоятельности, следовательно, появления и закрепления в уголовно-процессуальном кодексе, а именно:

1. Наличие потребности в собирании и фиксации значимой доказательственной информации по уголовным делам в электронной форме. Как мы отмечали

ранее, не так давно в УПК РФ появилась целая глава, которая связана с электронными документами и бланками процессуальных документов, в частности ст. 474.1 УПК РФ. Данная норма регулирует порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве, а также закрепляет положение, позволяющее подавать ходатайство, заявление, жалобу, представление, материалы, которые прикладываются в форме электронного документа. Примечательно, что законодатель в качестве обязательного условия подачи данных документов обязывает участников уголовного судопроизводства подписывать их электронной подписью (см. ч. 1). Согласно ч. 2 данной нормы, в форме электронного документа может быть изготовлено судебное решение, которое подписывается квалифицированной электронной подписью, за исключением предусмотренных законодателем случаев. При этом условием изготовления судебного решения в форме электронного документа является дополнительное изготовление экземпляра на бумажном носителе.

Вероятно, такое положение дел является страховкой от наступления непредвиденных обстоятельств (например, вследствие утери либо частичного или полного уничтожения электронного документа). В теории такой исход может быть, однако на практике маловероятно, учитывая возможные последствия. Таким образом, решительные действия законодателя по внедрению в уголовно-процессуальное поле положений, связанных с электронным документооборотом, дает нам возможность сделать вывод о сущей необходимости собирания доказательств в электронной форме.

Мы обращаем внимание на то, что подача электронных документов осуществляется через официальный портал ГАС «Правосудие». Сервис «Электронное правосудие» обеспечивает доступ к информации по делам и обеспечивает работу с обращениями (заявления, ходатайства, жалобы), подаваемыми в суд в электронном виде. Так, за 2020 г. официально зарегистрировано 3 млрд обращений к ГАС «Правосудие», 3 млн документов было подано в электронном виде, проведено 400 тыс. судебных заседаний по видеоконференцсвязи [4].

Вероятно, О.В. Добровлянина с некой иронией говорила в одной из своих работ о том, что «внедрение «электронных новинок» в досудебном уголовном судопроизводстве происходит точно и довольно последовательно» [5, с. 109]. При этом, по нашему мнению, изменения, происходящие в уголовно-процессуальном законодательстве, имеют

своей направленностью упрощение отдельных процессуальных процедур, что не должно никак отразиться на целях и задачах уголовного судопроизводства.

2. Востребованность в создании удаленных защищенных серверов для хранения значимой доказательственной информации, позволяющей устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании уголовных дел. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1 установлено, что «предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления» [6]. По нашему мнению, прямым фактом, указывающим на необходимость совершенствования уголовно-процессуального инструментария, позволяющего собирать и фиксировать электронные доказательства в российском уголовном процессе, является потребность в хранении конфискованных цифровых активов (в частности, цифровой валюты – биткоинов).

В настоящее время довольно-таки острым видится не только вопрос хранения цифровых валют, а также вопросы их собирания, проверки и оценки при использовании в качестве доказательств. Мы считаем, что российский уголовный процесс практически полностью не адаптирован для решения подобных вопросов. Данный факт ставит под угрозу эффективность расследования уголовных дел, в которых тем или иным образом фигурирует цифровая валюта. Текущее состояние дел сформировало некий вызов для правоохранительных структур. Вследствие чего до 31 декабря 2021 г. Министерство внутренних дел России должно предложить концепцию правового механизма для ареста виртуальных активов с целью их конфискации [7].

Передовым опытом в данном случае можно считать деятельность полиции графства Дербишир (Великобритания), заключившей в январе 2021 г. контракт с кастодиальным сервисом Komaiи, который предоставит властям услуги по хранению конфискованных цифровых активов [8]. При этом данная потребность вызвана регулярностью изъятия криптовалюты в рамках расследования преступлений.

3. Наличие возможностей для перехода от традиционных форм проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий к дистанционным формам. Примечателен факт, свидетельствующий о потребности, имеющей ярко выраженный окрас,

в производстве дистанционных следственных действий, причем как на досудебных, так и судебных стадиях уголовного судопроизводства. Здесь же хотелось бы отметить позицию Л.В. Головки, который говорит о наступлении эпохи нового уголовного процесса: «Нет места, например, классическим следственным действиям, поскольку «существующая система следственных действий, созданная в эпоху традиционной преступности, малопригодна в современных условиях» [9, с. 17].

Так, к примеру, О.В. Овчинникова в одном из своих исследований, руководствуясь результатами опроса 55-ти дознавателей и 30-ти работников следственных подразделений органов внутренних дел Челябинской области, констатирует, что «60 % дознавателей использовали бытовые технологии видеосвязи (Скайп и др.) для получения информации, подлежащей доказыванию по уголовному делу» [10, с. 110]. Вероятно, выборка не особо велика, однако, нам важна констатация самого факта использования информационных технологий для проведения следственных действий.

Если с проведением допросов (например, свидетеля и потерпевшего) все понятно, включая процедуру и порядок производства, то с проведением следственного эксперимента, предъявления для опознания непонятно практически ничего. Конечно, в любом случае будут те следственные и иные процессуальные действия, которые нельзя будет провести без участия живого человека, однако, если есть возможность производства конкретного следственного действия посредством дистанционных технологий, то стоит задуматься об ее использовании. Следовательно, особого внимания при проведении дистанционных следственных действий заслуживает процессуальный порядок оформления и получения электронных доказательств.

Помимо всего вышесказанного, хотелось бы обратить внимание на особое условие, сподвигнувшее к ускорению темпов выработки механизмов и средств для перехода к проведению следственных и иных процессуальных действий в дистанционной форме – пандемия вируса COVID-19. Ее появление действительно можно назвать своего рода катализатором готовности общества в переходе к реалиям онлайн-жизнедеятельности [11, с. 195]. Таким образом, вполне очевидны растущие с каждым годом возможности использования информационно-телекоммуникационных технологий в доказывании преступлений, применение которых при определенных обстоя-

тельствах и вообще можно назвать вынужденной необходимостью.

4. Формирование в научной доктрине представления о цифровой модели предварительного расследования и ее внедрении в практику уголовного судопроизводства. Постановка задачи на модернизацию уголовного судопроизводства, в частности института доказывания, требует концептуально новых подходов к их достижению. Примечательно, что серьезные изменения в уголовно-процессуальной доктрине и законодательстве происходят довольно-таки редко и сопровождаются, как правило, громкими и бурными дискуссиями. Совершенно точно, по нашему мнению, выразился В.Н. Григорьев, сказав, что электронное доказывание сейчас находится «в стадии осмысления и теоретического обоснования» [12, с. 88].

В научной доктрине отечественного уголовного процесса ведется активное изучение возможностей использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве. Так, С.В. Зуев, ведя разговор о цифровой среде уголовного судопроизводства, отмечает, грубо говоря, отсталость отечественного уголовного судопроизводства в отличие от таких стран как Великобритания, Казахстан, Саудовская Аравия, республика Азербайджан, Грузия, Южная Корея, Сингапур, Эстония и т. д. [13, с. 121]. С.В. Зуев в своем исследовании обосновывает, что «на сегодня требуется создание единой цифровой среды уголовного судопроизводства, включающей в себя переход на фиксацию хода процессуальных, в том числе следственных действий, с помощью технических средств и сохранение результатов в электронном виде; разработку пилотного проекта «Электронное уголовное дело» и апробацию его в отдельных субъектах Российской Федерации ...» [13]. На успешные примеры цифровизации уголовно-процессуальной деятельности стран ближнего зарубежья обращают внимание Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин, делая акцент на необходимости в четком разграничении векторов, по которым предполагается применение электронных технологий в ходе уголовного судопроизводства [14, с. 30].

Если же говорить о передовом опыте и технологиях, применение которых в перспективе возможно в отечественном уголовном судопроизводстве, стоит отметить направленность усилий представителей научной доктрины в сдвиге устоявшейся (классической) модели расследования уголовных дел к электронной форме расследования. Однако,

по всей видимости, нет базы, можно даже сказать, фундамента для «строительства» новой модели расследования уголовных дел. В данном контексте вполне обоснованно может возникнуть вопрос: при чем тут электронные доказательства? С нашей точки зрения, изменение классической модели уголовно-процессуальных средств доказывания видится немыслимым без внедрения в практику доказывания электронных доказательств.

С каждым днем в юридической литературе возникает все больше научных трудов относительно цифровизации уголовного судопроизводства, использования систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании и т. п., все это свидетельствует о потребностях использования передовых технологий в уголовном судопроизводстве. Ситуация складывается таким образом, что нескончаемые попытки уйти от реальности, отдалиться от нее никаким образом не повлияют на итог цифровой революции. Рано или поздно она произойдет в уголовном судопроизводстве.

5. Пересмотр идеологических основ уголовного процесса в контексте идей о необходимости в цифровизации и информатизации уголовного процесса. Идеологический вектор в уголовно-процессуальной науке, по справедливому замечанию А.Н. Конева, все больше подвергается анализу. Причем ученые противопоставляют советскую и постсоветскую идеологию уголовного процесса, при этом автор отмечает, что «даже не специалисту заметно, что жизнь современного уголовно-процессуального права представляет собой непрекращающиеся изменения, улучшения, исключения и дополнения» [15, с. 92]. С принятием УПК РФ в 2002 г. была ознаменована смена идеологии всей правоохранительной системы, однако время не стоит на месте, и уже в 3-ем десятилетии 21-го столетия намечаются серьезные перемены, в том числе и идеологические.

Говоря об идеологическом подходе к сущности уголовного процесса, его прошедшими и грядущими изменениям в связи с курсом государства на всеобщую цифровизацию и информатизацию, мы хотим подчеркнуть точку зрения М.П. Полякова, который позиционирует идеологический подход, в первую очередь, в качестве «определенной исследовательской установки, нацеленности научного познания на поиск важнейших идей, программирующих ведущие уголовно-процессуальные идеологии и дающих импульс историческим проектам и эпохам судопроизводства» [16, с. 45].

Важно уловить смысл-назначение так называемых «электронных новинок» и всех связанных с ними нововведений, которые и будут вектором дальнейших исследований в науке уголовного процесса.

В данном случае примечательна позиция А.М. Баранова, рассуждающего на тему электронных доказательств как иллюзии уголовного процесса XXI в. Автор ставит вопрос о причине распространения в теории уголовного процесса и в законе термина «цифровая / электронная информация / доказательства». В то же время он пытается понять, почему этот термин не появился четверть века тому назад, когда стали появляться первые персональные компьютеры и широко использоваться в образовании, производстве и быту. Вывод, к которому пришел А.М. Баранов, как оказалось, прост и очевиден – «так устроено сознание человека, что ему необходимо время, чтобы новые предметы, технологии, отношения приобрели привычные для сознания образы» [17, с. 65].

Дело в том, что в уголовно-процессуальной доктрине в настоящее время идет переосмысление фундаментальных основ доказывания. При этом важно понимать, что дальнейшее развитие уголовно-процессуального права напрямую зависит от последовательной политической воли и искреннего желания государства осуществить надлежащие преобразования во всей их полноте [18, с. 38].

Обсуждения и выводы. Ежегодно растет число научных изысканий, посвященных исследованию электронных доказательств в отечественном уголовном процессе. Результаты их проведения создают почву для бурных дискуссий относительно признания самостоятельности электронных доказательств.

Подобная ситуация заставляет задуматься об их значимости, следовательно, и вопросе их необходимости в современном уголовном процессе. По нашему мнению, на сегодняшний день для этого имеется значительное количество предпосылок, а именно:

1. Наличие потребности в собирании и фиксации значимой доказательственной информации по уголовным делам в электронной форме.

2. Востребованность в создании удаленных защищенных серверов для хранения значимой доказательственной информации, позволяющей устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании уголовных дел.

3. Широкие возможности для перехода от традиционных форм проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий к дистанционным формам.

4. *Формирование в научной доктрине представления о цифровой модели предварительного расследования и ее внедрении в практику уголовного судопроизводства.*

5. *Пересмотр идеологических основ уголовного процесса в контексте идей о необходимости в цифровизации и информатизации уголовного процесса.*

Указанные предпосылки нельзя считать исчерпывающими, однако их можно рассматривать в качестве ключевых в процессе поиска ответа на вопрос: нужен ли в российском уголовном процессе новый, самостоятельный вид доказательств – электронные доказательства. Тем самым автор исследования указывает на потребность в выработке единого комплексного подхода к восприятию такого феномена как электронные доказательства.

Литература

1. URL: file:///C:/Users/kolic/Downloads/Sb_2012.pdf.
2. Ищенко Е.П., Кручинина Н.В. Преступления, совершаемые с использованием высоких технологий // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5.
3. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.
4. URL: https://legal.report/wp-content/uploads/2021/02/prezentaciya-k-dokladu-09_02_2021_-szhatyj.pdf.
5. Добровлянина О.В. Внедрение новых электронных технологий в уголовное судопроизводство // Exjure. 2019. № 2.

Bibliography

1. URL: file:///C:/Users/kolic/Downloads/Sb_2012.pdf.
2. Ishchenko E.P., Kruchinina N.V. Crimes committed with the use of high technologies // All-Russian criminological journal. 2019. Vol. 13. № 5.
3. Polyakov M.P. Criminal-procedural interpretation of the results of operational-search activity: dis. ... D-r of Law. Nizhny Novgorod, 2002.
4. URL: https://legal.report/wp-content/uploads/2021/02/prezentaciya-k-dokladu-09_02_2021_-szhatyj.pdf.
5. Dobrovlyanina O.V. The introduction of new electronic technologies in criminal proceedings // Exjure. 2019. № 2.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 26, 2019 № 1

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета от 07.03.2019 № 51.
7. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7265185>.
8. URL: <https://forklog-com.turbopages.org/forklog.com/s/politsiya-velikobritanii-vybrala-servis-dlya-hraniya-konfiskovannoj-kriptovalyuty/>.
9. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.
10. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47).
11. Спесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник СГЮА. 2020. № 3 (134).
12. Григорьев В.Н. О регулировании цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти // Вестник УЮИ. 2019. № 3 (85).
13. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4.
14. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).
15. Конев А.Н. Уголовно-процессуальная идеология как основа эффективного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31).
16. Поляков М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).
17. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13.
18. Зайцев О.А. Государственно-правовая идеология развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Труды академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).
- «On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2015 № 32 «On judicial practice in cases of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal by, and on the acquisition or sale of property, knowingly obtained by criminal means» // Rossiyskaya Gazeta dated March 7, 2019. № 51.
7. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7265185>.
8. URL: <https://forklog-com.turbopages.org/forklog.com/s/politsiya-velikobritanii-vybrala-servis-dlya-hraniya-konfiskovannoj-kriptovalyuty/>.
9. Golovko L.V. Digitalization in Criminal Procedure: Local Optimization or Global Revolution? // Bulletin of economic security. 2019. № 1.
10. Ovchinnikova O.V. Remote investigative actions: current state and prospects / Legal science and law enforcement practice. 2019. № 1 (47).
11. Spesivov N.V., Titov A.A. Pandemic COVID-19 as a factor of «forced digitalization» of Russian criminal justice // Bulletin of the SGLA. 2020. № 3 (134).
12. Grigoriev V.N. On the regulation of digital relations in the field of criminal procedural activities of the judicial and executive authorities // Bulletin of the UYUI. 2019. № 3 (85).
13. Zuev S.V. Digital environment of criminal justice: problems and prospects // Siberian legal bulletin. 2018. № 4.
14. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Modernization of the criminal procedural form in the information society // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (51).
15. Konev A.N. Criminal procedural ideology as the basis of effective legal proceedings // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3 (31).
16. Polyakov M.P. Ideological approach and criminal procedural conceptology as tools for understanding the essence of domestic criminal justice // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (45).
17. Baranov A.M. Electronic evidence: the illusion of criminal procedure XXI century // Criminal justice. 2019. № 13.
18. Zaitsev O.A. State-legal ideology of the development of criminal justice in the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (45).

© 2021 г. Телевицкая Юлия Андреевна,
адъюнкт Нижегородской академии МВД России.
E-mail: jultelevitskaya@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ СРОКА ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ, ВЫДАННОГО В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 165 УПК РФ

В статье рассматриваются этапы производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, на основании которых он приходит к выводу о наличии пробела в уголовно-процессуальном законодательстве РФ. УПК РФ не предусматривает срок, в течение которого имеет юридическую силу судебное разрешение, выданное в порядке ст. 165 УПК РФ.

Ключевые слова: следственные действия, конституционные права граждан, судебное разрешение, ограничение срока исполнения судебного разрешения, обыск, выемка.

Televitskaya Yulia Andreyevna – Adjunct, the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ON THE ISSUE OF THE NEED TO LIMIT THE TERM OF EXECUTION OF A JUDICIAL PERMISSION GIVEN IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 165 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author examines the stages of investigative actions that restrict the constitutional rights of citizens, on the basis of which he comes to the conclusion that there is a gap in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not provide the period during which a judicial permission issued in accordance with Article 165 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: investigative actions, constitutional rights of citizens, judicial permission, limitation of the term of execution of a judicial permission, search, seizure.

В уголовно-процессуальной науке большое внимание уделяется проблемам судебного контроля над производством следственных действий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина. Пристальное внимание к данному вопросу обосновывается общей тенденцией, направленной на имплементацию международно-правовых ценностей в систему национальных права.

Следственные действия представляют собой наиболее распространенный способ собирания и проверки доказательств. Как правило, при производстве каждого следственного действия тем или иным образом могут быть ограничены права граждан, но законодатель в ч. 2 ст. 29 УПК РФ выделил перечень следственных и процессуальных действий, которые связаны с ограничением именно конституционных прав человека и гражданина. Порядок получения судебного разрешения на производство следственных действий предусмотрен ст. 165 УПК РФ. Одной из главных задач суда, решающего вопрос о целесообразности производства следственного действия, является препятствие возмож-

ному злоупотреблению со стороны правоохранительных органов [1, с. 15].

О.А. Берзинь выделяет следующие этапы производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан [2, с. 29–30]:

1. Возникновение основания для принятия субъектом расследования решения о производстве следственного действия. О.А. Берзинь и А.И. Леонов также обращают внимание на формулировку «необходимости и целесообразности производства следственного действия, ограничивающего права граждан». Авторы делают акцент на обязательности обоснования принятого решения о производстве следственного действия и считают, что необходимость производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, следует подтверждать доказательствами, которые одновременно указывают, какие новые предметы, имеющие значение для уголовного дела, могут быть получены в определенный период времени [3, с. 7].

2. Второй этап включает в себя вынесение уполномоченным на то должностным лицом

постановления о возбуждении перед судом ходатайства о производстве следственного действия, при производстве которого могут быть ограничены конституционные права граждан. Часть 4 ст. 7 УПК РФ определяет, что постановления следователя и дознавателя должны соответствовать следующим обязательным критериям: быть обоснованными и мотивированными, а также соответствовать нормам закона.

3. Согласование процессуального документа с руководителем следственного органа либо прокурором (в зависимости от формы предварительного расследования).

4. Рассмотрение ходатайства в суде и принятие по нему решения. Судья на данном этапе рассматривает поступившие к нему материалы уголовного дела со стороны достаточности доказательств, которые были положены в основу ходатайства и обоснованности производства следственного действия, в данный период времени производства по делу.

5. Непосредственно производство следственного действия выделяет О.А. Берзинь в качестве заключительного этапа. Однако следует отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве РФ нормативное регулирование рассматриваемого вопроса, по нашему мнению, считается неполным.

Следует отметить, что УПК РФ не устанавливает срок, по истечении которого разрешение суда, выданное на производство следственного действия, будет признано недействительным. Вопрос о предельном сроке действия выданного разрешения остается открытым. Отсутствие в УПК РФ сроков исполнения постановления судьи о производстве следственного или процессуального действия приводит к выводу о том, что рассматриваемое постановление будет действительно на протяжении всего срока производства по уголовному делу. Однако следует разобратся поподробнее.

Практикующий адвокат В.В. Мясников приводит следующий пример: 14 июня 2019 г. следователь с целью проведения обыска в жилище предъявил гражданину С. постановление судьи, датированное 29 ноября 2017 г. Расследование по делу неоднократно приостанавливалось, сменилось несколько следователей. Получается, что разрешение на производство следственного действия получил один следователь, а производил обыск другой. Однако как отмечает В.В. Мясников, формально

действия следователя, предъявившего постановление суда давностью почти в два года, не противоречат ст. 182 и ст. 165 УПК РФ, т. к. уголовно-процессуальный кодекс в настоящий момент не содержит ограничения по срокам применения судебного решения [4].

Следует отметить, что производство такого следственного действия, как обыск в жилище, связан с ограничением конституционных прав граждан. Производство обыска и выемки в жилом помещении должно быть обосновано наличием достоверных сведений у органов, производящих расследование, о нахождении в том или ином месте предметов и документов, которые могут иметь значение для расследования по уголовному делу, при условии возможности их скорой утраты или уничтожения. Поэтому получение судебного решения, без его последующего исполнения в кратчайшие сроки, считаем нецелесообразным, т. к. происходит несоблюдение принципов внезапности и своевременности. Если у следователя имеются юридические и фактические основания для производства следственного действия, то затягивание с исполнением решения суда должно быть расценено как невыполнение органами расследования своей обязанности по раскрытию преступлений в кратчайшие сроки.

Одним из основополагающих принципов уголовного процесса является осуществление судопроизводства в разумный срок. Соблюдение процессуальных сроков поддерживает режим законности как при производстве следственных действий, так и при расследовании по делу в целом. В Апелляционном Постановлении Ленинградского областного суда от 05.07.2017 № 22-1519/2017 автор жалобы обращает внимание на нарушение уголовно-процессуального законодательства, а именно на предъявление обвинения с нарушением срока, установленного ст. 172 УПК РФ, что делает рассматриваемое предъявление юридически недействительным. Ленинградский областной суд при рассмотрении указанной жалобы пришел к выводу, что предъявление обвинения по истечении трехсуточного срока не может быть основанием для

признания постановления о привлечении в качестве обвиняемого недействительным. Акты следователя, вынесенные в ходе расследования, сохраняют свою юридическую силу на все время производства по уголовному делу [5].

Однако следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 [6] указано, что при разрешении ходатайства о производстве следственного действия, судья в обязательном порядке проверяет наличие фактических обстоятельств, на основании которых он принимает решение по рассматриваемому вопросу. При производстве, к примеру, обыска или выемки в жилище судом оценивается достаточность данных в материалах уголовного дела, которые указывают на то, что в жилище предположительно находятся предметы и документы, оборудование, оружие и иные ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела [7, с. 304–309]. Соответственно, суд проверяет наличие фактических обстоятельств, служащих основанием для производства следственного действия именно в данный момент, что еще раз подтверждает нецелесообразность его производства по истечении большого периода времени, т. к. теряется актуальность производимой судом проверки.

Срок расследования по уголовным делам устанавливается уголовно-процессуальным законодательством и зависит от формы, в которой проходило производство по делу: предварительное следствие, ординарное и сокращенное дознание, и равен 2 месяцам, 30 и 15 суткам соответственно. Срок производства по делу может быть продлен, к примеру, при появлении новых фактических обстоятельств либо особой сложности уголовного дела.

Судебные решения, принимаемые в рамках ст. 165 УПК РФ, по нашему мнению, следует признавать действительными на протяжении срока производства по уголовному делу в зависимости от формы предварительного расследования, без учета сроков продления. Соответственно, если уголовное дело расследовалось в форме предварительного следствия, то, на основании ч. 1 ст. 162 УПК РФ по общему правилу, оно должно быть закончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела. Судебное разрешение, выданное на основании ходатайства следователя, в порядке ст. 165 УПК РФ

должно быть исполнено не позднее 2 месяцев с момента его вынесения. Если ходатайство о производстве следственного действия в порядке ст. 165 УПК РФ подано дознавателем, то срок юридического действия судебного разрешения должен составлять, по нашему мнению, 15 либо 30 суток соответственно в зависимости от вида дознания.

В рассмотренном нами выше примере обыск провели спустя два года после вынесения судебного решения на его производство, следственное действие было проведено в рамках производства по делу, что по своей сути не нарушает норм уголовно-процессуального законодательства. Однако за такой длительный срок могли измениться обстоятельства, которые суд вкладывал в основу принятия решения, соответственно, суду необходимо заново оценить сложившуюся ситуацию, что требует повторного возбуждения перед судом ходатайства о производстве следственного действия.

Если обратиться к практике зарубежных стран, то можно выделить процессуальное законодательство стран англосаксонской системы права, таких как Великобритания и Соединенные Штаты Америки.

Законодательство Великобритании содержит срок исполнения ордера на обыск помещений. Обыски, производство которых требует получения судебного ордера, должны быть произведены в течение трех календарных месяцев с момента его выдачи (ч. 6.1, раздел 6 Кодекса В) [8]. Следует отметить, что выемка по законодательству Великобритании не выделяется как отдельное процессуальное действие. Изъятие необходимых предметов и документов происходит в рамках обыска, который, в отличие от изъятия, имеет отдельное нормативное регулирование, затрагивающее и некоторые вопросы выемки предметов, имеющих значение для расследования. Обыск по общему правилу относится к числу полицейских действий, которые сопряжены с ограничением прав личности, поэтому для его производства требуется получение ордера [9, с. 222–224]. Следовательно, не только на производство обыска в жилище законодательство Великобритании требует получения ордера, но и на производство выемки, т. к. изъятие признается составляющим обыска, и правила трех календарных месяцев распространяются и на выемку в том числе.

Соединенные Штаты Америки еще в Конституции 1787 г. закрепили основные права

и свободы граждан, важнейшими из которых являются неприкосновенность жилища и личности. В ходе производства следственных действий может происходить существенное их ограничение, обыск и выемка не являются исключением. В связи с этим особый интерес представляет собой правовая регламентация обыска и выемки в США как страны, старающейся оградить своих граждан от необоснованного нарушения их конституционных прав.

В соединенных Штатах Америки срок исполнения ордера на производство обыска составляет 14 суток с момента его выдачи. Также следует отметить, что ордер после своего исполнения возвращается судье с указанием предметов, которые были изъяты. Если по каким-либо причинам ордер не был исполнен, то он также подлежит возврату судье, его выписавшему, для последующего возобновления либо погашения [10, с. 75–79].

Соотношение общих правил правовых явлений национального нормативно-правового регулирования и норм международного законодательства различных правовых систем, объективная оценка уже сформировавшегося опыта зарубежных стран, возможность последующего заимствования позитивного опыта иностранных государств обуславливают целесообразность международно-правовой интеграции для более эффективной реализации назначения российского национального уголовного судопроизводства.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным перенимание положительного опыта Зарубежных стран в рассматриваемой проблеме.

Ограничение срока действия судебного разрешения, выданного в порядке ст. 165 УПК РФ на основании общего срока предварительного расследования, без учета сроков продления и в зависимости от формы его производства, основывается на следующих позициях:

1) обязательным условием для продления срока производства по уголовному делу является его особая сложность и наличие новых фактических обстоятельств;

2) при составлении ходатайства перед судом о производстве следственного действия

следователь либо дознаватель указывает фактические обстоятельства дела, существующие в момент времени, соответствующий составлению ходатайства. Суд принимает решение на основании поданного ходатайства и предоставленных материалов уголовного дела;

3) если по истечении общего срока производства по делу судебное разрешение, полученное в порядке ст. 165 УПК РФ, не было приведено в исполнение, то после процедуры продления срока по уголовному делу будет теряться актуальность указанного судебного решения, т. к. судебное разрешение было выдано на основании обстоятельств, существующих в определенный период времени, а если срок производства по уголовному делу все-таки был продлен, то данный факт подтверждает возникновение новых фактических обстоятельств, которые еще не были исследованы судом. Следовательно, судебное разрешение на производство следственного действия является уже неактуальным, суду следует рассмотреть вновь возникшие обстоятельства, на основании которых он в последующем примет новое решение.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным установление в действующем уголовно-процессуальном законодательстве РФ срока юридического действия судебного разрешения на производство следственных действий, т. к. его отсутствие вызывает множество спорных моментов и образует пробел в законодательстве. Затягивание с исполнением решения суда нарушает принципы разумного срока уголовного судопроизводства, внезапности и своевременности, обнаружения доказательственной информации, которая могла быть искажена, утрачена или уничтожена по объективным причинам. Предлагаем дополнить ст. 165 УПК РФ частью 6 следующего содержания: «Судебное разрешение, выданное на производство следственного действия, должно быть исполнено незамедлительно, но не позднее окончания срока производства по уголовному делу в зависимости от формы предварительного расследования, без учета сроков продления».

Литература

1. Ковтун Н.Н. Судебное «санкционирование» следственных действий // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3.

Bibliography

1. Kovtun N.N. Sudebnoye «sanktsionirovaniye» sledstvennykh deystviy // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. 2017. № 3.

2. Берзинь О.А. К вопросу об особенностях производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31).

3. Берзинь О.А., Леонов А.И. Порядок производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, как уголовно-процессуальная форма // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 4.

4. URL: <https://www.ugpr.ru/article/1779-obysk-cherez-dva-goda-posle-postanovleniya-smeh-ili-greh>.

5. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SARB&n=107968&dst=100002#08953627249830487>.

6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/.

7. Смирнова И.С. Применение положений постановления пленума Верховного суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан» (ст. 165 УПК РФ), касающихся предварительного судебного контроля // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 3. Т. 15.

8. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/117591/pace-code-b-2011.pdf.

9. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств: учебное пособие. М., 2002.

10. Бутенко О.В. Правовые аспекты обыска и выемки в зарубежных странах // Вестник науки и образования. 2017. № 6 (30). Т. 2.

2. Berzin' O.A. K voprosu ob osobennostyakh proizvodstva sledstvennykh deystviy, ogranichivayushchikh konstitutsionnyye prava grazhdan // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 1 (31).

3. Berzin' O.A. Leonov A.I. Poryadok proizvodstva sledstvennykh deystviy, ogranichivayushchikh konstitutsionnyye prava grazhdan, kak ugovolno-protsessual'naya forma // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. 2017. № 4.

4. URL: <https://www.ugpr.ru/article/1779-obysk-cherez-dva-goda-posle-postanovleniya-smeh-ili-greh>.

5. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc&base=SARB&n=107968&dst=100002#08953627249830487>.

6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/.

7. Smirnova I.S. Primeneniye polozheniy postanovleniya plenuma Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii «O praktike rassmotreniya sudami khodataystv o proizvodstve sledstvennykh deystviy, svyazannykh s ogranicheniyem konstitutsionnykh prav grazhdan (stat'ya 165 UPK RF)», kasayushchikhsya predvaritel'nogo sudebnogo kontrolya // Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii. 2018. № 3. Т. 15.

8. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/117591/pace-code-b-2011.pdf.

9. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv: ucheb. Posobiye. M., 2002.

10. Butenko O.V. Pravovyye aspekty obyska i vyyemki v zarubezhnykh stranakh // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2017. № 6 (30). Т. 2.

© 2021 г. Якубина Юлия Павловна,

доцент кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова кандидат юридических наук, доцент.

Диденко Николай Сергеевич,

начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

ПРОКУРОРСКО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В настоящее время одной из наиболее значимых и развитых форм предварительного расследования является следствие. В связи с чем вопросы правового статуса и независимости следователя в российской правовой системе в настоящее время являются довольно актуальными и значимыми.

Ключевые слова: следователь, процессуальная независимость, прокурорский надзор, уголовно-процессуальный закон, ведомственный контроль.

Yakubina Yuliya Pavlovna – Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, PhD in Law, Associated Professor.

Didenko Nikolay Sergeevich – Head of the Department of Criminal Procedure, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

PROSECUTOR'S SUPERVISION ACTIVITIES AND PROCEDURAL INDEPENDENCE OF THE INVESTIGATOR: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

Currently, one of the most significant and developed forms of preliminary investigation is the judicial scrutiny. In this connection, the issues of the legal status and independence of the investigator in the Russian legal system are currently quite relevant and significant.

Keywords: investigator, procedural independence, prosecutor's supervision, criminal procedure law, departmental control.

В докладе Президента Российской Федерации обращается внимание, что главный критерий оценки работы следователей выражается в доверии общества и граждан, в связи с чем важно обеспечить грамотность и безукоризненность каждого процессуального решения, принятого следователем. В случае допущения ошибки необходимо своевременно ее исправить и восстановить истину [4].

Чтобы достигнуть законности и обоснованности принимаемых решений, необходимо обеспечить следователя всем необходимым, в том числе предоставить ему все требуемые права и полномочия, т. е. предоставить определенную независимость в своих действиях и решениях. На сегодняшний день обеспечение независимости следователя является одной из основных целей уголовно-процессуального законодательства.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации положение о независимости следователей выражается в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, которая устанавливает возможность следователя самостоятельно направлять ход

расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением некоторых случаев (требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа) [5]. Значительная свобода действий предоставляется следователю при проверке сообщений о преступлениях и производстве предварительного расследования.

Процессуальная независимость следователя означает его возможность обжаловать решения должностных лиц, которые осуществляют прокурорский надзор и ведомственный контроль за его процессуальной деятельностью, которые были приняты по результатам рассмотрения вопроса о законности и обоснованности вынесенных следователем решений по уголовному делу [1].

Стоит обратить внимание, что следователь реализует правоохранительную функцию уголовного преследования от имени государства, принимая решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, о начале и окончании уголовного преследования

отдельных лиц, что налагает на него большую ответственность перед обществом и государством за результат своей работы. На нем лежит вся полнота ответственности за ход и результаты расследования.

Важно помнить о том, что процессуальная независимость следователя в некоторой степени ограничивается должностными лицами и органами, которые осуществляют надзор и контроль за деятельностью сотрудников следствия. Многие современные ученые-процессуалисты сходятся во мнении о том, что на сегодняшний день проверка действий следователя происходит в три этапа: со стороны руководителя следственного органа (ведомственный процессуальный контроль), прокурора (прокурорский надзор), суда (судебный контроль).

Прокурорский надзор является одним из важных этапов в деятельности следователя. Приказ от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (далее по тексту – Приказ № 826) четко определяет сроки, в течение которых руководитель следственного органа или следователь обязаны направить прокурору копию процессуального акта (постановления), который фиксирует их решение о возбуждении уголовного дела (незамедлительно), решение об отказе в возбуждении уголовного дела (в течение 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления) [2]. Однако и принятие прокурором решения об отмене постановления следователя является четко регламентированным данным приказом (14 суток с момента получения материалов уголовного дела).

Казалось бы, что в данной ситуации не идет речи ни о какой независимости следователя, однако законодателем допускается определенная свобода по срокам для следователя. В ст. 208 УПК РФ указана обязанность следователя направить прокурору копию постановления о приостановлении предварительного следствия, однако не обозначен срок, в течение которого это необходимо сделать. Также положения ст. 213 УПК РФ обозначают необходимость направления копии постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, но не имеют четкого срока.

Несмотря на существование определенного контроля и надзора со стороны вышестоящих

инстанций, следователь имеет определенную долю независимости в принятии своих решений. И при этом важно заметить, что идет совпадение цели прокурорского надзора в уголовно-процессуальной сфере и деятельности следователя – они выражаются общей целью уголовного процесса по конкретному уголовному делу. По факту при расследовании уголовных дел должно присутствовать взаимодействие указанных должностных лиц, что поможет качественно и эффективно осуществить расследование. Но не стоит забывать, что все же прокуратура выполняет функции надзирающего органа. Согласно Приказу № 826 при осуществлении надзорной функции, прокуратура исключает немотивированные отмены процессуальных решений, реализуя имеющиеся полномочия в случае необходимости установления обстоятельств, без оценки которых невозможно исключить преступный характер исследуемого деяния и обеспечивает принятие законного решения.

Обратить внимание необходимо на тот факт, что осуществление прокурорского надзора не должно ограничивать самостоятельность следователя, а, наоборот, повышать ее и ответственность за своевременное и законное производство следственных действий за раскрытие каждого преступления. Прокурорский надзор должен стать не «кнутом», с помощью которого пресекаются любые действия следователя и ограничивается поле его деятельности, а определенным инструментом взаимопомощи. Прокурор, исследуя материал уголовного дела, может заметить нарушения и потребовать от следователя устранить выявленные недостатки.

Уголовно-процессуальный закон, обеспечивая независимость следователей, не должен ставить в зависимость от полномочий прокурора по осуществлению надзора выполнение процессуальных действий. Следователь обладает возможностью выбора процессуальных средств по раскрытию и расследованию преступлений, применения мер процессуального принуждения, а также проверки всех версий расследования. Полномочия следователя позволяют успешно исполнять возложенные на него функции и задачи, при этом сохраняя долю независимости от своего руководства и вышестоящих инстанций. Данный факт подтверждает практическая деятельность следственных подразделений.

Обратимся к практической деятельности следователей ОВД. По статистическим данным Орловской транспортной прокуратуры СО ЛО МВД на ст. Орел за 6 месяцев 2021 г. окончено – 9 дел (в отношении 9 обвиняемых), из числа оконченных дел направлено в суд с обвинительным заключением – 7, с другим итоговым решением – 1 дело; возвращено прокурором дел для дополнительного расследования – 1. Приостановлено предварительное следствие по п. 1. ч. 1 ст. 208 УПК РФ – 14 уголовным делам. Отмененных решений нет. Расследовано дел в срок свыше установленного законом – 5 дел*.

Рассмотрим практику деятельности следователей ОВД по вопросу обращения в суд за избранием мер пресечения на примере г. Орла за 2018 г. и последующие годы. Так, при анализе статистики обращения следователя в районные суды г. Орла за избранием меры пресечения в виде заключения под стражу мы выявили, что всего в суд поступило 296 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них – 239 было удовлетворено (это 80,7 %). По вопросу продления сроков содержания под стражей зарегистрировано – 582 ходатайства, из них – 560 удовлетворено (96,2 %). Исследуя деятельность следователей по вопросу избрания мер пресечения по судебному решению за предыдущие года следует отметить, что количество обращений следователей в суд с ходатайством значительно увеличилось**.

Анализируя статистику, мы также выявили, что применение меры пресечения в виде заключения под стражу в 2020 г. участилось на 20–25 %. Такая мера пресечения, как домашний арест, в 2020 г. применялась реже. Ряд ученых считают, что большинство преступлений, совершенных в 2020 г., связаны с домашним насилием, называемым в повседневной жизни «бытовухой». Именно поэтому, по мнению органов расследования, подозреваемому (обвиняемому) целесообразнее находиться изолированным от своей семьи.

Как нам известно, работник прокуратуры, осуществляющий надзор за органом расследования, следить за тем, чтобы следователь устанавливал и предоставлял все обстоятельства,

указывающие на лицо, совершившее преступление, а также то, что иная мера пресечения избрана быть не может, иначе суд может отказать в избрании данной меры.

Так, анализ представленных данных за 2018 г. показал, что в практике судов области отсутствуют случаи удовлетворения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу без указания в принятом решении данных, свидетельствующих о реальной возможности совершения лицом действий, указанных в ст. 97 УПК РФ, а также без учета обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ. Практика следственной, прокурорской и судебной деятельности указывает нам на то, что работники прокуратуры, а также суда работают ответственно и исследуют все материалы и факты по уголовному делу, дабы исключить незаконное ограничение прав и свобод гражданина (обвиняемого, подозреваемого).

До внесения изменений в УПК РФ в 2007 г. у прокурора было право участвовать в производстве предварительного расследования, которым он активно пользовался [3]. В настоящее время УПК РФ прямо не предусматривает такого права за прокурором, однако прокурор имеет право проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, требовать устранения допущенных нарушений, возвращать уголовные дела, что говорит о некотором участии прокуратуры в предварительном расследовании.

При этом стоит отметить, что прокурор не должен принимать на себя полномочия следователя и решать, каким образом расследовать то или иное дело. Прокурор вправе требовать от следователя активизировать работу по расследованию, но направление хода расследования в любом случае должно осуществляться следователем.

Некоторые исследователи-процессуалисты отмечают, что в российском государстве независимость следователя является только «красивой декларацией» ввиду того, что существует и руководитель следственного органа, который может признать любое решение следователя незаконным и необоснованным и отменить его, а также давать следователю

* Сведения о следственной работе и дознании ОВД за январь–май 2021 г., СО ЛО МВД на ст. Орел // Федеральное статистическое наблюдение.

** Статистика предоставлена сайтом Орловского областного суда URL: http://oblsud.orl.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud.

различные указания относительно расследуемого уголовного дела, и прокуратура, которая осуществляет надзор за деятельностью следователя [6].

С данным мнением можно согласиться частично поскольку, рассматривая имеющиеся полномочия руководителя следственного органа и прокуратуры относительно следователя, можно заметить, что фигура данного должностного лица является не настолько самостоятельной и независимой, как это представляется после изучения ст. 38 УПК (которая рассматривает следователя как участника уго-

ловного судопроизводства со стороны обвинения).

Таким образом, в настоящее время процессуальная независимость следователя развита в недостаточной степени. Являясь ограниченным в осуществлении некоторых прав и полномочий, данное должностное лицо все же несет всю ответственность за решение по уголовному делу, за его «судьбу». В связи с чем необходимо обеспечить реальную процессуальную независимость деятельности следователя, а не декларативную, как ее сейчас можно рассматривать.

Литература

1. Малахова Л.Е. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя в российском уголовном судопроизводстве // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство. Сборник статей VI Международной научно-практич. конф. 2019.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «Гарант».
3. Подопригора А.А. Некоторые вопросы прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью следователя // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2019. № 4.
4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4432566>.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 // СПС «Гарант».
6. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/7/processualnaya_nezavisimost_sledovatelya.
7. Диденко Н.С. Оптимизация процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа как гарантия соблюдения режима законности в ходе предварительного следствия // Научный портал МВД России. 2019. № 3 (47).

Bibliography

1. Malakhova L.E. Procedural independence and independence of the investigator in Russian criminal proceedings // Legal sciences, legal state and modern legislation. Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference. 2019.
2. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated December 28, 2016 № 826 «On the organization of prosecutorial supervision over the procedural activities of the preliminary investigation bodies» // LRS «Garant».
3. Podoprighora A.A. Some issues of prosecutor's supervision over the criminal procedural activities of the investigator // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2019. № 4.
4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4432566>.
5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12/18/2001 // LRS «Garant».
6. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/7/processualnaya_nezavisimost_sledovatelya.
7. Didenko N.S. Optimization of the procedural powers of the prosecutor and the head of the investigative body as a guarantee of compliance with the rule of law during the preliminary investigation // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (47).

© 2021 г. Лозовский Денис Николаевич,

профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент.

Лозовская Наталья Николаевна,

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета
МВД России кандидат юридических наук.

Ульянова Ирина Рачиковна,

заместитель начальника кафедры уголовного процесса Краснодарского университета
МВД России кандидат юридических наук, доцент.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассмотрены особенности применения беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений. Проанализирован положительный опыт в деятельности правоохранительных органов, выявлены недостатки и предложены отдельные рекомендации, направленные на совершенствование деятельности по использованию беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, тактика производства отдельных следственных действий, осмотр места происшествия, квадрокоптер.

Lozovsky Denis Nikolaevich – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

Lozovskaya Natalya Nikolaevna – Senior Lecturer, the Department of Special Disciplines, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Ulyanova Irina Rachikovna – Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN THE PROCESS OF INVESTIGATING CRIMES: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

The article considers the features of using unmanned aerial vehicles in the process of investigating crimes. The positive experience in activities of law enforcement agencies is analyzed, shortcomings are identified and individual recommendations are proposed aimed at improving the usage of unmanned aerial vehicles.

Keywords: unmanned aerial vehicle, tactics of the production of individual investigative actions, inspection of the scene of the accident, quadcopter.

Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) – один из многих элементов, характеризующих направления и темпы развития современной науки и техники. Сегодня БПЛА активно используются в самых разных областях деятельности человека, включая мониторинг экологической и противопожарной обстановки территорий и лесных массивов, контроль транспортных магистралей и путепроводов, выполнение задач в оборонной сфере, получение видеосюжетов для средств массовой информации и многое другое. Современные БПЛА обладают рядом выгодных качеств, позволяющих их применять без подготовки специальных площадок и взлетно-посадочных полос: мобильность в доставке к

месту применения, быстрая подготовка к взлету и прокладка заданного маршрута полета, значительная дальность, высота и время полета, простота в управлении полетом, высокое качество получаемых видеоматериалов [1].

Возможность использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел также может стать актуальной и полезной, например, для достижения результатов такого следственного действия как осмотр места происшествия (ОМП).

В рамках деятельности органов внутренних дел БПЛА можно использовать при проведении осмотров мест происшествий по различным видам преступлений на участках

местности обширной площади, границы осмотра которой определены следователем или ограничены высотой и дальностью полета используемого беспилотника, а также в труднодоступной местности. К последней можно отнести болотистые местности, высокогорные участки, лесные заросли, а также сложные участки дорог.

Так, в результате проведения проверочных мероприятий по одному из изученных уголовных дел было установлено, что гр. Х изготавливает наркотическое средство «маковая соломка», входящее в список Перечня наркотических средств и психотропных веществ, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.1998 № 681 [2].

В ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «Наблюдение» надзор за поведением гр. Х традиционными (визуальными) способами не принес должного результата.

В этой связи было принято решение использовать беспилотный летательный аппарат, состоящий на вооружении авиационного отряда специального назначения Росгвардии.

Воздушная разведка осуществлялась с помощью БПЛА, оснащенного видеокамерой, прибором ночного видения, тепловизионным монокуляром на высоте свыше 500 метров, при этом метеорологические условия и время суток не имели значения. В ходе проведенного мероприятия были обнаружены и распознаны движущиеся и неподвижные объекты, в том числе определены размеры и протяженность наркоплантации, тайники с наркотическими средствами, а также выявлены их муляжи.

В результате проведенных ОРМ на сельскохозяйственном поле, находящемся в трех километрах от поселка Данный Троицкого района Челябинской области, выявлен участок местности, на котором гр. Х осуществлял культивирование наркосодержащих растений. Материалы, полученные с помощью БПЛА, были доступны к просмотру в специально оборудованном автомобиле в режиме реального времени, что позволило оперативно спланировать мероприятия и провести задержание гр. Х.

В данном случае осуществление оперативно-розыскного мероприятия с использованием БПЛА позволило обследовать значительную территорию для обнаружения очагов

произрастания наркосодержащих растений, выявить недоступные для традиционного наблюдения места плантации наркотических культур, а также провести наблюдение на предполагаемых маршрутах наркокурьеров, включая приграничные районы области, в любое время суток с соблюдением мер конспирации.

Основными техническими параметрами, которые оцениваются при использовании БПЛА в криминалистических целях, являются:

- сам материал, из которого изготовлен аппарат (углеродное волокно, легосплавный, дюралюминиевый и др.);
- возможность раздельного управления полетом БПЛА и камерой;
- модификация аккумуляторов большой емкости и время полета;
- наличие дополнительных съемных конструкций: например, несколько фото- и видеокамер, источники освещения, радиостанции, действующие в качестве воздушного ретранслятора, иная аппаратура для сбора информации и радиоэлектронной борьбы, различные датчики и лазерные локаторы, крепления для транспортировки; – объем полезной нагрузки от 2 до 400 кг;
- количество и характеристика двигателей (например, 8 бесколлекторных двигателей с 15 карбоновыми пропеллерами; модификация гироскопа, являющегося основным узлом, который отвечает за пространственную ориентацию дрона);
- наличие возможности онлайн-трансляции видео в формате HD;
- возможность отслеживать с GPS (а также ГЛОНАСС) траекторию полета, удерживая позиции, возвращаясь в точку старта или осуществляя полет по точкам;
- наличие функции обрыва связи с оператором (при потере связи переход в автоматический режим работы с заранее определенной траекторией полета);
- наличие дополнительного (защищенного) шифрования между модулем контроля БПЛА и устройством управления [3].

Вместе с тем использование БПЛА в процессе расследования преступлений имеет и ряд негативных моментов. Так, исследование, проведенное О.Б. Дроновой и Е.С. Храмовой, позволило выявить ряд недостатков применения БПЛА в процессе фиксации обстановки, в которой производилось следственное действие. Все они могут быть структурированы по следующим направлениям.

1. Организационного характера:

– отсутствие четкого алгоритма действий сотрудника, применяющего БПЛА в рамках производства следственного действия (с каких точек, высоты, ракурса проводить фотосъемку, как правильно ориентировать местоположение и т. д.), и требований, предъявляемых к получаемому иллюстративному материалу.

2. Технического характера:

– полученные с помощью БПЛА ориентирующие и обзорные фотоснимки не имеют принципиальных информационных отличий от своих аналогов, выполненных методом панорамирования с верхней точки съемки при использовании стандартной фотоаппаратуры.

3. Тактического характера:

– данные фотоснимки изготавливаются специалистом, не изучающим полученный материал в процессе экспертных исследований, реконструкций первоначальной обстановки места происшествия и т. д., в связи с чем не выделяются информационные узлы, содержащие ключевые элементы будущих объектов исследований [4].

В связи с этим нами предлагается ряд рекомендаций по организации и проведению следственных действий с использованием БПЛА.

До выезда на осмотр места происшествия, в ходе которого планируется применение БПЛА, следует:

– проверить наличие всех комплектующих, необходимых для подготовки аппарата и его эксплуатации в целях осмотра места происшествия, в том числе удостовериться в работоспособности программного обеспечения;

– убедиться в полном заряде батарей технического средства, его пульта управления, планшетного компьютера, иного комплектующего оборудования;

– собрать информацию о полете других летательных аппаратов в воздушном пространстве над местом происшествия.

По прибытии на место следственного действия требуется установить связь БПЛА с устройством (планшетным компьютером или смартфоном), провести его калибровку. Нужно сориентироваться на местности при помощи навигатора системы глобального позиционирования и соотнести полученные сведения с картографическими данными. В процессе подготовки аппарата к эксплуатации

окружающая обстановка оценивается на предмет обнаружения препятствий для взлета и его дальнейшей работы (здания, постройки, деревья, линии электропередачи). Затем выбирается место для взлета БПЛА – ровная площадка диаметром не менее 10 м с твердым покрытием, проводится общий обзор места осмотра (обзорный полет) с целью определения границ территории, где будет осуществляться следственное действие [5].

Общий осмотр эффективно производить при помощи дрона, т. к. может охватываться большая площадь территории, а также исключается передвижение по территории, что позволяет сохранить следы.

На рабочем этапе с помощью дрона можно сделать фотографии с воздуха, которые также могут являться доказательствами по делу и удачно дополнить фототаблицу.

Камера, которой оснащен БПЛА, дает возможность распознавать лица участников правонарушений, осуществлять их видео-, фотосъемку, передавать материалы в режиме реального времени на пульт оператора. При этом БПЛА может быть оснащен прибором ночного видения, тепловизором, спутниковой навигацией, что позволяет ему выполнять наблюдение (слежение) в различных условиях.

Если осмотр осуществляется в условиях города, настоятельно рекомендуется производить работу с квадрокоптером вдвоем. Один из сотрудников должен непосредственно управлять аппаратом и визуально контролировать его поведение в воздухе. Второй же будет наблюдать за полетом через экран планшетного компьютера или смартфона, а также при необходимости давать рекомендации по управлению и производить фото- и видеофиксацию.

Обусловлено это тем, что в городе существует множество препятствий, и пилоту затруднительно одновременно контролировать аппарат визуально, через экран устройства для вывода изображения с камеры и одновременно производить фиксацию. Это может привести к крушению, т. к. через экран смартфона, на который передается изображение, невозможно в полной мере видеть все препятствия. В условиях города обычно очень эффективен вертикальный взлет с отсутствием горизонтального перемещения. Это сокращает вероятность крушения.

На территории, где препятствия отсутствуют, необходимость во втором человеке отпадает.

В любой ситуации для начала рекомендуется поднять квадрокоптер на высоту 50–70 метров. Высота зависит от площади осматриваемой территории, а также от объектов, которые необходимо найти: орудие преступления, труп, следы технических средств, человека.

Целесообразно, в первую очередь, попытаться осмотреть всю предполагаемую площадь, для того чтобы определить места (узлы), на которых следует сконцентрировать внимание при детальном осмотре.

Также рекомендуется брать с собой на осмотр места происшествия ноутбук, чтобы детально просмотреть фото- и видеоматериал, полученный с помощью квадрокоптера на месте. Так как качество изображений очень хорошее, то на снимках, полученных с высоты 100 метров при увеличении масштаба

изображения на ноутбуке, есть возможность рассмотреть мелкие объекты (перочинный, кухонных нож и т. д.).

При отсутствии твердой поверхности для посадки квадрокоптера рекомендуется воспользоваться помощью второго человека, т. е. посадка производится в руки помощника, затем двигатели выключаются. Это исключает возможность повреждения лопастей аппарата.

Таким образом, разумно используя возможности БПЛА при производстве отдельных следственных действий, можно в кратчайшие сроки произвести качественную фото- и/или видеосъемку на любой местности, независимо от ее масштабов, рельефа и растительного покрытия, а также труднодоступности объекта, подлежащего фото-, видеосъемке, что существенно повышает эффективность процесса расследования.

Литература

1. Колотушкин С.М. Беспилотные летательные аппараты: современные риски и пути решения // Белгородские криминалистические чтения. Белгород, 2019.

2. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // СЗ РФ от 06.07.1998. № 27. Ст. 3198.

3. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Беспилотный летательный аппарат как специальное технико-криминалистическое средство и объект криминалистического исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461.

4. Дронова О.Б., Храмова Е.С. Актуальные пути повышения наглядности иллюстративного материала, подготовленного с использованием беспилотных летательных аппаратов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57).

5. Дронова О.Б., Прокофьева Е.В., Агаркова Т.К. Современные возможности применения беспилотных летательных аппаратов для обеспечения деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (62).

Bibliography

1. Kolotushkin S.M. Unmanned aerial vehicles: modern risks and solutions // Belgorod forensic readings. Belgorod, 2019.

2. The RF Government decree of June 30, 1998 № 681 «On approval of the list of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation» // SZ the Russian Federation dated 6 July 1998. № 27. Article 3198.

3. Savelyeva M.V., Smushkin A.B. Unmanned aerial vehicle as a special technical and forensic tool and object of forensic research // Bulletin of the Tomsk State University. 2020. № 461.

4. Dronova O.B., Khramova E.S. Actual ways to increase the visibility of illustrative material prepared using unmanned aerial vehicles // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (57).

5. Dronova O.B., Prokofieva E.V., Agarkova T.K. Modern possibilities of using unmanned aerial vehicles to support the activities of forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4 (62).

КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.982.35

ББК 67.52

© 2021 г. Прокофьева Елена Васильевна,

доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России
кандидат физико-математических наук.

Порываева Полина Сергеевна,

лаборант кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России.

ОБОСНОВАНИЕ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА НА ПРИМЕРЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье анализируется вопрос, касающийся проблемы получения образцов для сравнительного исследования в рамках экспертного эксперимента, связанный с мнением эксперта, которое зачастую по ряду причин бывает субъективным. Представлена алгоритмизация проведения экспертного эксперимента по нескольким этапам и дана оценка его результатов в рамках «математико-статистического подхода и вероятностно-статистической оценки индивидуализирующих признаков». Выявлена и обоснована необходимость разумного сочетания методов криминалистической экспертизы и математического анализа в процессе получения и толкования результатов экспертного эксперимента.

Ключевые слова: экспертный эксперимент, трасология, трасологическое исследование, частные признаки, математико-статистический подход, вероятностно-статистическая оценка.

Prokofieva Elena Vasilievna – Associate Professor, the Department of Forensic Technology of the Training-Scientific Complex of the Expert and Forensic Activities, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Physics and Mathematics.

Poryvaeva Polina Sergeevna – Assistant, the Department of Forensic Technology of the Training-Scientific Complex of the Expert and Forensic Activities, the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

JUSTIFICATION OF THE CONCLUSIONS OF AN EXPERT EXPERIMENT ON THE EXAMPLE OF A TRASOLOGICAL RESEARCH

The article analyzes the issue related to the problem of obtaining samples for comparative research within the framework of an expert experiment, related to the opinion of an expert, which is often subjective for a number of reasons. Algorithmization of conducting an expert experiment in several stages is presented and an assessment of its results is given within the framework of the «mathematical-statistical approach and probabilistic-statistical assessment of individualizing characteristics». Revealed and substantiated the need for a reasonable combination of methods of forensic examination and mathematical analysis in the process of obtaining and interpreting the results of an expert experiment.

Keywords: expert experiment, trasology, trace evidence analysis, particular features, mathematical and statistical approach, probabilistic and statistical assessment.

В работе Н.П. Майлис четко определены наиболее распространенные ошибки в выводах эксперта, относящиеся ко всем видам объектов трасологического исследования [3]. Следует помнить, что ошибки при производстве трасологических исследований обусловлены не только объективными причинами, но и субъективными (см. рис. 1):

В своей работе Н.П. Майлис определяет перечень экспертных ошибок, «связанных с

отсутствием всестороннего анализа и правильного описания хода и результатов исследования, а также с отсутствием инициативы эксперта по расширению исследования путем проведения комплексных исследований, позволяющих решить не только задачу, сформулированную следователем (судом), но и ряд важных дополнительных задач» [9]. К сожалению, в экспертной практике довольно часто встре-

Причины экспертных ошибок

объективные

- некомпетентность эксперта;
- низкая квалификация;
- физическое или психологическое состояние, обусловленное болезнью, переутомлением, снижением остроты зрения и др.

субъективные

- неправильно проведенный экспертный эксперимент;
- неправильная оценка полученных результатов при формировании внутреннего убеждения эксперта и т.д.

Рис. 1. Некоторые виды объективных и субъективных экспертных ошибок

чаются экспертные ошибки, являющиеся результатом «внутреннего убеждения эксперта», представляющие собой, как неверную оценку и выводы, не основанные на предоставленных для исследования материалах, так и добросовестное заблуждение эксперта [6].

Проанализировав работы ряда авторов [1; 2; 4; 8], согласимся с их точкой зрения о том, «что мнение эксперта зачастую бывает субъективно и представляет собой определенную точку зрения, не всегда приводящую к истинным, достоверным результатам, в том числе и в формировании выводов по результатам экспертного эксперимента» [1].

В рамках нашего исследования для объективизации окончательного вывода эксперта необходимо было «на этапе реализации экспертного эксперимента в рамках математико-статистического подхода сформировать методику определения объективной идентификации группы признаков в трасологических следах – следах орудий взлома» [4; 5]. В качестве основных методов решения поставленных задач были выбраны математические методы и методы судебно-трасологической экспертизы.

Анализ экспертной и судебной практики [7], изучение частоты встречаемости экспертных ошибок в трасологических исследованиях [9] позволили нам определить объекты и предмет исследования (см. рис. 2, 3, 4).

Объекты исследования

динамические следы скольжения на алюминиевых пластинках

две группы пластинок

исходная (контрольная) пластинка
следы оставлены одним лицом

экспериментальные пластинки
следы оставлены иным лицом

Рис. 2. Объекты исследования

Предмет исследования

следовая картина (индивидуализирующие признаки)

следовоспринимающая поверхность
алюминиевая пластика толщиной 0,4 мм

следообразующий объект
стамеска

Рис. 3. Предмет исследования

Рис. 4. Общий вид стамески и увеличенное изображение рабочей грани стамески, которой был оставлен след

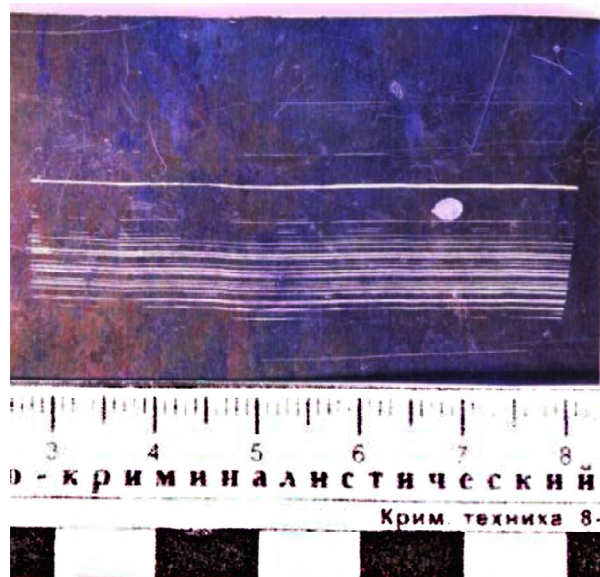

Рис. 5. Следовоспринимающая алюминиевая пластинка со следом скольжения

Для решения проблемы объективизации выводов в экспертном исследовании из экспериментальных пластин, основываясь только на математическо-статистическом подходе, было необходимо установить пластинку со следом скольжения, в котором скомпенсирован информативный комплекс индивидуализирующих признаков в сравнении с первоначальным исходным (контрольным) следом.

Реализуя экспертный эксперимент в рамках трасологического исследования, эксперт, основываясь только на своем «внутреннем убеждении», устанавливает выбранный им след, который, по его субъективному восприятию, наиболее пригоден для идентификации [5]. В рамках нашего исследования алгоритмизацией и эффективным сочетанием математических и криминалистических методов было необходимо получить и дать вероятностно-статистическую оценку результатам экспертного эксперимента с установлением пластинки со следом скольжения, в котором наиболее полно и достоверно отобразился весь комплекс индивидуализирующих признаков, с полной минимизацией субъективных факторов.

С этой целью нами был разработан и реализован алгоритм поставленной задачи средствами математического проектирования на основе экспертных методов исследования [4; 5].

Алгоритм был выстроен в несколько этапов. Были установлены некоторые индивидуализирующие признаки (ширина следа, количество трасс в начале и конце следа и расстояние между трассами в начале следа), по которым осуществлялось сравнение следовой картины контрольного следа и экспериментальных следов, поочередно с каждым в отдельности.

При математическом проектировании, как известно, используются различные математические методы, например, используемые нами методы, учитывающие неопределенность, в первую очередь вероятностные и статистические, исходную научную основу таких моделей составляет теория вероятностей и математическая статистика.

Для установления статистической взаимосвязи между исходной (контрольной) и экспериментальными пластинками, каждой в отдельности, была определена корреляцион-

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

ная зависимость для выбранного признака. Превалирование корреляционного метода в нашем исследовании объясняется возможностью комплексирования различных типов признаков (метрических, статистических, текстурных и т. д.), полученных различными или однотипными измерительными инструментами, для решения задачи распознавания образов (в нашем случае индивидуализирующих признаков в следе). Корреляционный анализ позволяет констатировать наличие связи между исследуемыми признаками, однако не дает возможности доказать причинно-следственный тип этой связи. В этой связи для оценки статистической значимости коэффициента корреляции, в рамках метода статистической проверки гипотезы, рассчитывался *t*-критерий Стьюдента (см. рис. 6).

Реализовывая последовательность действий алгоритма, согласно установленной структуре (см. рис. 6), выполнялась статистическая проверка нашего предположения, что среди экспериментальных пластинок существует вероятность установления пластинки со следом скольжения, тождественным исходному (контрольному следу). На данном этапе исследования устанавливалась пластинка со следом скольжения, на которой наиболее полно отобразился выбранный нами индивидуализирующий признак (ширина следа).

Помимо математических, вспомогательными методами для достижения поставленной цели нашего исследования были выбраны микроскопический и программно-структурный методы.

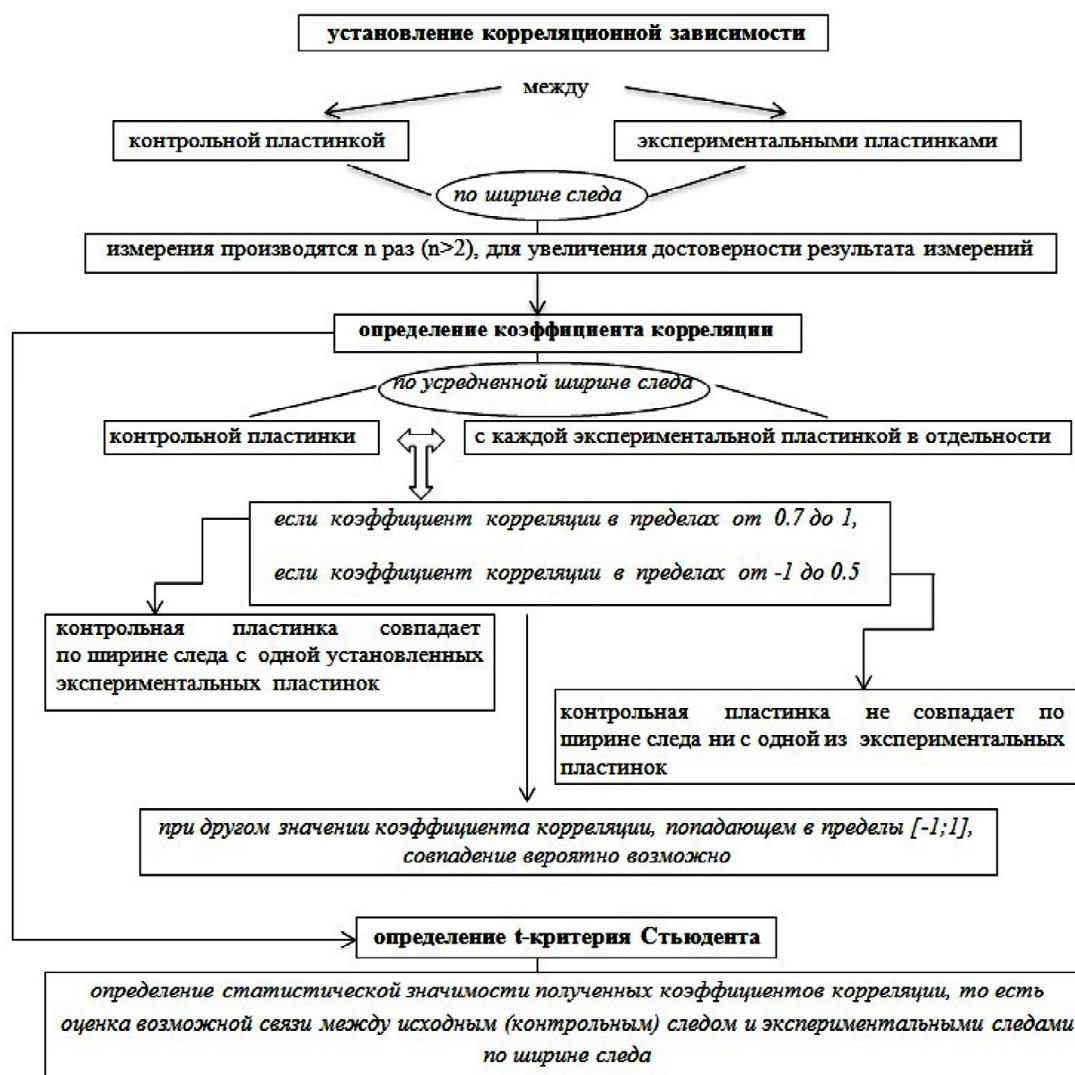

Рис. 6. Первый этап алгоритма объективизации выбора пластинки со следом скольжения, основанный на корреляционном анализе

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Для реализации сравнения следовой картины контрольного следа с экспериментальными следами (каждым в отдельности) по индивидуализирующим признакам, таким как количество трасс в начале/конце следа и расстояние между трассами в начале следа, необходимо было применение микроскопического метода исследования для установления оптимального увеличения (разрешения) микроскопа для объективного восприятия человеческим глазом исследуемого следа. Алгоритмизация этого процесса была выстроена определенным образом, проиллюстрированным на рисунке 7. Для составления объективной картины действительности с полной выборкой, для установления эффективного разрешения микроскопа необходимо рассматривать общее количество всех пластинок в экспертном эксперименте.

Работа по следующему признаку заключалась в том, что в каждой пластинке, «удовлетворительной с математической точки зрения для идентификации» [4], необходимо было систематизировать трассы, локализованные в начале и конце следа, для чего требовалось осуществить их подсчет n и более раз ($n > 2$), при условии визуализации объекта в поле зрения микроскопа при установленном наилучшем увеличении. С целью получения достоверного результата измерений, необходимо было дать оценку получившимся результатам, для чего, согласно теории ошибок, следовало рассчитать «среднеквадратичное отклонение, погрешность однократных измерений, случайную погрешность многократных измерений, относительную погрешность и полную погрешность» [4; 5].

Систематизация и анализ данных позволили установить минимальный процент ошибки по подсчету количества трасс для определенных экспериментальных пластинок относительно контрольной (исходной) в начале и конце следа, что, в свою очередь, позволило говорить о «статистической закономерности» [4], выражающейся в зависимости количества отобразившихся трасс в контрольном и экспериментальных следах. Выбранный нами оценочный признак зависимости между следами может быть применен только на уровне диагностики, говорить в данном случае об идентификации было бы неправильно, поскольку вариация в отображении признаков (количестве трасс) достаточно высокая, а сам признак не устойчив и зависит от ряда факторов, которые могут повлиять на механизм следообразования (материал подложки, прилагаемая мускульная сила, угол приложения силы, идентификационный период следообразующего предмета и т. д.).

Последующее решение обозначенной нами задачи было невозможно без реализации программно-структурного подхода с применением программного обеспечения с табличной структурой (excel).

На следующем этапе объективизации выводов эксперта требовалось рассчитать «расстояние между трассами в начале следа» в исходной пластинке и у установленных экспериментальных пластинок, которые, по результатам предыдущих этапов исследования показали наиболее сильную корреляционную зависимость с исходным (контрольным) следом [4].

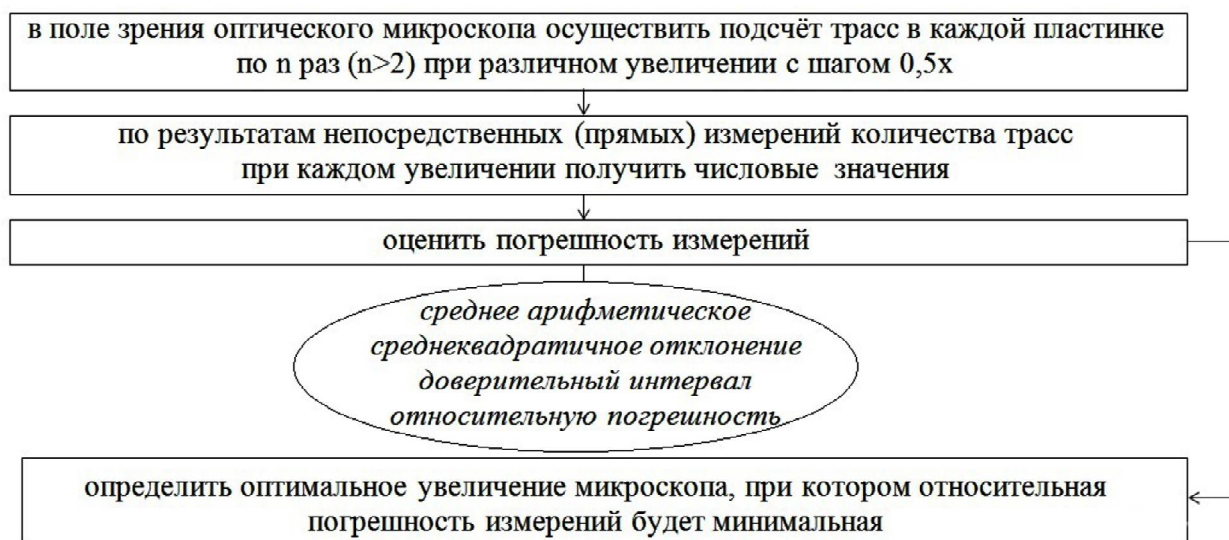

Рис. 7. Алгоритм определения оптимального увеличения микроскопа для целей исследования

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Для осуществления измерения расстояний между трассами по выбранной локализации необходимо было модернизировать средство измерения – цифровой штангенциркуль посредством доработки подложки для измерений (см. рис. 8). Измерения и обработка результатов осуществлялись по алгоритму, представленному на рисунке 9.

Рис. 8. Измерение ширины трасс модернизированным цифровым штангенциркулем в поле зрения оптического микроскопа

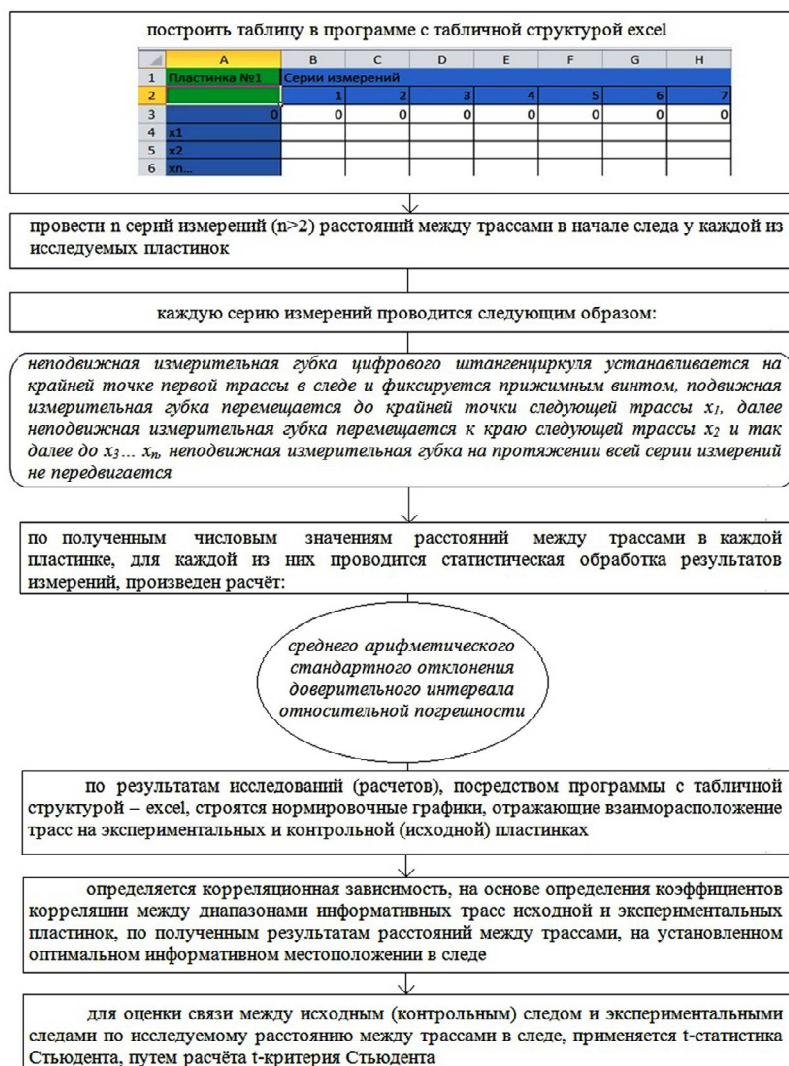

Рис. 9. Алгоритм измерения и обработки результатов определения расстояний между трассами

На рисунке 10 в графическом виде посредством программы excel представлено взаиморасположение трасс исходной пластинки с некоторыми экспериментальными. По оси x отложено количество трасс в начале следа в каждой из пластинок, а по оси y – расстояние между трассами. На графике имеются участки наложения диаграмм, отражающие схожее

взаиморасположение трасс, а также расстояние между ними в исходной и экспериментальных пластинках в начале следа.

Анализируя результаты исследования по последнему выбранному признаку – расстоянию между трассами в начале следа, нет смысла говорить о том, каково конкретное расстояние между трассами в следе, имеет

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

смысл говорить лишь о вероятности обнаружения трасс в данной точке исследуемой поверхности. Признаки, отображающиеся в следе, не статичны, при многократном воздействии объекта исследования на испытуемую поверхность, на обоих произойдет изменение индивидуального набора характеризующих признаков. Изменчивость и стохастическая зависимость полученных результатов позволять установить только оптимальное расположение рассматриваемого конкретного признака локализованного по ширине следа с максимальной идентификационной значимостью [4]. В установленных диапазонах можно различать расположение трасс, причем, чем разнообразнее по ширине трассы и промежутки между ними, тем больше различных комбинаций может быть, а значит, с меньшей вероятностью можно встретить подобную комбинацию и, следовательно, большую идентификационную информацию содержит диапазон [4; 5].

Алгоритмизация математико-статистического подхода, адаптированного на реализацию экспертного эксперимента, дала возможность сублимировать с математической точки зрения «внутреннее убеждение эксперта», основанное только на собственном субъективном восприятии картины действительности, что в свою очередь позволило установить пластинку с наиболее полно и достовер-

но отобразившимся комплексом индивидуализирующих признаков в следе скольжения в идентификационном сравнении с исходным (контрольным) следом. Однако, как и в любом методе, есть предельные факторы его допустимости, в нашем исследовании идентификация возможна только в случае наличия следообразующего предмета, присутствия на нем очевидных частных признаков и небольшого идентификационного периода на момент производства экспертизы.

Опираясь на теорию вероятностей и выводы нашего исследования [4], очевидно, что возможность выбора экспертом следа с наиболее информативным комплексом индивидуализирующих признаков в рамках экспертного эксперимента, достаточно мала без должного применения математических методов и оценок, а также совместной реализации методов криминалистической экспертизы и математического анализа для получения достоверных результатов в рамках трасологического исследования [4; 5]. В этой связи разработанная методика отбора образцов для сравнительного исследования в рамках экспертного эксперимента с минимизацией «субъективного мнения эксперта» является весьма актуальной и, что самое важное, апробированной в натурном эксперименте с наличием положительных результатов.

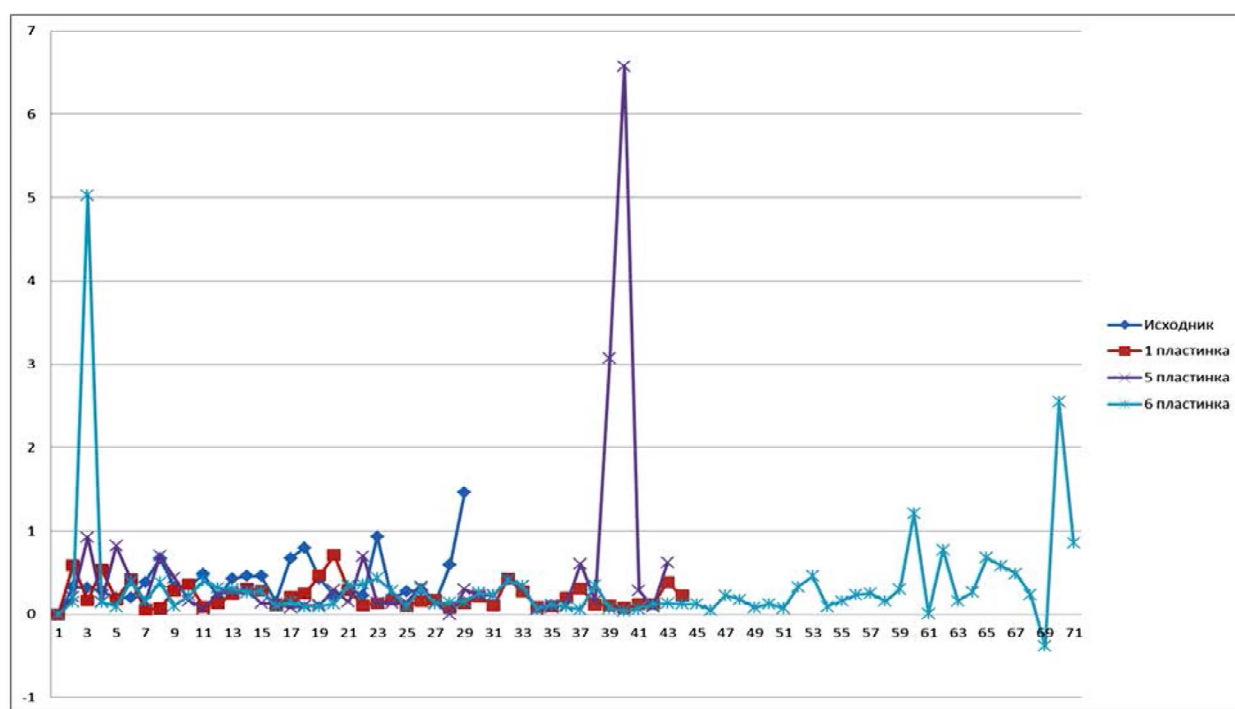

Рис. 10 Пример графического отображения взаиморасположения трасс в некоторых экспериментальных и исходной пластинках

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика. М., 2001.
2. Кудрявцева Л.В. Внутреннее убеждение эксперта и его роль в процессе экспертного исследования // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвузовский сб. науч. трудов. Уфа, 2003.
3. Майлис Н.П. Руководство по трасологической экспертизе. М., 2007.
4. Порываева П.С., Прокофьева Е.В. Вопросы достоверности методики проведения экспертного эксперимента // Эпомен. 2020. № 40.
5. Порываева П.С., Прокофьева Е.В. Проблема субъективного мышления эксперта при получении образцов для сравнительного исследования и возможности ее разрешения // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. материалов Межд. науч.-практич. конф. Ростов н/Д, 2019.
6. URL: <http://prosud24.ru/sudebnaja-jekspertiza-tipichnye-oshibki/>.
7. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eUCm05LTUB5r/>.
8. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М., 2012.
9. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций / Н.П. Майлис. М., 2015.
10. Шведова Н.Н. Оформление заключения эксперта: всегда ли у формы есть содержание? Судебная экспертиза. 2020. № 3 (63).

Bibliography

1. Belkin R.S. Forensic science. M., 2001.
2. Kudryavtseva L.V. Inner conviction of an expert and his role in the process of expert research // Actual problems of criminal procedure in modern Russia: Interuniversity collection of scientific papers. Ufa, 2003.
3. Mailis N.P. Guidelines for traceological examination. M., 2007.
4. Poryvaeva P.S., Prokofieva E.V. Questions of the reliability of the methodology for conducting an expert experiment // Epomen. 2020. № 40.
5. Poryvaeva P.S., Prokofieva E.V. The problem of subjective thinking of an expert in obtaining samples for comparative research and the possibility of its solution // Actual problems of theory and practice of criminal procedure: collection of materials Int. scientific and practical conf. Rostov n/D, 2019.
6. URL: <http://prosud24.ru/sudebnaja-jekspertiza-tipichnye-oshibki/>.
7. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eUCm05LTUB5r/>.
8. Rossinskaya E.R. Forensic examination: common mistakes. M., 2012.
9. Trasology and traceological expertise: a course of lectures / N.P. Maylis. M., 2015.
10. Shvedova N.N. Drawing up an expert opinion: does a form always have content? Forensic examination. 2020. № 3 (63).

© 2021 г. Комаров Игорь Михайлович,

заведующий кафедрой криминалистики МГУ им. М.В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор.

Парубов Александр Иванович,

доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета кандидат юридических наук, доцент.

ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ МАТЕРИ ОБНАРУЖЕННОГО ТРУПА НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА (часть 2)

В настоящей статье продолжается исследование вопросов, обозначенных в ранее опубликованных статьях, посвященных следственным ситуациям и основам характеристики предварительного расследования убийства матерью новорожденного ребенка по факту исчезновения его трупа (см., «Юрист-Правовед» № 1 (92) 2020 г. и № 2 (97) 2021 г.), автор продолжает рассматривать особенности следственных действий и взаимодействие следователя с органами дознания по расследованию события убийства новорожденного.

Ключевые слова: убийство новорожденного, детоубийство.

Komarov Igor Mikhailovich – Head of the Department of Criminalistics, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor.

Parubov Aleksandr Ivanovich – Associate Professor, the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Altai State University, PhD in Law, Associate Professor.

FEATURES OF INVESTIGATIVE ACTIONS AND INTERACTION OF THE INVESTIGATOR AND INQUIRY BODY FOR IDENTIFYING THE MOTHER OF THE DISCOVERED CORPSE OF A NEWBORN CHILD (part 2)

This article continues the study of the issues identified in previously published articles devoted to the investigative situations and the basics of the characteristics of the preliminary investigation of the murder of a newborn child by the mother after the disappearance of his corpse (see, «Lawyer-Jurist» № 1 (92) 2020 and № № 2 (97) 2021). The author continues to consider the features of investigative actions and the interaction of the investigator with the inquiry bodies for investigating the event of the murder of a newborn.

Keywords: murder of a newborn, infanticide.

В первой статье нами были рассмотрены рекомендации, связанные с осмотром места происшествия и трупа младенца при подозрении на совершение детоубийства. Они ориентируют расследование на решение общей и частных тактических задач расследования. В статье отмечалось, что особенности конкретного осмотра места совершения убийства матерью новорожденного ребенка обусловлены особенностями конкретного преступления. Однако конкретный осмотр тоже может базироваться на криминалистических рекомендациях, содержание которых обусловлено местом обнаружения трупа новорожденного, а это место часто связано с попытками скрыть следы преступления, где главным следом является труп новорожденного.

Главной проблемой для роженицы бывает устранение трупа младенца.

Во многих случаях, когда роды произошли, что называется «на заднем дворе», младенца бросают в выгребную яму «отхожего» места.

Когда роды происходят в квартире или в другом закрытом помещении, ребенка с этого места уносят, как правило, с частями одежды или белья. Эти объекты, которые были использованы в процессе родов, могут содержать биологические следы роженицы, а поэтому преступники, как правило, стремятся их уничтожить. «Захоронение» трупа младенца в подобных криминальных ситуациях происходит в нежилых помещениях (подвалы, сараи, строящиеся объекты и т. п.), пустырях, оврагах, выгребных ямах, мусорных баках, канализационных колодцах, кладбищах, водоемах и т. д. Часто встречаются случаи, когда трупы младенцев скрывают под слоем опавшей

лиштва, земли, снега, их скрывают в хозяйственных сумках, чемоданах, коробках или заворачивают в бумагу, газету, клеенку. Известны факты, что в домах с печным отоплением труп младенца могут сжечь в топке печного отопления.

Так, 19.06.2017 около 6 часов в городском районе, около дома за мусорным контейнером, был обнаружен труп младенца женского пола, завернутый в две женские кофты, рубашку и колготки, с признаками насильственной смерти (уголовное дело № 57410/17 районный суд Красноярск). 17.11.2017 около 9 часов в городском районе, возле дома в мусорном контейнере, был обнаружен труп младенца мужского пола, завернутый в женскую сорочку (уголовное дело № 59164/17 районный суд Красноярск); 10.06.2018 г. около 00 часов 20 минут в городском районе, в мусорном контейнере 4-го подъезда, обнаружен новорожденный младенец мужского пола (уголовное дело № 43125/18 районный суд Красноярск).

По проведению осмотра места происшествия, в зависимости от места обнаружения трупа младенца, криминалистикой разработаны конкретные рекомендации.

Труп обнаружен в мусорном контейнере, а также вблизи застройки многоэтажных домов. Необходимо: 1) осмотреть весь имеющийся мусор с целью обнаружения следов, имеющих важное значение для дела; 2) осмотреть предполагаемые пути доставки трупа на место; 3) опросить жителей близлежащих подъездов, домов по факту обнаружения трупа младенца.

Данные мероприятия были проведены по всем изученным нами уголовным делам с особенностью. По уголовному делу № 43125/18 (архив районного суда Красноярск) с помощью проведения вышеперечисленных мероприятий удалось установить подозреваемую женщину. Аналогичные результаты были достигнуты в результате оперативно-следственных мероприятий по трупам новорожденных, обнаруженных в Бийске (уголовное дело № 80925/16, районный суд Алтайского края), Барнауле (уголовное дело № 77750/17 и 330761/17, районный суд Барнаула).

Труп обнаружен в реке (у реки, водоема). Необходимо расширить район поиска – вверх по течению – с целью обнаружения следов подхода к воде, а также предметов, которые, возможно, могли быть выброшены в воду вме-

сте с телом младенца. 28.07.2017 в Рубцовске на берегу реки Алей в районе троллейбусного парка был обнаружен младенец с признаками удушения. Обследование примыкающих к реке вверх по течению жилых районов города позволило установить подозреваемую в совершении детоубийства гражданку Е., которая впоследствии была привлечена к уголовной ответственности (уголовное дело № 14570/18, городской суд Алтайского края).

Труп младенца обнаружен на загородной свалке. Необходимо тщательно рассмотреть весь мусор, среди которого был обнаружен труп, выяснить у службы охраны этого объекта, кем был привезен мусор, когда и пр.

Труп обнаружен в лесном массиве, на поле, в районе гаражных кооперативов. Необходимо осмотреть пути подхода к месту обнаружения трупа младенца. Выяснить, какие населенные пункты и предприятия находятся поблизости. В значительной степени случаев обнаружение трупов младенцев в том или ином месте не является случайным. Так, обнаруженный 24.03.2019 в Барнауле в районе гаражного кооператива, расположенного возле рынка, труп новорожденного ребенка имел явные свежие признаки насильственной смерти. Одна из следственных версий, связанная с предположением, что криминальные роды прошли в одном из гаражей, нашла свое подтверждение (уголовное дело № 71815/19, районный суд Барнаула).

При осмотре места происшествия актуальным является использование криминалистических средств обнаружения и фиксации следов ног, рук, транспортных средств. Следует обратить внимание на поиск предметов, которые имеют значение вещественных доказательств, относимых к детоубийству. Круг следов может быть чрезвычайно широк, и этот факт должен понимать следователь. Это могут быть предметы туалета – расчески, пудреницы, носовые платки, части одежды, лоскуты материи, пояса, подвязки и т. п., которые могли быть оставлены, обронены или случайно забыты лицом, совершившим детоубийство или доставившим труп новорожденного к месту его обнаружения.

Некоторые следы по делам данной категории носят специфический характер – следы родовой деятельности. К подобным следам относятся следы крови, околоплодной жидкости, последа (детского места). Они свидетельствуют о том, что роды произошли имен-

но на этом месте. Иногда эти следы возможно обнаружить недалеко от места нахождения трупа младенца. Если следователь приходит к выводу, что роды произошли не на месте обнаружения трупа, он должен искать следы, указывающие на направление, откуда труп новорожденного был доставлен сюда. В зависимости от данных, полученных на месте обнаружения трупа, необходимо осмотреть прилегающую территорию. Если на месте обнаружения трупа имеются следы родов, но отсутствует послед или околоплодная жидкость, следователь должен принять меры для их обнаружения.

Особенности осмотра трупа младенца. Считаю необходимым еще раз обратиться к особенностям осмотра трупа младенца уже с учетом нюансов его обнаружения в определенных обстоятельствах.

Осмотр на месте происшествия целесообразно начинать с трупа младенца, если в результате обзора места происшествия не будут установлены какие-либо обстоятельства, требующие изменения этого порядка осмотра.

Осмотр должен проводиться следователем в присутствии специалиста в области судебной медицины, а при его отсутствии иного врача.

Отмечая важность и обязательность участия судебного медика в осмотре места происшествия и трупа на месте его обнаружения, нужно решительно отвергнуть попытки разделить этот осмотр на два отдельных: следственный и судебно-медицинский [1, с. 130].

Это один процесс. Функция специалиста в области судебной медицины заключается в том, что он, используя специальные знания, содействует следователю в правильном разрешении целого ряда вопросов, в которых последний не является специалистом.

При осмотре трупа младенца на месте его обнаружения должна соблюдаться определенная последовательность. Осматриваются поза трупа младенца, его ложе, упаковочный материал, одежда, белье и другие предметы, находящиеся на трупе младенца или возле него, особенности этих предметов, труп младенца и имеющиеся на нем повреждения, исследуются трупные явления.

При осмотре трупа на месте происшествия необходимо, в первую очередь, подвергнуть тщательному исследованию позу трупа и зафиксировать его положение относительно окружающей обстановки и отдельных предметов. При этом следует, до производства с трупом различных необходимых для тщательного его осмотра манипуляций (до того, как

перевернуть труп, переместить на другое место и т. п.), не только сфотографировать его по правилам судебно-оперативной фотографии, но и очертить конфигурацию трупа, зафиксировав тем самым его положение на месте обнаружения. Это необходимо для того, чтобы в процессе данного следственного действия при повторном, либо дополнительном осмотре — ясно представлять место обнаружения и позу трупа, которая дает возможность установить отдельные обстоятельства происшедшего события, такие как: причина смерти младенца, время смерти и т. д. [2, с. 54].

Осмотру подвергается ложе трупа, под которым понимается то непосредственное место, где находится труп в момент его обнаружения («место под трупом») [3, с. 68]. Его изучение направлено на выяснение таких важных вопросов, как: является ли место обнаружения трупа местом рождения младенца, не перемещался ли труп и пр. Утвердительный ответ на эти вопросы может быть получен при обнаружении следов крови, детского места, околоплодной жидкости и следов родового процесса.

Кроме того, в ряде случаев тщательный осмотр ложа трупа дает представление о времени помещения трупа в окружающую обстановку. Так, если ложе трупа сухое, хотя в момент осмотра и определенное время до него шел дождь, значит, ребенок или труп младенца попали на место до дождя, начало выпадения которого весьма несложно установить по сведениям местной метеорологической службы.

Изученная судебно-следственная практика свидетельствует, что часто роженицы заворачивают младенцев или их трупы в свою одежду, которая обычно уже использовалась. При осмотре упаковочного материала и предметов находящихся на трупе или возле него, необходимо зафиксировать их положение и состояние (повреждения, загрязнения и т. д.), наличие следов, похожих на кровь или другие выделения человека, описать с указанием в протоколе их размера, цвета, вида и других индивидуальных признаков (метка на распашонке, заплатка на одеяле и пр.); особо нужно отметить наличие каких-либо штампов, меток, дат, помарок и т. п. Если труп завернут в газету, необходимо зафиксировать ее название, дату, имеющиеся на ней какие-либо записи, количество листов, загрязнения и пр. Если ребенок был рожден в родильном доме, на его руке иногда можно обнаружить «браслет» (нитка с биркой), на котором записана фамилия матери; ребенок может быть завернут в пеленки со штампом роддома и т. д. При обнаружении

трупа ребенка в коробке или ящике следует тщательно осмотреть эти предметы [4, с. 17].

Нельзя ограничиваться лишь поверхностным осмотром одежды или упаковки, в которой обнаружен труп младенца, поскольку эти предметы часто являются важными источниками для построения следственной версии о личности матери ребенка или лиц, каким-либо образом причастных к детоубийству. На упаковочном материале можно обнаружить следы биологического характера, принадлежавшие матери младенца (слюна, кровь, грудное молоко, пот, волосы и т. д.). Указанные предметы, наличие и характер перевязи, узлы должны быть тщательно осмотрены, описаны в протоколе и сфотографированы.

Анализ уголовных дел вышеприведенного перечня показал, что трупы младенцев упаковывают в различные вещи. Так, по уголовному делу № 61445/18 (архив районного суда Красноярск) труп младенца был уложен в два полиэтиленовых пакета, при осмотре которых никаких следов обнаружено не было; по уголовному делу № 57410/17 (архив районного суда Красноярск) и № 59164/17 (архив районного суда Красноярск) труп младенца был завернут в женское белье, при осмотре не было найдено каких-либо следов для идентификации личности матери. Благодаря тщательному осмотру вещей, в которые был упакован труп младенца, по уголовному делу № 11648/19 (архив районного суда Красноярск) следователь обнаружил на простыни пометки, указывающие на то, что эта вещь принадлежит медицинскому учреждению, с помощью данного обстоятельства преступление было раскрыто.

Данные изученной нами судебно-следственной практики ЦФО РФ за период второй половины 10-х гг. текущего столетия свидетельствуют, что трупы младенцев в 33 % случаев были обнаружены в полиэтиленовых пакетах, 6,6 % – в пленках, 13,1 % – обнаженными. Отмечены единичные случаи обнаружения новорожденных младенцев в сумке, болоньевой куртке, полотенце, оберточной бумаге и других вещах.

Наружный осмотр трупа младенца проводится по общим правилам осмотра трупа на месте его обнаружения: определяется пол ребенка, измеряется длина его трупа, описывается общий его вид, определяется правильность телосложения (имеются ли какие-либо отклонения от нормального строения или нет), отмечается загрязнения кожных покровов посторонними веществами (кровь, меконий, земля и т. п.), отмечается наличие или

отсутствие сыровидной смазки, ее обилие, цвет и места наибольшего скопления, цвет и вид кожи, определяют после осторожного удаления загрязнений.

Если на теле трупа имеются повреждения (кровоподтеки, ссадины, раны, переломы, ожоги), то их тщательно исследуют и описывают при детальном осмотре частей тела. Но не следует проводить их зондирование, обмывание водой или удаление высохшей жидкости (крови, околоплодных вод) во избежание возможной утери вещественных доказательств, находящихся в области повреждений. Если в ране будут обнаружены свободно лежащие различные инородные тела, то следователь обязан их извлечь и направить на судебно-экспертное исследование. Фиксированные в повреждениях орудия и предметы не извлекаются, а оставляются в таком же положении, обеспечивая их сохранность при транспортировке в морг, где эти объекты также исследуются.

Исследуются трупные явления с целью установления давности наступления смерти как одного из критериев, указывающих на время совершения преступления, а также фиксируется время их установления. Необходимо отметить, что объективные сроки наступления смерти могут быть получены только при изучении как можно большего числа трупных явлений в динамике, в определенной последовательности, а именно: 1) необходимо определить степень охлаждения трупа младенца путем ощупывания кожных покровов, а также измерения температуры в прямой кишке, используя термометр (нужно помнить, что на процесс охлаждения влияют многие факторы, такие как, например, температура окружающей среды, влажность и т. п.); 2) исследуются трупные пятна: их локализация, вид, распространенность, четкость границ, интенсивность, наличие внутрикожных кровоизлияний на них, окраска (трупные пятна у младенцев, как правило, выражены слабо, они совсем не выявляются при темно-красной окраске плода, часто наблюдающейся у плода); 3) изучается мышечное окоченение (трупное окоченение развивается на трупах младенцев очень быстро, через 3 часа окоченение наблюдается во всех группах мышц); 4) устанавливается степень высыхания трупа; 5) устанавливается наличие признаков гниения; 6) определяется наличие энтомо-фауны, ее вид, стадия развития (яйца, личинка, куколка, зрелая муха) [5, с. 272].

Тщательно осмотрев труп, убедившись в отсутствии других каких-либо повреждений и особенностей, труп целесообразно упаковать в чистый полиэтиленовый мешок (для

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

предотвращения наложения инородных веществ и сохранения имеющихся на трупе микрочастиц) и направить на судебно-медицинское исследование.

Возможности судебно-медицинской экспертизы по исследованию трупа младенца и вещественных доказательств со следами биологического происхождения (кровь, пот, вагинальные выделения, волосы и т. д.) в настоящее время достаточно высоки. С ее помощью успешно разрешаются важнейшие задачи по установлению причин и обстоятельств смерти новорожденного ребенка, а также задачи, является ли подозреваемая в убийстве своего новорожденного ребенка его генетической матерью, т. е. при экспертном исследовании можно решить большую группу вопросов диагностического и идентификационного характера.

Судебному эксперту можно поставить следующие вопросы: является ли младенец новорожденным ребенком; является ли новорожденный младенец зрелым, доношенным и жизнеспособным; родился ли ребенок живым; сколько времени ребенок жил после рождения; была ли оказана надлежащая первоначальная помощь новорожденному младенцу после рождения; какова причина смерти новорожденного младенца; есть ли какие-либо телесные повреждения на трупе новорожденного младенца; какова давность наступления смерти новорожденного младенца; каковы группа, тип и резус-принадлежность крови новорожденного.

С учетом данных о насильственной смерти следует ставить вопросы: о способе лишения жизни младенца (задушен руками, петлей, в результате кислородного голодания); о применении abortивных средств, если да, то каких. При судебно-химическом исследовании плаценты новорожденного нередко обнаруживают хинин, но-шпу, мыло, этиловый спирт, что свидетельствует об умышленном убийстве плода.

Наибольшие трудности вызывает оценка научной обоснованности заключения судебно-медицинского эксперта. Типичные из них: «смерть новорожденного младенца мужского пола наступила от асфиксии не выявленной этиологии» или «причину смерти установить не представляется возможным из-за отсутствия каких-либо гистологических исследований и морфологических данных, указывающих на патологические изменения и состояния».

Для разрешения сомнений обычно назначают повторную комиссионную судебную экспертизу или проводят допросы судебного экс-

перта, врачей-гинекологов, акушеров, других медицинских специалистов. При получении в ходе допросов новых доказательств следует назначить дополнительную, повторную или комплексную судебную экспертизу.

Работа следователя по «горячим» следам. Установление матери-роженницы буквально по «горячим» следам может произойти в течение 1–3 суток после обнаружения трупа младенца. Разумеется, происходит это не только при благоприятном стечении обстоятельств (наличие свидетельской базы), но и при тактически продуманном взаимодействии следователя и работников дознания по ее поиску.

Так, 22.03.2018 в селе Павловского района в заброшенном доме был обнаружен труп новорожденного младенца. Благодаря правильному уяснению следственной ситуации, проведению комплекса вытекающих из нее следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (осмотр места происшествия, судебно-медицинское исследование трупа, выявление свидетелей и т. п.) была задержана и изобличена в совершении преступления 40-летняя местная жительница. Неделию назад она произвела криминальные роды и таким путем избавилась от ребенка (уголовное дело № 80925/16, районный суд Алтайского края).

К сожалению, так происходит далеко не всегда. Гораздо чаще складывается крайне неблагоприятная исходная следственная ситуация, которая характеризуется дефицитом криминалистически значимой информации для выдвижения обоснованной конкретной следственной версии о подозреваемой женщине (большая давность наступления смерти новорожденного, отсутствие средств упаковки и т. п.).

В таких ситуациях расследования следует руководствоваться типичными следственными версиями: мать-убийца проживала (проживает) в данном населенном пункте, микрорайоне, находилась на учете по беременности в женской консультации или нет, были ли роды стремительными или нет.

Так, если судебно-медицинский эксперт дает заключение, что у новорожденного ребенка есть повреждения тканей головки, то это значит, что у роженицы роды были стремительными, и поэтому обязательно будут иметь место повреждения стенок влагалища, шейки матки или промежности. Учитывая осложненность родов, такая женщина должна обратиться за помощью к своим знакомым, акушеркам, врачам, т. е. здесь налицо причинно-следственная связь между родами и наступившими от них травмами как у роженицы, так и у младенца. Именно такого рода

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

рекомендации обеспечили раскрытие убийства новорожденного, совершенного 04.01.2014 в селе района Алтайского края гражданкой С. (уголовное дело № 34502/14, районный суд Алтайского края).

Практика расследования убийства матери новорожденного свидетельствует о том, что иногда в лечебные учреждения вынужденно обращаются женщины, якобы по поводу внебольничных родов и осложнений, вызванных выкидышем и другими гинекологическими проблемами. Однако все эти проблемы вызваны преступными действиями, связанными с убийством новорожденного, которые недобросовестные медицинские работники «решают» на основе корыстных мотивов не врачебного поведения.

В поисковых мероприятиях, связанных с раскрытием убийства новорожденного, необходимо предусмотреть поквартирный обход домов микрорайона с последующим расширением его границ, перинатальных центров, больниц, женских консультаций с целью установления данных о беременных женщинах, которые должны были родить в это время и у которых ребенка не оказалось, которые болели или болеют гинекологическими заболеваниями.

Поскольку при осмотре трупа новорожденного остаются различные сумки, женская одежда и другие предметы, то их следует предъявлять для опознания. Положительные результаты эти действия приносят расследованию, если беременная женщина проживала в общежитии.

В результате выявления свидетелей в жилых домах микрорайонов, перинатальных центрах, женских консультациях и их допросов, изучения документации в лечебных учреждениях, удастся получить криминалистически значимую информацию о заподозренных в детоубийстве женщинах по месту их жительства или работы, предметах внешности, одежды, уликах поведения, окружении и пр.

Проверка такой информации зачастую ведет к установлению виновных лиц, их задержанию и допросу в качестве подозреваемых (обвиняемых).

При допросе у них следует выяснить обстоятельства беременности, родов, причину отсутствия ребенка, т. е. установить, была ли допрашиваемая беременна, были ли у нее роды, по времени совпадающие с моментом рождения обнаруженного трупа новорожденного, выяснить, где находится ее ребенок в настоящее время.

Наибольшие сложности в допросе подозреваемых (обвиняемых) возникают в типич-

ной следственной ситуации допроса, когда женщина отрицает факт убийства ею своего новорожденного ребенка, ссылаясь на то, что ребенок задохнулся неожиданно, травмировался во время родов, роды начались внезапно, протекали быстро, а сама роженица оказалась в беспомощном состоянии, растерялась.

Тактический выход из этой следственной ситуации допроса связан с необходимостью установления психологического контакта с допрашиваемой. Ему предшествует тщательное изучение следователем медицинской литературы по проблемам, связанным с протеканием беременности и родов.

Кроме того, следует изучать психофизиологические особенности подозреваемой. Целесообразно еще до допроса получить подобно рода консультации у специалистов в области гинекологии. Этих специалистов нередко следует допрашивать и в качестве свидетелей по делу, особенно в тех случаях, когда подозреваемая (обвиняемая) находилась у них на учете в женской консультации, проходила лечение и т. д. Учитывая, что к моменту выявления и допроса подозреваемой (обвиняемой) следствие уже располагает заключением судебно-медицинской экспертизы по факту обнаружения трупа новорожденного, и другими важными доказательствами, то задача следователя по установлению обстоятельств совершения преступления облегчается.

После выявления и допроса подозреваемой (обвиняемой) следует назначить судебно-медицинскую экспертизу с целью проверки ее показаний и для решения следующих вопросов: 1) имела ли подозреваемая беременность, если да, то когда; 2) рожала ли подозреваемая, если да, то когда; 3) не находится ли подозреваемая в послеродовом периоде; 4) могла ли роженица оказать ребенку помощь во время родов или непосредственно после них; 5) нуждалась ли женщина после родов в оказании ей медицинской помощи; 6) имелись ли осложнения родов и какие, в чем они выражались; 7) какова группа и тип ее крови (сопоставление крови подозреваемой женщины и обнаруженного трупа новорожденного ребенка поможет установлению факта рождения этого ребенка данной женщиной или исключить ее из числа подозреваемых); 8) могла ли подозреваемая женщина быть матерью ребенка, труп которого обнаружен; 9) мог ли данный ребенок родиться от конкретной супружеской пары.

С учетом складывающейся ситуации могут быть назначены и другие судебные экс-

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

пертизы (дактилоскопические и т. п.). В современных условиях актуально назначение судебно-психологической, судебно-психиатрической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы [6, с. 29].

На разрешение судебной психолого-психиатрической экспертизы можно вынести следующие вопросы: страдала ли обвиняемая во время родов и совершения убийства новорожденного хроническим душевным заболеванием и могла ли отдавать отчет своим действиям или руководить ими; находилась ли обвиняемая во время родов и убийства в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, в болезненном состоянии и могла ли отдавать отчет своим действиям или руководить ими; является ли обвиняемая душевнобольной в настоящее время и нуждается ли в лечении, и если да, то в каком именно?

Ответы на эти вопросы чаще всего получают по результатам проведения амбулаторных экспертных исследований. На основе исследования соматического, неврологического и психического состояния испытуемой судебные эксперты дают заключения, оценка которых осуществляется по общим правилам и серьезных трудностей на практике не вызывает.

Заключения экспертов нередко оказывают решающее влияние на установление психологического контакта и дачу правдивых показаний.

В двух публикациях невозможно отразить все проблемы и узкие аспекты особенностей следственных действий и взаимодействия следователя и органа дознания по выявлению матери обнаруженного трупа новорожденного ребенка. Мы отразили лишь основные ключевые моменты, которые являются опорными для начального этапа расследования.

Литература

1. Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова, И.В. Александрова. М., 2017.
2. Баев О.Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 1995; Комиссарова Я.В., Семенов В.В. Особенности невербальных коммуникаций в ходе расследования преступлений. М., 2004; Баев О.Я., Комаров И.М. Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2016.
3. Колмаков В.П. Следственный осмотр. М., 1969; Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях. М., 2002; Ахмедшин Р.Л. Тактика поисковых следственных действий. М., 2016.
4. Звирбуль А.К. Расследование и предупреждение детоубийств. М., 1967; Федотов И.С. Расследование детоубийств. М., 2003; Федотов И.С. Расследование насильственных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. М., 2010.
5. Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. М., 1998; Бекетов М.Ю. Следователь органов внутренних дел и милиции: взаимодействие при расследовании преступлений. М., 2004; Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании преступлений. М., 2010.
6. Сафуанов Ф.С. Экспертиза психологического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. 2008. № 3.

Bibliography

1. Criminalistics: textbook / ed. by N.P. Yablokov, I.V. Alexandrov. M., 2017.
2. Baev O.Ya. Tactics of investigative actions. Voronezh, 1995; Komissarova Ya.V., Semenov V.V. Features of non-verbal communications during the investigation of crimes. M., 2004; Baev O.Ya., Komarov I.M. Tactical operations in pre-trial proceedings in criminal cases. M., 2016.
3. Kolmakov V.P. Investigative inspection. M., 1969; Zinin A.M. Criminalist in investigative actions. M., 2002; Akhmedshin R.L. Tactics of search in investigative actions. M., 2016.
4. Zvirbul A.K. Investigation and prevention of infanticide. M., 1967; Fedotov I.S. Investigation of infanticide. M., 2003; Fedotov I.S. Investigation of violent crimes committed against minors. M., 2010.
5. Manual for investigators / ed. N.A. Selivanov, V.A. Snetkova. M., 1998; Beketov M.Yu. Investigator of internal affairs and police bodies: interaction in the investigation of crimes. M., 2004; Demidova T.V. Interaction of the investigator with the staff of expert-forensic units in the investigation of crimes. M., 2010.
6. Safuanov F.S. Examination of the psychological state of a mother accused of murdering a newborn child // Russian Justice. 2008. № 3.

© 2021 г. Пахомов Сергей Валерьевич,

заместитель начальника (по научной работе) Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: svpakhomov@inbox.ru

Пахомова Елена Валерьевна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук.

РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

В статье исследуется характеристика сущности специальных знаний через совокупность признаков, выступающих критерием для наполнения изучаемого предмета необходимым содержанием. Анализируются аспекты использования специальных юридических знаний с учетом специфики функционирования агропромышленного комплекса и круга обстоятельств, устанавливаемых посредством обращения к специальным юридическим знаниям. Проводится соотношение понятий «использование специальных знаний» и «обращение к специальным знаниям».

Ключевые слова: специальные юридические знания, преступления в сфере агропромышленного комплекса, специалист, признаки специальных знаний, использование специальных знаний.

Pakhomov Sergey Valerievich – Deputy Head (for scientific work) of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Pakhomova Elena Valerievna – Senior Lecturer, the Department of Criminal Procedure, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

THE ROLE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

The article examines the characteristic of the essence of special knowledge through a set of features that acts as a criterion for filling the subject under study with the necessary content. The aspects of the use of special legal knowledge are analyzed, taking into account the specifics of the functioning of the agro-industrial complex and the range of circumstances established by applying to special legal knowledge. The correlation of the «concepts of using special knowledge» and «addressing to special knowledge is carried out».

Keywords: special legal knowledge, crimes in the field of agro-industrial complex, specialist, indicia of special knowledge, use of special knowledge.

При исследовании вопросов, касающихся специальных знаний в уголовном судопроизводстве, учеными чаще всего предпринимаются попытки обосновать их сущность через формы использования таковых. Однако рассмотрение форм специальных знаний без уяснения внутренней основы предмета вряд ли следует признать верным в методологическом значении, ибо объяснение сущности данного предмета позволяет в дальнейшем определить и формы, и пределы допустимости использования знаний, и круг их субъектов, и прочее.

Несмотря на то, что «специальные знания» находят отражение в ряде нормативных правовых источников (например, в ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 9, а также в характеристике эксперта и специалиста как лиц, обладающих специаль-

ными знаниями (ст. 57, ст. 58 УПК РФ)), содержание данной категории в них не раскрывается. Как верно пишет В.А. Воткин, до настоящего времени нет законодательного закрепления понятия специальных знаний, которое позволило бы провести разграничение между специальными знаниями и неспециальными знаниями [1].

Характеристика сущности специальных знаний в науках юридической направленности основывается в большей степени на субъективно-теоретическом понимании. Так, Е.Р. Россинская указывает на то, что «в юридической литературе под этим термином понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства» [2].

В своем исследовании В.А. Нагорный анализирует разные подходы ученых к сущности рассматриваемой категории и приходит к выводу о том, что в отечественной науке специальные знания основываются на количественном и качественном признаках. Где в первом случае им приведена точка зрения А.А. Эйсмана, в которой, по мнению ученого, такими знаниями обладает ограниченный круг специалистов, а во втором – точка зрения Е.Р. Россинской, отраженная в определении, указанном нами ранее, где к основным критериями отнесения знаний к специальным является профессиональная подготовка и опыт специалиста [3, с. 146–147].

По нашему мнению сущность специальных знаний может быть определена через признаки, которые и являются конечным критерием для наполнения изучаемого предмета содержанием. Признаки специальных знаний проявляются в следующем: 1) наличие у лица узкого круга знаний, находящихся в пределах понимания только этим лицом и способным объяснить сущность происходящих процессов, свойств и связей, а также признаков объектов, влияющих на данные процессы и особенности их отражения во вне; 2) знания основаны на познании специфических процессов, свойств и признаков объектов или явлений, имеющие научное объяснение и эмпирически обоснованные закономерности отражения; 3) специальные знания способствуют установлению (а не только изучению) специфических свойств и признаков исследуемых объектов (явлений) на основе апробированных методик исследования, гарантирующих достоверность результатов.

Несмотря на то, что специальные знания не являются общедоступными, а их использование требует профессиональных навыков и опыта, по-прежнему остается открытым вопрос, касающийся отграничения специальных знаний от знаний общедоступных [3, с. 147]. Как верно указывают О.Ю. Антонов и А.Г. Себякин, область специальных знаний имеет динамичный характер, поскольку те знания, которые на момент становления компьютерно-технической экспертизы считались специальными, сегодня таковыми в полной мере не являются [4, с. 102]. Сказанное относится не только к области компьютерно-технических экспертиз, но и к иным областям научных знаний, распространение которых стало возможным благодаря внедрению в сферу общественных отношений автоматизированных справочных ресурсов, а доступность некоторых данных благодаря

информационно-телекоммуникационным технологиям расширила возможности познания определенных свойств и явлений объектов значительному кругу людей. Такие знания становятся более системными и дифференцированными. Вместе с тем из-за «более глубокого научного познания явлений, процессов, предметов, вроде бы, очевидные и обыденные представления о них отвергаются, возникают новые научные обоснования, которые приобретают характер специальных знаний» [5, с. 97].

Вышесказанное предопределяет актуальность уяснения форм использования специальных знаний, а также пределов, при которых наличие у следователя профессиональных знаний и опыта достаточны для правильного познания сути происходящих процессов, свойств и признаков объекта и их применения, либо когда таких знаний недостаточно и без привлечения специалиста реализация задач расследования становится невозможной. Принятие соответствующих решений базируется на требованиях закона и на ситуациях, возникающих в процессе расследования.

Высказанное суждение в полной мере относится к проблемам использования специальных знаний в ходе раскрытия и расследования преступлений в сфере агропромышленного комплекса, поскольку преступления, совершаемые в указанной сфере, имеют свою специфику, т. к. посягают на специфический объект общественных отношений, характеризующийся обширным правовым регулированием, специфическими производственными процессами и средствами производства, мерами экономической поддержки, порядком организации контроля и надзора за данной деятельностью, межотраслевыми связями и т. д., что, безусловно, определяет необходимость обладания субъектом расследования определенным уровнем знаний в указанной сфере, которые формируют представление о том, реализация каких специальных знаний и в какой форме необходима для достижения целей расследования указанных преступлений.

Прежде всего, следует отметить, что агропромышленный комплекс отнесен к производственно-экономическому сектору, поэтому данные отношения регулируются нормативными правовыми актами, в той или иной мере отнесенными к экономической сфере: налогообложение, бюджетное законодательство, нормы гражданского и земельного законодательства. Поскольку АПК сопровождается производственными процессами, большое значение имеет стандартизация, технологическое нор-

мирование, квотирование и пр. Именно поэтому нормы уголовного закона характеризуются бланкетностью, поэтому без правильной юридической оценки деятельности агропромышленной организации, нарушившей положения ключевых норм законов и подзаконных актов, установление криминалистически значимых признаков и признаков состава преступления невозможно. Множественность соответствующего правового регулирования порождает необходимость обладания юридическими знаниями, которые, на наш взгляд, следует относить к специальным, поскольку такие знания выходят за рамки профессиональных правовых знаний следователя и не относятся к базовым законам, регулирующим отношения, связанные с уголовно-юрисдикционными компетенциями, направленными на уголовное преследование.

Единого мнения относительно возможности отнесения юридических знаний к специальным нет. Однако, не вдаваясь в глубокую дискуссию, отметим, что правовые вопросы не рассматриваются нами в качестве объекта экспертного исследования. Специальные юридические (правовые) знания, носят вспомогательный характер, а обращение к таковым осуществляется с целью установления отклонений от установленных нормативов, признаков, указывающих на это, дачи оценки профессиональным действиям лиц по соблюдению регламентов, технических и специальных требований, технологических процедур, предписанных положениями нормативных правовых актов в конкретной сфере производственной и финансово-хозяйственной деятельности. Вместе с тем нормативные положения, регулирующие порядок организации производственно-хозяйственной деятельности, основываются на особенностях протекания физических, химических, биологических процессов как способах производства, переработки, учета и обращения объектов указанной деятельности. Следовательно, изучение только нормативного регулирования без познания вышеуказанных процессов производства недостаточно для установления признаков нарушений соответствующих норм. Именно поэтому речь идет не о вопросах толкования правовых норм, а о выявлении несоответствий в совершенных действиях (бездействиях) лица и положений конкретных нормативных правовых актов, определяющих условия и порядок выполнения конкретной производственной деятельности. Именно в таком разрезе и возникают специальные правовые знания, призванные оценить не противоречия в нормах, а констати-

ровать о допущенных нарушениях между предписанным и фактически совершенным без юридической оценки виновности (или невиновности) лица лицом сведущим.

И здесь возникает вопрос о том, какова же эффективная форма использования специальных знаний в контексте регулирования правоотношений в исследуемой сфере: консультативная, участие специалиста в проверочных, следственных (процессуальных) действиях или назначение экспертизы? Результаты нашего исследования указывают на использование следователями (в некоторых случаях оперативными сотрудниками) всех вышеуказанных форм специальных знаний в зависимости от складывающейся ситуации расследования. Однако широкое распространение получило использование специальных правовых знаний в форме получения устных и письменных консультаций сведущим лицом. При этом достаточно распространена непроцессуальная форма использования специальных знаний, когда полученные результаты кладутся в основу принятия дальнейших процессуальных решений по выбору средств и методов установления криминалистически значимых сведений. На эту особенность указали 43,7 % опрошенных нами следователей органов внутренних дел и Следственного комитета, осуществляющих расследование преступлений в сфере экономической деятельности, связанной с агропромышленным производством.

Указанные процессуальные субъекты прибегали к консультациям специалистов в области налогообложения и страхования (23,6 %), технологов пищевой продукции (21,8 %), специалистов химической промышленности по вопросам химических и минеральных удобрений (6,2 %), специалистов Россельхознадзора (12,3 %), специалистов в области ветеринарии (7,2 %), товароведения (13,4 %) иных специалистов (агрономов, муниципальных работников, банковских служащих, таможенных служб) – 15,5 %.

Причинами обращений к специалистам являлась необходимость разъяснений порядка применения отдельных норм федеральных законов и подзаконных актов, разрабатываемых на основе федерального законодательства, а также условия, сроки и механизмы реализации соответствующих предписаний с учетом конкретного направления агропромышленной деятельности.

Например, при расследовании мошенничества, совершенного при страховании посевов сельскохозяйственных культур и урожая, в которое были вовлечены сельхозпроизводители

и представители компании-страховщика, следователю надлежало установить порядок нормативного правового закрепления ставок для расчета размеров субсидий при сельхозстраховании сельхозкультур и посевов дифференцированные относительно региона. Кроме того, следовало установить правовое закрепление порядка организации страхования, условий, необходимых для этого. В результате полученных данных было установлено несоблюдение доли участия страхователя в риске с учетом предельного размера ставки применительно к конкретному региону (ставки были завышены) и видом планируемых к посеву сельскохозяйственных культур (подмена высокосортной зерновой культуры фуражом). Как видно, без детального анализа законодательных норм, регулирующих сферу отношений, установить признаки нарушений не представляется возможным.

На основе приведенного примера следует обратить внимание на то, что теоретически следователь мог бы и сам провести соотношение правовых норм, и, действительно, для установления фактических данных достаточно было бы погрузиться в содержание соответствующих законов, провести их анализ, провести расчеты ставок и вывести проценты. Для этого достаточно базовых общеобразовательных знаний. Однако, для того что бы определить вид сельскохозяйственной культуры, условия для их посева, характер возможных рисков, порядка их оценивания страховой организацией, одних профессиональных знаний следователя

явно недостаточно. Здесь возникает взаимосвязь юридических и агротехнических знаний, основанных на опыте в соответствующей сфере деятельности. Именно поэтому в качестве специалистов выступили представители компании, специализирующейся на страховании сельхозтоваропроизводителей. Представленные данные были положены в основу принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Как ранее нами указывалось, довольно высок процент обращений следователей к специалистам для разъяснения тех или иных вопросов правоприменения с целью принятия процессуальных решений, осуществленных в виде консультаций. В криминалистической литературе получение консультаций относят к одной из форм использования специальных знаний. Полагаем, что здесь существует терминологическая неточность. По нашему мнению, использование должно пониматься в значении применения специальных знаний конкретным лицом (в данном случае специалистом) для установления фактических данных в ходе проводимого им исследования. Другими словами, использовать что-либо может конкретное лицо в конкретных целях. В иных случаях речь должна идти не об использовании специальных знаний, а обращении к таковым. Таким образом, обращение к специальным знаниям следует признать непроцессуальной формой взаимодействия следователя и специалиста, а результат использования специальных знаний как одну из основ принятия следователем процессуальных решений.

Литература

1. Воткин В.А. Значение специальных знаний для раскрытия и расследования разбойных нападений в СКФО // Российский следователь. 2018. № 1.
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография (4-е издание, переработанное и дополненное). М., 2018.
3. Нагорный В.А. Понятие и признаки специальных знаний в уголовном процессе // Юридическая наука. 2013. № 4.
4. Антонов О.Ю., Себякин А.Г. Особенности использования специальных знаний в области экономики и компьютерной техники при расследовании экономических преступлений // Вестник удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 5.
5. Малютин М.А. Специальные знания как признак экспертизы // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139).

Bibliography

1. Vetkin V.A. The importance of special knowledge for the disclosure and investigation of robberies in the North Caucasus Federal District // Russian investigator. 2018. № 1.
2. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: a monograph (4th edition, revised and supplemented). M., 2018.
3. Nagorny V.A. The concept and signs of special knowledge in criminal proceedings // Yuridicheskaya nauka. 2013. № 4.
4. Antonov O.Yu., Sebyakin A.G. Features of the use of special knowledge in the field of economics and computer technology in the investigation of economic crimes // Bulletin of the Udmurt University. 2017. Vol. 27. Issue 5.
5. Malyutin M.A. Special knowledge as a sign of expertise // OSU Bulletin. 2012. № 3 (139).

© 2021 г. Саркисян Гор Георгиевич,

старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности
Академии управления МВД России кандидат юридических наук.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ МВД РОССИИ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА (часть 3)

В третьей части статьи автором в продолжение ранее опубликованных работ («Юрист-Правоведь», № 1, 2, 2021 г.) с учетом анализа современного состояния и перспективных направлений охраны и противодействия преступлениям, совершаемым в сфере лесопромышленного комплекса, дополнен ряд предложенных конкретных мер, направленных на повышение эффективности рассматриваемой деятельности. При этом внимание акцентировано на решении вопросов, касающихся правовой основы и регулирования отдельных аспектов, в частности охраны лесных насаждений, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения, квалификации деяния, определения способа исчисления суммы ущерба и других.

Ключевые слова: органы внутренних дел, оперативно-розыскная деятельность, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности, лесопромышленный комплекс, незаконная заготовка леса.

Sarkisyan Gor Georgievich – Senior Lecturer, the Department of Organization of Operational and Investigative Activities, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

IMPROVING THE ORGANIZATION OF INTELLIGENCE ACTIVITIES OF ECONOMIC SECURITY AND ANTI-CORRUPTION DIVISIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE TIMBER INDUSTRY (part 3)

In the third part of the article the author supplemented a number of proposed specific measures aimed at improving the efficiency of the activity under consideration, taking into account the analysis of the current state and promising areas of protection and counteraction to crimes committed in the field of the timber industry, with reference to previously published works (Legal Philosophy, No. 1, 2, 2021). At the same time attention is focused on solving issues related to the legal basis and regulation of certain aspects, in particular, the protection of forest plantations growing on agricultural land, the qualification of the act, determining the method of calculating the amount of damage, and others.

Keywords: law enforcement agencies, operational and investigative activities, economic security and anti-corruption units, information and analytical support for operational and investigative activities, timber industry, illegal logging.

В продолжение ранее опубликованных работ («Юрист-Правоведь», № 1, 2, 2021 г.), на основе анализа законодательства и проблемных вопросов практики органов внутренних дел Российской Федерации в сфере борьбы с незаконной деятельностью в лесопромышленном комплексе также выделяются следующие проблемные области и перспективные направления развития:

2. Отсутствие организованных и нормативно урегулированных штрафных площадок для хранения до выяснения обстоятельств техники, задержанной в местах незаконных порубок. Такая необходимость возникла в связи с подтвержденной практикой эффективностью наложения ареста на технику как средства предупреждения и раскрытия преступлений.

Вся арестованная техника ввиду отсутствия штрафных площадок передается на ответственное хранение владельцам, т. е. самим нарушителям лесного законодательства. Данный факт зачастую способствует повторному ее использованию при незаконной заготовке древесины.

Ввиду того, что данная мера носит временный характер и имущество возвращается собственникам, а они, в свою очередь, могут передать их лицам, осуществляющим преступную деятельность, целесообразно применение конфискации лесозаготовительной техники и иных орудий правонарушения, принадлежащих на праве собственности третьим лицам, с одновременным введением административной ответственности (письмо МВД России от 27.03.2020 № 1/4526), а также оснастить

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

лесозаготовительную технику системой ГЛОНАСС (предложение поддержано МВД России, исх. от 09.04.2019 № 1/3731).

3. Хранение изъятых древесины. В соответствии с УПК РФ вещественные доказательства в виде громоздких предметов возвращаются следователем (дознавателем) законному владельцу или с его согласия, или по решению суда передаются для реализации. В соответствии с Порядком реализации или уничтожении предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, вещественные доказательства передаются в Росимущество для дальнейшей реализации.

До передачи предметов в Росимущество, если нет согласия собственника, следователь обращается в суд с ходатайством о реализации (уничтожении) вещественных доказательств, а также проводит их оценку. Таким образом, с момента обнаружения древесины до передачи в распоряжение Росимущества (включая необходимые процессуальные сроки) проходит от 1,5 до 3 месяцев. На данный период органы внутренних дел должны обеспечить сохранность этого имущества.

Длительное нахождение древесины в местах ее обнаружения приводит к утрате товарной стоимости и потребительских свойств, что ведет к потерям федерального бюджета и влияет на показатель возмещаемости ущерба, поскольку лишь ее малая часть от общего объема реализуется на стадии досудебного производства или передается в территориальные органы Росимущества после ее конфискации.

Данная проблема может быть решена посредством внесения изменений в ст. 20 и 99.1 Лесного кодекса Российской Федерации, закрепляющих право собственности на незаконно заготовленную древесину за Российской Федерацией, в части определения ответственного органа за перемещение (вывоз), транспортировку и хранение незаконно заготовленной древесины с учетом оптимальных затрат и повышения эффективности механизма зачисления в доходы федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации средств от ее реализации. Таким органом могли бы стать Росимущество и его территориальные органы либо Рослесхоз в лице территориальных лесничеств (письмо МВД России от 25.08.2020 № 1/9368).

4. Совершенствование информационно-аналитического обеспечения. С целью повышения эффективности информационно-аналитического обеспечения противодействия незаконной деятельности в сфере лесопромыш-

ленного комплекса, в рамках реализации, утвержденной 04.06.2019 протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам № 7 национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1], необходимо обеспечить развитие информатизации в лесном хозяйстве, которое, в свою очередь, предусматривает:

4.1. Совершенствование существующих систем:

4.1.1. Федеральная государственная информационная система «Информационная система дистанционного мониторинга Федерального агентства лесного хозяйства» на основе возможностей космической группировки спутников отечественного производства, обеспечивающих получение оперативной и актуальной информации о лесных пожарах.

4.1.2. Единая государственная автоматизированная информационная система учета древесины и сделок с ней. Дальнейшее ее развитие должно быть направлено на расширение базы данных об участниках лесных отношений и возможностей ее использования заинтересованными лицами и распространения сферы действия на городские и сельские леса, а именно:

1) ведение автоматизированного двойного учета реализуемых и приобретаемых объемов древесины, а также информирования о несоответствии этих объемов;

2) внесение сведений о сопроводительных документах и их реквизитах с присвоением идентификационного номера;

3) увеличение срока хранения информации о сделках с древесиной по фактически проведенным операциям (предложения МВД России, исх. от 15.03.2019 № 1/2631, от 27.08.2019 № 1/9670);

4) обеспечение возможности удаленного доступа к информационным ресурсам сотрудникам заинтересованных ведомств.

4.1.3. Объединение имеющихся учетов (например: «Лесной фонд», «Лесопользование», «Лесные питомники высокой культуры» и т. д.).

4.2. Создание новых систем:

4.2.1. Ведомственный фонд пространственных данных;

4.2.2. Автоматизированная система «Контроль за достоверностью актов лесопатологических обследований»;

4.2.3. Ситуационный центр Федерального агентства лесного хозяйства. В дальнейшем необходимо связать деятельность вновь созданного Ситуационного центра Федерального агентства лесного хозяйства с работой Ситуационного центра МВД России. Кроме

того, целесообразно проработать вопрос внедрения в данную систему средств космического и дистанционного мониторинга лесных территорий;

4.2.4. Единая межведомственная автоматизированная информационная система по лесной отрасли.

Развитие информационно-аналитического обеспечения деятельности должностных лиц, занятых в сфере охраны лесопромышленного комплекса, в первую очередь, должно опираться на создание и внедрение единой межведомственной автоматизированной информационной системы как универсальной платформы.

Единая межведомственная информационная система по лесной отрасли, включающая в себя сведения органов внутренних дел, агентства лесного хозяйства, налоговой, таможенной службы и других, позволит получать, обрабатывать, хранить и использовать информацию о состоянии лесов, их количественных и качественных характеристиках, об их использовании, охране, защите и воспроизводстве, проводить встречные проверки по установлению законности перевозимого леса, что обеспечит повышение:

1) оперативности предоставления достоверной и полной информации, необходимой для принятия эффективных управленческих решений;

2) эффективности контроля за отраслью, выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также привлечения виновных лиц к ответственности;

3) точности и оперативности предоставления информации федеральным ведомствам и организациям [2].

Кроме того, создание и объединение информации в подобную базу данных упорядочило бы деятельность большинства лесозаготовителей и заставило бы их вести деятельность в рамках закона.

5. Задержки в поступлении информации о незаконных рубках. Несвоевременное установление фактов незаконных рубок лесных насаждений свидетельствует о проблемах и пробелах в работе органов, осуществляющих федеральный государственный лесной надзор и охрану. Отсутствие оперативности в предоставлении в правоохранительные органы материалов о правонарушениях, в том числе о выявляемых незаконных рубках лесных насаждений, по результатам дистанционного зондирования земли обуславливает снижение раскрываемости данного вида преступления.

В этой связи в целях оперативного получения информации о начале рубки леса, возникновении лесного пожара или иной чрезвычай-

ной ситуации необходимо обеспечить техническую возможность получения и автоматического анализа снимков территорий, подлежащих дистанционному зондированию, в течение дня, а также установить сроки (максимально сжатые) передачи информации в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, в частности направления в подразделения МВД России материалов о нарушении лесного законодательства, выявленного с помощью дистанционного зондирования земли.

6. Недостаточное материально-техническое обеспечение.

Сотрудникам взаимодействующих ведомств для повышения эффективности работы в лесных зонах, в том числе патрулирования лесных массивов необходимо обеспечение специальными средствами: от биноклей, приборов ночного видения и микрофонов направленного действия до внедорожного автотранспорта, переносных информационных систем или устройств удаленного доступа к ним и других.

Кроме того, целесообразно проработать вопрос внедрения в отрасль средств космического и дистанционного мониторинга лесных территорий.

7. Установление лиц, непосредственно осуществлявших незаконные операции в сфере лесопромышленного комплекса.

Согласно результатам практики (на примере УМВД России по Костромской области), при выявлении нарушений зачастую невозможно установить лиц, которые фактически осуществляли разработку лесосек, поскольку между арендатором лесного участка и непосредственным заготовителем выстраивается цепь подрядных организаций. Документами, которые могут указать на фактического заготовителя, являются договор подряда и технологическая карта разработки лесосеки.

Мероприятия по установлению фактического лесозаготовителя посредством установления договорных отношений занимают длительное время, а технологическую карту арендатор должен предоставлять только на проверках и осмотре (приемке) лесосеки. Кроме того, в ряде случаев лесозаготовитель искажает, не вносит или попросту избавляется от технологической карты.

Целесообразно обязать арендаторов лесных участков предоставлять в адрес уполномоченного органа всей цепочки договоров подряда и субподряда, а также технологическую карту, оформленную в соответствии с положениями приказа Минприроды России от 27.06.2016 № 367 [3], с обязательным

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

отражением идентификационных номеров применяемых машин и механизмов, данных работников лесозаготовительных бригад.

Кроме того, при проведении проверочных мероприятий, расследовании уголовных дел возникают сложности с установлением лиц, фактически производивших отвод и таксацию лесосек, поскольку в соответствии с действующим законодательством арендатор не обязан предоставлять в адрес уполномоченного органа материалы, связанные с отводом и так-

сацией лесосек, а в ходе уголовного судопроизводства данные материалы, как правило, не обнаруживаются.

С учетом этого целесообразно закрепить обязательное предоставление арендаторами в адрес уполномоченного органа оригинала ведомости перечета деревьев, назначенных в рубку (приложение № 1 к приказу Минприроды России от 13.09.2016 № 474 в ред. от 11.01.2017) [4], или его приобщение в качестве приложения к лесной декларации.

Литература

1. Национальная программа «Цифровая экономика РФ» утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7.

2. Стратегия развития лесного комплекса РФ до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 20.09.2018 № 1989-р.

3. «Об утверждении Видов лесосечных работ, порядка и последовательности их проведения, Формы технологической карты лесосечных работ, Формы акта осмотра лесосеки и Порядка осмотра лесосеки»: приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 27.06.2016 № 367.

4. «Об утверждении правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, лесопарках, указанных в ст. 23 Лесного кодекса РФ»: приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 13.09.2016 № 474.

5. «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»: Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ.

6. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»: постановление Пленума Верховного суда РФ от 18.10.2012 № 21.

7. «Об особенностях использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных на землях сельскохозяйственного назначения»: постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2020 № 1509.

8. «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства»: постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2018 № 1730.

9. Косых В.А. Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация, проблемы противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020.

Bibliography

1. The national program «Digital economy of the Russian Federation» was approved by the minutes of the meeting of the Presidium of the presidential Council for strategic development and national projects dated June 4, 2019 № 7.

2. Development strategy for the forest complex of the Russian Federation till 2030: order of the Government of the Russian Federation of 20 September 2018. № 1989-R.

3. About approval of the Types of logging operations, order and sequence of their conduct, Form, routing of logging operations, the Forms of inspection of the logging site and Order the inspection of the cutting area: the order of the Ministry of natural resources and ecology of the Russian Federation of June 27, 2016 № 367.

4. On the approval of the rules for timber harvesting and the specifics of timber harvesting in forest districts, forest parks, specified in Article 23 of the Forest Code of the Russian Federation: order of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation dated September 13, 2016 № 474.

5. About the transfer of land or land plots from one category to another: Federal law № 172-FL of December 21, 2004.

6. About the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management: resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation № 21 of October 18, 2012.

7. About the peculiarities of use, protection, protection, reproduction of forests located on lands of agricultural purpose: regulation of the Government of the Russian Federation of 21 September 2020 № 1509.

8. About approval of peculiarities of compensation of harm caused to forests and are in their natural bodies by violations of forestry legislation: decree of the Government of the Russian Federation from December 29, 2018 № 1730.

9. Kosykh V.A. Illegal turnover of wood and timber in the Russian Federation: essence, determination, problems of counteraction: dis. ... PhD in Law. SPb., 2020.

© 2021 г. Дудниченко Анна Николаевна,

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: ms.dan76@mail.ru

Усенко Оксана Владимировна,

доцент кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук.

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проведенное исследование позволило авторам выразить собственную аргументированную позицию по существу места способов совершения указанных деяний в структуре криминалистической характеристики преступлений.

Ключевые слова: способ преступления, криминалистическая характеристика преступлений, правила дорожного движения, ДТП, транспортные средства, нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, механизм преступления, неосторожность, вина, формы вины.

Dudnichenko Anna Nikolaevna – Senior Lecturer, the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

Usenko Oksana Vladimirovna – Associate Professor, the Department of Criminalistics, the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

METHODS OF COMMITTING ROAD TRAFFIC CRIMES IN THE STRUCTURE OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES: THEORETICAL ASPECT

The authors draw attention to such a controversial aspect in the formation of the structure of the criminalistic characteristics of crimes related to violations of traffic rules and the operating the vehicles as the recognition of the methods of these crimes as an independent structural element of the criminalistic characteristics.

Keywords: method of crime, criminalistic characteristics of crimes, traffic rules, road accidents, vehicles, violations of traffic rules and vehicle operation, mechanism of crime, negligence, guilt, forms of guilt.

Согласно сформировавшимся за десятилетия положениям концепции о криминалистической характеристике преступлений, способ преступлений в подавляющем большинстве случаев является центральным (ключевым, системообразующим) структурным элементом указанной научной абстракции [1, с. 82–84; 2, с. 66–69]. Основоположником учения о способе преступления проф. Г.Г. Зуйковым способ преступления определен как система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности [3, с. 10].

Однако общее и даже аксиоматичное утверждение обладает достаточной спецификой применительно к рассматриваемой категории преступления. Помимо своеобразия непосредственно преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, здесь в очередной раз актуализируется вопрос о приемлемости

употребления данной дефиниции применительно к деяниям, субъективная сторона которых характеризуется элементами неосторожности [4, с. 39–45] (в чистом виде или с двойной формой вины).

В толковом словаре С.И. Ожегова значение слова «способ» определяется как «действие или система действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь» [5].

В криминалистической науке сформировались две позиции относительно правомерности употребления понятия «способ преступления» («способ совершения преступления») применительно к преступлениям с неосторожной формой вины. Приверженцы первой позиции (В.В. Агафонов и А.Г. Филиппов, Э.Д. Куранова, В.Г. Танасевич, А.Г. Филиппов и др.) считают, что преступления, относящиеся к категории неосторожных, не должны содержать в качестве элемента их

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

криминалистической характеристики способ совершения соответствующих деяний [6, с. 16–166; 7, с. 23].

В данной связи представляет интерес дискуссия относительно трактовки форм вины у рассматриваемых нами деяний. С точки зрения уголовного права, нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств трактуются и как неосторожные преступления (в чистом виде), где формами вины выступают легкомыслие или преступная небрежность [8, с. 504], и как преступления с двойной формой вины. Под преступлениями с двойной формой вины понимаются такие составы деяний, которые конструктивно предусматривают различную степень психического отношения лица к содеянному: к непосредственному деянию и к наступившим последствиям. Позиция о конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, как предусматривающего двойную (смешанную) форму вины, дифференцированную по отношению к самому факту деяния и наступившим последствиям (в виде неосторожной формы вины по отношению к последствиям), содержится в различных публикациях [9, с. 35].

С точки зрения криминалистических аспектов изучения момента возникновения и реализации преступного умысла, очевидно, что, управляя транспортным средством, лицо знало (или должно было знать) Правила дорожного движения. Отсюда нарушение Правил дорожного движения всегда является сознательным (например, субъект превысил скоростной режим, предусмотренный для данного участка дороги), либо недооценил сложность сложившейся дорожной ситуации, хотя объективно был способен верно ее интерпретировать.

Иными словами, несмотря на то, что необходимым условием инкриминирования преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, является причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерти человеку (людям), исходным моментом, находящимся в прямой причинно-следственной связи с этим, является все-таки сознательное нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Фактор заведомого нарушения Правил дорожного движения весьма очевиден, если лицо управляет транспортным средством в состоянии опьянения. Однако и в этом случае состояние

опьянения само по себе не всегда находится в причинно-следственной связи с совершенным происшествием (например, при отсутствии технической возможности предотвратить ДТП у водителя, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения, и наличии таковой у другого водителя, допустившего столкновение).

В противоположность точке зрения об отсутствии такой криминалистической категории в структуре криминалистической характеристики преступлений, как способ преступления касательно деяний, совершенных по неосторожности, иные ученые, в частности В.А. Образцов, А.А. Бессонов и др., определяют способ преступления в качестве объективной характеристики действия, не зависящей от того, с какой формой вины оно совершается [10, с. 43; 11, с. 171–173]. Исходя из этого, как умышленным, так и неосторожным преступным деяниям присущ тот или иной способ совершения преступления.

Признавая, несомненно, высокую информативность механизма ДТП – как элемента криминалистической характеристики данных преступлений, тем не менее, напомним, что одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию, согласно требованиям ст. 73 УПК РФ, является все же способ совершения преступлений, независимо от формы вины. То есть определение способа совершения преступления входит в содержание универсального предмета доказывания, следовательно – в содержание аналогичного элемента частных криминалистических методик [12, с. 60–62; 13, с. 37–39]. Значимость точного установления способа преступления предопределяет необходимость наличия данного элемента и в структуре криминалистической характеристики преступления.

Полноструктурный способ совершения преступлений, характерный для умышленных деяний, в отличие от усеченного, включает три группы действий лица, совершившего преступление, а именно: действия по подготовке, совершению и сокрытию преступного деяния. При этом некоторыми учеными способ сокрытия предлагается рассматривать отдельно от способа совершения преступления. Так, например, В.П. Колмаков к способу совершения преступления относит действия, направленные на совершение общественно опасных деяний, исключая действия по сокрытию из способа преступления. По мнению

А.Н. Васильева, при различных условиях действия по сокрытию преступления могут быть либо включены в структуру способа совершения преступления, либо рассматриваться обособлено.

В.В. Савцов под способом преступления, связанного с ДТП, представляет «комплекс действий (или бездействие), прямым следствием которых явилось дорожно-транспортное происшествие, повлекшее неблагоприятные последствия, установленные законом и достаточные для привлечения виновного лица к уголовной ответственности по соответствующей норме УК РФ (смерть потерпевшего, причинение вреда здоровью и т. д.)» [14, с. 2]. Таким образом, способ совершения ДТП характеризуется отсутствием действий по подготовке к совершению преступления, и заключается в непосредственном совершении происшествия, повлекшего последствия, предусмотренные уголовным законом.

Совершение действий либо осуществление бездействия, подпадающее под признаки преступлений, предусмотренных статьями 264, 264.1 УК РФ: от нарушения конкретных Правил дорожного движения до наступивших неблагоприятных последствий, позволяет нам говорить об особенностях способа совершения названных деяний.

На наш взгляд, способом совершения преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, является совокупность действий (бездействия) участников дорожного движения, выразившихся в несоблюдении Правил дорожного движения Российской Федерации при эксплуатации транспортных средств, находящемся в единой причинно-следственной связи с автомобильной аварией, повлекшей последствия в виде причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека, либо наступление смерти. При этом данные действия (бездействие) вызвали изменения в окружающей обстановке в виде таких материальных и идеальных следов, с помощью которых возможно воссоздать механизм преступления, получить сведения о поведении и личности преступника.

Типичными способами совершения преступлений рассматриваемой категории являются: столкновения транспортных средств (лобовое, боковое, касательное, заднее); опрокидывания (как правило, вследствие неправильно выбранной скорости движения); наезд на стоящее транспортное средство или

на препятствие (неподвижный предмет); наезд на пешехода или велосипедиста (на проезжей части, на тротуаре); иные дорожно-транспортные происшествия (падение с путепроводов, мостов; падение груза и др.).

В результате изучения уголовных дел о рассматриваемой категории преступлений к факторам, оказывающим влияние на формирование способа совершения преступлений указанной категории, нами отнесены обстоятельства, воздействующие на поведение и действия субъекта как в период, предшествовавший преступлению, так и в момент его совершения, а также направленные на предотвращение преступления, которые условно дифференцированы на субъективные и объективные факторы.

К субъективным факторам, как нам представляется, следует отнести: качество знаний, умений, навыков, полученных при обучении вождению в соответствующих образовательных организациях; водительский стаж – опыт вождения (как количественный и качественный показатели специальной компетентности); продолжительность нахождения за рулем; состояние здоровья, самочувствие (в т. ч. утомляемость, наличие опьянения, возрастные особенности); степень дисциплинированности при выполнении требований, регламентированных Правилами дорожного движения.

Субъективные факторы, лежащие в основе реализации того или иного названного выше способа преступления, в наибольшей степени образуют коррелятивные зависимости по отношению к криминалистически значимым особенностям личности типичных преступников (субъектов преступления).

К объективным факторам, влияющим на дорожную обстановку и не зависящим от воли и действий лица, совершившего преступление, как нам представляется, следует отнести: дорожные условия (состояние дорожного покрытия, наличие дорожной разметки, дорожных знаков, светофорных объектов); особенности дороги (уклон, радиус поворота, наличие объектов, ограничивающих обзор); интенсивность дорожного движения; погодные условия: наличие осадков, состояние видимости, время суток; техническое состояние транспортного средства.

Расследуя дорожно-транспортные преступления, обозначенные выше обстоятельства необходимо рассматривать во взаимосвязи со

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

скоростью, с которой водитель управлял транспортным средством, поскольку п. 10.1. Правил дорожного движения Российской Федерации устанавливает, что «водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля над движением транспортного средства для выполнения требований Правил. При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства».

В особую группу факторов, на наш взгляд, следует выделить действия иных участников дорожного движения, влияющих на создание и развитие аварийной ситуации: нарушение Правил дорожного движения со стороны пешеходов (в т. ч. неиспользование светоотражающих элементов в темное время суток), ведение дорожных работ без соблюдения требований безопасности, а также опасное вождение. При рассмотрении эмпирических источников, мы обратили внимание на то, что нередко водители, совершившие действия, характеризующиеся как опасное вождение, создав аварийную ситуацию для других участников дорожного движения, скрываются.

Особого внимания также заслуживают такие обстоятельства, как соблюдение мер личной безопасности водителями и пассажирами транспортных средств (использование ремней безопасности, наличие защитной экипировки у водителей мото-, велотранспорта, использование автолюлек и автокресел различных категорий в зависимости от роста и

массы ребенка-пассажира), поскольку данные приспособления предназначены для минимизации степени причинения вреда жизни и здоровья указанных категорий участников дорожного движения, и в том числе от их использования (либо неиспользования) зависит степень тяжести последствий, наступающих в результате преступного нарушения Правил дорожного движения и, как следствие, квалификация совершенного деяния.

Что касается способов нарушения Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 264.1 УК РФ), то, на наш взгляд, способом совершения преступлений данной категории является совокупность действий водителя транспортного средства как участника дорожного движения, выразившихся в управлении транспортным средством в состоянии опьянения и не повлекших последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью и (или) смерти человека. Причем, в отличие от преступлений, предусмотренных статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, нарушение Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, является умышленным преступлением.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что отнесенность дорожно-транспортных преступлений к категории деяний, совершенных с неосторожной формой вины, не только не исключает необходимости рассмотрения типичных способов их совершения (исходя из положений учения о способе совершения преступления), но и сохраняет за данным элементом статус одного из информативных, образующих коррелятивные взаимосвязи в системе элементов криминалистической характеристики преступлений, выступающей эффективным подспорьем в формировании добротной доказательственной базы по уголовным делам об указанной категории деяний.

Литература

1. Варданян А.В. Методологическое значение криминалистического учения о способе преступления для формирования классификации приемов по приготовлению к совершению преступлений в сфере земельных правоотношений // *Философия права*. 2013. № 4 (59).
2. Варданян А.В. Роль теоретических положений криминалистического научного знания в формировании классификации способов

Bibliography

1. Vardanyan A.V. Methodological significance of the criminalistic teaching on the method of crime for the formation of the classification of techniques for preparing for the commission of crimes in the sphere of land legal relations // *Philosophy of Law*. 2013. № 4 (59).
2. Vardanyan A.V. The role of theoretical provisions of criminalistic scientific knowledge in the formation of the classification of methods of committing

совершения и сокрытия преступлений в сфере земельных правоотношений // *Философия права*. 2013. № 5 (60).

3. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук М., 1970.

4. Варданыан А.В. Правовая оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2018. № 2 (85).

5. <http://slovariki.org/search?did=tolkovyj-clovar-ozegova&word=Способ>.

6. Куранова Э.Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // *Вопросы криминалистики*. 1962. № 6–7.

7. Танасевич В.Г. Проблемы борьбы с хищениями государственного или общественно-го имущества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967.

8. Астахин С.В. Вина в преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности дорожного движения // *Актуальные проблемы российского права*. 2007. № 1.

9. Сорочкин Р.А. Понятие и признаки преступления, совершенного с двумя формами вины // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2009. № 10.

10. Образцов В.А. Характеристика элементарно-компонентного состава объекта практического познания в уголовном судопроизводстве // *Криминалистика* / Под ред. В.А. Образцова. М., 1997.

11. Бессонов А.А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // *Пробелы в российском законодательстве*. 2014. № 4.

12. Варданыан А.В. Формирование перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании злоупотреблений полномочиями в коммерческих и иных организациях: гносеологический и криминалистический аспекты // *Юристы-Правоведы*. 2013. № 3 (58).

13. Варданыан А.В. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о преступлениях в сфере земельных правоотношений, как элемент частной криминалистической методики расследования указанных деяний // *Юристы-Правоведы*. 2013. № 4 (59).

14. Савцов В.В. Способ преступления в структуре криминалистической характеристики преступлений, связанных с дорожно-транспортными происшествиями // *Российский следователь*. 2011. № 23.

and concealing crimes in the sphere of land legal relations // *Philosophy of Law*. 2013. № 5 (60).

3. Zuikov G.G. Criminalistic teaching about the method of committing a crime: abstract. dis. ... dr. of Law. M., 1970.

4. Vardanyan A.V. Legal assessment of causing harm to human health during sports competitions // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. № 2 (85).

5. <http://slovariki.org/search?did=tolkovyj-clovar-ozegova&word=Способ>.

6. Kuranova E. D. On the main provisions of the methodology of investigation of certain types of crimes // *Questions of criminology*. 1962. № 6–7. pp. 165-166;

7. Tanasevich V. G. Problems of combating theft of state or public property: autoref. dis. ... dr. of Law. M., 1967.

8. Astakhin S.V. Guilt in crimes related to violation of traffic safety rules // *Actual problems of Russian law*. 2007. № 1.

9. Sorochkin R.A. The concept and signs of a crime committed with two forms of guilt // *Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2009. № 10.

10. Obratstov V.A. Characteristic of the element-component composition of the object of practical knowledge in criminal proceedings // *Criminalistika* / Ed. by V.A. Obratstov. M., 1997.

11. Bessonov A.A. The method of crime as an element of its criminalistic characteristics // *Gaps in the Russian legislation*. 2014. № 4.

12. Vardanyan A.V. Formation of the list of circumstances subject to proof in the investigation of abuse of authority in commercial and other organizations: epistemological and criminalistic aspects // *Yurist-Pravoved*. 2013. № 3 (58).

13. Vardanyan A.V. The circumstances to be established in cases of crimes in the sphere of land legal relations, as an element of a private forensic methodology for investigating these acts // *Yurist-Pravoved*. 2013. № 4 (59).

14. Savtsov V.V. The method of crime in the structure of criminalistic characteristics of crimes related to road accidents // *Russian investigator*. 2011. № 23.

© 2021 г. Давыдова Снежана Анатольевна,
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: snezhana221@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ ПРОВОКАЦИИ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ ФАКТОВ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Статья посвящена проблеме выявления признаков провокации при пресечении фактов взяточничества посредством оперативно-розыскных мероприятий. Несовершенство действующего законодательства рассматривается как условие, способствующее злоупотреблению полномочий должностных лиц оперативных подразделений при выполнении возложенных на них задач. Автор на примере решений российских судов и Европейского суда по правам человека обосновывает необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативный эксперимент, провокация, преступление, Европейский Суд по правам человека.

Davydova Snezhana Anatolievna – Adjunct, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

ON THE ISSUE OF IDENTIFYING INDICIA OF PROVOCATION WHEN SUPPRESSING THE FACTS OF BRIBERY

The article is devoted to the problem of identifying indicia of provocation when suppressing the facts of bribery through the operational and investigative measures. The imperfection of the current legislation is considered as a condition that contributes to the abuse of the powers of officials of operational units in the performance of their assigned tasks. The author justifies the need for further improvement of the legal regulation of operational-investigative activities using the example of the decisions of the Russian courts and the European Court of Human Right.

Keywords: operational and investigative activities, operational and investigative measures, operational experiment, provocation, crime, European Court of Human Rights.

Борьба с преступлениями коррупционной направленности является приоритетной задачей российского законодательства. Успех выполнения антикоррупционных задач во многом зависит от активного использования возможностей оперативно-розыскной деятельности. При этом стремление любой ценой добиться положительных показателей в данной работе, отсутствие опыта оперативной работы, недостаточный контроль со стороны надзирающего органа не исключают нарушение законности, а в отдельных случаях сопровождаются откровенными провокационными действиями со стороны последних.

В этом аспекте законодательство об оперативно-розыскной деятельности содержит прямой запрет провокации преступления, под которым понимается подстрекательство, склонение, побуждение в прямой и косвенной форме к совершению противоправных деяний, а также запрет фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности (ч. 8 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») [1].

Вместе с тем имеющиеся пробелы в законодательстве, регулирующем оперативно-розыскную деятельность, его несовершенство, не только способствуют злоупотреблению полномочиями оперативными сотрудниками при выполнении возложенных на них задач, но и затрудняют выявление признаков провокации как на стадии досудебного производства, так и в ходе судебного разбирательства.

С учетом изложенного считаем необходимым посвятить исследование проблеме выявления признаков провокации при пресечении фактов взяточничества посредством оперативно-розыскных мероприятий. Как показывает анализ научных публикаций, посвященных указанной проблеме, для правоприменителей указанный вопрос, а также вопросы дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего оперативно-розыскную деятельность, не теряют своей актуальности.

Обращаясь к обзору судебной практики прошлых лет, можно констатировать, что еще 10 лет назад российскими судами вопрос о наличии или отсутствии в действиях правоохранительных органов факта провокации

при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий практически не исследовался, а если и исследовался, то формально. Суды по умолчанию оправдывали методы оперативных подразделений при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, поскольку они продиктованы задачами оперативно-розыскной деятельности. Примером подобного отношения может служить определение Верховного суда от 09.04.2008 № 52-Д07-12, смысловое содержание которого сводится к тому, что действия сотрудников правоохранительных органов, направленные на изобличение лиц, совершающих тяжкие преступления, не могут рассматриваться как провокационные [2]. При этом какое-либо обоснование своего вывода коллегией судей не было приведено. Иными словами, суд надзорной инстанции отверг даже гипотетическую возможность наличия в действиях оперативных работников при осуществлении возложенных на них задач признаков провокации.

В настоящее время позиция суда меняется. В случае заявления стороной защиты о наличии в действиях оперативных работников при выявлении и раскрытии преступления признаков провокации суд старается обосновать свои выводы, указывая при этом критерии, по которым он оценивал доказательства. Несмотря на это, количество попыток обжалования приговора в связи с его несправедливостью свидетельствует об устоявшемся мнении стороны защиты о формальном подходе суда при установлении фактов провокации со стороны оперативных подразделений при выявлении и раскрытии преступлений, поскольку показания оперативных сотрудников воспринимаются судом, как истинные, при этом обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения уголовного дела, остаются конфиденциальными.

Можно констатировать, что судебная практика рассмотрения уголовных дел коррупционной направленности отличается от европейских стандартов, в частности Европейский Суд по правам человека усматривает наличие провокации там, где российские суды ее не видят.

Европейский Суд по правам человека под провокацией понимает действия должностных лиц, являющихся сотрудниками органов безопасности, или лиц, действующих по их указанию, которые направлены не на рассле-

дование уголовного дела по существу, а ставят своей целью спровоцировать субъект к осуществлению действия преступного характера [3].

Ярким примером, когда ЕСПЧ усмотрел в действиях оперативных работников при выявлении коррупционного преступления признаки провокации, будет постановление по делу «Носко и Нефедов против России» от 30.10.2014 (жалобы № 5753/09 и 11789/10). Согласно установленным в ходе судебного разбирательства обстоятельствам уголовного дела гражданка А, участвующая в оперативном эксперименте, по поручению оперативных работников обратилась к своему знакомому Х с просьбой о получении больничного листа под благовидным предлогом проведения ремонта в ее квартире. Получив согласие последнего в решении ее проблемы, уже на следующий день она вместе с Х пришли в поликлинику, где А передала последнему для Носко за предоставленный ей фиктивный больничный лист 500 рублей и 500 рублей она же заплатила Х за посреднические услуги. Носко взяла деньги от Х, при этом медицинский осмотр А ею проведен не был. Спустя 3 дня А, по прежнему действуя по поручению сотрудников полиции, пришла в поликлинику, где уже лично обратилась к Носко о продлении ранее выданного ей больничного листа. Носко, как и прежде, без проведения медицинского осмотра А продлила больничный лист последней, за что получила от А 500 рублей. После передачи денежных средств Носко была задержана с поличным на месте преступления.

Сотрудник полиции, ответственный за организацию в отношении Носко оперативно-розыскных мероприятий, в ходе судебного заседания пояснил, что оперативный эксперимент был начат в связи с получением информации о коррупционном поведении Носко. Указанное оперативно-розыскное мероприятие проводилось с целью проверки и документирования преступной деятельности Носко. Источник своей осведомленности сотрудник полиции не раскрывал.

Х в свою очередь показал, что он согласился оказать помощь А в получении фиктивного больничного листа после неоднократных уговоров последней. Также Х сообщил, что он обращался с указанной просьбой к нескольким врачам, но согласилась только Носко. За предоставленный больничный лист

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

он передал Носко 500 рублей, которые ранее для указанной цели ему передала А. Медицинский осмотр А Носко не проводила.

По результатам вышеуказанного уголовного дела, ЕСПЧ в действиях оперативных работников при проведении оперативно-розыскных мероприятий усмотрел существование риска провокации в отношении заявительницы Носко, поскольку оперативный эксперимент был санкционирован и проведен безосновательно (произвольно). ЕСПЧ констатировал отсутствие в российском законодательстве, регулирующем оперативно-розыскную деятельность соответствующих процессуальных гарантий, позволяющих достоверно оценить правомерность оперативно-розыскных мероприятий. В своем постановлении ЕСПЧ резюмировал ущемление прав Носко на справедливое судебное разбирательство и наличие в отношении последней провокации к даче взятки [4].

Иными словами, имеющиеся пробелы в российском законодательстве, регламентирующем оперативно-розыскную деятельность, рассматриваются ЕСПЧ как возможность нарушения самого порядка проведения оперативно-розыскного мероприятия «Оперативный эксперимент» и как возможность злоупотребления полномочиями со стороны оперативных работников при пресечении преступлений.

Соглашаясь с позицией ЕСПЧ, можно констатировать, что осуществить проверку порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий на соответствие закону не всегда возможно, т. к. понятие и содержание оперативно-розыскных мероприятий ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не регламентированы, а положение о государственной тайне позволяет оперативным подразделениям не раскрывать источники своей осведомленности. Указанное положение не только противоречит требованиям УПК РФ, закрепляющим процедуру проверки доказательств на предмет достоверности содержащихся в них сведений путем установления источника их получения и на предмет допустимости, т. е. их проверку на соответствие требованиям закона самого порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий, но и способствует злоупотреблению полномочиями [5].

Кроме того, отсутствие санкции прокурора на проведение ОРМ «Оперативный

эксперимент» также не гарантирует законность его проведения, поскольку проверка обоснованности его проведения осуществляется органом прокуратуры, как правило, уже по факту его проведения. С учетом положений Инструкции, разрешающей предоставление в орган расследования и в суд материалов и документов, полученных при проведении ОРМ, не в полном объеме (оригинале), а в копиях (выписках), с переносом наиболее важных частей (разговоров, сюжетов) на единый носитель [6], можно констатировать, что указанное обстоятельство также не исключает возможное превышение или злоупотребление полномочиями сотрудниками оперативных подразделений.

Наглядным примером злоупотребления полномочиями и провокации при выявлении коррупционных преступлений будет уголовное дело, возбужденное 14.02.2014 в отношении руководителя ГУЭБиПК МВД России Д.А. Сугрובה. В апреле 2017 г. Московским городским судом Д.А. Сугробов был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества), ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности), ст. 304 УК РФ (провокация взятки). Схема преступлений была следующая: под руководством Д.А. Сугрובה оперативные работники сами создавали оперативную информацию, а после, с целью ее проверки, документировали якобы преступную деятельность лица. Расшифровка аудиозаписи, предоставляемая в орган расследования сотрудниками оперативных подразделений ГУЭБиПК, содержала купированную версию произошедшего события, т. е. на бумаге отражалось только то, что выгодно для обвинения [7].

Таким образом, можно констатировать, что отсутствие регламентированной процедуры проведения оперативно-розыскного мероприятия, отсутствие возможности проверки его обоснованности, отсутствие санкции прокурора на его проведение не могут способствовать справедливому разрешению уголовного дела.

С целью повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, а также соблюдения порядка проведения

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

оперативно-розыскных мероприятий в Федеральном законодательстве «Об оперативно-розыскной деятельности» необходимо продекларировать понятие каждого оперативно-розыскного мероприятия, порядок его проведения, обязательных его участников, их права, обязанности и ответственность [5].

Усиление прокурорского надзора за законностью проводимых оперативными подраз-

делениями действий путем обязательного санкционирования «Оперативного эксперимента» будет способствовать исключению фактов провокации, превышения, а также злоупотребления полномочий со стороны оперативных подразделений, а также правильному документированию преступной деятельности лица.

Литература

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/52-д07-12.

3. Постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 по делу «Раманаускас против Литвы» (жалоба № 74420/01) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление ЕСПЧ от 30.10.2014 по делу «Носко и Нefeldов против России» (жалобы № 5753/09 и 11789/10) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Давыдова С.А. Актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам коррупционной направленности // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186).

6. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // СПС «КонсультантПлюс».

7. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687868-prigovor-sugrobo-vupokazatelnim/>.

Bibliography

1. Federal Law «On operational and investigative activities» of 12.08.1995 № 144-FL // LRS «ConsultantPlus».

2. URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/52-д07-12.

3. Judgment of the ECHR of 05.02.2008 in the case (complaint № 74420/01) // LRS «ConsultantPlus».

4. The decision of the ECHR of 30.10.2014 in the case «Nosko and Nefedov v. Russia» (complaints № 5753/09 and 11789/10) // LRS «ConsultantPlus».

5. Davydova S.A. Actual problems of using the results of operational and investigative activities in proving corruption-related criminal cases // Law and State: Theory and Practice. 2020. № 6 (186).

6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 776, Ministry of Defense of Russia № 703, FSB of Russia № 509, FSO of Russia № 507, FCS of Russia № 1820, SVR of Russia № 42, FSIN of Russia № 535, FSKN of Russia № 398, IC of Russia № 68 of 27.09.2013 «On approval of Instructions on the procedure for submitting the results of operational search activities to the body of inquiry, investigator or court» // LRS «ConsultantPlus».

7. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687868-prigovor-sugrobo-vupokazatelnim/>.

© 2021 г. Никитина Людмила Суреновна,
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.
E-mail: ll.nikitina@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

В статье рассматриваются результаты анализа торговли наркотиками в социальных сетях, автор исследует рост объемов торговли наркотиками с помощью цифровых технологий за пределами крипторынков.

Ключевые слова: даркнет, цифровизация, наркотическое средство, психотропное вещество, биткойн, крипторынок, социальная сеть, онлайн-сервис.

Nikitina Lyudmila Surenovna – Adjunct, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE METHODS OF COMMITTING CRIMES IN THE SPHERE OF ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGS

The article examines the results of the analysis of drug trafficking in social networks, the author examines the growth of drug trafficking using digital technologies outside the crypto markets.

Keywords: dark net, digitalization, narcotic drug, psychotropic substance, bitcoin, crypto market, social network, online service.

Использование интернет-инструментов цифровой коммуникации быстро развивалось с 2000 г., особенно с появлением социальных сетей, которые изменили повседневную жизнь во всем мире.

На сегодняшний день Дания, Исландия и Швеция имеют активный открытый рынок наркотиков в социальных сетях, особенно в группах Facebook и Instagram. Эти рынки характеризуются высокой доступностью и степенью взаимодействия между незнакомцами – то, что мы классифицировали как общедоступные цифровые рынки (см. таблицу 1).

В Норвегии и Финляндии нет открытых рынков или указаний на их существование. Вместо этого присутствуют частные цифровые рынки: закрытые, в основном одноранговые рынки, работающие через приложения для обмена сообщениями. В Норвегии Facebook используется для покупки и продажи наркотиков только через личные сообщения или через строгие группы, которые доступны только друзьям из Facebook [5]. В Финляндии большинство сделок в Интернете происходит на местном форуме крипторынка, что в некоторой степени напоминает процесс торговли

Таблица 1

Открытые и закрытые профили на цифровом рынке по странам
(уровень открытости) [2, с. 21]

Страна	Публичный цифровой рынок (Facebook, Instagram, форумы)	Полупубличный / частный цифровой рынок (Snapchat, Wickr, приложения для обмена сообщениями)
Дания	Высокий	Средний
Финляндия	Высокий	Средний
Исландия	Высокий	Низкий
Норвегия	Низкий	Высокий
Швеция	Высокий	Средний

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

наркотиками в Facebook. В зависимости от преобладающего типа рынка страны делятся на страны с «государственным» или «полугосударственным / частным» рынком. Несмотря на большие различия между странами, общий процесс торговли наркотиками характеризуется сходными параметрами: стороны сначала договариваются в Интернете, где обсуждаются цены, а затем встречаются физически, чтобы обменять деньги на наркотики.

В Финляндии, например, функционирует большой публичный цифровой рынок, расположенный на одной площадке. Этот форум был размещен как скрытый сервис и был доступен только в браузере Tor, который имеет встроенное шифрование. Этот форум в даркнете функционировал очень похоже на более крупные группы в Facebook, которые наблюдались в Дании, Исландии и Швеции. Основные характеристики этих рынков заключаются в том, что продавцы публично публикуют свои предложения лекарств, включая свою контактную информацию, и поощряют дальнейшее общение по частным каналам, таким как Wickr.

В Норвегии таких публичных сообщений о наркотиках обнаружено не было. Вместо этого продавцы и покупатели использовали приложения для личных сообщений, такие как Wickr, Snapchat и Facebook Messenger. Таким образом, доступ к рынкам требует высо-

кого уровня предыдущих знаний, чтобы иметь возможность связаться с продавцом (зная, с кем и как связываться), что часто достигается благодаря друзьям, действующим в качестве посредников. В зависимости от используемого приложения продавцы иногда отправляли групповые сообщения (например, Wickr) или публичные истории (например, Snapchat), рекламируя недавно поступившие лекарства или специальные предложения [4, с. 78].

Всего было проведено наблюдение за 113 группами в Facebook, через которые продавались нелегальные наркотики: 26 в Дании, 30 в Исландии и 57 в Швеции. Наблюдение проводилось в течение июня–сентября 2020 г., данные были ограничены группами, к которым удалось получить доступ. Что касается населения каждой страны, Дания и Швеция имеют одинаковую частоту групп на душу населения, в то время как Исландия показывает удивительно большую частоту групп по сравнению с ее населением.

Только 63 группы по лекарствам (наркотическим и психотропным веществам) имели конкретный географический охват: 34 – общенациональные, 20 – общегородские, 6 – большие регионы (часто включая округа или более одного города) и 2 – небольшие регионы (например, город и прилегающие районы). Наконец, один профиль в социальной сети был ориен-

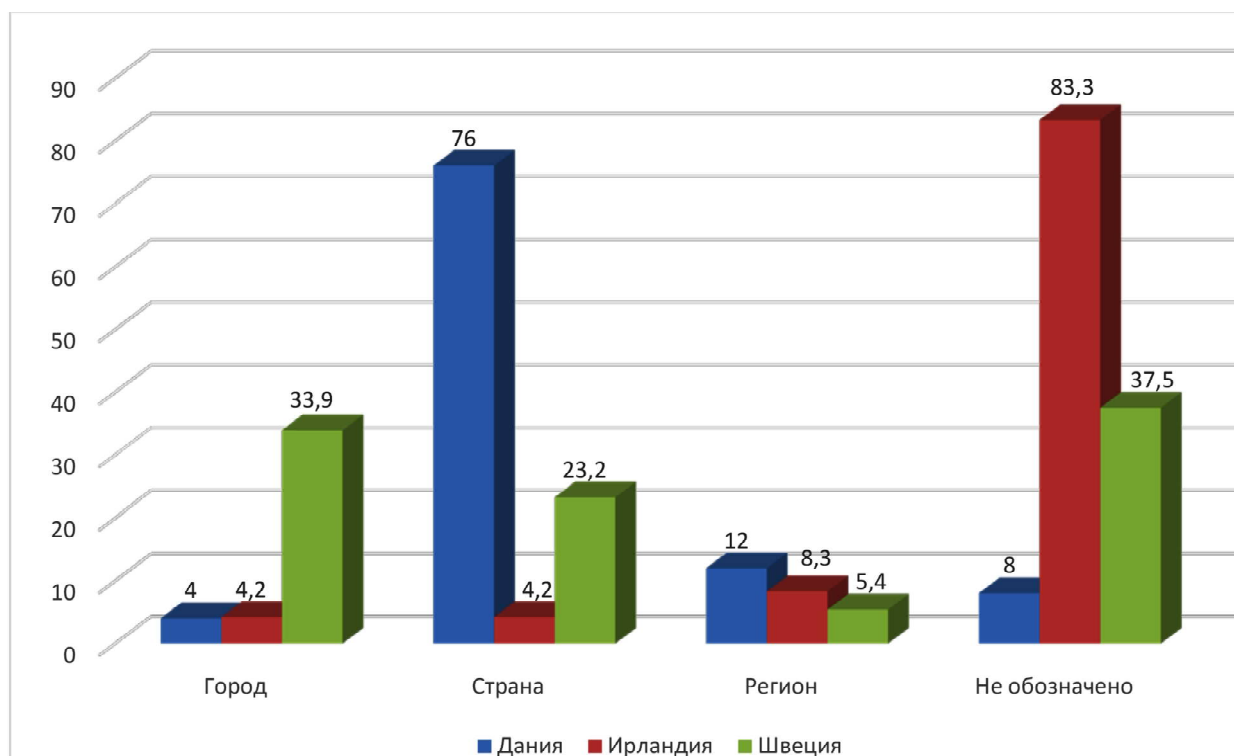

Рис. 1. Распределение групп Facebook по расположению администратора, %

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

тирован на определенный район в городе. Несмотря на эти данные, оценка демографических характеристик профиля является сложной задачей, поскольку почти половина профилей ($n = 50$) не информировали участников о своем географическом охвате (никаких конкретных инструкций в сводке по группе не было). Возможно, что профили, для которых не указан географический охват, имеют национальный охват, и продавцы должны ограничивать свои собственные районы доставки.

Интересно отметить, что анализируемые профили предлагают только наиболее широко используемые наркотики (в отличие от крипторынков, которые предлагают более широкий спектр психоактивных продуктов). Такие препараты, как диметилтриптамин, ЛСД и кетамин, почти полностью отсутствуют. Таким образом, открытые профили социальных сетей ориентированы на менее специализированных потребителей наркотиков.

Несмотря на то, что в сфере продаж преобладают мужские профили, среди женских профилей есть некоторые интересные выводы: женские профили более активны на рынках амфетамина и отпускаемых по рецепту лекарств. Однако все административные посты, а также посты о группе приходили с мужских профилей.

Сообщения из женских профилей в основном касались (в порядке убывания) рецептурных препаратов или каннабиса, без упоминания наркотиков, амфетамина, кокаина и экстази. Семена каннабиса не упоминались в женских профилях.

Предыдущие исследования торговли наркотиками через Интернет были сосредоточены на крипторынках и в значительной степени игнорировали роль основного Интернета. Представленные здесь результаты основаны на крупномасштабных качественных данных в недостаточно развитой области исследований. При сборе данных использовалась триангуляция этнографии, интервью и данные опросов, что позволило глубже понять новый тип незаконного поведения. Основные различия были обнаружены в пяти странах Северной Европы. В Дании, Исландии и Швеции торговля наркотиками осуществляется открыто в специальных закрытых группах Facebook, где продавцы объявляют о своих товарах с фотографиями, описаниями и контактной информацией. Instagram использовался в дополнение к Facebook в Швеции.

Рынки Дании, Швеции и Исландии, управляемые Facebook, имеют ряд общих черт с рынками платформенного типа. Группа предоставляет отдельным продавцам

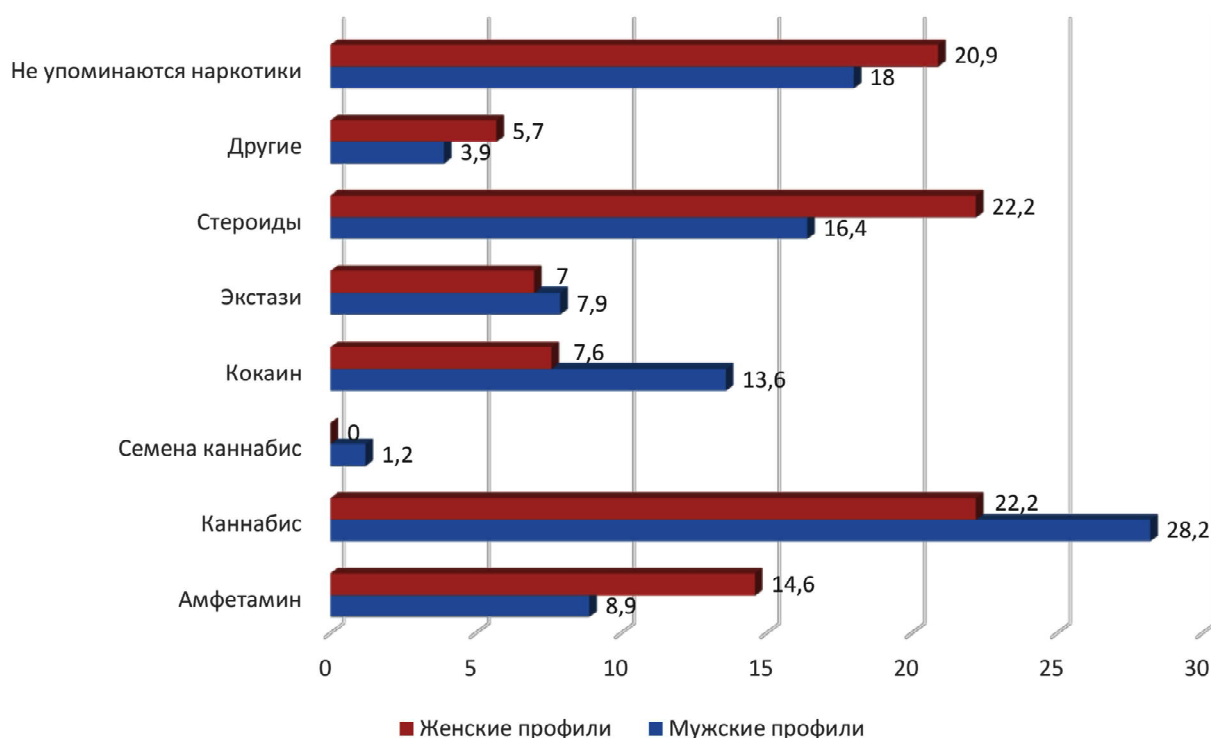

Рис. 2. Профили по гендеру по наркотикам, упомянутым в сообщениях Facebook

платформу для распространения своих товаров в рамках групп. Шведские рынки адаптировались к этому формату больше, чем рынки Дании и Исландии, с их развитой системой обзора и более высокой распространенностью общегородских групп [3, с. 130].

Более подробный анализ рынков Facebook в Швеции, Дании и Исландии выявляет дополнительные различия в использовании открытых или индивидуальных средств массовой информации. В группах по продаже наркотиков на Facebook в этих странах обнаружены различия в демографическом охвате, количестве членов, типах продаваемых наркотиков и содержании сообщений. Датский рынок имел в основном национальный охват, варьировался по количеству членов группы, а крупнейшими группами были социальные группы каннабиса. Каннабис был самым распространенным наркотиком и часто продавался определенными группами, тогда как другие группы продавали несколько наркотиков. На шведском рынке было больше групп, относящихся к конкретным городам, которые предлагали несколько типов наркотиков. Группы часто были меньше, чем датские и исландские группы, и часто включали торговлю другими незаконными предметами, такими как оружие и краденые товары. Исландские группы часто не упоминали конкретно места, что могло указывать на их национальный охват. Большинство исландских групп занимались исключительно торговлей наркотиками и часто состояли от 500 до 2 500 членов, что казалось большим числом людей по сравнению с численностью населения и общим количеством групп.

Национальное законодательство и социокультурный контекст могут объяснить некоторые различия между странами. Например, в Дании более либеральное законодательство о наркотиках, чем в других скандинавских странах.

Также следует отметить, что исландские трейдеры используют исключительно Facebook, в то время как финские пользователи предпочитают более безопасные сетевые приложения Tог, а норвежцы используют комбинацию закрытых социальных сетей и приложений для шифрования. С одной стороны, распространенность определенных приложений в социальных сетях для покупки лекарств зависит от знания приложений, а также от восприятия риска покупателем.

С другой стороны, продавцы играют решающую роль в принятии решения о том, какие средства массовой информации использовать для заключения сделок. Например, не было доступных открытых профилей на Facebook в Норвегии и Финляндии и не было использования Wickr в Исландии. Следовательно, рынок наркотиков в социальных сетях определяется предложением, в результате чего нормализация употребления наркотиков и частоты использования определенных приложений в социальных сетях приводит к высокой доступности запрещенных наркотиков в социальных сетях [5, с. 316].

Доступность наркотиков через социальные сети предоставила новый скрытый канал для покупки наркотиков. Важно выделить два аспекта этой новой доступности. Во-первых, люди без какого-либо предшествующего опыта или знаний о наркотиках могут столкнуться с продажами лекарств в социальных сетях, где они уже присутствуют, например, через учетные записи Instagram и публикации в группах Facebook по другим темам. Затем они могут либо игнорировать, либо покупать, либо интересоваться группами и профилями конкретных наркотиков. Открытость и доступность могут побудить более молодую группу пользователей к покупке и употреблению наркотиков. Кроме того, потребители наркотиков, сталкивающиеся с широким выбором наркотиков в социальных сетях, могут испытать соблазн попробовать наркотики, которые они не покупали. Наличие рецептурных лекарств, кокаина и амфетаминов наряду с каннабисом в социальных сетях может побудить некоторых потребителей каннабиса попробовать другие продукты. Сочетание более молодых потребителей с более низким самоконтролем в онлайн по сравнению с офлайн-рынками предполагает, что более широкий выбор наркотиков может быть более проблематичным для этой группы.

Несмотря на многочисленные проблемы, тот факт, что интернет-профилям требуются услуги на базе Интернета (например, услуги хостинга веб-сайтов, индексация, услуги регистраторов, электронные платежи, услуги почты и доставки, а также органическая реклама на платформах поиска и в социальных сетях) предоставляет уникальные возможности для решения проблемы распространения наркотиков через цифровые каналы [6, с. 10].

Например, алгоритмы машинного обучения (как контролируемые, так и неконтролируемые)

могут точно идентифицировать и классифицировать незаконные продажи опиоидов, регистрацию подозрительных учетных записей онлайн-продавцов можно заблокировать, а интернет-провайдеры могут быть вынуждены приостановить или удалить незаконно работающие веб-сайты.

Многие из этих технологических решений доступны уже сейчас и могут быть немедленно развернуты, чтобы помочь технологическим компаниям, регулирующим органам и сотрудникам правоохранительных органов выявлять и удалять контент в реальном времени для проактивной защиты населения. Подходы упреждающего наблюдения на основе данных, такие как использование больших данных и машинного обучения, также могут помочь в занесении незаконных веб-сайтов в черный список из других традиционных сервисов электронной коммерции, включая обработку платежей и доставку продуктов, два ключевых компонента, необходимых для онлайн-продажи и распространения наркотических средств. Хотя отдельные компании могут использовать эти методы через свои собственные внутренние отделы доверия к данным, безопасности и целостности, остается отсутствие формальной координации и сотрудничества между отраслевыми субъектами, которые управляют сайтами / платформами, исследователями, которые часто разрабатывают инновационные и передовые методы контроля.

Помимо технологий и при отсутствии адекватного саморегулирования со стороны поставщиков технологий и интернет-услуг, можно также модернизировать действующее законодательство в соответствии с реалиями разнообразной и социально интерактивной экосистемы Интернета. Это может включать расширение полномочий контролирующих органов для явного охвата платформ и компаний за пределами фактических незаконных интернет-аптек, продающих лекарства. Также необходимы штрафы для технологических компаний, которые используют поисковые системы в Интернете, платформы социальных сетей, обмен сообщениями и мобильные приложения, услуги регистраторов и доменов в Интернете (включая интернет-корпорацию по присвоению имен и номеров), а также поставщиков платежей и логистики, обслуживающих каналы торговли наркотическими веществами.

Другие законодательные акты, включая недавно предложенный Закон о борьбе с незаконными сетями и обнаружении торговли людьми (FIND), предлагают провести дополнительные исследования для лучшего понимания незаконного оборота наркотиков через онлайн-рынки. Однако, учитывая существующие исследования, акцент этого закона может сместиться на требование, чтобы технологические компании или независимые сторонние наблюдатели проводили свои собственные расследования и заблаговременно удаляли контент из своих систем, который напрямую обеспечивает как незаконную продажу опиоидов, так и торговлю наркотиками в цифровом виде.

Могут потребоваться усиленные правоприменительные меры, чтобы в достаточной мере сдерживать содействие со стороны интернет-платформы незаконной онлайн-опиоидной деятельности, которая продолжается, несмотря на многочисленные опубликованные исследования и отдельные правоприменительные меры. Подобное правоприменение не беспрецедентно: например, в 2011 г. Google была оштрафована на 500 млн долларов США за умышленное разрешение незаконных продаж в интернет-аптеках с помощью спонсируемой рекламы, а Министерство юстиции также привлекло к ответственности FedEx Corp. и United Parcel Services [5].

Следовательно, расширение более надежного регулирующего надзора (посредством предупреждений и писем о прекращении деятельности), усиление правоприменения на местах и расследования, а также осуществление дискреционных полномочий Министерства юстиции в отношении интернет-провайдеров, которые содействуют этим незаконным транзакциям, могут быть необходимой реакцией в этом случае дальнейшего бездействия.

Только время, более широкий доступ общественности к данным социальных сетей, дополнительный диалог, продолжающееся общественное давление и переориентация усилий на совместные подходы могут обеспечить успех в борьбе с незаконным онлайн-рынком наркотических средств. Эти продажи являются лишь частью сложной проблемы общественного здравоохранения, которая требует постоянных усилий по совершенствованию лечения и выздоровления от наркозависимости, подходов и вмешательств на

уровне сообществ, профилактических усилий, направленных на поведение, связанное со злоупотреблением психоактивных веществ, решение проблемы чрезмерного назначения психотропных веществ для обезболивания, инвестирование в укреплении здоровья и просвещении.

Важно отметить, что более широкие действия по борьбе с утечкой опиоидов не изолированы от продаж через Интернет, поскольку затруднение пользователям «покупок у врача», получения опиоидов от членов семьи может иметь непреднамеренные последствия перенаправления пользователей в более удобные, но все же не менее рискованные каналы доступа: нелегальные интернет-аптеки.

Несмотря на то, что в настоящее время поддерживается подход за обеспечение конфиденциальности в Интернете, в отношении незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ должны быть приняты более прямые меры. Это подход, который в конечном итоге может потребовать дополнительного регулирования или правоприменения. Заинтересованные стороны в области интернет-технологий должны осознавать эти потенциальные проблемы и воспользоваться своей уникальной возможностью, чтобы помочь предотвратить дальнейшую эскалацию этой объявленной чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения.

Литература

1. Баккен С.А., Меллер К., Сандберг С. Проблемы координации на крипторынках: изменения в сотрудничестве, конкуренции и оценке // Европейский журнал криминологии. 2017.
2. Бюро публикаций Европейского Союза. Европейский центр мониторинга наркотиков и наркомании (ЕЦМНН). Интернет и рынки наркотиков, Документы ЕЦМНН. 2020.
3. Каакинен М., Кейпи Т., Расанен П., Оксанен А. Викимизация киберпреступности и субъективное благополучие: исследование гипотезы буферного эффекта среди подростков и молодых взрослых // Киберпсихология, поведение и социальные сети. 2019.
4. Манксгаард Р., Демант Дж. Смещение политики и преступности – распространенность и упадок политического дискурса на крипторынке // Международный журнал наркополитики. 2019.
5. Хайн К. Этнография и Интернет: учет новых технологических ландшафтов. 2020. Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences.
6. Холл А., Коенрадт Р., Антонопулос Г.А. Незаконные фармацевтические сети в Европе: организация рынка незаконных лекарств в Соединенном Королевстве и Нидерландах. Тенденции в области организованной преступности. 2019.

Bibliography

1. Bakken S.A., Möller K., Sandberg S. Problems of Coordination in Crypto Markets: Changes in Cooperation, Competition and Valuation // European Journal of Criminology. 2017.
2. Bureau of Publications of the European Union. European Monitoring Center for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA). Internet and Drug Markets, EMCDDA Papers. 2020.
3. Kaakinen M., Keipy T., Rasanen P., Oksanen A. Victimization of cybercrime and subjective well-being: a study of the buffer effect hypothesis among adolescents and young adults // Cyberpsychology, behavior and social networks. 2019.
4. Manksgaard R., Demant J. The confusion of politics and crime – the prevalence and decline of political discourse in the crypto market // International Journal of Drug Policy. 2019.
5. Hein K. Ethnography and the Internet: taking into account new technological landscapes. 2020. Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences.
6. Hall A., Coenradt R., Antonopoulos G.A. Illicit Pharmaceutical Networks in Europe: Organizing the Illicit Drug Market in the United Kingdom and the Netherlands. Organized Crime Trends. 2019.

© 2021 г. Хламов Никита Эдуардович,
ассистент кафедры криминалистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ СРЕДСТВ

В настоящей публикации автор рассматривает актуальные проблемы, связанные с совершенствованием борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерных средств, в частности, проблемами правового регулирования данных деяний, процедур доказывания их совершения на основе процессуальных положений и криминалистического сопровождения данного доказывания в процессе расследования.

Ключевые слова: компьютерные преступления, компьютерные средства, электронные следы.

Khlamov Nikita Eduardovich – Assistant, the Department of Criminalistics, Lomonosov Moscow State University.

ON SOME PROBLEMS OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF COMPUTER ENVIRONMENT

In this publication the author examines some current problems related to improving the fight against crimes committed by means of computer environment, in particular, the problems of legal regulation of these acts, procedures for proving their commission on the basis of procedural status and forensic support of this evidence during the investigation process.

Keywords: computer crimes, computer environment, digital footprints.

Информационная безопасность государства, общества и гражданина подразумевает, прежде всего, безопасность, связанную с использованием информационных технологий и различных компьютерных средств в повседневной жизнедеятельности.

По данным судебно-следственной практики, правоохранительные органы в своей деятельности сталкиваются с большим количеством проблем, которые обусловлены различными причинами. Они связаны с консервативностью российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сфере информационных технологий, а также соотвествующей низкой профессиональной квалификацией сотрудников правоохранительных органов.

Между тем, процесс цифровизации российского общества приобретает повсеместный характер, что делает вопрос об информационной безопасности государства, общества и отдельного гражданина все более насущным, а борьбу с соответствующими угрозами – все более сложной и актуальной, в первую очередь, для правоохранительных органов.

Расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств, в этой связи приобретает особо актуальное значение, и в этом процессе должны гармонично сочетаться все аспекты правоприменительной деятельности: уголовно-

правовой, связанный с проблемами квалификации действий преступников и ограничения этих действий от смежных составов; уголовно-процессуальный, обусловленный оптимизацией процесс доказывания по уголовному делу; криминалистический, отражающий содержательные процедуры проведения отдельных следственных действий, по результатам которых будут добыты следы-последствия, связанные с использованием компьютерных средств.

В триаде приведенных выше аспектов особое место занимает криминалистический аспект, т. к. именно криминалистика «работает» со следами-последствиями преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств.

Криминалистический аспект обусловлен в значительной степени проблемами прикладного характера, что относится к технико-криминалистическим средствам установления следов-последствий использования в преступной деятельности компьютерных средств и технико-криминалистическим уровнем подготовки кадров правоохранительных органов к соответствующей следственной деятельности по обнаружению, фиксации и исследованию уже поименованных следов-последствий преступлений. В современной криминальной ситуации эти проблемы создают опасные риски в свете вышеупомянутого

роста преступности в сфере компьютерной информации [1, с. 11].

Любой механизм преступления, совершенного с использованием компьютерных средств, тем или иным образом всегда связан с определенным программным обеспечением этого компьютерного средства. Совершение преступления может быть осуществлено не только с использованием вредоносных программ, которые были специально для этого созданы, но и при помощи программ, которые написаны для абсолютно легальной деятельности.

Соответствующая судебная экспертиза в расследовании всегда имеет важное значение при определении признаков, по которым та или иная программа признается вредоносной или не признается таковой. Основной ошибкой при назначении данной судебной экспертизы следователем является постановка следующего вопроса: «Является ли представленная на исследование компьютерная программа вредоносной?» [2, с. 7].

Совершенно очевидно, что данный вопрос в компетенцию эксперта не входит, поскольку, исходя из анализа диспозиции, например, ст. 273 УК РФ, определяющей такие технические признаки вредоносной программы, как наличие определенного функционала, предполагающего возможность блокирования, модифицирования, удаления компьютерной информации, а также ее установку и деятельность без ведома пользователя.

Наличие таких признаков устанавливается исключительно следователем и судом, а в настоящее время это большая проблема для отечественной правоохранительной системы, учитывая слабый уровень подготовки следователей к практическим действиям в расследовании, направленном на установление вышеуказанных признаков диспозиции материальной нормы.

Криминальная практика практически всегда опережает правоприменительную практику правоохранительных органов. Для целей минимизации разрыва этого соотношения известны различные средства, в том числе, связанные и с научно-практическим исследованием отдельных проблем совершения преступлений и их расследованием, основанных на анализе современной судебно-следственной практики.

В этой связи мы можем систематизировать актуальные способы, используемые преступниками для получения несанкционированно-

го доступа к содержимому компьютера пользователя на основе использования соответствующего программного обеспечения компьютерного средства. Выбор способов весьма разнообразен, однако наиболее распространенными являются следующие [3]:

1. Использование вредоносным программным обеспечением уязвимостей операционной системы. Это один из самых часто встречающихся способов получения неправомерного доступа к компьютеру пользователя.

2. Проникновение вредоносного программного обеспечения в компьютер при скачивании содержимого электронного письма, в котором такая программа заложена.

3. Осуществление физического доступа к компьютеру пользователя и загрузка в него вредоносного программного обеспечения. Помимо использования различных компьютерных программ, для совершения преступлений с использованием компьютерного средства применяются различные аппаратно-программные устройства, которые во многом уникальны, поскольку создаются для решения узкоконкретных, нередко криминальных, задач.

Организация расследования преступлений, связанных с использованием компьютерных средств в значительной степени зависит также от результатов такого следственного действия как осмотр места происшествия.

Одной криминалистически актуальной особенностью является правильный осмотр содержимого компьютера, что требует внимательного исследования находящегося в компьютере специфического программного обеспечения (например, программ для шифрования информации и пр.), криптоконтейнеров (зашифрованных данных, которые защищены от взлома и перехвата.). В процессе осмотра компьютера необходимо сделать копии содержимого жесткого диска [4, с. 91].

Следователю с участием специалиста необходимо проверить осматриваемый компьютер на наличие активных сетевых подключений, а при их наличии следует эти подключения отключить.

Важно отметить, что организация расследования преступлений, связанных с применением компьютерных средств, обусловлена так называемым человеческим фактором.

Он связан не только ошибками, которые вызваны формальной подготовкой следователя к проведению важных следственных действий, а иногда отсутствием такой подготовки вовсе, но и низким уровнем профес-

сиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов к подобного рода деятельности, которые даже не имеют знаний о том, что криминалистически значимая информация, хранящаяся на компьютерном средстве, может быть уничтожена простыми манипуляциями пользователя.

При проведении осмотра места происшествия вопрос об участии понятых решает следователь, если понятые не присутствуют, то осуществляется видеофиксация процесса проведения следственного действия.

Привлечение понятых к участию в проведении осмотра места происшествия всегда вызывало и вызывает у следователя некоторые организационные трудности, а когда расследуется преступление, связанное с использованием компьютерного средства, то эти трудности обусловлены еще и необходимостью того, чтобы эти понятые были не только статистами в его ходе, но могли правильно отражать содержание действий следователя, т. е. они должны понимать процесс формирования доказательства.

Так, В.В. Поляков [5, с. 8] пишет о том, что понятой должен быть способен полно и правильно воспринимать происходящие, что вряд ли достижимо в современных условиях, учитывая широкий спектр, связанный со сложными объектами преступного посягательства. В современной криминальной ситуации, когда растет число преступлений, которые совершаются с использованием компьютерных средств, возникает необходимость оптимизации процессуальных норм, в том числе, связанных с участием понятых в следственных действиях. По нашему мнению, уже необходимо упразднить указанный институт, что оптимизирует ход проведения следственных действий, и заменить его обязанностью сотрудников правоохранительных органов проводить только видеофиксацию хода и результатов следственных действий.

Организация и проведение расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств, связаны процессуальными процедурами доказывания и действующими положениями, регламентирующими эти процедуры по указанной категории уголовных дел [6, с. 9].

Компьютерная информация в процессе преступной деятельности выступает и как средство совершения преступления, и как предмет преступного посягательства, а поэтому она является важным доказательством преступления.

Сведения, извлекаемые из компьютерного средства в процессе расследования, являются электронным следом, который можно «прочитать» благодаря «хэш-сумме» компьютерной информации, вычисляемой различными способами. В процессе проведения следственного действия она изымается на какой-либо материальный носитель (флэш-накопитель, диск и пр.), но может изыматься и в виде электронного следа как такового.

УПК РФ закрепляет перечень видов доказательств, который является исчерпывающим. Вместе с тем такой вид доказательства, как «электронный» след, в диспозиции данной статьи не предусмотрен, соответственно, не разработан процессуальный механизм получения такого вида доказательства, в то время как при расследовании такой категории преступлений, как преступления, совершенные с использованием компьютерных средств, информация, получаемая с таких электронных следов, является наиболее значимой, поскольку она обладает высокой скоростью трансформации.

Данная процессуальная проблема, несомненно, нуждается в оперативном разрешении. Помимо разработок соответствующих уголовно-процессуальных и криминалистических методик, касающихся вопросов доказывания и расследования рассматриваемой категории, необходимо внести некоторые изменения в УПК РФ.

Так, следует ввести в перечень видов доказательств (ст. 74 УПК РФ) новый вид доказательства – электронный след, предусмотрев также порядок его процессуального изъятия и закрепления.

Доказывание обосновано процессуальным порядком производства определенного следственного действия, и нарушение этого порядка влечет признание доказательства недопустимым в соответствии с положениями ст. 75 УПК РФ [7, с. 25].

Расследование преступлений неоднократно сталкивается с криминальными ситуациями, когда для достижения преступного результата используются серверы, расположенные за пределами территории Российской Федерации. Для решения задач расследования в подобных ситуациях сотрудникам правоохранительных органов обязательна как правовая, так и практическая помощь от компетентных органов иностранных государств в соответствии с положениями гл. 53 УПК РФ.

Однако формализация соответствующих процедур всегда замедляет расследование, в то

время как этот процесс расследования требует высокой оперативности по причине того, что электронные следы-последствия совершенного преступления попросту будут по объективным либо субъективным причинам уничтожены [8, с. 42].

Решение данной проблемы видится в упрощении процедуры осуществления международного сотрудничества, в частности, изменении положений УПК РФ и связанных с ними положений соответствующих нормативных правовых актов, развитии ведомственных связей между государствами и правоохранительными органами, их вовлечением в совместную борьбу с преступлениями, которые совершаются с использованием компьютерных средств.

В настоящее время при производстве расследования преступлений рассматриваемой категории, впрочем также как и иных, особое значение приобретает вопрос цифровизации производства по уголовному делу, причем полной его цифровизации, а не в отдельных элементах [9, с. 8].

Опять же данные судебно-следственной практики свидетельствуют, что по сложным уголовным делам (например, о крупных мошенничествах) объем расследования может достигать сотен томов, что обусловлено серьезным расходом материальных и финансовых ресурсов (хранение материалов уголовного дела, их перевозка и передача суду и т. п.). Кроме того, такие объемы обуславливают большие неудобства в исследовании материалов уголовного дела как в процессе его расследования, так и в ходе судебного рассмотрения. Одним словом, все это дорого для государства в любом смысле слова.

Полная цифровизация уголовного судопроизводства позволит значительно облегчить процесс расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств как в аспекте оперативного составления протоколов следственных действий, так и в их хранении, исследовании [10, с. 45]. Подобная практика уже активно используется в правоохранительной системе Республики Казахстан.

Обозначенные организационно-правовые проблемы, связанные с расследованием преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств, являются, на наш взгляд, лишь актуальной частью одной большой проблемы – борьбы компьютерной преступности.

В этой же связи важно обратить внимание на острую необходимость подготовки соответствующих квалифицированных кадров правоохранительных органов, способных отражать требования к современному расследованию преступлений, которые совершаются с использованием компьютерных средств. Важна также и постоянная переподготовка этих кадров. Фактически в настоящее время следует готовить не только квалифицированных юристов, но также и специалистов по IT-технологиям в одном лице, чтобы такой следователь мог профессионально осуществлять расследование соответствующих преступлений, т. к. неподготовленность сотрудников к расследованию уже сейчас наносит серьезный ущерб защите прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации, а также национальной и информационной безопасности страны в целом.

Это серьезная работа государственного уровня, которая предполагает внесение изменений и в образовательные стандарты, в соответствии с которыми обучаются будущие сотрудники правоохранительных органов, и в программы, по которым идет переподготовка кадрового состава правоохранительных органов Российской Федерации. Организацию и проведение переподготовки следует возложить также и на организации, обладающие достаточной квалификацией в сфере обеспечения компьютерной безопасности [11, с. 86]. Подобная практика уже складывается. Так, например, А.О «Лаборатория Касперского» проводит специализированные курсы по расследованию кибермошенничества и преступлений в сфере информационной безопасности, сотрудничая в этом с МВД России.

Литература

1. Батурин Ю.М., Жодзишский А.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. М., 1991.
2. Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального

Bibliography

1. Baturin Yu.M., Zhodzishsky A.M. Computer crime and computer security. M., 1991.
2. Okonenko R.I. Electronic evidence as a new direction of improving the Russian criminal procedure law // Current. ros. problems. rights. 2015. № 3.

права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3.

3. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/02/2018/5a7c3ee29a79471c93ab30b3.

4. Жестеров П.В. Границы национального суверенитета и преступления в сфере киберпространства // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. 2018.

5. Поляков В.В. Следственные ситуации по делам о неправомерном удаленном доступе к компьютерной информации // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2010. № 1 (21).

6. Глазкова Л.В. Особенности современных организованных преступных групп // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30).

7. Гладких В. Компьютерное мошенничество: а были ли основания его криминализации? // Российский следователь. 2014. № 22.

8. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. М., 2018.

9. Галушкин А.А. К вопросу о кибертерроризме и киберпреступности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 2.

10. Зуйков Г.Г. «Модус операнди», кибернетика, поиск // Кибернетика и право. 1970.

11. Мазуров В.А., Куликов Е.А., Анисимова И.А. Преступления в сфере компьютерной информации: мошенничество в сфере компьютерной информации; неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных программ: учебное пособие. Барнаул, 2018.

3. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/02/2018/5a7c3ee29a79471c93ab30b3.

4. Zhesterov P.V. Borders of national sovereignty and crimes in the sphere of cyberspace // Law enforcement activity of internal affairs bodies in the context of modern scientific research. 2018.

5. Polyakov V.V. Investigative situations in cases of illegal remote access to computer information // Reports of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. 2010. № 1 (21).

6. Glazkova L.V. Features of modern organized criminal groups // Monitoring of law enforcement. 2019. № 1 (30).

7. Gladkikh V. Computer fraud: and were there any grounds for criminalizing it? // Russian investigator. 2014. № 22.

8. Yablokov N.P. Criminalistika: textbook. M., 2018.

9. Galushkin A.A. On the issue of cyberterrorism and cybercrime // Bulletin of the Peoples Friendship University of Russia. 2014. № 2.

10. Zuikov G.G. «Modus operandi», cybernetics, search // Cybernetics and Law. 1970.

11. Mazurov V.A., Kulikov E.A., Anisimova I.A. Crimes in the field of computer information: fraud in the field of computer information; illegal access to computer information; creation, use and distribution of malicious programs: textbook. Barnaul, 2018.

© 2021 г. Стешич Елена Сергеевна,

профессор кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС доктор юридических наук, доцент.
E-mail: esteshich@mail.ru

Осяк Валентина Владимировна,

заведующий кафедрой криминалистики Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: osyak.v@mail.ru

Бондарева Галина Викторовна,

доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.
E-mail: gbon2018@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЭЛЕКТРОННЫХ РАСЧЕТНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ЦЕЛЯХ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

В статье рассматриваются способы легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем с использованием электронных расчетных операций. Обосновывается ключевая роль кредитно-финансовых организаций в противодействии криминальной легализации и потребность дальнейшего нормативно-правового регулирования мер предупреждения.

Ключевые слова: способ преступления, легализация (отмывание) денежных средств, противодействие, механизм следообразования, электронные расчетные операции, кредитно-финансовые организации, мировое сотрудничество.

Steshich Elena Sergeevna – Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor, the Department of Criminal Law Disciplines, the South Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Doctor of Law, Associate Professor.

Osyak Valentina Vladimirovna – head of the Department of Criminalistics, the Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.

Bondareva Galina Viktorovna – Associate Professor, the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

COUNTERING THE USE OF ELECTRONIC SETTLEMENT OPERATIONS FOR THE PURPOSE OF LEGALIZATION (LAUNDERING) FUNDS AND OTHER PROPERTY ACQUIRED BY CRIMINAL MEANS

The article considers the methods of legalization (laundering) of funds and other property obtained by criminal means using electronic settlement operations, which determine the features of the tactics of investigative actions. The article substantiates the key role of credit and financial organizations in countering criminal legalization and the need for further normative and legal regulation of preventive measures.

Keywords: method of crime, money laundering, counteraction, the mechanism of trace formation, electronic settlement operations, credit and financial organizations, global cooperation.

Неотъемлемой частью экономического и социального благосостояния государства является его экономическая безопасность. В современном мире в условиях глобализации и повсеместной информатизации нарастает опасность новых вызовов и угроз национальной экономической безопасности. Получили широкое распространение в мировом масштабе транснациональная преступность, терроризм, наркобизнес.

Пандемия COVID-19 захлестнула весь мир и внесла дополнительные коррективы. Сегодня трудно сказать, в каком мире мы живем, в пандемическом или постпандемическом. Представители ООН утверждают, что вирус может остаться с нами навсегда. При этом очевидно, что масштабы пандемии следует оценивать не только из гуманитарных соображений, но и юридических: виртуализация общественной жизни увеличивает риск

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

эксплуатации телекоммуникационных сетей в противоправных целях. Только за последние три года количество таких преступлений выросло в три раза (со 175 до 510 тыс.).

По данным Росфинмониторинга РФ в 2020 г. выявлялись многочисленные факты отмывания и обналичивания денег под видом борьбы с пандемией COVID-19. Банки зафиксировали сомнительные операции в медицинской сфере на 34 млрд руб. [1]. Несмотря на то, что объем сомнительных транзитных операций в 2020 г. снизился до 600 млрд рублей (в 2019 г. – 720 млрд рублей), а вывод денежных средств – до 52 млрд (в 2019 г. – 66 млрд рублей), данные показатели на фоне незначительного количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, выглядят весьма существенными. Так, в 2020 г. было зарегистрировано 25 преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ, а по ст. 174¹ УК РФ – 925 [2], что позволяет говорить о проблемах противодействия преступности в исследуемой сфере.

Результаты работы правоохранительных органов свидетельствуют об отсутствии единой методики выявления, раскрытия и расследования исследуемых преступлений, а также судебной практики по уголовным делам. Так, в 2020 г. в суды направлены уголовные дела только о 7 преступлениях, предусмотренных ст. 174 УК РФ. Из 925 зарегистрированных деяний, предусмотренных ст. 174¹ УК РФ, в суды поступили уголовные дела о 706 преступлениях. Причем, исходя из данных судебной статистики, в 2020 г. по ст. 174¹ УК РФ оправдана треть подсудимых лиц [3].

В свете указанных событий роль правоохранительных органов в обеспечении экономической и социальной безопасности значительно возрастает, что вызывает необходимость применения новых механизмов противодействия легализации преступных доходов. Под легализацией денежных средств, полученных преступным путем, как правило, понимается их перевод из теневой экономики в легальную, с целью последующего беспрепятственного их использования.

Чаще всего в процессе легализации денежные средства проходят ряд преобразований: из наличных в безналичные финансовые инструменты, после чего снова в наличные. Необходимо отметить, что кредитно-финансовые учреждения в вышеописанном алгоритме могут выступать в качестве источника наличных денежных средств наравне с ины-

ми площадками, генерирующими наличность в больших объемах. При этом кредитно-финансовая сфера в Российской Федерации является основной зоной риска, наиболее благоприятной для легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем. На втором месте по степени риска выделяют сферу бюджетных отношений (в том числе налоговую сферу), а на третьем – сферу незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [4; 5].

В структуре операций с признаками обналичивания денежных средств в банковском секторе в 2020 г., как и в предыдущие годы, основную часть составляли выдачи со счетов (включая платежные карты) физических лиц (72 %), включая операции по исполнительным документам и через депозитные счета нотариусов, на долю которых приходилось более 40 %, что подтверждает высокую степень использования электронных расчетных операций в легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем. В структуре транзитных операций в категорию повышенного риска попали в большей части операции, проводимые с целью обналичивания денежных средств (40 %), операции, способствующие уклонению от уплаты налогов в секторе закупки и обращения металлолома, лома драгоценных металлов и камней (31 %) и др. [6], что также свидетельствует о высокой степени риска легализации преступных доходов в кредитно-финансовой сфере и требует дополнительной теоретической и практической разработки данного вопроса.

Высокий процент риска легализации преступных доходов посредством банковской сферы обусловлен «популярностью» придания законного вида указанным средствам путем помещения их на счета в различные кредитно-финансовые организации, причем не только на территории РФ, но и за ее пределами, в так называемых «оффшорных зонах». Помимо того, как показывает анализ судебной практики данной категории преступлений, наиболее распространена схема легализации денежных средств, полученных преступным путем, на территории одного государства. Так, организация, посредством которой происходит отмывание, может быть создана и зарегистрирована в одном субъекте Российской Федерации, накопление или прокручивание активов происходит в финансовой организации другого субъекта, перечисление

через корреспондентские счета банка – в третьем субъекте. Таким образом происходит запутывание источников прохождения доходов, что в свою очередь затрудняет выявление подобных предприятий в масштабе государства [7, с. 53–58; 8, с. 123–125].

Росфинмониторингом вскрыта новая схема обналичивания денег, при которой фиктивные фирмы перечисляют налоговые или таможенные платежи вместо реальных компаний в обмен на их наличную выручку (чаще всего в таких схемах участники автомобильного, строительного и продуктового секторов, где сохраняется большой оборот «живых денег»), а сами денежные средства от заказчиков наличных перечисляются на счета компаний или связанных с ними лиц через большое число посредников, обладающих признаками фиктивности [9].

В качестве самостоятельного способа совершения рассматриваемых преступлений следует рассматривать использование банковских карт и проведение операций по ним в целях легализации преступных доходов в банковской сфере. Как показывает анализ судебно-следственной практики, легализация денежных средств с использованием банковских карт осуществляется посредством следующих этапов:

1. Получение карты в банке, на которую вносятся средства, подлежащие легализации.
2. Денежные средства с данной карты обналичиваются, при этом сущность подобного обналичивания заключается в том, что владелец банковской карты получает свое вознаграждение (лишь определенную часть денежных средств), а большая часть достается заказчику в виде легального капитала [10, с. 147–153].

В ходе расследования встречаются сложности организационного-тактического характера, среди которых: 1) необходимость проведения специальных исследований с привлечением криминалистов, а также лиц в области финансового анализа. Значительный объем бухгалтерской документации, получения запрашиваемой информации (о движении денежных средств по банковским счетам и пр.) способствует нежелательному увеличению сроков расследования; 2) трудоемкость в установлении места выемки оригиналов финансово-хозяйственной документации, подтверждающей криминальную деятельность; 3) противодействие расследованию, обусловленное сокрытием или уничтожени-

ем документов, имеющих значение для уголовного дела, вуалирование источника происхождения имущества, добытого преступным путем, его преобразование.

Повышения эффективности раскрытия изучаемых преступлений удалось добиться принятием Федерального закона № 167-ФЗ от 27 июня 2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств». Положения данного документа позволяют осуществлять блокировку сомнительных операций по картам, осуществлять антифрод-мониторинг и направлять о попытке проведения сомнительных денежных операций уведомления в Центральный банк РФ.

Одновременно на основании рекомендаций и указаний Центрального банка РФ различные кредитно-финансовые организации разрабатывают свои методы и алгоритмы выявления сомнительных операций, возможно связанных с отмытием денежных средств. Следует отметить, что банк вправе запрашивать у клиента необходимую документацию, с целью понимания экономического смысла производимой операции, а при отказе в предоставлении таковой – вправе заблокировать карты клиента либо иным способом создавать трудности в обслуживании [11].

Таким образом, учитывая изложенное, можно сформулировать следующие основные выводы:

1. Электронные расчетные операции активно используются преступниками в целях легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем. При этом официальная статистика преступлений, предусмотренных ст. 174, 174¹ УК РФ, свидетельствует как о высокой латентности деяний, так и о проблемах их раскрытия и расследования (только в 2020 г. по ст. 174¹ УК РФ оправдана треть подсудимых лиц).

2. Решению организационных и тактических задач, возникающих в ходе раскрытия и расследования преступлений, будет способствовать более широкое привлечение международных ресурсов. Важным звеном международного сотрудничества является информация, поступающая по каналам Интерпола и в рамках взаимодействия (по линии Росфинмониторинга РФ, налоговых органов).

3. Между правоохранительными органами и Федеральной налоговой службой России

устоялась система взаимодействия, связанная с процессом выявления и доказывания легализации. Тем не менее, оптимизации сроков расследования по уголовным делам может способствовать получение доступа к международной системе автоматизированного обмена финансовой информации, что открывает новые возможности по пресечению каналов легализации преступных доходов.

Литература

1. URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2021/602e8ae29a79479d159b6cc0>.
2. Форма 4-ЕГС (494) «Сводный отчет по России о состоянии преступности и результатах расследования преступлений».
3. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>.
4. Донской Д.Д., Осяк В.В., Бондарева Г.В. Анализ наиболее актуальных факторов, способствующих распространению терроризма в России и в мире // Юрист-Правоведъ. 2018. № 4 (87).
5. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Тенденции борьбы с наркопреступностью: риторика и реальность // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3.
6. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.
7. Анапольская А.И., Дворецкий М.Ю. Основные способы и механизм легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем с использованием электронных расчетных операций // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. № 1. Т. 13.
8. Осяк В.В., Бондарева Г.В., Осяк А.Н. Актуальные вопросы расследования легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, на современном этапе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 10 (113).
9. URL: <http://fedsfm.ru/mediaaboutus/4996>.
10. Раздорозный К.Б. Противодействие отмыванию денежных средств, полученных с использованием цифровых финансовых активов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 7 (59).
11. URL: <https://www.sberbank.com/ru/compliance/finmonitoring>.
12. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

4. В целях оперативной реализации арестованного и конфискованного имущества следует поддержать высказываемую идею о создании электронной площадки для реализации такового на базе сети Интернет. В качестве модели (образца) можно использовать единую информационную систему, электронные площадки и специализированные электронные площадки Росимущества [12].

Bibliography

1. URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/02/2021/602e8ae29a79479d159b6cc0>.
2. Form 4-EGS (494) «Consolidated report in Russia on the state of crime and the results of the investigation of crimes».
3. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>.
4. Donskoy D.D., Osyak V.V., Bondareva G.V. Analysis of the most relevant factors contributing to the spread of terrorism in Russia and in the world // Yurist-Pravoved. 2018. № 4 (87).
5. Koretsky D.A., Steshich E.S. Trends in the fight against drug-related crime: rhetoric and reality // All-Russian criminological journal. 2016. № 3.
6. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.
7. Anapolskaya A.I., Dvoretzky M.Yu. The main methods and mechanism of legalization (laundering) of proceeds from crime using electronic settlement transactions // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2019. № 1. Vol. 13.
8. Osyak V.V., Bondareva G.V., Osyak A.N. Topical issues of investigation of legalization (laundering) of money or other property obtained by criminal means, at the present stage // Science and Education: Economy and Economy; entrepreneurship; law and governance. 2019. № 10 (113).
9. URL: <http://fedsfm.ru/mediaaboutus/4996>.
10. Razdorozhniy K.B. Anti-laundering of funds received using digital financial assets // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy). 2019. № 7 (59).
11. URL: <https://www.sberbank.com/ru/compliance/finmonitoring>.
12. Federal Law dated 05.04.2013 № 44-FL «On the contract system in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs» // LRS «ConsultantPlus».

© 2021 г. Лемайкина Светлана Владимировна,

начальник кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел Ростовского
юридического института МВД России.
E-mail: slemaikina2@mvd.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСПОЛЬЗУЮЩЕЙ КРИПТОВАЛЮТУ В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ

В статье рассмотрены вопросы установления лиц, осуществляющих преступную деятельность с использованием криптовалюты. Основное внимание уделено анализу данных в транзакциях криптовалюты и возможности обнаружения владельцев криптовалютных кошельков. Описаны цифровые следы, обеспечивающие возможное установление личности, использующей криптовалюту в преступных целях.

Ключевые слова: криптовалюта, транзакция, криптокошелек, блокчейн, IP-адрес, криптоплатформа, криптовалюты.

Lemaikina Svetlana Vladimirovna – Head of the Department of Information Support of the Department of Internal Affairs, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

CURRENT ISSUES OF IDENTIFYING PEOPLE WHO USE CRYPTO CURRENCY FOR CRIMINAL PURPOSES

The article deals with the issues of identifying people engaged in criminal activities using crypto currency. The main attention is paid to the analysis of data in crypto currency transactions and the possibility of detecting the owners of crypto wallets. Digital traces are described that provide a possible identification of those who use crypto currency for criminal purposes.

Keywords: crypto currency, transaction, crypto wallet, blockchain, IP address, crypto platform, crypto money.

В настоящее время повышенный интерес вызывает сфера оборота виртуальных валют. Особой популярностью среди мошенников и хакеров, проявляющих преступную активность через глобальную сеть Интернет, пользуются различные виды криптовалют. В криминальной среде криптовалюту используют в незаконной торговле наркотическими средствами и оружием, в финансировании терроризма и легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем, в покупке порнографии в сети Интернет. Отсутствие единого подхода к криптовалюте направляет преступников на создание и развитие сервисов по конвертации криптовалюты в фиатную валюту [1].

Владелец криптовалютного кошелька не регистрируется и не предоставляет свои данные, просто использует псевдоним. Транзакция, совершаемая в распределенной сети, появляется в публичном блокчейне. Единица криптовалюты в блокчейне привязывается к криптовалютному адресу. Каждый пользователь, имея криптовалюту, управляет ею, только уменьшая число единиц криптовалюты на одном адресе и увеличивая количество единиц на другом. При этом уменьшение и увеличение числа криптовалюты может быть произведено пользователем только при введении им секретного ключа (кода из нескольких десятков символов), кото-

рый соответствует данному адресу. При этом любой пользователь, который знает секретный ключ, может распоряжаться средствами на криптовалютном адресе, в том числе в свободном доступе знакомиться со всеми транзакциями, совершенными внутри сервиса. Связи между адресом, с которого происходит отправка криптовалют, и лицом, знающим секретный ключ и использующим его, мы не увидим. Но, что характерно, все адреса и записанное на них количество криптовалюты и все транзакции по приему и получению средств можно наблюдать в Интернете в реальном времени. Процесс использования криптовалют виден и не является тайной. В этом отношении криптовалютный адрес выступает своего рода псевдонимом своего владельца [2].

В системе платежей Bitcoin анонимность удивительным образом сочетается с прозрачностью и открытостью. Данные о проведенных с момента создания криптовалюты транзакциях публичны и общедоступны. К номерам кошельков не привязаны персональные данные и вычислить их владельцев можно только путем сложного сопоставления информации из разных источников.

Сервисов для просмотра и анализа данных блокчейна (цепочки блоков данных о всех совершенных транзакциях в системе Bitcoin)

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

очень много. Например, bitcoinwhoswho.com (рис. 1).

После ввода адреса Bitcoin-кошелька нам может быть доступна следующая информация о нем: псевдоним, текущий баланс, число транзакций, даты первой и последней транзакции, адрес кошелька, с которого было последнее поступление денег, адрес кошелька, с которого был последний перевод денег, адреса кошельков всех транзакций (доступны внизу при клике на ссылку Transaction History), упоминания на веб-сайтах, общее количество денег, которое поступило на кошелек за все время. Данный сервис точно рассчитывает только количество переведенных на кошелек Bitcoin. А сумму в долларах он пересчитывает по курсу сегодняшнего дня. По результатам цифр понять масшта-

бы финансовых потоков, которые проходили через адрес, зарегистрированный несколько лет назад, невозможно (рис. 2).

В июле 2018 г. Bitcoin стоил около шести тысяч долларов, в январе 2019 около 3,5 тысяч, в конце 2016-го около 700 долларов. Бывало, что курс криптовалюты рос или падал в два раза за считанные дни. Поэтому, единственный способ узнать, сколько денег прошло через определенный кошелек – пересчитать сумму каждой транзакции из BTC в валюту какой-нибудь страны.

Для того чтобы узнать сумму транзакции в долларах по курсу определенного дня нужно обратиться к сервису www.walletexplorer.com.

На www.walletexplorer.com в форму вбивается номер кошелька (рис. 3). После того как

BITCOIN ADDRESS REPORT Scam Alert: None				Watch
BTC Address	3DtWuKHfbxAgYEpgeXsFvVkrNM46p4ZA	# Website Appearances	0	
Wallet Name	-	Last Transaction IP	-	
Current Balance	0.00349796 = \$197.68	Total Received	2.77995760 = \$157,105.16	
# Transactions	51	# Output Transactions	0	
First Transaction	13 Sep 18	Last Transaction	21 Jul 20	
Last Known Input	17A16Qmavn...	Last Known Output	None	
Repeated Inputs From (50 most recent transactions)	None	Repeated Outputs To (50 most recent transactions)	None	

Рис. 1. сайт bitcoinwhoswho.com

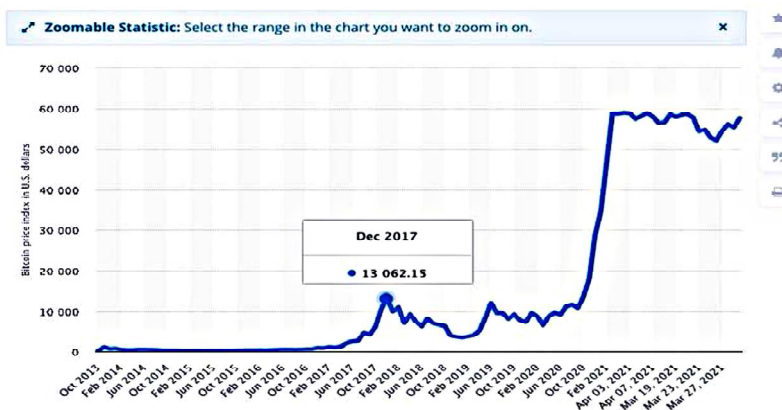

Рис. 2. <https://www.statista.com/statistics/326707/bitcoin-price-index/> Цена биткоина с 2013 по 2021 г.

WalletExplorer.com: smart Bitcoin block explorer				
Wallet [01f5e617a6] (show wallet addresses)				
Page 1 / 1 (total transactions: 95)				
date	received/sent	balance	transaction	
2021-03-25 06:36:11	[229b76804a] +0.0047	0.0098	68c112a0d201232f735...	
2021-03-18 11:31:34	[ca003c1310] +0.0051	0.0051	18122f1c6f031110b12f...	
2021-03-15 10:25:17	-0.014516 [9752baf468] -0.00138 [8056bcb8c3] (-0.00038232) fee	0.	61a7513121fab02b38a...	
2021-03-11 11:44:59	-0.01402416 [56d7b3c9c7] -0.00073623 [9d0b77882d] (-0.00021961) fee	0.01627832	4a4855c1c7213239bd...	
2021-03-11 11:44:59	-0.01151711 [04b08741ef] -0.00144249 [0004836c9a] (-0.00036513) fee	0.03127832	13e43e8d076f63266378...	
2021-03-11 09:25:41	[d081fc8d29] +0.0033	0.04461325	028b41f4e880b0a05770...	
2021-03-04 11:25:15	[cd34c0f0e2] +0.0061	0.04131325	a1a5e740e418c8de317...	
2021-03-02 09:09:06	[1e116a74c9] +0.015	0.03521325	2805223a3a3c22a88126...	
2021-02-20 05:42:08	-0.00187059 [180c47730] (-0.00031026) fee	0.02021325	22a40fcd02a2a0803a2...	

Рис. 3. <https://www.walletexplorer.com>

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

отображается история транзакций, выгружается история транзакций, с помощью Google Таблиц и соответствующих инструментов получаем информацию о курсе биткоина к доллару.

GoogleFinance – это функция в Google Документах (рис. 4), которая позволяет получать данные о курсах валют и акциях, чтобы использовать их в своих расчетах. CURRENCY:BTCUSD – это параметр, кото-

рый указывает, что нужно получить курс биткоина к доллару. «Price» – параметр означает, что нам нужна цена в реальном времени (либо цена при закрытии торгов при получении исторических данных). В ячейке A3 у нас записана дата транзакции.

Переходим на blockchain.com/charts/market-price (рис. 5), выбираем период «Все время» и скачиваем данные в формате CSV (выпадающий список в правом нижнем углу).

date	received from	received amount	sent amount	balance
2020-07-22 6:09:27			1,00E-05	499d09f9279ba 0.00349796
2020-07-22 6:09:27			0,00019 (fee)	0.00349796
2020-06-11 15:56:51			0,004 8edf4ed1d55ddc	0.00369796
2020-06-11 15:56:51			9,00E-05 (fee)	0.00369796
2020-06-09 21:51:05			0,00060423 5a0743da728e7	0.00778796
2020-06-09 21:51:05			0,0003 c09e44b1660f6c	0.00778796
2020-06-09 21:51:05			9,00E-05 (fee)	0.00778796
2020-06-08 20:16:51			0,0001135 07312321153bb	0.00878219
2020-06-08 20:16:51			9,00E-05 (fee)	0.00878219
2020-02-28 10:21:41	BitZlato.com (00	0,004		0.00898569
2019-12-02 23:06:43			0,00646729 000005b7a2d5d	0.00498569
2019-12-02 23:06:43			5,00E-05 (fee)	0.00498569
2019-06-03 20:23:47			0,00286023 000005b7a2d5d	0.01150298
2019-06-03 20:23:47			0,0002 c09e44b1660f6c	0.01150298
2019-06-03 20:23:47			0,0004 (fee)	0.01150298
2019-04-08 20:46:29			0,003 3e0c02291019d	0.01496321

Рис. 4. Google Документы

Рис. 5. <https://www.blockchain.com/charts/market-price>

Криминалистика и оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность

Импортируем этот файл в Google Таблицы (рис. 6) и копируем эту таблицу на второй лист в файл с информацией о транзакциях.

В свободный столбец в третьем ряду вставляем формулу: **=ВПР (A3;'market-price'(1) (копия)';!A:B;2)** (рис. 6), ВПР – это функция для поиска определенного значения в таблице. В нашем случае по датам (они у нас в столбце A) будем искать курс валют, который записан во втором столбце диапазона данных !A:B на листе market-price (рис. 7).

После этого в отдельных столбцах перемножаем значения входящих и исходящих транзакций с курсом валют (рис. 8). А потом

считаем сумму всех входящих и исходящих транзакций с помощью функции сумм. Как оказалось, через исследуемый кошелек за все время прошло чуть больше двадцати тысяч долларов. Стоит помнить, что у любого человека может быть неограниченное число криптовалютных кошельков [3].

С момента существования криптовалют предпринимались попытки преодоления их анонимности. Рейд и Харриган в 2011 г. описывали метод «пассивного выявления» установления личности, использующих криптовалюту через централизованные сервисы: криптовалютные обменники, криптовалютные

	A	B	C	D
1	Timestamp	market-price		
2	2009-01-03 0:00	0		
3	2009-01-06 0:00	0		
4	2009-01-09 0:00	0		
5	2009-01-12 0:00	0		
6	2009-01-15 0:00	0		
7	2009-01-18 0:00	0		
8	2009-01-21 0:00	0		
9	2009-01-24 0:00	0		
10	2009-01-27 0:00	0		
11	2009-01-30 0:00	0		
12	2009-02-02 0:00	0		
13	2009-02-05 0:00	0		
14	2009-02-08 0:00	0		
15	2009-02-11 0:00	0		
16	2009-02-14 0:00	0		
17	2009-02-17 0:00	0		
18	2009-02-20 0:00	0		
19	2009-02-23 0:00	0		
20	2009-02-26 0:00	0		
21	2009-03-01 0:00	0		

Рис. 6. Google Таблицы

	L	M	N
1	source: WalletExplorer.com		
2	transaction	Отправленная сумма	Полученная сумма
3	2d0edab0835b5f6d4630d2e24b83861ef047a7391f25964708768a5d447a7a1	9 392,66	0,09
4	2d0edab0835b5f6d4630d2e24b83861ef047a7391f25964708768a5d447a7a1	9 392,66	1,78
5	30e6d3fecb8647276a40852c0f6afabbe038a5a6686182ee30dab05244b2ab	9 775,15	39,10
6	30e6d3fecb8647276a40852c0f6afabbe038a5a6686182ee30dab05244b2ab	9 775,15	0,88
7	9f95ec02d70dc01b13de604352793fb8c87c86c982fa4e367de34fe967606ab	9 670,43	5,84
8	9f95ec02d70dc01b13de604352793fb8c87c86c982fa4e367de34fe967606ab	9 670,43	2,90
9	9f95ec02d70dc01b13de604352793fb8c87c86c982fa4e367de34fe967606ab	9 670,43	0,87
10	6e804e7812f93ef22fc1311838d87f67cb9df8f9dc657bfb6a3422b8b28895f	9 670,43	1,10
11	6e804e7812f93ef22fc1311838d87f67cb9df8f9dc657bfb6a3422b8b28895f	9 670,43	0,87
12	1f0fbc84716d81ca3f0991d62726d6270bd4fd5266ba84d21cb0da1691ef043	9 389,15	0,00

Рис. 7. Google Таблицы

	L	M	N
		Отправленная сумма	Полученная сумма
	8768a5d447a7a1	9 392,66	0,09
	8768a5d447a7a1	9 392,66	1,78
	30dab05244b2ab	9 775,15	39,10
	30dab05244b2ab	9 775,15	0,88
	de34fe967606ab	9 670,43	5,84
	de34fe967606ab	9 670,43	2,90
	de34fe967606ab	9 670,43	0,87
	422b8b28895f	9 670,43	1,10
	422b8b28895f	9 670,43	0,87
	cb0da1691ef043	9 389,15	0,00
	i75bd486c351f7	7 557,72	48,88
	i75bd486c351f7	7 557,72	0,38
	i8608c46ddad7b24	8 553,81	24,47
	i8608c46ddad7b24	8 553,81	1,71

Рис. 8. Google Таблицы

кошельки. Позже такая технология сопоставления пользователей и применяемых ими адресов стала основой деятельности ряда специализированных компаний: Chainalysis, Elliptic и некоторых других. Этой же технологией овладели и некоторые правоохранительные органы зарубежных стран, успешно выявляющие преступников по совершенным ими транзакциям [4].

Рассматривать анонимность только с точки зрения отсутствия личных данных пользователя криптоплатформы (фамилия, инициалы, паспортные данные и т. д.) недостаточно, т. к., совершая операции в рамках системы или посредством криптокошельков, пользователь оставляет несколько видов цифровых следов, позволяющих его деанонимизировать. Первая группа следов – данные, хранящиеся в блокчейне о совершенных конкретным пользователем транзакциях, позволяющие связать их между собой и определить источник их реализации (т. е. пользователя). Каждая транзакция имеет вход и выход, а также примерное время ее включения в блок (отражается в заголовке блока). Вход позволяет установить источник передаваемых криптомонет, а выход – адрес криптокошелька их получателя и отправляемую сумму. В данном случае следует обратить внимание именно на источник средств, т. к. в нем заложена ключевая идентифицирующая информация, ведущая к первоначальной точке движения определенной криптомонеты.

Идентификация транзакций из общего бесконечного числа достигается за счет присваивания каждой уникального ID-кода при отправке. Но знания адреса отправителя недостаточно для установления его личности, поэтому на втором этапе необходимо исследовать следы, не записываемые в блокчейне, а именно IP-адрес устройства, которое использовалось сторонами для совершения сделки. Доступность IP-адреса обеспечивается использованием блокчейн платформой незашифрованных пакетов данных, передаваемых по глобальной сети, что позволяет установить его двумя путями: либо через анализ трафика, либо через данные серверов, обеспечивающих работу криптокошельков (аппаратных, программных, онлайн), криптобирж и обменников. По IP-адресу можно установить приблизительное местонахождение пользователя, если проанализировать его через базы данных геолокации IP-адресов, а также интернет-провайдера, предоставляющего услуги по доступу в Интернет, которому известны и личные данные его клиентов. Не стоит исключать и случаи, при которых преступник пользуется

не своей (например, домашней) сетью, а общедоступной Wi-Fi, и полагает, что останется необнаруженным. Но в данном случае помощь правоохранительным органам оказывают устройства таких пользователей, хранящих cookie-файлы. Последние позволяют связать вход в глобальную сеть с предыдущей историей работы в браузере через ранее использованную сеть и привязать устройство к конкретному, ранее известному IP-адресу. Таким образом, можно прийти к выводу, что описанные цифровые следы за счет общедоступности информации о транзакциях исключают полную анонимность клиента криптоплатформы или иных криптосервисов, что, несомненно, является положительным фактором в процессе розыска преступника, совершившего обналичивание криптовалюты.

Однако желание большинства пользователей уничтожить следы осуществления каких-либо сделок с криптовалютами в цифровом пространстве привело не только к созданию анонимных криптоплатформ, но и к использованию в криптоиндустрии сервисов Tor, позволяющих скрыть IP-адрес пользователя за счет анонимизации трафика. Механизм работы Tor заключается в «луковой» маршрутизации – оперировании случайно выбранными узлами распределенной сети серверов, где каждый из них, получая зашифрованный пакет данных, расшифровывает свой уровень и направляет информацию следующему, и так вплоть до конечного адресата, получающего незашифрованные данные. Следует отметить, что Tor может быть использован как самостоятельный браузер при работе с криптосервисами, так и в качестве дополнительной опции, внедренной в криптоплатформы.

Негативная трансформация преступности, связанной с оборотом криптовалюты, во многом объясняется тем, что в настоящее время ни в России, ни в мире не выработана единая оценка криптовалюты как финансового инструмента, не определены параметры безопасности ее выпуска и оборота. Именно техническая сложность порождает проблемы использования криптовалюты. В связи с чем представляется целесообразным изучение комплекса мероприятий, направленных на установление личности, занимающейся противоправными действиями в сфере оборота криптовалют: ввести обязательную идентификацию владельцев криптовалют и иных лиц, участвующих в их обороте; определение модели налогового администрирования криптовалюты; лицензирование профессиональной деятельности, связанной с криптовалютой.

Литература

1. Шнейдерова Д.И. Криминалистический анализ способов хищений в сфере оборота криптовалют // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39).
2. Лыков А.А. Криминогенные факторы использования криптовалют // Мировой судья. 2019. № 2.
3. URL: <https://en.yandex.ru/media/happy30k/kak-uznat-skolko-deneg-perevodili-na-bitcoinko-shelek-za-vse-vremia-ego-suscestvovaniia-606ee5b91c286d7e608b4c60>.
4. Шнейдерова Д.И. Анонимность как способ сокрытия хищений в сфере оборота криптовалют // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

Bibliography

1. Shneiderova D.I. Forensic analysis of methods of theft in the sphere of cryptocurrency turnover // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2 (39).
2. Lykov A.A. Criminogenic factors of using cryptocurrencies // Justice of the Peace. 2019. № 2.
3. URL: <https://en.yandex.ru/media/happy30k/kak-uznat-skolko-deneg-perevodili-na-bitcoinko-shelek-za-vse-vremia-ego-suscestvovaniia-606ee5b91c286d7e608b4c60>.
4. Shneiderova D.I. Anonymity as a way to conceal theft in the sphere of cryptocurrency turnover // Actual problems of criminal procedure and criminalistics: collection of articles / Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, educational institution «Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus».

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС; АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 342.9 + 351.74
ББК 67.401

© 2021 г. Кулиев Инал Борисович,

преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России.

Ячменев Сергей Петрович,

преподаватель кафедры физической подготовки Ростовского юридического института МВД России.

Зайцев Василий Владимирович,

преподаватель кафедры физической подготовки Ростовского юридического института МВД России.

ГЕНЕЗИС АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Статья посвящена анализу развития правовых норм, устанавливающих административную ответственность за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий. Авторами исследуются этапы возникновения и развития института административной ответственности. Освещается история развития административно-деликтного законодательства в имперский и советский периоды. На основе этого выделены тенденции дальнейшего развития законодательства об административной ответственности за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий.

Ключевые слова: генезис административной ответственности, общественная безопасность, общественный порядок, массовое мероприятие, митинг, шествие, демонстрация, пикетирование, правовое регулирование, организация.

Kuliyev Inal Borisovich – Lecturer, the Department of Special Disciplines, the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yachmenev Sergey Petrovich – Lecturer, the Department of Physical Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Zaitsev Vasily Vladimirovich – Lecturer, the Department of Physical Training, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

THE GENESIS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION THE PROCEDURE FOR ORGANIZING OR HOLDING MASS EVENTS

The article is devoted to the analysis of legal norms that establish administrative responsibility for violation of the order of organizing or holding mass events. The authors examine the stages of the emergence and development of the institute of administrative responsibility. The article covers the history of the development of administrative and tort legislation in the Imperial and Soviet periods. Based on this, trends in the further development of legislation on administrative responsibility for violating the order of organizing or holding mass events are highlighted.

Keywords: genesis of administrative responsibility, public safety, public order, mass event, rally, march, demonstration, picketing, legal regulation, organization.

Актуальность темы статьи обуславливается тем, что проблема реализации права на свободу мирных собраний в рамках законности в настоящее время носит политический оттенок, нежели юридический, что предопределяет пристальное внимание со стороны, как органов государственной власти, так и субъектов, представляющих общественные институты.

Одним из вариантов решения проблемы является установление прозрачности механизма реализации права на свободу мирных собраний, ясность правоприменения и четкие дефиниции в случае злоупотребления правом [1].

Поддержание нормального функционирования общества, в том числе возможности реализации прав, деятельности различных по

своей природе [2] общественных институтов невозможно рассматривать вне контекста обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации.

Систему обеспечения национальной безопасности можно представить в виде механизма, позволяющего преобразовать принятую государством стратегию [3] в области национальной безопасности в скоординированную деятельность государственных органов, общественных объединений и граждан на основе российского законодательства. Национальная безопасность включает в себя все виды безопасности, в том числе общественную безопасность, которая является к тому же приоритетным направлением государственной политики [4].

Одним из видов деятельности государственных органов по поддержанию общественной безопасности является юрисдикционная деятельность, включающая в себя привлечение к административной ответственности за различные правонарушения в соответствии с КоАП РФ или законами субъектов РФ.

Формированию контрделинквентного поведения гражданина также способствуют меры наказания, применяемые в сбалансированном виде с принятыми в обществе принципами [5]. Любое правонарушение, если оно остается ненаказанным, не получившим общественного порицания, способно в последствии закрепиться как морально дозволенное и спровоцирует негативные реакции деградации общественных институтов, которые, в свою очередь, находятся в генезисе с другими правовыми институтами: гражданскими, налоговыми, семейными, трудовыми и уголовными.

Становление и развитие прообраза основ введения наказания за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий, в определенной степени имеет непосредственное отношение к современной науке административного права, т. к. государство в исторических периодах устанавливало режимы проведения публичных мероприятий от полного запрета до уведомительного характера.

Анализ сохранившихся документов периода образования Русского централизованного государства не позволяет выделить механизм ответственности за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий. Только в XVI в. появляется упоминание о запрете на некоторые виды народных сборищ, что было связано с отсутствием закрепленного права граждан интересоваться

вопросами, имеющими общественное значение. Впервые законодательное закрепление запрещающая норма получила в Соборном уложении от 1649 г., включив в качестве вида наказания смертную казнь за скопы (устаревшее слово скопление, толпа) и заговоры против царской власти [6].

Вместе с тем необходимо отметить, что термин «массовое мероприятие» в тот момент не было известно правовой системе, а запрещающие нормы относились к отдельным собраниям и скопам.

В период правления Петра I Великого в Воинском артикуле от 1715 г. была установлена ответственность за подозрительные и непристойные собрания, при этом артикул дифференцировал ответственность по степени участия, соответственно предусматривалась ответственность от наказания кнутом до смертной казни [7].

Следующий период развития института административной ответственности связан с Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 1864 г. [8], в котором содержалась глава, посвященная преступлениям против благочиния, порядка и спокойствия. Статьей 39 этой главы предусматривался арест до семи дней или денежное взыскание до 25 рублей за нарушение порядка на «публичных собраниях или во время общенародных увеселений» и т. п. Статья 40 той же главы предусматривала ответственность в виде денежного штрафа до 25 рублей за открытие общенародных игр без разрешения, если такое необходимо. Таким образом, этот нормативный акт можно рассматривать в качестве аналога современной административной ответственности.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции от 1885 г. предусматривалась ответственность за организацию и участие в публичном скопище и подстрекательство людей к противоправным деяниям [9]. Дальнейшие предпринимаемые шаги по выделению запрещающих норм за нарушение порядка организации и участия в публичных скопищах можно проследить в Уголовном уложении от 1903 г., Высочайшем указе «Об установлении временных мер в дополнение действующих постановлений о собраниях» от 1905 г., однако последний документ не был отменен после Манифеста от 1905 г., в котором было дано право на свободу собраний и союзов, что послужило появлению правовых коллизий.

В целом с 1905 по 1917 гг. происходит изменение характера организации процедуры

массовых мероприятий с запрета на уведомительно-разрешительный.

Необходимо отметить, что в Российской Империи развитие основ административного права можно отнести к XIX в. Рецепция из других правовых систем зарубежных стран определенных принципов и идей были использована в начальный период формирования полицейского права. Это в определенной степени было связано с существовавшими реакционными общественными отношениями в российском обществе, что и предопределило характер организации процедуры проведения массовых мероприятий.

После отречения от власти царя Николая II правовой механизм привлечения к ответственности граждан за совершение правонарушений юридически был упразднен, как и все законодательство, в том числе и административное. Временным правительством была разрешена свобода собраний, стачек, а также печати и слова, запрет на определенные массовые мероприятия мог быть наложен только судебными органами.

В период Октябрьской революции органы власти были распущены и только с созданием милиции в обязанности нового органа появилась обязанность по охране безопасности и общественного благоустройства.

В принятой Конституции РСФСР от 1918 г., а затем и в последующих Конституциях РСФСР была провозглашена свобода собраний за трудящимися. Так, Инструкцией милиционеру Рабоче-Крестьянской милиции от 1918 г. [10] было предписано в качестве обязанности охрана общественного порядка и спокойствия: прекращать всякий шум, брань, крик, ссоры, драки на улицах, площадях и местах общественного посещения гражданами, а при организованных шествиях (манифестациях, похоронных процессиях) необходимо сразу останавливать движение конных экипажей на улице и прекращать движение граждан по тротуарам.

В свете нашей темы интересен опыт работы Революционного трибунала печати, который обладал правом налагать административные взыскания [11]. На государственном уровне впервые вводилась ответственность за проступки, связанные с использованием печатной продукции – книги, газеты, листовки, прокламации, агитационные плакаты, которые, по мнению органов власти, несли в себе контрреволюционную направленность и были против существующей власти и вредны для граждан.

Такие меры были продиктованы необходимостью подавления контрреволюционных

посягательств. Так, Революционный трибунал печати был наделен правом налагать следующие виды наказаний: денежный штраф; выражение общественного порицания, о котором привлеченное произведение печати доводится до всеобщего сведения способами, определяемые трибуналом: помещение на видном месте или же специальное издание опровержения ложных сведений; временная или навсегда приостановка издания или изъятия его из обращения; конфискация в общенародную собственность типографии и имущества для издания печати, если они принадлежала привлекаемого к суду. Как мы видим, некоторые приведенные виды наказаний впоследствии нашли свое отражение в административном законодательстве.

Принятый в 1922 г. Уголовный кодекс включил составы, которые практически запрещали право на собрания, за исключением цели – укрепления социалистического строя. Исследователь Е.Г. Свиридова отмечает, что к середине 20-х гг. проведение массовых мероприятий приобрело тотальный контроль со стороны большевиков «с применением политических образов, отличным от масс» [12].

В дальнейшем реализация права граждан на проведение массовых мероприятий осуществлялась только под строгим контролем государства, а за нарушение порядка во время проведения массовых мероприятий правонарушителей привлекали к ответственности за преступления, направленные против порядка управления и общественной безопасности (например, хулиганство – ст. 206 УК РСФСР от 1960 г.).

Осуществление права на массовые мероприятия вплоть до издания Указа Президиума ВС СССР «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» [13] от 1988 г. на законных основаниях практически невозможно было воплотить ввиду отсутствия закрепления правовой процедуры организации массового мероприятия, а также категориального аппарата. За нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в КоАП РСФСР от 1984 г. была введена ст. 166.1, предусматривающая ответственность в виде штрафа, административного ареста или исправительных работ с удержанием 20 % заработка, за повторное совершение этого правонарушения предусматривалась уже уголовная ответственность по ст. 200.1 УК РСФСР от 1960 г., которая была введена в то же время.

Следующий этап развития связан с распадом СССР, принятием Конституции РФ в 1993 г., одним из итогов которой стал переход от разрешительной к уведомительной системе организации массовых мероприятий. В КоАП РФ, принятом в 2001 г., была включена ст. 20.2, которая предусматривает административную ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.

Последующее введение дополнительных видов наказаний, таких как обязательные работы (2012 г.) и административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения (2013 г.) в КоАП РФ позволяют говорить о постоянном процессе совершенствования правовой системы, в том числе в использовании наказаний, ограничивающих право на доступ к общественным местам.

Необходимо отметить, что раскрытие категориального аппарата в этой сфере произошло только в 2004 г. путем принятия Федерального закона № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [14]. Вместе с тем до настоящего времени остается не решенной проблема с законодательным закреплением таких категорий, как «общественное место», «общественный порядок».

В литературе общественный порядок определяется преимущественно в узком смысле слова как общественные отношения, обеспечивающие общественное спокойствие, нормальные условия труда и быта граждан [15].

При этом объем общественных отношений, образующих общественный порядок, некоторыми авторами сужается до отношений, складывающихся только в общественных местах либо вне общественных мест, но по поводу соблюдения норм общественной нравственности.

В связи с этим в подготовленном проекте нового КоАП РФ (далее – проект КоАП РФ) [16] содержится аналогичная гл. 20 действующего КоАП РФ гл. 14. «Административные правонарушения, посягающие на правопорядок в общественных местах». В примечании к ст. 14.1. «Мелкое хулиганство» дается пере-

числение общественных мест. В этой же главе представлена ст. 14.2. «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования».

Сравнительно-правовой анализ проекта и действующего кодекса показывает, что часть 1 перешла из ныне действующего КоАП РФ без изменений, в ч. 2, 4, 8 ст. 14.2. проекта КоАП РФ, которые соответствуют ст. ч. 1.1., 3, 6.1. КоАП РФ изменилась санкция, связанная с обязательными работами, максимальный срок снижен со ста часов до шестидесяти, аналогично сделано в ч. 5, 6, 10 проекта КоАП РФ содержательная часть, которой аналогичны ч. 4, 5, 8 ст. 20.2. КоАП РФ, срок обязательных работ сокращен с двухсот часов до шестидесяти часов. В ч. 9 проекта по сравнению с аналогичной ч. 7 ст. 20.2. КоАП РФ введена обязательная работа на срок до шестидесяти часов.

Тенденция сокращения сроков обязательных работ прослеживается и в других составах главы (например, ст. 14.3. проекта КоАП РФ по сравнению с аналогичной ст. 20.2.2. КоАП РФ).

Указанное выше позволяет сделать вывод о гуманистических воззрениях на применение мер административного наказания в статьях, связанных с нарушением порядка организации или проведения массовых мероприятий в проекте КоАП РФ.

Вместе с тем тенденции последних лет, связанные со злоупотреблением права на свободу собираться мирно, проводить массовые мероприятия, позволяют предположить, что законодотворческая инициатива будет направлена на установление новых составов и ужесточения административной ответственности за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий. При этом надо учитывать, что усиление санкций за рассматриваемые правонарушения, в частности, увеличение размеров административных штрафов до пределов, не соответствующих социально-экономическим условиям и значительно превышающих уровень жизни населения, не обеспечит достижение целей административной ответственности.

Литература

1. Лубский А.В., Лубский Р.А., Пестов Р.А. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе // Философия права. 2019. № 1 (88).

Bibliography

1. Lubsky A.V., Lubsky R.A., Pestov R.A. Features of reflexive and non-reflexive structures of legal behavior in modern Russian society. 2019. № 1 (88).
2. The decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.2015 № 683 «On the na-

2. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

3. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации // URL: <http://www.consultant.ru>.

4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-platona-i-ih-retseptsiya-pravoohranitelnoy-praktikoy>.

5. Корчагина К.А., Пестов Р.А., Бровко Н.В. Аксиологические предпосылки формирования принципа справедливости в законодательстве об административных правонарушениях // Философия права. 2019. № 3 (90).

6. Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX вв. в 9 томах. М., 1985. Т. 3.

7. Воинский артикул 26 апреля 1715 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986.

8. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. IV. СПб., 1867.

9. Карпенко Т.А. Административная ответственность за нарушение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.

10. Сборник законодательных документов по вопросам организации и деятельности советской милиции (1917–1934 гг.). М., 1967.

11. Постановление Наркомата юстиции РСФСР от 18.12.1917 «О Революционном трибунале печати» // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 156.

12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-sssr-v-sfere-prazdnichnoy-kultury-20-40-e-gg>.

13. Указ Президиума ВС СССР от 28.07.1988 № 9306-XI «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» // Утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ.

14. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. 21.06.2004. № 25. Ст. 2485.

15. Безруков А.В., Жильцов А.В. Обеспечение правопорядка в общественных местах: определение приоритета при выборе метода управленческого воздействия // Административное право и процесс. 2020. № 8.

16. URL: https://turov.pro/wp-content/uploads/2020/04/proekt_kodeks_rossijskoj_federaczii_ob_administrativnyh_prav.pdf.

tional security Strategy of the Russian Federation» // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 04.01.2016. № 1. (P. II). Art. 212.

3. The concept of public security in the Russian Federation // URL: <http://www.consultant.ru>.

4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-platona-i-ih-retseptsiya-pravoohranitelnoy-praktikoy>.

5. Korchagina K.A., Pestov R.A., Brovko N.V. Axiological prerequisites for the formation of the principle of justice in the legislation on administrative offenses // Philosophy of Law. 2019. № 3 (90).

6. Chistyakov O. I. Russian legislation of the X–XX centuries in 9 volumes. M., 1985. Vol. 3.

7. Military article 26 April 1715 // Russian law X–XX centuries. Vol. 4: the law of the period of absolutism / ed. edited by A.G. Owner. M., 1986.

8. The judicial statutes of November 20, 1864, and the arguments which they are based. Part IV. SPb., 1867.

9. Karpenko T.A. Administrative responsibility for violation of public order and public safety during mass events: dis. ... PhD in Law. Omsk, 2015.

10. Collection of legislative documents concerning the organization and activities of the Soviet militia (1917–1934). M., 1967.

11. The decision of the people's Commissariat of justice of the RSFSR of 18.12.1917 «Of the Revolutionary Tribunal print» // SU RSFSR. 1917. № 10. St. 156.

12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-sssr-v-sfere-prazdnichnoy-kultury-20-40-e-gg>.

13. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 28.07.1988 № 9306-XI «On the procedure for organizing and conducting meetings, rallies, street processions and demonstrations in the USSR» // Lost its force in connection with the adoption of Federal Law № 54-FL of 19.06.2004.

14. Federal Law № 54-FL of 19.06.2004 «On assemblies, Rallies, demonstrations, processions and Picketing» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 21.06.2004. № 25. Art. 2485.

15. Bezrukov A.V. Tenants Ensuring law and order in public places: the definition of priority when choosing a method of managerial influence // Administrative law and process. 2020. № 8.

16. URL: https://turov.pro/wp-content/uploads/2020/04/proekt_kodeks_rossijskoj_federaczii_ob_administrativnyh_prav.pdf.

© 2021 г. Давыдов Максим Вячеславович,

старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук.
E-mail: mdd86.m@yandex.ru

Лубский Роман Анатольевич,

профессор кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
доктор философских наук, доцент.
E-mail: roma-thebest@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ, ПРАКТИЧЕСКИЕ, ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИФИКИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье анализируются социальные, практические, телеологические и методологические аспекты изучения специфики административно-правового регулирования деятельности государства в сфере здравоохранения. В этой связи авторы статьи уделяют особое внимание проблемным вопросам деятельности государства в сфере здравоохранения, которые традиционно вызывают повышенный исследовательский интерес и позволяют, с одной стороны, определить степень разработанности темы статьи в научной литературе, с другой – определить особенности целевых и методологических установок исследователей, проявляющих научный интерес к изучению различных аспектов изучения специфики административно-правового регулирования деятельности государства в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, здоровье, охрана здоровья, государственная деятельность в сфере здравоохранения, государственный контроль, медицинское право.

Davydov Maxim Vyacheslavovich – Senior Lecturer, the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, PhD in Law.

Lubsky Roman Anatolyevich – Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

SOCIAL, PRACTICAL, TELEOLOGICAL AND METHODOLOGICAL FEATURES OF THE STUDY OF THE SPECIFICS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF STATE ACTIVITIES IN THE FIELD OF HEALTHCARE

The article analyzes the social, practical, teleological and methodological aspects of the study of the specifics of administrative and legal regulation of state activities in the field of healthcare. The authors pay special attention to the issues that arouse increased research interest and allow, on the one hand, to determine the degree of development of the topic of the article in the scientific literature, on the other – to determine the features of the goal-oriented and methodological attitudes of researchers who show scientific interest in the study of the topic.

Keywords: administrative and legal regulation, health, health protection, state activity in the field of healthcare, state control, medical law.

Административно-правовое регулирование государственной деятельности в сфере здравоохранения обладает целым рядом особенностей, обусловленных, с одной стороны, тем, что эта сфера государственного управления неразрывно связана с правом каждого на жизнь, качество которой должно быть обеспечено, в первую очередь, за счет эффективности государственной деятельности в сфере здравоохранения, профессионализма, ком-

петентности медицинских работников и доступности медицинской помощи, с другой – тем, что этот вид правового регулирования является концентрированным выражением государственной социальной политики в сфере здравоохранения.

Административно-правовое регулирование государственной деятельности в области здравоохранения носит комплексный характер. Социальные аспекты актуальности

темы обусловлены, прежде всего, необходимостью уяснить специфику административно-правового регулирования проблем, возникающих в условиях сохранения и сбережения человеческого здоровья, которое на самом высоком уровне государственно-властного управления рассматривается, с одной стороны, как национальное достояние, с другой – как приоритетный вектор социально-экономического и демографического благополучия. Такой вывод напрашивается в результате контент-анализа ежегодных Посланий Президента Российской Федерации, с которыми он выступил перед представителями обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации в декабре 2015 г. и апреле 2021 г. В этих Посланиях Президент России подчеркнул первостепенную значимость вопросов сбережения нации [8], приобретающих особую актуальность в рамках технологической реконструкции национальной системы здравоохранения, осуществляемой в непростых социальных условиях, вызванных распространением коронавирусной инфекции COVID-19 [9].

Помимо этих причин необходимо понимать, что в рамках повседневности эффективность функционирования административно-правовых институтов, осуществляющих функцию государственного управления здравоохранением, находится в прямопропорциональной зависимости от качества патерналистской опеки [6, с. 79–80], которую оказывают государственные учреждения власти гражданам в рамках различных мероприятий, направленных на оздоровление нации в контексте обеспечения необходимых условий, повышающих уровень, качество и продолжительность жизни российских граждан. Все эти обстоятельства позволяют рассматривать здоровье как стратегическое требование и приоритетное социальное условие человеческого благополучия, национального процветания и государственной безопасности.

В свою очередь, практические аспекты актуальности изучения особенностей административно-правового регулирования охраны здоровья в Российской Федерации обусловлены, с одной стороны, проблемами, возникающими в условиях защиты и сохранения человеческого здоровья, с другой – содержанием и необходимостью осуществления практических мер, нацеленных на обеспечение доступности и повышения качества медицинской и фармацевтической помощи [1, с. 5–14; 2, с. 3–23],

конкурентоспособности медицинской науки [10; 3], а также проведения различного рода лечебных, оздоровительных, санитарных и пандемииологических мероприятий, предусматривающих высокоэффективную реализацию государственных программ и продвинутой технологической концепции в социальную повседневность [4].

В рамках этих мероприятий существенно расширяется и модернизируется материально-техническая и нормативно-правовая база функционирования медицинских учреждений и организаций, что способствует сохранению человеческой жизни, увеличению ее длительности и повышению качества медицинской помощи [7], а также формулируются повышенные требования, предъявляемые к профессионализму и квалификации медицинских работников, ответственных за их практическую реализацию [11, с. 77–84].

Практические аспекты актуальности исследования специфики административно-правового регулирования охраны здоровья в Российской Федерации обусловлены также целым рядом иных проблем, связанных с недостаточным качеством и несвоевременностью медицинской помощи, сложностями ее оказания в труднодоступных местностях, низкой квалификацией медицинского персонала, а также неразвитостью медицинской инфраструктуры, «ответственной» за профилактику и предупреждение заболеваний различной этиологии. Все эти проблемы, наиболее отчетливо проявившиеся в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19, обуславливают социальные, практические и научные аспекты актуальности исследования особенностей административно-правовой регламентации вопросов охраны здоровья российских граждан.

В этой связи необходимо отметить, что самые разные предметные области и аспекты административно-правового регулирования охраны здоровья в Российской Федерации уже выступали в качестве предмета отечественных теоретических исследований и научных практик. При этом особое внимание исследователей традиционно вызывают вопросы медицинского права в контексте реализации права на охрану здоровья (В.И. Акопов), отдельных направлений его совершенствования (М.Н. Малеина) и преподавания (С.К. Кушербаев), генезиса (А.М. Рабец, А.А. Рерихт, Л.Б. Ситдикова)

и модернизации (Г.Б. Романовский), а также подготовки медицинского персонала (О.В. Ходакова).

Помимо различных аспектов реализации медицинского права особый исследовательский интерес вызывают проблемы, возникающие при оказании медицинской помощи в контексте обеспечения ее качества и доступности (О.Ю. Александрова, Т.Г. Богданова, С.Н. Братановский, В.Н. Воробьева, Ф.А. Габибулаев, Р.С. Гаджиев, А.Ю. Закурдаева, А.О. Игнатовский, М.А. Татарников, И.В. Тимофеев).

Исследуя специфику административно-правового регулирования охраны здоровья в Российской Федерации необходимо отметить особое внимание, которое уделяют отечественные специалисты проблемам, возникающим в рамках соотношения права и медицины (С.Г. Стеценко, И.В. Тимофеев), медицинского освидетельствования иностранцев, допускающих нарушения миграционного законодательства (С.Ю. Андрейцо), организации медицинских осмотров различных категорий служащих (С.В. Воронкова), регистрации и квалификации профессиональных заболеваний (Бухтияров И.В., С.В. Воронкова, Т.И. Мурагимов), а также оказания некачественных медицинских услуг (С.В. Воронкова, А.В. Мельцер, Н.В. Улаева).

Необходимо также отметить исследования, посвященные анализу особенностей правового закрепления различных форм публичной деятельности, непосредственно связанных с охраной здоровья граждан в Российской Федерации. Так, особенности реализации прав служащих на охрану здоровья всесторонне проанализированы в работах С.В. Воронковой, теоретические и практические формы правового регулирования медицинской деятельности изучены Е.В. Лазаревой, историческим аспектам правового регулирования системы здравоохранения в России посвящены исследования А.А. Голубева и В.П. Сальникова.

Особенности федерального и регионального законодательства [5], регламентирующего вопросы здравоохранения в современном российском обществе, изучены в работах отечественных исследователей Н.В. Путило, Л.М. Рошаль и Г.Э. Улумбековой.

Анализ учебной и научной литературы по теме исследования позволил сделать вывод о том, что различные проблемы, возникающие в условиях правового регулирования деятельности по охране здоровья граждан,

вызывают повышенный интерес в основном у представителей конституционно-правовой и административно-правовой науки.

Конституционно-правовые аспекты организации и деятельности органов публичной власти, в компетенцию которых входят вопросы охраны здоровья, рассматривались в работах Н.М. Бевеликовой. Анализу теоретических и практических аспектов конституционного права на медицинскую помощь посвящены работы М.А. Винокурова, О.А. Еникеева, Н.А. Каменской, И.А. Колоцей, А.Б. Литовки, Е.А. Отставнова, А.А. Понкина, В.В. Пучкова, Е.В. Шленева.

Административно-правовые аспекты государственной деятельности по охране здоровья граждан исследуются, как правило, в контексте определения базовых направлений государственной политики, ориентированной на создание благоприятных условий для поддержания здорового образа жизни (В.В. Гриценко, Л.В. Жильская, И.Г. Зашихина), своеобразия правовых отношений в области здравоохранения, выступающих в качестве объекта государственного управления (А.Х. Джураев), изучения юридических особенностей административных регламентов в сфере здравоохранения (М.В. Еремин), уяснения специфики государственного управления здравоохранением в целом (Т.В. Ерохина, В.В. Кизилов, А.Е. Кузнецов).

В этой связи необходимо отметить особый научный интерес к исследованию административно-правовых аспектов осуществления государственного контроля и надзора в сфере здравоохранения (Н.С. Башкетова, С.В. Воронкова, Н.В. Зайцева, И.В. Иванов, В.Г. Костырев, И.В. Май, Д.М. Мустафина-Бредихина, И.Ф. Серегина, О.И. Чех, Т.О. Шилук, М.А. Шишов), эффективности деятельности государственных учреждений власти в сфере отечественного здравоохранения (Е.П. Какорина, М.В. Игнатьева, В.В. Мадьянова, Р.А. Хальфин), а также проблем, возникающих в условиях необходимости возмещения вреда здоровью, причиненного сотрудникам полиции во время исполнения должностных обязанностей (Г.Ш. Чернова).

Вместе с тем необходимо отметить, что все эти исследования затрагивали лишь отдельные вопросы, возникающие в сфере административно-правового регулирования государственной деятельности в сфере охраны здоровья россиян, и поэтому носили

односторонний характер. В свою очередь, организационные и юрисдикционные аспекты темы, исследуемые в контексте административно-правовых и практических особенностей организации и осуществления государственного контроля в сфере охраны здоровья российских граждан в условиях эволюции различных форм российской правовой государственности, до сих пор выступали в качестве предмета фрагментарных научных практик и еще не подвергались комплексному научному анализу.

В этой связи определенный научный интерес могут представлять вопросы, возникающие в рамках исследования специфики публичной деятельности, связанной с охраной здоровья российских граждан. Формулировки этих проблемных вопросов и поиск на них научных ответов, как представляется, должны сопровождаться поиском новых методологических подходов к определению базовых понятий темы, позволяющих, с одной стороны, уяснить терминологические особенности этих понятий, используемых для раскрытия темы исследования, с другой – придать им инструментальный характер.

Методологическую основу этой деятельности должны составлять, с одной стороны, такие принципы научно-исследовательской деятельности, которые обладают существенным эвристическим потенциалом, позволяющим рассматривать терминологические, экономические, социальные, политические, медицинские, а также организационно-юрисдикционные аспекты административно-правового регулирования деятельности по охране здоровья граждан в Российской Федерации как целостное явление, с другой – различные научные подходы, позволяющие сформулировать социальные, практические и научные особенности деятельности в сфере государственного управления здравоохранением в Российской Федерации. Эти подходы также должны носить инструментальный характер, позволяющий формулировать новые исследовательские гипотезы и находить соответствующие решения.

Исследование специфики административно-правового регулирования деятельности, осуществляемой государственными учреждениями власти в сфере здравоохранения, позволило сделать вывод о гносеологической, эпистемологической и методологической эффективности использования системного,

институционального, исторического, деятельностного и нормативного подходов научного исследования при изучении темы.

Так, в эпистемологических рамках системного подхода научного исследования проблемы, возникающие в области государственной охраны здоровья российских граждан, исследуются в контексте полифункциональных соотношений, обладающих целостностью и находящихся в единстве. Целостный характер и единство этих соотношений позволяют рассматривать этот вид правовой охраны здоровья граждан в Российской Федерации как особую систему, обладающую сложной структурой.

С позиции институционального подхода проблемы, возникающие в области государственной охраны здоровья в Российской Федерации, обусловлены содержанием двух базовых представлений. Гносеологические особенности институционального подхода основаны на представлениях о том, что современные политико-правовые институты – это органы государственной власти, которые, с одной стороны, осуществляют государственную деятельность по охране здоровья российских граждан (политические институты), с другой – осуществляют эту деятельность в соответствии с нормативными предписаниями (правовыми институтами). Именно эти два направления деятельности государственных институтов позволяют рассматривать их в первом случае как политические, а во втором – как правовые.

Исторические аспекты государственной деятельности в области охраны здоровья граждан в России заключаются в своеобразии административно-правового регулирования, осуществляемого на протяжении исторической эволюции институтов советской и российской государственности. Исторический анализ базовых направлений государственной деятельности в области охраны здоровья позволил определить два основных вектора государственной политики и деятельности, осуществляемой в сфере здравоохранения, которые воспроизводятся с определенной периодичностью в рамках исторической ретроспективы: во-первых, модернизация национальных систем здравоохранения; во-вторых, технологическое усовершенствование деятельности профессиональных медицинских организаций и качества оказываемой ими медицинской помощи.

В рамках деятельностного подхода особенности административно-правового регулирования охраны здоровья граждан в Российской Федерации рассматриваются как особый вид профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих.

Литература

1. Богданова Т.Г. Обеспечение качества и доступности медицинской помощи жителям села // *Здравоохранение Чувашии*. 2012. № 1.
2. Братановский С.Н. Оказание первой помощи как объект административного регулирования М., 2017.
3. Де Пой Э., Гитлин Л.Н. Методы научных исследований в медицине и здравоохранении. М., 2017.
4. Кузнецов А.Е. Правовые и организационные основы деятельности лечебно-оздоровительных учреждений МВД России: дис... канд. юрид. наук. М., 2002.
5. Лубский Р.А. Нормативно-правовая база организации и деятельности органов государственной власти // *Регионоведение: учебное пособие*. Ростов н/Д, 2002.
6. Лубский Р.А. Патернализм как предмет научного дискурса // *Философия права*. 2012. № 5 (54).
7. Письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации от 08.07.2020 № 30-4/1178 «О направлении рекомендаций по порядку осуществления контроля качества оказания медицинской помощи пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 03.12.2015 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21.04.2021 // *Российская газета*. 2021. № 86 (8437).
10. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11.03.2015 № 100н «О Межведомственном совете по медицинской науке» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Тимербулатов В.М., Тимербулатов М.В. Здравоохранение во время и после пандемии COVID-19 // *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*, 2020. Т. 35. № 2 (98).

В рамках нормативного подхода различные аспекты государственной деятельности в области охраны здоровья граждан в Российской Федерации представлены в виде совокупности нормативных предписаний, выраженных как в административно-правовой, так и в этической формах.

Bibliography

1. Bogdanova T.G. Ensuring the quality and accessibility of medical care to rural residents // *Health-care of Chuvashia*. 2012. № 1.
2. Bratanovsky S.N. First aid as an object of administrative regulation M., 2017.
3. De Shine E., Gitlin, L.N. Methods of research in medicine and healthcare. M., 2017.
4. Kuznetsov A.E. Legal and organizational basis of medical and health institutions of the MIA of Russia // *Dis. PhD in Law*. M., 2002.
5. Lubsky R.A. Normative-legal base of the organization and activity of state authorities // *Regional studies: a textbook*. Rostov on/D, 2002.
6. Lubsky R.A. Paternalism as subject of a scientific discourse // *Legal philosophy*. 2012. № 5 (54).
7. Letter of the Ministry of health of the Russian Federation dated July 8, 2020 № 30-4/1178 «About the direction of the recommendations on the procedure for control of quality of rendering of medical aid to patients with new coronavirus infection COVID-19» // LRS «ConsultantPlus».
8. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated December 3, 2015 // LRS «ConsultantPlus».
9. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated April 21, 2021 // *Rossiyskaya Gazeta* № 86 (8437).
10. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation № 100n dated March 11, 2015 «On the Interdepartmental Council for Medical Science» // LRS «ConsultantPlus».
11. Timerbulatov V.M., Timerbulatov M.V. Healthcare during and after the COVID-19 pandemic // *Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan*, 2020. Vol. 35. № 2 (98).

© 2021 г. Голованова Татьяна Валерьевна,

доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.
Email: tgolovanova2010@yandex.ru

Кравченко Елена Владимировна,

старший научный сотрудник исследовательского и редакционно-издательского отдела Ростовского юридического института МВД России.
Email: helena72@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ

В статье рассматривается один из видов административных наказаний – предупреждение, его суть и практика применения, определяется его место в системе административных наказаний. Авторы анализируют мнения ученых, судебную практику применения предупреждения в качестве административного наказания, высказывают суждение о несоответствии термина «предупреждение» сущности административного наказания, предлагают заменить его на «административное замечание».

Ключевые слова: предупреждение, административные наказания, суды, назначение административного наказания, административная ответственность, замечание.

Golovanova Tatiana Valerievna – Associate Professor, the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kravchenko Elena Vladimirovna – Senior Researcher of the Research and Editorial and Publishing Department, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

WARNING AS A TYPE OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

The article considers one of the types of administrative punishments – a warning, its essence and practice of application, determines its place in the system of administrative punishments. The authors analyze the opinions of scientists, the judicial practice of applying a warning as an administrative punishment, express a judgment on the inconsistency of the term «warning» with the essence of administrative punishment, and suggest replacing it with an «administrative admonition».

Keywords: warning, administrative punishments, courts, administrative punishment, administrative responsibility, admonition.

Административные наказания – одна из мер государственного принуждения, применяемая за противоправное поведение. Современный перечень видов административных наказаний, предусмотренный Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, включает «предупреждение». В Проекте Кодекса РФ об административных правонарушениях, размещенном с целью общественного обсуждения на сайте Министерства юстиции Российской Федерации, предупреждение имеет место быть, порядок его применения оставлен без изменений*. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, определяющая задачи, предстоящие решить новому кодексу об административных правонарушениях, гласит, что

«требуется изучение видов административных наказаний с точки зрения их адекватности современным вызовам, связанным с обеспечением законности путем установления административной ответственности, а также проблемам соотношения административных наказаний друг с другом при альтернативности их назначения»**. Разработчики рассматриваемого законопроекта необоснованно обошли поставленную задачу относительно оценки эффективности предупреждения как вида административного наказания. Любой вид административного наказания должен подвергнуться научному анализу и изучению правоприменительной практики, иначе его продуктивность может значительно снизиться, что, на наш взгляд, относится к предупреждению.

* Текст проекта Кодекса РФ об административных правонарушениях размещен на федеральном портале проектов нормативных правовых актов (ID: 02/04/01-20/00099059).

** См.: Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <http://static.government.ru>.

Административное право и процесс; административная деятельность

Монографические исследования этого вида наказания отсутствуют, мало ученых-административистов детально исследуют природу и эффективность предупреждения. Научное внимание уделяется предупреждению за редким исключением только при комплексном рассмотрении всех видов административных наказаний [1, с. 78–84]. При этом предупреждение упоминается как недостаточно эффективный вид наказания за совершенное правонарушение. Н.Б. Мурзаibraимов замечает, изучение ретроспективы теоретических исследований рассматриваемой сферы позволяет прийти к выводу, что в научной среде длительное время отсутствовало понимание «сути предупреждения как административного наказания» [2, с. 137–140]. Одни ученые придавали большое значение предупреждению, видя будущую перспективу, вплоть до вытеснения им иных видов административных наказаний, например, административного штрафа [3; 4]. Другие считали предупреждение не продуктивным [5]. Следует заметить, что научная дискуссия, начатая по этому вопросу во второй половине XX в., практически свелась на нет. Изучение смысла предупреждения в качестве административного наказания отошло на второй план, уступив место порядку назначения наказания в виде предупреждения, его правовым последствиям, условиям замены административного штрафа на предупреждение и т. д.

Современные ученые воспринимают предупреждение как данность, не требующую системного научного анализа. Такая позиция объяснима настойчивостью законодателя, включающего предупреждение в перечень видов административных наказаний из одного кодекса в другой, а также восприятием большинства исследователей и правоприменителей его в качестве «мягкого» вида административного наказания и «наиболее легкой формой воздействия при административном наказании» [6, с. 48]. Опрос лиц, подвергнутых данному виду административного наказания, показал, большинство из них считает понесенную юридическую ответственность за совершенное административное правонарушение не состоявшуюся, а грозящую в будущем при учинении административного правонарушения повторно.

По нашему мнению, наказание не может считаться мягким, легким, несерьезным, а другое жестким, тяжелым и строгим. Любое наказание есть установленная государством мера ответственности за совершенное правонарушение (ст. 3.1. КоАП РФ), которая сопоставляется с обстоятельствами правонарушения, личностью виновного лица, исходя из прин-

ципов законности, равенства перед законом, индивидуализации наказания [7; 8]. С целью смягчения либо ужесточения ответственности законом установлены специальные обстоятельства (ст. 4.2, 4.3 КоАП РФ), основные и дополнительные виды административных наказаний, закреплена возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ). Сами наказания нейтральны, имеют задачу воздействовать на поведение лиц, совершивших правонарушение, и окружающих, которые также должны отказаться от противоправного поведения. В этом заключается профилактическая составляющая административного наказания, особенностью которого выступает не воздействие на причины и условия, способствующие совершению правонарушений, а оказание воспитательного влияния на лиц в целях «недопущения совершения правонарушений, а также антиобщественного поведения» [9]. Важно установить насколько предупреждение выполняет функцию воспитательного воздействия, возложенного Кодексом в качестве цели административного наказания, сдерживает ли установленная мера ответственности лиц от совершения административного правонарушения.

Предупреждение как вид административного наказания – мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица. Наименование «предупреждение» традиционно, хотя не совсем подходит к названию наказания, как окончательному решению, официальному порицанию государством противоправного поступка. Слово «предупреждение» означает извещение, предостережение [10, с. 534]. Несет смысловую нагрузку предупреждения о чем-либо, имеет уведомительный характер о предстоящей неприятности, возможной опасности. Терминологически неточно подобрано законодателем определение административного наказания для лица, совершившего правонарушение. Последствия сведены к моральному осмыслению противоправного поступка и размещению в базе данных органа исполнительной власти информации о правонарушении для последующего установления факта повторного совершения административного правонарушения.

В Уголовном кодексе Российской Федерации предупреждение отнесено к числу принудительных мер воспитательного воздействия, которые могут быть назначены несовершеннолетнему (ст. 90). Причем применение данной принудительной меры выступает в качестве освобождения от уголовной ответственности,

применяется в случае предполагаемого достижения исправления несовершеннолетнего через принудительные воспитательные меры.

Классическая классификация мер административного принуждения делится на четыре основные группы (административно-предупредительные, меры административного пресечения, меры административной ответственности, меры административно-процессуального обеспечения) [11, с. 125], также не позволяет отнести термин «предупреждение» к мерам юридической ответственности, скорее к административно-предупредительным мерам. Анализ различных отраслей права в части, касающейся регламентации ответственности за совершенный проступок, свидетельствует в пользу выбора другого термина, например, «замечание» (ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации), либо «предупреждением о неполном служебном соответствии» (ч. 4 ст. 50 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), где предупреждение указывается в относительном смысле, во взаимосвязи с образом необходимого, должного поведения. Тем не менее, предупреждение, даже с уточнением, терминологически сложно воспринять в качестве конечной реакции органа власти на правонарушение. Особенно трудно иностранным гражданам перевести наказания в виде «предупреждения». На наш взгляд, следует изменить название рассматриваемого вида наказания, использовать законодателем более точного термина, например, «административное замечание», «судебное замечание», которое видится в качестве конечного продукта производства по делам об административных правонарушениях.

За 2020 г. согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, предупреждение выбрано в качестве административного наказания в 808 024 случаях. При этом количество назначенных наказаний в виде предупреждения значительно увеличивается ежегодно, так, в 2018 г. оно применено к 308 711 виновным лицам, в 2017 г. – 204 125, в 2016 г. – 163 131 [12]. Четырехкратное увеличение выбора в пользу определенного административного наказания может свидетельствовать о его эффективности, либо мотив в принятии решения о назначении наказания, влекущего наименьшие последствия лица, совершившего правонарушение, объясняется отсутствием возможности прекратить административное преследование, а другие виды наказания юрисдикционному органу видятся непомерно строгими.

Чтобы разобраться в ситуации, необходимо провести детальный анализ по составам

административных правонарушений и субъектам, в отношении которых чаще всего назначается предупреждение. При подробном изучении статистики деятельности судов общей юрисдикции установлено, что судьи чаще всего назначают предупреждение физическим лицам, гражданам Российской Федерации. Практически не применяется предупреждение к юридическим лицам, крайне редко к иностранным гражданам, лицам без гражданства.

Абсолютным рекордсменом по количеству назначенных административных наказаний в качестве предупреждения выступает гл. 20 КоАП РФ (административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность) – 514 719 случаев. Столь широкая практика применения предупреждения свидетельствует, по нашему мнению, о желании как раз воспитательного воздействия в отношении физического лица, совершившего правонарушение впервые. Стоит заметить, что большинство составов представленной главы совершаются с прямым умыслом, причиняют вредные последствия, однако суды назначают наказание в виде предупреждения, не избирая административный штраф, видимо, предполагая последующее переосмысление и исправление поведения виновного лица.

Достаточно часто судьи назначают предупреждение в качестве наказания за нарушение сроков представления налоговой декларации (расчета по страховым взносам) (ст. 15.5 КоАП РФ) – 108 629 случаев, непредставление (несообщение) сведений, необходимых для осуществления налогового контроля (ст. 15.6 КоАП РФ) – 16 736, нарушение установленных законодательством Российской Федерации об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования порядка и сроков представления сведений (документов) в органы Пенсионного фонда Российской Федерации (ст. 15.33.2 КоАП РФ) – 53 937 случаев.

В 2020 г. в качестве наказания в отношении юридического лица, предупреждение избрали 28 786 раз, что составляет всего 3,5 %. Лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, предупреждение назначалось 14 816 раз (1,8 %), должностным лицам – 211 921 раз. Для иностранных граждан и лиц без гражданства предупреждение в качестве административного наказания избиралось 13 218 раз.

По мнению некоторых исследователей, такая статистика привлечения к административной ответственности свидетельствует о «материальном давлении» судей, имеющем место

Административное право и процесс; административная деятельность

в отношении юридических лиц, что совершенно недопустимо [13, с. 62–64]. Некоторые ученые считают, что судам стоит шире применять предупреждение в качестве административного наказания, чтобы выровнять подобную ситуацию [14, с. 52–55], требуется убирать имеющий место правовой прессинг в отношении коммерческих субъектов. На наш взгляд, судьи чаще назначают административный штраф в качестве административного наказания из-за его ярко выраженной формы ответственности за совершенное правонарушение, в то время как предупреждение в сознании правоприменителя скорее ассоциируется со снисхождением при назначении наказания, в некоторой степени даже способом ухода от ответственности. Судьи не рассчитывают направленно воздействовать «на корреляцию морально-правовых установок личности виновного лица» [15, с. 12], которое происходит при назначении предупреждения. Другими словами, когда судья установил вину в совершении правонарушения, его естественная реакция – назначить административное наказание, при этом предупреждение юрисдикционный орган не воспринимает в качестве такового. Поэтому мизерный процент выбора в пользу предупреждения свидетельствует, что в довольно небольшом количестве дел об административных правонарушениях судьи недостаточно уверенно склонились к доказанному факту вины юридического лица, в связи с чем выбор пал на предупреждение в качестве административного наказания. «Наказывая предупреждаем» – формула, плохо отражающая императивную модель юрисдикционного органа.

Приведем в пользу выдвинутого тезиса практику деятельности судов при назначении наказания за совершенное административное правонарушение по ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ, имеющую интересную историю. Состав этого административного правонарушения формальный, не причиняет вреда жизни и здоровью людей, вредные последствия не наступают, административной ответственности подлежит юридическое лицо, выбравшее в своем наименовании определенное словосочетание «биржа», «торговая система», «организатор торговли», либо производные от них слова и словосочетания. Некоторые учредители юридических лиц подобрали название организации, не претендуя причинять конкуренцию фондовой бирже, осуществляя коммерческую деятельность на лесопилке «биржа леса», в сфере услуг «биржа недвижимости», производстве мебели «биржа мягкой мебели» и т. д. Федеральная налоговая служба Российской Федерации зарегистрировала наименование юридического лица, не предупреждая о предстоящей юридической от-

ветственности их учредителей. Заметим, что административный штраф в санкции ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ составляет от пятисот до семисот тысяч рублей. Изучение практики применения рассматриваемой нормы может свидетельствовать о желании судей предпринять всевозможные законные возможности, чтобы уменьшить сумму административного штрафа [16, с. 206–211], видя необоснованную строгость законодателя. Однако выручающее всегда в подобных случаях «предупреждение» в санкции статьи отсутствует. Кроме того, по данному составу административного правонарушения невозможно заменить административный штраф на предупреждение, т. к. в перечне, предусмотренном в ч. 2 и 3 ст. 3.4, ст. 4.1.1 КоАП РФ он отсутствует. Изучение практики применения подобных составов административных правонарушений свидетельствует о желании судей назначать соизмеримое административное наказание совершенному правонарушению. Поэтому не совсем справедливо высказываться о настрое судейского сообщества на какое-либо материальное давление к субъектам предпринимательства, скорее, законодатель формирует некоторые составы административных правонарушений, не сбалансировав с причиненным вредом установленное наказание, иногда не оставляя возможности снисхождения со стороны должностного лица, назначающего наказание.

В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства непопулярность такого вида наказания как предупреждение у судей, на наш взгляд, можно объяснить теми же причинами. В том случае, когда юрисдикционный орган желает назначить наказание, он выбирает административный штраф либо выдворение за пределы Российской Федерации, предупреждение назначается, когда от назначения наказания хотят уйти.

Стоит обратить внимание, что некоторые ученые, освещающие особенности административной ответственности иностранных граждан, нарушающих режим пребывания на территории Российской Федерации, высказывают мнение об исключении предупреждения из санкций статей, предусмотренных в гл. 18 КоАП РФ, т. к. эта мера малоэффективна и низкорезультативна [17, с. 38; 18, с. 202]. Другие считают, что подобные правонарушения совершаются по неосторожности из-за плохого знания иностранными гражданами российского законодательства, поэтому предупреждение в качестве некоего снисхождения стоит применять гораздо шире к иностранным гражданам. Кроме того, включить в санкцию большего состава административных правонарушений, предусмотренных в гл. 18 КоАП РФ,

предупреждение в качестве альтернативного вида наказания к административному штрафу [19, с. 67–73]. Д.Н. Бахрах, рассматривая систему административных наказаний, справедливо предлагает для иностранных граждан ввести совершенно новый вид административного наказания – сокращение срока пребывания на территории Российской Федерации [20, с. 13], который, бесспорно, был бы понятен лицу, не имеющему гражданства Российской Федерации, нарушающему миграционное законодательство гораздо лучше, нежели предупреждение.

Научные споры и позиция правоприменения свидетельствуют о непринятии сути предупреждения в качестве наказания за совершенное правонарушение. «Моральное воздействие», «морально-психологическое воздействие», «воспитательные меры» и прочие социальные настроения, на наш взгляд, необходимо исключить из системы юридических норм, особенно из такого вида государственного принуждения как наказание. Виновное лицо не воспринимает меру ответственности, направленную на его сознание, настроение. Наказание – это мера ответственности, а когда последствия совершенного правонарушения крайне благоприятны виновному лицу, суть ответственности утрачивается.

Выход из сложившейся ситуации И.В. Мак-

симов видит в закреплении предупреждения в качестве юридической ответственности лишь за совершение административного правонарушения по неосторожности. При умышленной форме вины данное наказание отменить [21, с. 42]. На наш взгляд, лучше прекратить административное преследование в отношении лица, совершившего неосторожно правонарушение, с учетом всех обстоятельств дела, признать правонарушение малозначительным (ст. 2.9 КоАП РФ), чем назначать эфемерное наказание, увеличивая ежегодно количество лиц, привлеченных к административной ответственности.

В заключение следует отметить, что предупреждение не воспринимается лицом, совершившим правонарушение в качестве меры юридической ответственности, скорее прощением со стороны органа государственной власти и уведомлением, что в следующий раз наказание обязательно наступит. Подобная ситуация требует серьезного научного осмысления, которое может привести к полному исключению предупреждения из КоАП РФ в качестве меры юридической ответственности, либо к переименованию и уточнению его содержания, которое должно более четко обозначить карательную профилактическую меру, свойственную административным наказаниям.

Литература

1. Институт административной ответственности: монография / С.Г. Камолов, Е.А. Кириллова, А.В. Павлюк. М., 2017.
2. Мурзаibraimov Н.Б. Оптимизация системы административных взысканий // Наука и новые технологии. 2012. № 8.
3. Коренев А.П. Убеждение и принуждение в деятельности советской милиции // Труды Высшей школы МООП РСФСР. М., 1965.
4. Лунев А.Е. Административная ответственность за правонарушения. М., 1961.
5. Манохин В.М. Советское административное право. Общая часть. Саратов, 1968.
6. Майоров В.И., Полякова С.В. Общая характеристика мер административной ответственности за правонарушения в сфере дорожного движения в Российской Федерации // Sciences of Europe. 2016. № 5–3 (5).
7. Жданова А.Н. Индивидуализация административной ответственности граждан // дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010.
8. Архипов С.В. Индивидуализация административного наказания юридических лиц // Административное и муниципальное право. 2015. № 9.

Bibliography

1. Institute of administrative responsibility: monograph / S.G. Kamolov, E.A. Kirillova, A.V. Pavlyuk. M., 2017.
2. Murzaibraimov N.B. Optimization of the system of administrative penalties // Science and new technologies. 2012. № 8.
3. Korenev A.P. Persuasion and coercion in the activities of the Soviet militia // Proceedings of the Higher School of the MOOP RSFSR. M., 1965.
4. Lunev A.E. Administrative responsibility for offenses. M., 1961.
5. Manokhin V.M. Soviet administrative law. A common part. Saratov, 1968.
6. Mayorov V.I., Polyakova S.V. General characteristics of measures of administrative responsibility for offenses in the field of road traffic in the Russian Federation // Sciences of Europe. 2016. № 5–3 (5).
7. Zhdanova A.N. Individualization of the administrative responsibility of citizens // dis. ... PhD in Law. Omsk, 2010.
8. Arkhipov S.V. Individualization of administrative punishment of legal entities // Administrative and municipal law. 2015. № 9.
9. Federal Law of June 23, 2016 № 182-FL

9. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27 июня 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3851.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1973.
11. Попов Л.Л., Мигачев М.Ю. Административное право Российской Федерации. М., 2019.
12. Отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 2016–2018 гг.; 2020 г. (форма № 1-АП).
13. Соболева Ю.В. Некоторые аспекты применения административного наказания в виде предупреждения к юридическим лицам // Административное право и процесс. 2018. № 9.
14. Гречкина О.В. Административное наказание как инструмент ограничения свободы предпринимательства и права собственности: точка зрения // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 4.
15. Максимов И.В. Административные наказания в системе мер административного принуждения (концептуальные проблемы). Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.
16. Голованова Т.В., Юрицин А.Е. Административная ответственность за использование в наименовании юридического лица слов «биржа», «торговая система», «организатор торговли» // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2.
17. Симонова Е.А. Основные направления совершенствования административного законодательства Российской Федерации в области предупреждения административных правонарушений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 11.
18. Катаева О.В. Административная ответственность за нарушения в области обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // автореф... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007.
19. Катаева О.В., Сазонова О.А. О видах административных наказаний, применяемых к иностранным гражданам и лицам без гражданства // Научный вестник. 2017. № 1 (11).
20. Бахрах Д.Н. Вопросы системы административных наказаний // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 2 (7).
21. Максимов И.В. Административные наказания в системе мер административного принуждения (концептуальные проблемы) // автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.
- «On the Foundations of the System for the Prevention of Offenses in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. June 27, 2016. № 26 (P. I). Art. 3851.
10. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. About 57 000 words / ed. N.Yu. Shvedova. M., 1973.
11. Popov L.L., Migachev M.Yu. Administrative law of the Russian Federation. M., 2019.
12. Reports of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation on the work of courts of general jurisdiction in considering cases of administrative offenses for 2016–2018, 2020 (form № 1-AP).
13. Soboleva Yu.V. Some aspects of the application of administrative punishment in the form of a warning to legal entities // Administrative law and process. 2018. № 9.
14. Grechkina O.V. Administrative punishment as a tool to restrict freedom of entrepreneurship and property rights: point of view // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2017. № 4.
15. Maksimov I.V. Administrative penalties in the system of measures of administrative coercion (conceptual problems). Abstract of thesis. dis. ... dr. of Law sciences. Saratov, 2004.
16. Golovanova T.V., Yuritsin A.E. Administrative responsibility for the use of the words «exchange», «trading system», «trade organizer» in the name of a legal entity // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2018. № 2.
17. Simonova E.A. The main directions of improving the administrative legislation of the Russian Federation in the field of preventing administrative offenses committed by foreign citizens and stateless persons // Arbitration and civil procedure. 2009. № 11.
18. Kataeva O.V. Administrative responsibility for violations in the field of ensuring the regime of stay of foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation // abstract of ... PhD in Law. Voronezh, 2007.
19. Kataeva O.V., Sazonova O.A. On the types of administrative punishments applied to foreign citizens and stateless persons // Scientific Bulletin. 2017. № 1 (11).
20. Bakhrakh D.N. Issues of the system of administrative punishments // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2009. № 2 (7).
21. Maksimov I.V. Administrative punishments in the system of measures of administrative coercion (conceptual problems) // abstract dis. ... dr. of Law sciences. Saratov, 2004.